

СПАСТИ МИР И ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТЁЩЕЙ

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

Александр Логвинов

**Спасти мир и
познакомиться с тёщей**

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Спасти мир и познакомиться с тётшей / А. Логвинов — «Литнет»,
2026

После спасения мира Эраст Акакиевич Кунилин совершил то, чего так долго и предусмотрительно избегал: женился. Он уже надеялся, что пророчества исполнены, порталы закрыты, а семейная жизнь окажется хотя бы немного спокойнее межмировой катастрофы. Но однажды на пороге появляется Антонина Марковна — мать Веры и женщина, способная одним взглядом заставить замолчать даже дракона. Тёща намерена выяснить, почему рядом с её зятем постоянно рушатся государства, можно ли доверить ему единственную дочь и куда исчезла старинная семейная реликвия. Почти сразу начинают пропадать родственники, переходы между мирами закрываются, а золотой дракон проявляет подозрительный интерес к семейным тайнам. Тарас Ананиевич, как настоящий друг, берётся помочь Эрасту. Правда, его план состоит из разводного ключа, нескольких сомнительных догадок и возможности вовремя сбежать. Эраст же надеется победить надвигающийся хаос с помощью логики, инструкций и правильно составленного протокола. Но против тёщи, древней магии и семейных обид подобные методы действуют примерно одинаково — никак. Чтобы предотвратить новую катастрофу, друзьям придётся раскрыть тайну прошлого и доказать, что Эраст достоин своей семьи. Однако сначала им предстоит самое опасное испытание в их жизни — пережить знакомство с Антониной Марковной и не испортить семейный ужин. «Спасти мир и познакомиться с тётшей» — ироничное приключенческое фэнтези о дружбе, семейных тайнах и мужчине, который слишком поздно понял: спасти мир гораздо проще, чем понравиться маме своей жены.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Спасти мир и познакомиться с тёщей

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР
СПАСТИ МИР

И ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ТЁЩЕЙ
юмористическое фэнтези
Книга третья

Пролог

Женщина, которой не существовало в родословной

Тёща появилась в субботу.

Это уже было подозрительно, потому что по субботам институт не работал, межмировые переходы открывались только в случае непосредственной угрозы мирозданию, а родственники, по мнению Эраста Акакиевича Кунилина, обязаны были предупреждать о визите минимум за трое суток и желательно через канцелярию.

В половине десятого утра шкаф в бывшем актовом зале вежливо кашлянул.

Кашлял он редко. Обычно шкаф скрипел, щёлкал, гудел, показывал неизвестные города и один раз исполнил первые три такта свадебного марша, после чего Тарас Ананиевич Тюлькин пригрозил разобрать его на полки. Но теперь из-за дверцы донёсся сухой женский кашель, каким опытные женщины заранее освобождают помещение от лишних мнений.

Эраст поднял голову от ведомости.

— Вы слышали?

Тарас, лежавший под столом и пытавшийся достать закатившуюся гайку, ответил:

— Нет.

— Тогда почему вы прячетесь?

— Предчувствие.

Шкаф распахнулся.

На пороге стояла женщина лет шестидесяти пяти, невысокая, крепкая, в тёмно-синем пальто и с хозяйственной сумкой на колёсиках. За её спиной клубилась звёздная бездна, рушились крепости, сталкивались две луны и кто-то очень крупный кричал на древнем языке о конце времён.

Женщина оглянулась.

— Закройте, дуэт.

Эраст закрыл дверцу.

Конец времён остался снаружи.

Гостья поставила сумку возле стола. Внутри звякнули банки.

— Кунилин кто?

Эраст встал.

— Эраст Акакиевич Кунилин. Позвольте узнать...

— Позволяю. Антонина Марковна.

Она посмотрела на него так, будто имя было первым и пока единственным пунктом, который он выполнил удовлетворительно.

— Муж Веры?

— Да.

— Документы есть?

Эраст машинально потянулся к внутреннему карману.

Тарас выбрался из-под стола.

— А вы из полиции?

— Хуже. Я её мать.

Тарас медленно залез обратно.

Эраст предъявил паспорт. Антонина Марковна проверила фотографию, прописку, семейное положение и зачем-то страницу с воинской обязанностью.

— Похожи, — решила она. — В жизни уставший сильнее.

— Работа.

— Женильба.

— И работа.

— Не оправдывайтесь раньше времени. Неэкономно.

Она вернула паспорт и повернулась к столу, под которым Тарас старался дышать бесшумно.

— Второй выходи.

— Какой второй?

— Муж Миры.

Тарас ударился затылком о столешницу.

— Откуда вы знаете?

— Я и её мать.

В комнате стало тихо.

Эраст поправил очки.

— Насколько мне известно, Вера и Мира не являются сёстрами.

— Вам много чего известно неправильно.

— Они из разных миров.

— Дети вообще имеют привычку разъезжаться.

— Между мирами?

— Сейчас молодёжь мобильная.

Тарас наконец поднялся.

— Подождите. То есть вы наша общая тёща?

Антонина Марковна посмотрела на него внимательнее.

— Общего у вас только неприятности. Я мать обеих ваших жён.

Шкаф за её спиной снова кашлянул. На дверце проступила надпись:

ВНИМАНИЕ.

ОБНАРУЖЕН РОДСТВЕННИК, ОТСУТСТВУЮЩИЙ ВО ВСЕХ ДОПУСТИМЫХ ВЕРСИЯХ ПРОШЛОГО.

НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЕ ЗНАКОМСТВО.

Антонина Марковна прочитала предупреждение, достала из сумки тряпку и стёрла его.

— Сначала чай, — сказала она. — Потом конец света.

Именно в эту минуту в тринадцати мирах одновременно исчезло слово «мать».

Часть первая. Родственники дальнего действия

Глава первая

Чай перед катастрофой

Антонина Марковна принесла малиновое варенье, солёные огурцы, пирог с капустой и небольшую чёрную коробку, внутри которой шевелилось чужое детство.

Коробку она поставила последней.

— Это не трогать.

Тарас немедленно наклонился ближе.

— А что там?

— Поэтому и не трогать.

Эраст разлил чай. Он делал это сосредоточенно, словно правильное соотношение заварки и кипятка могло восстановить нарушенную родословную. На кухне института имелось семь кружек: четыре обычные, две с межмировой символикой и одна с прозрачной ручкой, появившаяся ещё в первой истории. Антонина Марковна выбрала прозрачную.

Тарас посмотрел на Эраста.

Эраст посмотрел на кружку.

Оба промолчали.

— Вера говорила, вы человек осторожный, — сказала гостя.

— Она сказала «нерешительный»?

— Она сказала длиннее.

— Значит, осторожный.

— А Мира про своего вообще словами не пользуется.

— Жестами? — заинтересовался Тарас.

— В основном вздохами.

Дверь распахнулась. В комнату вошли Вера и Мира. Обе остановились одновременно.

Вера побледнела.

Мира уронила ключи.

Антонина Марковна поднялась.

На несколько секунд исчезли институт, шкаф, миры и даже Тарас, хотя физически он продолжал сидеть рядом с пирогом. Остались три женщины, каждая из которых смотрела на двух других так, будто прошлое наконец пришло требовать объяснительную.

— Мама? — тихо сказала Вера.

— Здравствуй, Верочка.

Мира отступила на шаг.

— Моя мать умерла.

— Тоже здравствуй.

— Я была на похоронах.

— Опаздывать ты умела с детства.

Мира схватилась за спинку стула.

Эраст поставил чашку на стол.

— Предлагаю установить личности и последовательность событий.

— Предлагай, — разрешила Антонина Марковна.

— Вы утверждаете, что являетесь матерью Веры и Миры. Вера вас узнаёт. Мира считает вас умершей. При этом архивы не содержат сведений о вашем существовании.

— Архивы всегда чего-нибудь не содержат. Для этого их и заводят.

— Откуда вы пришли?

— Из дома.

— Где находится дом?

— Если бы я знала, не пришла бы через шкаф.

Тарас отрезал кусок пирога.

— Может, сначала действительно чай?

Мира взглянула на него.

— Ты понимаешь, что происходит?

— Нет. На голодный желудок я понимаю ещё хуже.

Он откусил и замер.

— Очень вкусно.

— Не подлизывайся, — сказала Антонина Марковна. — Тебя это не спасёт.

— От чего?

— Посмотрим.

Чёрная коробка на столе вздрогнула.

Изнутри постучали.

Три раза.

Потом ещё два.

Вера села рядом с матерью.

— Ты исчезла, когда мне было двенадцать.

— Тебе сказали, что исчезла.

— Я видела пустую квартиру.

— Пустая квартира ещё не доказательство. Иногда это просто генеральная уборка.

— Двадцать семь лет?

— Уборка была сложная.

Мира не садилась.

— А мне было девять. Я видела гроб.

— Закрытый?

— Да.

— Вот видишь.

— Что я должна увидеть?

— Что люди слишком доверяют мебели.

Шкаф щёлкнул. На его двери возникла карта. Десятки миров соединялись тонкими серебряными линиями. В центре каждой линии светила маленькая точка. Точки одна за другой гасли.

Ардеина высунула голову из кладовки, где временно жила после того, как директор отказался выделить дракону отдельный кабинет.

— У нас проблема.

— Неужели? — спросил Тарас.

— Во всех мирах рвутся линии происхождения. Дети перестают помнить родителей. Родители — детей. Драконы забывают кладки.

— А козёл?

— Козёл никогда никого не помнил. Ему легче.

Из коридора донёсся возмущённый голос:

— Я всё слышал!

Чёрная коробка подпрыгнула.

Крышка приоткрылась.

В щели показался детский глаз.

— Мама, — прошептал кто-то внутри.

Антонина Марковна захлопнула крышку ладонью.

— Вот теперь, — сказала она, — можно начинать знакомство.

Глава вторая

Семейная тайна с инвентарным номером

Директор института прибыл через семнадцать минут после вызова и первые пять минут отказывался входить.

— Там родственница? — уточнил он из коридора.

— Да, — ответил Эраст.

— Чья?

— Наша.

— Тогда вызывайте службу безопасности.

— Я служба безопасности, — напомнил Тарас.

— Поэтому и страшно.

Антонина Марковна вышла сама, взяла директора под локоть и ввела в комнату. Через минуту он уже сидел за столом, ел пирог и соглашался, что институту давно нужен ремонт.

— Крыша течёт, — сказала она.

— Денег нет.

— Миры спасаете?

— Регулярно.

— А крышу ни разу?

— Она не обращалась.

Антонина Марковна посмотрела на него с уважением.

— Отвечаете неплохо. Живите пока.

Эраст положил перед директором распечатку. На ней значилось:

ОБЪЕКТ: АНТОНИНА МАРКОВНА.

СТАТУС: НЕ РОЖДЕНА.

ВОЗРАСТ: ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ЛЕТ.

КОЛИЧЕСТВО ДОЧЕРЕЙ: НОЛЬ / ДВЕ / ВСЕ.

УРОВЕНЬ УГРОЗЫ: РОДСТВЕННЫЙ.

— «Все» — это сколько? — спросил директор.

— Система отказалась уточнять.

— Разумно.

Вошла Полина Зябликова, новый специалист по невозможным биографиям. Её приняли в институт три недели назад, когда выяснилось, что после спасения множества миров половина сотрудников имеет по две даты рождения, а бухгалтерия считает это совместительством.

Полине было двадцать девять. Она носила короткую стрижку, зелёные очки и блокнот, который записывал только ложь. Правдивые фразы он игнорировал как недостаточно перспективные.

— Кто объект? — спросила она.

Антонина Марковна подняла руку.

— Я. Только объектом меня назовёшь ещё раз — станешь предметом.

Блокнот Полины остался чист.

— Угроза не ложная, — констатировала она.

— Девочка сообразительная. Накормить?

— После опроса.

— Накормить сначала. Голодный человек либо врёт, либо пишет отчёт.

Полина села.

— Где вы родились?

— В месте, которого больше нет.

Блокнот молчал.

— Когда?

— До того, как время научилось считать себя главным.

Блокнот молчал.

— Кто отец ваших дочерей?

Антонина Марковна впервые отвела глаза.

Блокнот заскрипел и вывел одну строку:

ОТВЕТ ИЗВЕСТЕН.

Все посмотрели на женщину.

— Его звали Марк, — сказала она. — Поэтому я Марковна.

— Это отчество, — заметил Эраст.

— В нашем мире отчества выдавали не по отцу. Их давали по человеку, которого ты обязан найти.

— И вы нашли?

— Да.

— Где он?

— В коробке.

Тарас перестал жевать.

Чёрная коробка снова постучала.

Полина открыла блокнот. Тот написал:

МАРК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОТЦОМ.

МАРК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ.

МАРК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ.

— Очень полезная вещь, — сказал Тарас. — Ничего не объясняет, зато тремя способами.

Вера подошла к коробке.

— Там мой отец?

— Нет.

Блокнот молчал.

— Тогда кто называет тебя мамой?

Антонина Марковна положила руку на крышку.

— Ваш брат.

Мира рассмеялась. Коротко и зло.

— Конечно. Почему бы нет? Две дочери из разных миров, один умерший брат в коробке и общая мать, которой нигде не было. Обычная суббота.

— Он не умер, — сказала Антонина Марковна.

— Тогда выпустите.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому что ему семь лет.

— И?

— Уже четыреста тридцать два года.

Ардеина втянула воздух.

— Я знаю этот запах.

— Какой? — спросил Эраст.

— Первого перехода.

Чёрная коробка треснула.

Из щели вырвался луч белого света и прошёл сквозь потолок. Где-то наверху испуганно загудела крыша.

— Ну вот, — сказал директор. — Обратилась.

Глава третья

Мальчик старше собственной матери

Мальчика звали Марек.

Он выбрался из коробки не сразу. Сначала показалась рука, потом растрёпанная голова, затем колено в штопаных брюках. Последним наружу вылез небольшой серый зверёк, похожий одновременно на хорька, дракона и недовольную перчатку.

Марек огляделся.

— Это какой год?

Эраст назвал.

— Опять поздно, — вздохнул мальчик.

— Куда вы опоздали? — спросила Полина.

— Родиться.

Её блокнот молчал.

Антонина Марковна обняла сына. Он позволил, но продолжал смотреть на Веру и Миру.

— Они выросли.

— Люди иногда так делают.

— Обе?

— Пришлось.

Вера опустила перед мальчиком на колени.

— Ты правда наш брат?

— Был им несколько раз.

— Что это значит?

— В одном прошлом я родился до тебя. В другом — после Миры. В третьем нас вообще не было, но мама всё равно сердилась, что мы не звоним.

Тарас уважительно посмотрел на тещу.

— Сильный характер.

— Это ещё не характер, — ответила она. — Это разминка.

Серый зверёк вспрыгнул на стол и понюхал пирог.

— А это кто? — спросил директор.

— Хроноласка, — ответил Марек. — Её зовут Вчера.

— Почему?

— Завтра объясню.

Вчера съела кусок пирога, который Тарас заранее считал своим, и исчезла. Через секунду кусок исчез тоже.

— Полезное животное, — сказал Эраст.

— Она крадёт причины, — пояснил Марек. — Иногда оставляет последствия.

Тарас посмотрел на пустую тарелку.

— Уже не люблю.

Марек подошёл к шкафу. На карте погасла очередная серебряная точка.

— Они нашли нас.

— Кто? — спросила Мира.

— Безродные.

Антонина Марковна резко поднялась.

— Рано.

— На четыреста лет, — согласился мальчик.

— Кто такие Безродные? — спросил Эраст.

Марек провёл пальцем по карте. Несколько линий исчезли.

— Люди, которых спасли от семей.

Тарас нахмурился.

— Это как?

— Сначала в одном мире решили, что родители причиняют детям слишком много боли. Потом выяснили, что дети тоже причиняют боль родителям. Братья спорят, сёстры завидуют, супруги уходят, тёщи приезжают без предупреждения...

— Последнее убери, — сказала Антонина Марковна.

— Они убрали всё. Создали людей без происхождения и без наследства. Никто никому ничего не должен. Никто не повторяет чужих ошибок. Никто не боится потерять близких.

— И что плохого? — спросил директор.

Марек посмотрел на него.

— Они не умеют продолжаться.

На стене появилась дверь. Из неё вышел мужчина в сером костюме. У него было приятное лицо, спокойные глаза и ни одной черты, которую можно было бы запомнить.

— Добрый день, — сказал он. — Инспектор Ноль, Управление освобождения от происхождения.

Полина открыла блокнот.

Страницы почернели целиком.

Инспектор Ноль улыбнулся.

— Я пришёл забрать женщину, которая незаконно стала матерью.

Антонина Марковна сняла пальто.

— Попробуй.

Глава четвёртая

Проверка документов у конца рода

Инспектор Ноль предъявил удостоверение.

Оно было без фотографии, имени, номера, даты выдачи и названия организации.

— Документ пустой, — сказал Эраст.

— Совершенно чистый, — поправил инспектор. — Ничего лишнего. Ни происхождения, ни обязательств, ни сведений, которые могут быть использованы против владельца.

— И как установить, что он ваш?

— Зачем?

— Чтобы установить личность.

— Личность — устаревшая форма зависимости от биографии.

Тарас заглянул в удостоверение.

— А скидки по нему бывают?

— На одиночество.

— Не беру.

Инспектор Ноль протянул руку к Антонине Марковне.

— Вы нарушили Постановление о нулевом происхождении. Воспроизвели трёх детей, распределили их по несовместимым реальностям и сохранили эмоциональную связь после удаления соответствующих событий.

— Хорошо изложил, — признала она. — Только детей было четверо.

Марек вздрогнул.

Вера и Мира переглянулись.

Полинин блокнот написал:

ЧЕТВЁРТЫЙ РЕБЁНОК ЖИВ.

ЧЕТВЁРТЫЙ РЕБЁНОК НЕ РОДИЛСЯ.

ЧЕТВЁРТЫЙ РЕБЁНОК УЖЕ ЗДЕСЬ.

Все посмотрели друг на друга.

Тарас первым проверил под столом.

— Нет.

— Вы не понимаете последствий, — продолжил Ноль. — Пока эта женщина существует, родственные линии миров будут стремиться к ней. Она стала Материнским узлом.

— Название звучит медицински, — заметил директор.

— Это опаснее. Через девять часов все дети во всех связанных мирах получат одну мать.

Наступила тишина.

— Антонину Марковну? — уточнил Тарас.

— Да.

— Им повезёт.

— Нет, — сказала Вера. — Ей не хватит жизни на всех.

Инспектор кивнул.

— Связь разорвёт её. После этого исчезнет само понятие родства. Останутся только юридически временные объединения граждан.

Эраст снял очки и протёр их.

— Почему девять часов?

— Процесс уже начался.

В коридоре раздался топот. В кабинет ворвался охранник Семён Парамонович, мужчина огромного роста и очень бережного характера.

— Там дети.

— Где? — спросил директор.

— Везде.

Они вышли.

Коридор был полон детей. Они сидели на подоконниках, выглядывали из лабораторий, спорили возле автомата с кофе. Маленькая девочка держала за хвост Вчера. Подросток в рыцарских доспехах пытался подключить меч к розетке. Два близнеца из Орбиса-9 печатали на стене заявление о временном усыновлении института.

Все одновременно повернулись к Антонине Марковне.

— Мама! — закричали они.

Она пошатнулась.

Эраст успел подхватить её.

Инспектор Ноль раскрыл пустое удостоверение. Из него вылетела белая лента и обвилась вокруг запястья Антонины Марковны.

— Изъятие начато.

Тарас схватил ленту. Его отбросило к стене.

Мира ударила инспектора стулом.

Стул прошёл сквозь него и потерял историю изготовления. На пол упали доски, которые больше не знали, зачем были соединены.

— Прошу не сопротивляться, — сказал Ноль. — Мы освобождаем вас от боли.

Антонина Марковна выпрямилась.

— Молодой человек, — сказала она, — если вы ещё раз назовёте смерть освобождением, я познакомлю вас с бытом.

Она дёрнула ленту на себя.

Инспектор Ноль впервые в жизни сделал шаг к родственнику.

И испугался.

Глава пятая

Побег, который пришлось взять с собой

Бежать решили в Ладен.

Причин было три. Во-первых, драконы лучше других чувствовали линии происхождения. Во-вторых, князь Северин задолжал институту услугу. В-третьих, Антонина Марковна хотела посмотреть, где Эраст и Тарас обычно пропадают вместо нормальной семейной жизни.

— Мы не пропадем, — возразил Эраст. — Мы выполняем работу.

— У каждой пропажи есть должностная инструкция.

Ардеина расширила проход. Шкаф застонал, из него пахнуло снегом и дымом.

— Переход нестабилен, — предупредила драконица. — Родственные линии тянут портал в разные стороны.

— Куда попадём? — спросил Тарас.

— К ближайшему общему предку.

— У кого?

— У всех.

Тарас посмотрел на толпу детей.

— Может, пешком?

Инспектор Ноль стоял в конце коридора. Вокруг него появлялись люди в сером. У каждого было пустое лицо и идеально чистая одежда.

Полина Зябликова быстро листала блокнот.

— Они не врут.

— Это хорошо? — спросила Вера.

— Нет. У них нет правды, с которой можно сравнить.

Семён Парамонович встал между детьми и серыми людьми. В руках он держал огнетушитель.

— Я останусь.

— Вас сотрут, — сказала Ардеина.

— Я охранник.

— Это не защита.

— Зато причина.

Директор подошёл к нему и протянул связку ключей.

— Главный не отдавайте.

— Какой главный?

— Я не знаю. Поэтому все.

Эраст распределил детей по переходу. Тарас считал их, сбивался, начинал заново и в конце объявил, что детей «примерно достаточно». Вера держала Антонину Марковну. Мира несла коробку с Марек, хотя мальчик шёл рядом и неоднократно просил не путать его с упаковкой.

— В ней безопаснее, — сказала Мира.

— Мне или коробке?

— Пока не решила.

Первой в портал прыгнула Вчера. Проход дёрнулся и показал сразу несколько мест: драконий дворец, московскую кухню, степь, детскую комнату и кладбище под двумя лунами.

— Не смотрите по сторонам, — приказала Ардеина. — Идите на голос того, кому доверяете.

Тарас услышал голос Миры:

— Сюда!

И ещё один такой же:

— Не туда!

— Очень удобно, — пробормотал он.

Эраст слышал Веру. Она молчала. Именно поэтому он пошёл правильно.

В середине перехода Антонина Марковна остановилась.

Перед ней стояли четыре двери. На первой была маленькая Вера. На второй — маленькая Мира. На третьей Марек стучал изнутри. На четвёртой не было изображения, только надпись: *РЕБЁНОК, КОТОРОГО ВЫБРАЛИ НЕ ПОМНИТЬ.*

— Мама! — крикнул Марек.

Серые фигуры входили в портал сзади.

Антонина Марковна протянула руку к четвёртой двери.

Та открылась.

Из темноты вышла молодая женщина в белом плаще. На её груди висела круглая печать размером со сковороду.

— Здравствуй, мама, — сказала она.

Тарас зажмурился.

— Я заранее против.

Глава шестая

Четвёртая дочь с печатью

Женщину звали Аделаида.

Она была похожа на Веру спокойным взглядом, на Миру — привычкой стоять так, будто перед ней уже виноваты, и на Антонину Марковну — способностью одним молчанием отметить чужую уверенность.

Печать на её груди принадлежала Верховному Регистратору.

— Где он? — спросил Эраст.

— Кто?

— Прежний владелец.

— Я прежний владелец.

Регистратор, шедший последним, появился из портала и увидел печать.

— Это моя.

— Была вашей.

— Я её ещё не передавал.

— Передадите через двести восемь лет.

— Я столько не проживу.

— Именно поэтому.

Регистратор потрогал собственную печать. Она была на месте. Две одинаковые реликвии посмотрели друг на друга с неодобрением.

— Не люблю будущее, — сказал Тарас. — Оно постоянно приходит со своим имуществом.

Переход выбросил их на заснеженную площадь Ладена. Но города не было. Вокруг лежала белая равнина, а под ногами темнели верхушки дворцовых башен.

— Мы сверху? — спросила Полина.

Ардеина разгребла снег когтем.

— Нет. Город внизу.

Из сугроба показалась голова князя Северина.

— Наконец-то, — сказал он. — Вы опоздали на триста лет.

— Мы старались, — ответил Тарас.

Оказалось, Ладен не замело. Он постарел. Снег, лежавший на городе, выпал за века, которые прошли здесь, пока в институте заваривали чай.

Северин выбрался наружу. Он почти не изменился, если не считать седой бороды до пояса и привычки начинать каждую фразу словами «когда я был моложе».

— Драконы ушли, — сообщил он.

Ардеина подняла голову.

— Куда?

— Искать Первую Мать.

Все посмотрели на Антонину Марковну.

— Не я, — сказала она.

Полинин блокнот написал:

НЕ ТОЛЬКО ОНА.

Аделаида подошла к матери.

— Ты не должна была возвращаться.

— Дети плохо жили.

— Они спасли миры.

— Работу нашли. Я про жизнь.

— Ты разрушишь происхождение.

— Оно и без меня хлипкое.

— Мама, ты опять думаешь, что можешь всё исправить борщом и личным присутствием.

— Борщ будет вечером.

Тарас оживился.

— Я за семейное примирение.

Мира наступила ему на ногу.

Аделаида сняла печать.

— Я возглавляю Последнюю регистрацию. Через девять часов мне придётся признать тебя единственной матерью всех миров, а потом аннулировать.

— Меня?

— Родство целиком.

— А если не признаешь?

— Миры начнут искать родителей в соседних реальностях. Живые получают мёртвых детей. Мёртвые — нерождённых родителей. Каждый станет родственником каждого, и ни одна судьба не выдержит противоречий.

— Наконец-то большая семья, — сказал Тарас.

— В большой семье, — ответил Эраст, — вы будете должны алименты примерно девяти миллиардам существ.

Тарас посерьёзней.

— Аннулируем.

Антонина Марковна подошла к замёрзшей башне и постучала по камню.

Из глубины ответили тысячи голосов:

— Мама.

Она закрыла глаза.

— Сначала найдём того, кто сделал меня общей, — сказала она. — Потом решим, кого наказывать.

Вчера выскочила из снега с обрывком серой ткани в зубах.

На ткани был вышит знак Управления освобождения от происхождения.

А под знаком — инициалы:

Э. А. К.

Глава седьмая

Эраст Акакиевич, основатель чужого одиночества

Эраст изучал вышивку долго.

— Инициалы совпадают.

— Поздравляю, — сказал Тарас. — Ты опять создал что-то ужасное в будущем.

— В прошлый раз ужасное создали вы.

— Поэтому я узнаю почерк.

Полина передала ткань блокноту. Тот написал:

ПРИНАДЛЕЖАЛА ЭРАСТУ АПОЛЛИНАРИЕВИЧУ КРУГУ.

— Не вы, — сказала она.

— Жаль, — ответил Эраст. — Когда виноват я, расследование обычно короче.

Северин повёл их в уцелевшую часть дворца. Теперь вход находился в бывшей крыше. По коридорам росли ледяные деревья, а портреты прежних князей висели ниже пола и требовали, чтобы посетители соблюдали перевёрнутый этикет.

В тронном зале горел костёр. Возле него сидела старуха в доспехах и точила деревянный меч.

— Это Домна Ратиборовна, — представил её Северин. — Последняя повитуха драконов.

— Первая, — поправила старуха. — Последней быть много ума не надо. Дожил — и готово.

Она посмотрела на Антонину Марковну.

— Узнаю.

— Мы встречались? — спросила та.

— Нет. Я тебя рожала.

Тарас сел.

— Можно я буду записывать родственные связи мелом на полу?

— Пол уже занят портретами, — сказал Северин.

Домна Ратиборовна бросила в огонь горсть соли. Пламя стало синим, и над ним возник мужчина в строгом мундире. Худой, седой, с лицом, похожим на лицо Эраста, если бы тот однажды решил, что сочувствие снижает производительность.

— Эраст Аполлинариевич Круг, — произнесла Домна. — Первый человек, который захотел отменить родителей.

— Зачем? — спросила Вера.

— Потому что его мать умерла дважды.

— Дважды невозможно, — сказал директор.

— Поэтому он и обиделся.

Изображение оживило.

Круг стоял среди разрушенной лаборатории. Перед ним лежали две женщины — одинаковые до последней морщины. Одна пришла из прошлого, другая из будущего. Обе называли его сыном. Спасти можно было одну.

Он не выбрал.

Погибли обе.

— После этого Круг решил, что источник боли не смерть, — продолжила Домна. — Источник боли — связь. Он создал Нулевую родословную. Людей без предков нельзя шантажировать прошлым.

Эраст смотрел на изображение.

— Логика понятна.

— Не смей, — сказала Вера.

— Я сказал «понятна», а не «верна».

— У тебя это опасно близкие слова.

Антонина Марковна коснулась синего огня. Изображение Круга повернулось к ней.

— Ты, — сказал он.

Пламя погасло.

Домна Ратиборовна перестала точить меч.

— Значит, жив.

— Кто? — спросил Тарас.

— Тот, кто никогда не родился.

— Сегодня таких много.

— Круг — отец Антонины.

Антонина Марковна побледнела.

Полинин блокнот яростно заскрипел:

ЭРАСТ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ КРУГ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЕЁ ОТЦОМ.

ЭРАСТ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ КРУГ ЯВЛЯЕТСЯ ЕЁ СЫНОМ.

ЭРАСТ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ КРУГ — ЕЁ МУЖ.

Все три строки были правдой.

Тарас посмотрел на Эраста.

— В вашей семье отчества точно пора запретить.

Глава восьмая

Родословная, свёрнутая в кольцо

Объяснение заняло два часа и ничего не объяснило.

Домна Ратиборовна нарисовала на стене круг. Потом второй, третий и стрелку, которая одновременно указывала вперёд, назад и на Тараса.

— Почему на меня? — спросил он.

— Ты мешал.

— Тогда правильно.

Суть заключалась в том, что род Антонины Марковны не имел начала. В одном мире её родил Круг. В другом она родила Круга. В третьем они были супругами и создали Марека — первого ребёнка, способного помнить несовместимые семьи.

— А Вера и Мира? — спросил Эраст.

— Я разделила одну судьбу на две, — сказала Антонина Марковна. — Иначе Круг нашёл бы дочь.

Женщины смотрели на неё.

— Мы были одним человеком? — спросила Вера.

— Нет. Вы были одной возможностью. Это не одно и то же.

— А потом?

— Потом вы сделали разные ошибки и стали разными людьми.

Мира скрестила руки.

— Очень материнское объяснение. Коротко, непонятно и виноваты дети.

— Я вас не виню.

— Это хуже.

Марек сидел у костра и гладил Вчеру. Хроноласка стала прозрачной: она понемногу крала причину собственного появления.

Аделаида следила за печатью. По её краю гасли знаки миров.

— Осталось семь часов.

— До чего именно? — спросил директор.

— До решения, после которого все будут недовольны.

— Значит, решение административное.

Полина закрыла блокнот.

— Нам нужно найти Круга. Его люди пришли за Антониной Марковной, но не уничтожили её сразу. Значит, она нужна ему живой.

— Умница, — сказала тёща. — Пирог будешь?

— Теперь буду.

Северин разложил карту Ладена. За триста лет город опустился под снег неравномерно. Башни образовали спираль, сходящуюся к старому родильному залу драконов.

— Там открылся Нулевой дом, — сказал князь. — В него уходят те, кто хочет забыть семью.

— Добровольно? — спросила Вера.

— Сначала.

— А потом?

— Потом они забывают, что соглашались.

Эраст встал.

— Идём туда.

Антонина Марковна посмотрела на него.

— Командовать любишь?

— Нет.

— Хорошо. Те, кто любит, обычно не умеют.

Они спустились в подземные улицы. Снег над крышами светился, превращая ночь в молочное утро. В домах жили люди, забывшие имена предков. Они называли себя по номерам квартир и возрасту.

Навстречу выбежала девочка.

— Вы видели мою маму?

Антонина Марковна присела рядом.

— Как её зовут?

— Не знаю.

— Какая она?

— Не помню.

— Тогда откуда знаешь, что потеряла?

Девочка коснулась груди.

— Здесь место осталось.

Антонина Марковна взяла её за руку.

Домна Ратиборовна кивнула на дальнюю площадь. Там стояло белое здание без окон и дверей.

— Нулевой дом.

— Как войти? — спросил Тарас.

— Нужно отказаться от того, кем ты был.

— А попроще входа нет?

Вчера подбежала к стене и укусила её.

У здания исчезла причина быть закрытым.

Появилась дверь.

— Полезное животное, — признал Тарас.

Они вошли.

Внутри их ждали родители, которых каждый из них когда-то потерял.

Глава девятая

Всё, что хотелось услышать слишком поздно

Эраст увидел отца.

Тот сидел за письменным столом и чинил часы. Таким Эраст запомнил его в редкие спокойные вечера: рукава закатаны, очки сползли на нос, маленькие винтики лежат на белом блюде.

— Ты всё-таки пришёл, — сказал отец.

Эраст остановился.

Он знал, что это ловушка. Нулевой дом строил комнаты из незавершённых разговоров.

Полина предупредила: любой, кто поверит, отдаст дому своё происхождение.

Но голос был настоящим.

— Ненадолго, — ответил Эраст.

— Ты всегда ненадолго.

На соседнем стуле лежала папка. Отец открыл её.

— Я прочитал твои отчёты.

— Все?

— Даже приложения.

Эраст почувствовал, как опасно близко подошёл к счастью.

— И что думаешь?

— Ты всё сделал правильно.

Эраст закрыл глаза.

И вышел.

Потому что отец никогда не говорил «правильно». Он говорил: «Посмотрим, что из этого получится».

Тарасу досталась мать из будущего, где он был женат шесть раз. Она гладила рубашку и не ругала его.

— Я всё понимаю, сынок.

— Всё?

— Всё.

— И ничего не скажешь?

— Ты всегда прав.

Тарас попятился.

— Это не моя мама.

— Почему?

— Моя хотя бы сейчас спросила бы, почему я в сапогах на ковре.

Ковёр под ногами возмущённо скрипнул.

Тарас вышел в коридор.

Вера увидела Антонину Марковну молодой. Та пришла домой после исчезновения, объяснила всё, попросила прощения и прожила с дочерью долгую обычную жизнь.

Вера осталась у двери.

— Я ждала тебя, — сказала девочка за столом.

— Знаю.

— Почему не входишь?

— Потому что тогда не встречу себя нынешнюю.

— Она счастлива?

Вера подумала.

— Не всегда.

— Тогда зачем?

— Потому что она настоящая не только когда счастлива.

Комната исчезла.

Мира стояла перед собственным гробом. Крышка была открыта. Внутри лежала Антонина Марковна — живая и сердитая.

— Я же говорила, мебели верить нельзя.

Мира засмеялась сквозь слёзы.

— Почему ты оставила меня?

— Чтобы тебя не нашли.

— Нашли всё равно.

— Значит, плохо спрятала.

— Ты могла сказать.

— Девятилетнему ребёнку? «Мира, если кто-то спросит, твоя мать умерла, но временами приходит из будущего и приходится собственной дочерью человеку, которого ещё не родила»?

— Можно было короче.

— Я не умела.

— А сейчас?

— Сейчас тоже.

Мира подошла и обняла мать.

Комната не исчезла.

Стены сомкнулись.

— Отпусти! — крикнула настоящая Антонина Марковна из коридора.

Но Мира не слышала.

Инспектор Ноль появился за её спиной.

— Оставайтесь, — сказал он. — Здесь мать никогда вас не бросит.

— Потому что она ненастоящая?

— Потому что настоящие всегда уходят.

Мира разжала руки.

Женщина в гробу посмотрела на неё с обидой.

— Я твоя мама.

— Нет, — сказала Мира. — Моя бы сейчас уже спорила.

Она ударила крышкой по инспектору.

На этот раз попала.

Глава десятая

Первый семейный совет по уничтожению семьи

В центре Нулевого дома находился зал без стен.

Тысячи дверей висели в темноте, каждая вела в семью, которая могла бы стать счастливой при одном небольшом условии: кто-нибудь должен был отказаться от себя настоящего.

Эраст Аполлинариевич Круг стоял посередине.

Он был старше своего огненного изображения и моложе собственной вины. Серый мундир сидел безупречно. На груди не было наград — только белая пуговица, которой он застегнул прошлое.

— Эраст Акакиевич, — сказал он. — Наконец-то.

— Мы знакомы?

— Я назвал вас в честь себя.

— Спасибо. Можно было ограничиться книгой.

Тарас шепнул:

— Кажется, ты ему нравишься.

— Поэтому и тревожно.

Круг посмотрел на Антонину Марковну.

Лицо его дрогнуло.

— Мама.

— В одной версии, — ответила она.

— Жена.

— В другой.

— Дочь.

— В неудачной.

— Ты всегда шутила, когда боялась.

— Нет. Когда боялась, я готовила.

Она подняла сумку. Внутри оставалась последняя банка.

Круг отступил.

— Что там?

— Борщ.

— Ты не могла сохранить его четыреста лет.

— Там уксус.

— Тогда могла.

Инспектор Ноль и его люди окружили зал. Аделаида подняла печать. Ардеина расправила крылья, задев три двери и случайно открыв реальность, где драконы работали нотариусами.

— У вас осталось пять часов, — сказала Аделаида.

Круг улыбнулся.

— У них осталось пять часов. У меня времени нет, поэтому я не могу опоздать.

— Вы создали Материнский узел? — спросил Эраст.

— Нет. Его создали вы.

— Когда?

— На свадьбе. Четыре человека добровольно признали друг друга семьёй, сохранив право спорить, ошибаться и уходить. Это противоречие оказалось сильнее любой печати. Миры решили, что родство можно не наследовать, а выбирать.

Вера взяла Эраста за руку.

Мира — Тараса.

— А Антонина Марковна? — спросила Полина.

— Первый человек, который выбрал быть матерью сразу в нескольких несовместимых жизнях. После свадьбы её выбор получил силу закона.

— Значит, проблема не в ней, — сказал Эраст. — Проблема в том, что мироздание неверно истолковало прецедент.

Круг кивнул.

— Именно поэтому вы мне нужны. Вы умеете находить формулировки, после которых катастрофа считается процедурой.

— Это не комплимент.

— Лучшие комплименты обычно нет.

Круг развёл руки. Двери вокруг распахнулись. За ними стояли миллиарды детей, родителей, супругов, братьев, сестёр и тех, кому так и не дали стать близкими.

— Выберите, — сказал он. — Одна общая семья, в которой чужая боль станет вашей. Или свобода от родства, в которой никто никого не потеряет.

— А третий вариант? — спросил Тарас.

— Его нет.

— Тогда найдём.

— На каком основании?

Тарас пожал плечами.

— У нас тёща приехала. Теперь основания есть у всего.

Антонина Марковна открыла банку.

Запах борща разошёлся по залу.

Одна из дверей задрожала. За ней маленький Круг сидел в пустой кухне и ждал мать.

Взрослый Круг побледнел.

— Закройте.

— Нет, — сказала Антонина Марковна. — Сначала поешь.

— Я пришёл уничтожить семью.

— На голодный желудок люди и не такое делают.

Она поставила перед ним тарелку.

И первый семейный совет по уничтожению семьи начался с обеда.

Часть вторая. Город без отчеств

Глава одиннадцатая

Обед с человеком, отменившим родителей

Борщ оказался настоящим.

Это обстоятельство потрясло Эраста Аполлинариевича Круга сильнее, чем появление женщины, которая в разных вариантах прошлого приходилась ему матерью, женой и дочерью. К парадоксам он привык. К укропу — нет.

Он сидел за столом посреди Нулевого дома и смотрел в тарелку. Вокруг висели двери в несостоявшиеся семьи, Инспектор Ноль ожидал приказа, Ардеина готовилась испепелить всех сразу, а Тарас осторожно тянулся за хлебом.

Антонина Марковна ударила его по руке ложкой.

— Гостю сначала.

— Он хочет уничтожить семью.

— Это не повод нарушать порядок подачи.

Круг попробовал борщ.

Одна из дверей за его спиной открылась. В пустой кухне маленький мальчик перестал ждать.

— Что вы сделали? — спросил Круг.

— Накормила.

— Воспоминание изменилось.

— Значит, голодное было.

Полина Зябликова открыла блокнот. На странице появилось:

ЭРАСТ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ НЕ ЛЮБИТ БОРЩ.

ЭРАСТ АПОЛЛИНАРИЕВИЧ БОИТСЯ, ЧТО ЛЮБИТ.

Круг отложил ложку.

— Моё Управление создавалось не из ненависти. Мы избавляем людей от наследуемой боли. От вины отцов, требований матерей, семейных проклятий, долгов, фамилий, войн за престол.

— И от пирогов, — добавил Тарас.

— От зависимости.

Эраст Акакиевич сел напротив своего почти-тёзки.

— Вы путаете происхождение с приговором.

— А вы — привязанность со свободой.

— Я женат добровольно.

Вера приподняла бровь.

— Относительно, — уточнил Эраст.

— Видите? — Круг указал на неё. — Даже ваша шутка существует потому, что вы боитесь признать зависимость.

— Я не боюсь.

Блокнот Полины закрипел.

Эраст посмотрел на него.

— Я предусмотрительно опасаюсь.

Блокнот успокоился.

Аделаида положила печать на стол. По металлу пробежала трещина.

— Четыре часа сорок минут.

Круг кивнул Инспектору Нолю.

— Начинайте эвакуацию.

Серые люди раскрыли пустые удостоверения. Двери вокруг стали белеть. Семьи за ними забывали друг друга.

Марек вскочил.

— Ты обещал дать им выбор!

— Я дал. Они выбрали отсутствие боли.

— Они не знали цену.

— Цена отсутствия тоже отсутствует.

Тарас поднял тарелку.

— А добавка есть?

Все посмотрели на него.

— Что? Конец родства через четыре часа. Потом никто никому ничего не должен. Пользуюсь последними минутами.

Антонина Марковна налила ему борща.

— Правильно. Сытый зять — временно разумный зять.

Круг встал.

— Вы не понимаете. Материнский узел уже притягивает сюда все родословные. Если не обнулить их, Нулевой дом рухнет и выпустит каждое отвергнутое прошлое.

— Куда ведёт главный выход? — спросил Эраст.

— В город без отчеств.

— Там находится источник Управления?

Круг промолчал.

Полинин блокнот написал одно слово:

ДА.

Тарас доел борщ.

— Значит, идём в город.

— Вас не пропустят.

— У нас есть документ, — сказал он и показал свидетельство о браке.

Инспектор Ноль отшатнулся, будто увидел оружие.

— Запрещённая связь.

— Две штуки, — добавил Эраст.

Нулевой дом задрожал.

Глава двенадцатая

Таможня личных воспоминаний

На входе в город стояла таможня.

Над воротами висела надпись:

ГРАЖДАНЕ БЕЗ ПРОШЛОГО ПРОХОДЯТ БЕЗ ОЧЕРЕДИ.

Остальные стояли веками.

Очередь начиналась у Нулевого дома, огибала замёрзший Ладен, проходила через два исчезнувших государства и заканчивалась возле будки с надписью «Начало очереди временно утрачено».

— Мы спешим, — сказал Тарас.

— Все так говорят, — ответил таможенник без имени.

— У нас конец света.

— Форма семнадцать.

— Где взять?

— После конца света.

Эраст подошёл к окошку.

— На каком нормативном основании вы требуете документ, который нельзя получить до события, для предотвращения которого он необходим?

Таможенник оживился.

— Коллега?

— В некотором смысле.

— Проходите к старшему инспектору.

— Где он?

— Забыл, кем был, и теперь младший.

Проверка воспоминаний проходила по одному. Каждый должен был сдать одно семейное воспоминание в залог и получить его при выходе, если сумеет доказать, что оно принадлежало именно ему.

Вера отдала запах яблочного пирога.

Мира — звук закрывающейся двери.

Эраст — отцовскую фразу «посмотрим, что получится».

Тарас долго выбирал.

— У меня всё важное.

— Тогда отдайте самое короткое, — посоветовал Эраст.

— Мама однажды сказала: «Молодец».

— Когда?

— Не помню. Поэтому и короткое.

Антонина Марковна отказалась сдавать что-либо.

— Я мать. У меня чужие воспоминания на хранении.

Таможенник попытался спорить, но через три минуты отдал ей ключи от склада, признался, что плохо питается, и пообещал надеть шарф.

Марек прошёл без проверки. Его воспоминания противоречили друг другу и сломали весы.

Вчера укусила залоговую книгу. У таможи исчезла причина существовать. Очередь радостно двинулась вперёд, не понимая куда.

Город встретил их тишиной.

Улицы были широкими и чистыми. На домах вместо фамилий висели номера. Люди здоровались, не называя друг друга. Дети обращались к взрослым «предшествующий гражданин», взрослые к детям — «последующий гражданин».

— Удобно, — сказал директор. — Никого не перепутаешь, потому что все одинаковые. На центральной площади стоял памятник пустому постаменту.

Полина прочитала табличку:

ТОМУ, КТО НИКОМУ НИЧЕМ НЕ ОБЯЗАН.

— Кто это? — спросил Тарас.

— Национальный герой, — ответил прохожий.

— А имя?

— Имя создаёт ожидания.

— Тогда как вы ругаетесь?

— Пишем официальные обращения.

Тарас содрогнулся.

Вдалеке ударил колокол. Все жители одновременно остановились.

Из громкоговорителей прозвучал спокойный голос:

— Обнаружены носители отчеств. Просьба не вступать с ними в эмоциональный контакт.

Они могут оказаться родственниками.

Люди повернулись к Эрасту Акакиевичу и Тарасу Ананиевичу.

— Я всегда говорил, что отчество создаёт проблемы, — прошептал Тарас.

— Вы никогда этого не говорили.

— Потому что проблемы уже были.

Глава тринадцатая

Арест за незаконное сходство

Первой арестовали Веру.

Она была похожа на женщину, стоявшую на другой стороне площади. Не особенно: одинаковые тёмные волосы, похожий поворот головы и та едва заметная складка между бровей, которая появляется у людей, вынужденных долго жить рядом с Эрастом.

В городе без отчеств этого оказалось достаточно.

— Сходство создаёт предположение о происхождении, — объявил патрульный. — Прошу пройти для обезличивания.

— Она моя жена, — сказал Эраст.

Патрульный побледнел.

— Добровольно?

— Да.

— Обоими?

— Периодически.

Веру увели в Дом индивидуальности. Остальных задержали за групповое поведение.

Камеры были одиночными, но стены между ними сделали прозрачными, чтобы заключённые видели друг друга и не могли доказать, что общаются. Тарас немедленно начал показывать Мире жестами, что всё под контролем. Мира ответила жестом, после которого контроль предпочёл не вмешиваться.

Полина приложила блокнот к стене. На странице появились показания охранников, хотя они ещё ничего не сказали.

— Завтра в полдень Веру признают источником сходства, — сообщила она. — Потом разделят на две непохожие версии.

— Одну мне, другую Эрасту? — спросил Тарас.

— Обе мне, — сказал Эраст.

Вера улыбнулась.

— Наконец-то ревность.

— Учёт имущества.

— Поздно исправляться.

Антонину Марковну в камеру не поместили. Через десять минут она уже работала в тюремной столовой. Через двадцать повара называли её Антониной Марковной, а через тридцать один из них признался, что похож на начальника тюрьмы.

Начальник прибежал лично.

— Запрещено устанавливать родство на рабочем месте!

— Они не родственники, — сказала Антонина Марковна. — Просто оба пересаливают суп.

— Сходство!

— Профессиональная непригодность.

Начальник попробовал суп и распорядился освободить повара от подозрений.

Пока спорили, Вчера украла причину, по которой двери камер были заперты. Семён Парамонович, которого считали оставшимся в институте, вдруг вышел из стены с огнетушителем.

— Как вы здесь оказались? — спросил директор.

— Охранял главный ключ.

— Какой?

Семён показал ключ без зубцов.

Аделаида узнала его.

— Это ключ от Реестра первых имён.

— Почему он был у нас?

— Потому что никто не знал, от чего он.

— Я так и говорил, — гордо ответил директор.

Ключ подошёл к прозрачной стене. За ней обнаружилась дверь, которой секунду назад не было.

Они вышли прямо в кабинет начальника тюрьмы.

На стене висел его детский портрет. Рядом — такой же портрет повара.

— Братя, — сказала Полина.

Начальник сел.

— У меня нет брата.

— Теперь два варианта, — заметил Тарас. — Либо есть, либо суп действительно ужасный.

Начальник открыл все камеры.

Не из любви к брату.

Он хотел сначала выяснить, кто старше.

Глава четырнадцатая

Бюро выдачи временных фамилий

Чтобы пройти к Реестру первых имён, требовалась фамилия.

Получить фамилию можно было только при наличии родственника, от которого она досталась. Родственников в городе не признавали. Поэтому Бюро временных фамилий считалось самым стабильным учреждением: за двести лет оно не обслужило ни одного человека.

Эраст восхитился.

— Идеальная отчётность.

— Нулевая работа, — сказала Вера.

— Именно.

За стойкой сидела девушка лет двадцати с табличкой «Сотрудник 441». Она рассматривала свидетельства о браке в перчатках.

— Фамилия Кунилин получена при рождении?

— Да.

— От кого?

— От отца.

— Нарушение.

— А Тюлькин? — спросил Тарас.

— Тоже нарушение.

— Я всегда подозревал.

Полина положила на стойку свой блокнот.

Он написал:

СОТРУДНИК 441 ХОЧЕТ ЗНАТЬ СВОЁ ИМЯ.

Девушка быстро закрыла страницу.

— Неправда.

Блокнот написал:

ВТОРАЯ НЕПРАВДА.

— Как вас называли до номера? — спросила Полина.

— Не помню.

— А какое имя нравится?

— Это не имеет значения.

Блокнот вывел:

ЛИДИЯ.

Антонина Марковна улыбнулась.

— Хорошее имя.

Девушка коснулась букв. В городе погас один фонарь. На стене Бюро появилась трещина.

— Если я возьму имя, меня лишат должности.

— Зато появится тот, кого лишили, — сказала Вера.

Лидия выдала всем временную фамилию Безочередные. Тарас попросил более благозвучную, но Эраст объяснил, что это не литературный конкурс.

Аделаида получила документ последней.

Сотрудница посмотрела на печать.

— Вы уже зарегистрированы как Аделаида Круг.

Антонина Марковна резко повернулась.

— Почему Круг?

Аделаида промолчала.

Полинин блокнот начал писать, но печать вспыхнула и прожгла страницу.

— Некоторые истины защищены законом, — сказала Аделаида.

— Семейных законов больше нет, — возразил Эраст.

— Этот старше семьи.

За окнами ударил второй колокол. Люди на улицах забыли свои имена. Таблички с номерами посыпались с домов.

Круг появился в зеркале за стойкой.

— Три часа, — сказал он. — Потом город станет образцом для всех миров.

— Вы сами носите фамилию, — заметила Полина.

— Это не фамилия. Это форма.

— Замкнутая, — сказал Эраст.

Круг улыбнулся.

— Поэтому вы мне и нравитесь.

Зеркало погасло.

Антонина Марковна повернулась к Аделаиде.

— Ты его дочь?

— Да.

— И моя?

— Да.

Тарас снял временный документ.

— Я всё-таки буду рисовать схему.

Глава пятнадцатая

Девочка, которую родило решение

Аделаида родилась не у женщины.

Она родилась в тот момент, когда Антонина Марковна впервые решила спасти сразу две несовместимые дочери. Выбор разделил судьбу на Веру и Миру, а всё, что не поместилось ни в одну жизнь, стало третьей девочкой.

— Четвёртой, — поправил Марек.

— По времени третьей, — сказала Аделаида.

— По возрасту первой.

— По документам меня нет.

— Тогда средняя.

Тарас чертил родословную мелом на полу Бюро. Через пять минут линии пересеклись так, что фамилия «Круг» оказалась не именем, а диагнозом.

— Я предлагаю считать всех двоюродными и больше не уточнять.

— Вы женаты на собственной родственнице, — заметил Эраст.

Тарас стёр половину схемы сапогом.

— Предлагаю вообще не считать.

Аделаида рассказала, что Круг нашёл её в промежутке между решениями. Там жили последствия поступков, которые ещё никто не совершил. Он воспитал её, научил регистрации и сделал наследницей Управления.

— Он был мне отцом, — сказала она. — Единственным человеком, который не спрашивал, настоящая ли я.

— А потом приказал уничтожить мать? — спросила Мира.

— Он считает это спасением.

— Удобный отец.

— Других у меня не было.

Антонина Марковна подошла к дочери.

— Почему ты не пришла раньше?

— Ты выбрала их.

— Я не знала о тебе.

— Незнание тоже выбор.

Блокнот Полины написал:

АДЕЛАИДА ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЕЁ УГОВОРИЛИ ОСТАТЬСЯ.

Аделаида вырвала страницу.

— Ненавижу эту вещь.

— Значит, полезная, — сказал Эраст.

В дверь Бюро постучали. Снаружи стояли жители города. Без имён и номеров, они постепенно теряли лица. Первым исчезало сходство с близкими, затем отличия от чужих.

Лидия открыла дверь.

— Что нам делать?

Эраст посмотрел на толпу.

— Вспоминайте, как вас называли те, кто сердился на вас любя.

— Это как?

Тарас показал:

— Тарас Ананиевич, вы опять...

Мира продолжила:

— ...сделали всё раньше, чем подумали!

Его лицо стало ярче.

— Работает.

Люди начали вспоминать. «Леночка, надень шапку». «Миша, руки мой». «Света, я же просил позвонить». Простые фразы возвращали им черты.

Город загудел тысячами домашних голосов.

Аделаида прижала печать к груди.

Трещина стала шире.

— Реестр открыт, — сказала она. — Но Круг уже внутри.

— Что он ищет? — спросила Вера.

— Первое имя Антонины Марковны.

— У неё было другое?

— У неё было имя, которым можно назвать всех матерей сразу.

Антонина Марковна вздохнула.

— Вот поэтому я его и забыла.

Глава шестнадцатая

Реестр, в котором имена выбирали людей

Реестр первых имён располагался под городом.

Ступени уходили вниз, хотя через несколько минут выяснилось, что вниз идёт только лестница. Люди оставались на прежней высоте, а мир поднимался вокруг них.

На полпути князь Северин помолодел на сто лет. Домна Ратиборовна постарела на два дня и страшно рассердилась.

— Верните вторник.

— Зачем? — спросил Тарас.

— Не успела поругаться с аптекарем.

Семён Парамонович вставил главный ключ в каменную дверь. Ключ повернулся, хотя замочной скважины не было.

За дверью лежало море букв.

Они плавали в воздухе, собирались в имена, примеряли людей и снова рассыпались. Одно имя подлетело к Тарасу, изучило его и быстро уплыло.

— Не подошло, — сказал он.

— Испугалось, — уточнила Мира.

В центре зала стояла пустая колыбель. Над ней висело первое имя — длинное, светящееся, непроизносимое. Каждый слышал его по-своему.

Эраст услышал: «Та, которая остаётся».

Вера: «Дом».

Мира: «Вернись».

Тарас: «Поешь сначала».

— Это оно, — сказала Антонина Марковна.

Круг стоял возле колыбели. В руке он держал белый нож.

— Если разрезать имя, Материнский узел распадется.

— Вместе со мной? — спросила она.

— Вместе с памятью о тебе.

— Дочери забудут?

— Они станут свободны.

— Ты всё ещё тот голодный мальчик.

— А ты всё ещё приходишь слишком поздно.

Круг поднял нож.

Марек бросился к нему. Инспектор Ноль перехватил мальчика и впервые назвал его по имени.

— Марек, не надо.

Оба замерли.

— Ты знаешь моё имя? — спросил мальчик.

Инспектор посмотрел на собственные руки.

— Я... дал его тебе.

Полинин блокнот раскрылся сам:

ИНСПЕКТОР НОЛЬ — ОТЕЦ МАРЕКА.

Антонина Марковна покачала головой.

— Нет.

Появилась вторая строка:

ИНСПЕКТОР НОЛЬ БЫЛ ОТЦОМ МАРЕКА, ПОКА НЕ ОТКАЗАЛСЯ ОТ СЕБЯ.

Лицо Ноля дрогнуло. На нём проступили черты: родинка у виска, морщина над бровью, след старого ожога.

Марек прошептал:

— Папа?

Ноль отпустил его.

Круг ударил ножом.

Вчера прыгнула и укусила лезвие.

У ножа исчезла причина быть острым.

Он согнулся, как ложка.

Тарас одобрительно кивнул.

— Берём зверя домой.

— Она уже дома, — сказал Марек.

Море имён поднялось волной.

Глава семнадцатая

Наводнение из чужих имён

Первым Тараса накрыло имя Константин.

На несколько секунд он стал человеком спокойным, надёжным и склонным завершать начатое. Мира посмотрела на него с интересом.

— Оставим?

— Нет! — крикнул Тарас изнутри Константина. — Мне тесно!

Имя отпустило его.

Эрасту досталось имя Победитель. Он немедленно потребовал пересчитать критерии победы, после чего имя признало ошибку и ушло искать менее требовательного владельца.

Буквы заполняли зал. Люди вспоминали прозвища, клички, фамилии и тайные имена, которыми называли себя в детстве. Каждое меняло характер, возраст или судьбу.

Ардеина случайно примерила имя «Кошечка» и уменьшилась до размеров табурета.
— Никому не говорить, — прорычала она тонким голосом.

Тарас уже запоминал.

Домна Ратиборовна нашла имя своего первого дракона и заплакала. Слеза упала в море букв и превратилась в яйцо.

— Потом, — сказала она яйцу. — У нас катастрофа.

Круг пытался добраться до первого имени, но поток отбрасывал его. Аделаида удерживала печать над головой. Трещина дошла до центра.

— Она сейчас расколется!

— Что произойдёт? — спросил директор.

— Все зарегистрированные связи станут добровольными.

— А незарегистрированные?

— Станут настоящими.

— Ужас, — сказал директор. — Бухгалтерия не выдержит.

Инспектор Ноль, уже не совсем Ноль, поднял Марека на руки. Мальчик назвал его забытым именем:

— Матвей.

Серый мундир осыпался пеплом. Под ним оказалась обычная рубашка с оторванной пуговицей.

— Я помню, — сказал Матвей. — Я сам отдал тебя Кругу.

— Почему?

— Он обещал, что без отца тебе будет некого потерять.

— Получилось?

Матвей прижал сына к себе.

— Нет.

Антонина Марковна вошла в море имён. Они облепили её, называя матерью на тысячах языков. Она старела с каждым шагом.

Вера и Мира бросились следом.

— Не подходите! — крикнула она.

— Поздно, — ответила Мира. — Мы уже дочери.

Они взяли её за руки.

Поток разделился на два русла.

Аделаида осталась на берегу.

— Три дочери, — сказала Полина. — Узел выдержит больше.

— Я не её дочь.

Блокнот написал:

САМАЯ БЕСПОЛЕЗНАЯ ЛОЖЬ ЗА СЕГОДНЯ.

Аделаида шагнула в море.

Печать раскололась.

Глава восемнадцатая

День, когда у каждого появилось отчество

Взрыв был тихим.

Просто у каждого человека вдруг появилось отчество.

У тех, кто знал отца, — привычное. У тех, кто не знал, — имя человека, перед которым остался неоплаченный нравственный долг. У некоторых получилось по три отчества. У директора института — семь, и два из них принадлежали сломанным приборам.

— Я перед ними извинялся, — возмутился он.

Полинин блокнот получил отчество Правдивович и стал писать ещё неприятнее.

Тарас обнаружил, что теперь он Тарас Ананиевич-Мирославович. Мира рассмеялась.

— Это за что?

— Видимо, я тебе должен.

— Наконец-то официальный документ.

Эраст остался Акакеевичем. Его это почти обидело.

— Значит, больше никому не должен?

Вера посмотрела на него.

На документе появилось второе отчество — Веринович.

— Система работает с задержкой, — сказал он.

Город наверху менялся. Жители произносили новые отчества и вспоминали лица. Кто-то радовался. Кто-то отказывался. Кто-то впервые понимал, что родство — не награда и не наказание, а факт, с которым ещё предстоит что-то сделать.

Круг стоял возле пустой колыбели.

Его имя распадалось.

— Ты проиграл, — сказал Марек.

— Нет. Теперь связь станет обязательной для всех.

— Только отчество, — возразил Эраст. — Оно указывает не владельца человека, а направление долга.

— Долг — это зависимость.

— Иногда. А иногда причина вернуть книгу.

Тарас вспомнил три книги и решил промолчать.

Антонина Марковна вышла из моря. Она выглядела старше, но держалась прямо. Рядом шли три дочери.

— Аделаида, — сказала она, — ты с нами.

— Это приказ?

— Приглашение. Приказ будет про шапку.

Аделаида впервые улыбнулась.

Круг поднял согнутый нож.

— Вы думаете, всё закончилось?

— Нет, — сказал Тарас. — У нас обычно после этой фразы начинается худшая часть.

Круг вонзил тупое лезвие в собственную тень.

Тень разорвалась.

Из неё вышли люди без лиц — не десятки, а миллионы. Все, кто отказался от семьи, но не перестал её ждать.

Они заполнили Реестр.

Первый спросил:

— Кто теперь отвечает за нас?

Антонина Марковна посмотрела на зятьёв.

— Вот эти двое.

Тарас шагнул назад.

— Почему мы?

— Вы миры спасаете.

— Это другое.

— Теперь познакомьтесь с социальной работой.

Глава девятнадцатая

Девять миллионов временных родственников

Сначала их посчитали неправильно.

Директор объявил, что безликих девять миллионов. Полина уточнила: девять миллионов только в первой комнате. За соседней дверью ожидало ещё двенадцать миров, а в коридоре образовалась инициативная группа покинутых драконов.

— Предлагаю спасать по записи, — сказал Эраст.

— Запись на три века, — ответила Аделаида.

— Тогда по живой очереди.

— Они не уверены, что живы.

— По факту присутствия.

Тарас организовал стол справок. На листе он написал:

ЕСЛИ ВЫ ПОТЕРЯЛИ СЕМЬЮ — НАЛЕВО.

ЕСЛИ СЕМЬЯ ПОТЕРЯЛА ВАС — НАПРАВО.

ЕСЛИ ВЫ ОБА НЕ УВЕРЕНЫ — К ЭРАСТУ.

Через минуту перед Эрастом стояли все.

— Почему ко мне?

— Ты лучше формулируешь.

Антонина Марковна открыла полевую кухню. Домна Ратиборовна разводила огонь, Ардеина грела котлы, князь Северин раздавал хлеб и рассказывал каждому, как делали это при его молодости. Семён Парамонович охранял соль.

Марек и Матвей ходили среди людей. Мальчик узнавал тех, кто встречался ему в разных детствах. Матвей возвращал имена, которые когда-то изъяс.

Одна женщина получила лицо и сразу ударила его.

— Заслужил, — сказал Матвей.

— За что? — спросил Марек.

— Пока не помню. Значит, за несколько вещей.

Полина заметила закономерность. Безликие возвращались не тогда, когда находили кровных родственников, а когда кто-то соглашался помнить их историю.

— Родство здесь ни при чём, — сказала она Эрасту.

— При чём. Просто оно шире происхождения.

Они начали записывать рассказы. Кто кого бросил. Кто не успел простить. Кто всю жизнь ждал письма. Кто ушёл сам и теперь хотел вернуться, но только при условии, что его будут уговаривать недолго и убедительно.

С каждой записанной историей появлялось лицо.

Круг наблюдал издали.

— Вы создаёте новую зависимость, — сказал он.

— Архив, — ответил Эраст.

— Разница?

— Архив можно закрыть в пять часов.

Вера принесла ему чистый лист.

— Расскажите свою историю.

— Она всем известна.

— Тогда почему вы всё ещё без семьи?

Круг посмотрел на Антонину Марковну. Та кормила незнакомого ребёнка и одновременно ругала Тараса за плохо нарезанный хлеб.

— Потому что в каждой версии она была кем-то другим.

— А вам нужна одна?

— Мне нужна настоящая.

— Настоящая не обязана быть только одной.

Круг взял лист.

В эту минуту город содрогнулся. Над площадью возникла огромная надпись:

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОССТАНОВЛЕНО.

ОШИБКА: У МИРОЗДАНИЯ ОБНАРУЖЕНЫ РОДИТЕЛИ.

Глава двадцатая

Отец и мать мироздания требуют развода
Родителями мироздания оказались двое.
Первого звали Порядок. Вторую — Случайность.

Они появились над городом в человеческом облике, потому что истинные размеры не помещались в атмосфере и плохо влияли на недвижимость.

Порядок выглядел как безупречно одетый мужчина с линейкой вместо галстука. Случайность — как женщина в разных ботинках, с молнией в волосах и карманами, из которых выпали новые виды животных.

— Это всё ты, — сказал Порядок.
— Конечно я, — ответила Случайность. — Ты даже обвиняешь по расписанию.
— Дети распустились.
— Миры развиваются.
— Они называют свободой отсутствие инструкции.
— А ты называешь инструкцией отсутствие свободы.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Они давно женаты?
— Судя по разговору, вечность.

Аделаида прочитала появившийся документ.

— Порядок и Случайность подали на развод. Если их разделить, мироздание распадётся на две половины. В одной ничего не будет происходить. В другой всё будет происходить одновременно.

— А сейчас? — спросил директор.
— Сейчас они хотя бы мешают друг другу.
Антонина Марковна вышла на площадь.
— Кто подавал заявление?
— Я, — сказал Порядок.
— Я его потеряла, — сказала Случайность.
— Поэтому подал четыре экземпляра.
— Три я превратила в бабочек.

Над площадью пролетели документы.

Антонина Марковна вздохнула.

— Дети есть?
— Все миры, — ответили они одновременно.
— И давно вы выясняете отношения через них?

Порядок поправил галстук-линейку.

— С начала времени.
— Тогда сначала алименты.

Он побледнел.

Тарас оживился.

— Девять миллиардов?
— Больше, — сказал Эраст. — Здесь начисление с Большого взрыва.

Случайность рассмеялась. Из её кармана выпал розовый жираф и немедленно стал мини-стром.

Круг подошёл ближе.

— Вот доказательство. Даже мироздание страдает от семьи.

— Нет, — ответила Вера. — Оно страдает от того, что родители заставляют детей решать их спор.

Мира посмотрела на Антонину Марковну.

— Знакомо.

— Я вас не заставляла.
— Ты разделила одну судьбу на две.
— Чтобы спасти.
— Круг говорит то же самое.
Антонина Марковна замолчала.
Впервые с момента появления она не нашла ответа.
Порядок поднял руку. Половина неба застыла.
Случайность щёлкнула пальцами. Вторая половина превратилась в стаю дверей.
— Выбирайте, дети, — сказали они. — С кем останетесь?
Все миры начали раскалываться.
Эраст достал два чистых бланка.
Тарас вытащил меч, которым когда-то открыл шампанское и спас короля.
Антонина Марковна сняла фартук.
— Ну вот, — сказала она. — Познакомились. Теперь придётся воспитывать.

Часть третья. Развод родителей мироздания

Глава двадцать первая

Дети выбирают обоих и получают выговор

Миры раскалывались неохотно.

Один завис посередине, потому что его жители не успели провести референдум. Второй разделился на три части из принципа. Третий заявил, что давно совершеннолетний и семейные разборки родителей его не касаются, после чего первым потерял гравитацию.

Порядок ждал ответа.

Случайность тоже ждала, но успела забыть вопрос, придумать новый и превратить две звезды в пуговицы.

— Выбирайте, — повторил Порядок. — Со мной всё сохранится.

— И никогда не изменится, — добавила Случайность.

— Со мной всё изменится! — сказала она.

— И ничего не сохранится, — закончил Порядок.

Тарас поднял руку.

— А можно взять по половине каждого?

— Нельзя, — ответили родители мироздания.

— Значит, можно. У нас это надёжный признак.

Эраст разложил два бланка на каменном постаменте.

— Для развода требуется определить место проживания несовершеннолетних миров.

— Они совершеннолетние, — сказал Порядок.

— По какому календарю?

Порядок замолчал. Календарей было бесконечно много, и половину из них создала Случайность в дни, которых не существовало.

— Кроме того, — продолжил Эраст, — имущество нажито совместно.

— Какое имущество? — спросила Случайность.

— Пространство, время, материя, тёмная материя, судьба и шкаф.

— Шкаф наш, — возразил директор.

— Он никогда не состоял на балансе.

— Тем более наш.

Антонина Марковна смотрела на Порядок и Случайность как на супругов, которые начали выяснять отношения за столом, не убрав посуду.

— Вы детей спросили, нужен им ваш развод?

— Мы сейчас спрашиваем, — ответил Порядок.

— Нет. Вы спрашиваете, кого они любят больше. Это не одно и то же.
Мира тихо сказала:
— Как одна судьба, разделённая на две ради спасения?
Антонина Марковна поморщилась.
— Похоже.
— Значит, ты понимаешь их?
— К сожалению.
Круг подошёл к Порядку.
— Я выбираю вас.
Над городом застыла ещё одна часть неба.
Инспектор Матвей встал рядом со Случайностью.
— А я её.
Вторая часть неба рассыпалась дверями.
Марек оказался между ними.
— Прекрасно, — сказал Тарас. — Семейный конфликт получил семейный филиал.
Аделаида подняла расколотую печать.
— Если до полуночи никто не примет решение, мироздание автоматически передадут ближайшему совершеннолетнему родственнику.
— Кому? — спросила Вера.
Печать указала на Антонину Марковну.
Тёща сняла туфлю.
— Только попробуйте.
Глава двадцать вторая
Комиссия по разделу бесконечности
Комиссию создали за девять минут.
Эраст стал секретарём, потому что первым нашёл бумагу. Аделаида — председателем, потому что у неё осталась половина печати. Тарас назначил себя представителем здравого смысла. Возражения приняли, зарегистрировали и потеряли.
Порядок потребовал чётную половину бесконечности.
Случайность хотела ту, где больше красного.
— У бесконечности нет цвета, — сказал Порядок.
Случайность покрасила её.
Вокруг площади появился красный горизонт.
— Теперь есть.
Полина открыла блокнот:
*ПОРЯДОК ХОЧЕТ ОСТАВИТЬ СЛУЧАЙНОСТИ САМУЮ ОПАСНУЮ ПОЛОВИНУ.
СЛУЧАЙНОСТЬ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ПОРЯДОК ЕЁ ОСТАНОВИЛ.*
Оба родителя отвернулись.
— Очень семейный документ, — заметила Вера. — Пишет то, что никто не собирался произносить.
Раздел начали с времени. Порядок забрал понедельники, первые числа месяца и минуты до отправления поездов. Случайность — пятницы, дни рождения и все случаи, когда человек просыпается за минуту до будильника.
— Суббота кому? — спросил Тарас.
— Мне, — сказала Антонина Марковна. — Я в субботу приехала.
Никто не спорил.
Пространство делилось хуже. Порядок хотел прямые дороги. Случайность — короткие. Выяснилось, что это редко одни и те же дороги.
Ардеина потребовала оставить драконам небо.

- Какое? — спросила Аделаида.
- Верхнее.
- После раздела верха может не быть.
- Тогда то, где не Тарас.
- Я летаю редко, — обиделся он.
- Но запоминаю надолго.

К вечеру комиссия дошла до памяти. Порядок заявил, что факты принадлежат ему. Случайность оставила себе ощущения.

- Значит, он будет помнить, что женился, — сказала Мира, — а она — зачем.

Порядок посмотрел на Случайность.

На секунду миры перестали раскалываться.

Круг заметил это и ударил белой пуговицей по столу.

- Решение нельзя строить на чувствах.

- Почему? — спросил Марек.

- Они меняются.

- А решения нет?

Круг не ответил.

Вчера забралась на стол и укусила линию раздела. У линии исчезла причина быть прямой.

Она свернулась петлёй и обвила комиссию.

Теперь каждый оказался по обе стороны одновременно.

- Заседание переносится, — объявила Аделаида.

- Куда? — спросил директор.

- Внутрь спора.

Глава двадцать третья

Мир, где всё уже решено

В половине Порядка никто не опаздывал.

Поезда приходили точно, люди отвечали до того, как их спрашивали, дети рождались утверждённого роста и сразу знали профессию. На небе висело солнце, которому запрещалось заходить без письменного согласования.

- Красиво, — признал Эраст.

- Страшно, — сказала Вера.

- Одно другому не мешает.

Их встретил местный Эраст. Он был директором Института окончательных решений, носил белый костюм и никогда не снимал очков, потому что зрение было утверждено приказом.

- Добро пожаловать. Вы прибыли в 18:00:00.

- А сейчас? — спросил Тарас.

- 18:00:00.

- Время стоит?

- Время соблюдает график.

На площади люди отмечали День достигнутого счастья. Праздник повторялся ежедневно, поскольку однажды всех признали счастливыми и запретили ухудшать показатель.

Местная Вера подошла к Эрасту Акакиевичу.

- Мы должны быть вместе.

- Почему?

- Так рассчитано.

Настоящая Вера взяла мужа под руку.

- Он уже ошибся в другом месте.

- Ошибки устранены.

Тарас увидел Миру. Она улыбалась непрерывно.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да.

— Точно?

— Другой ответ не предусмотрен.

Тарас отступил.

— Верните мою.

— Я здесь, — сказала настоящая Мира. — И впервые рада, что тебя раздражаю.

Порядок появился над городом.

— Это безопасность. Никто не потеряет родных, потому что родные не смогут уйти.

Антонина Марковна подошла к мальчику, сидевшему на скамье.

— Где мама?

— Назначена в сектор семь.

— Ты её любишь?

— Показатель привязанности соответствует норме.

Она обернулась к Порядку.

— Это не семья. Это хранение.

— Хранение предотвращает утрату.

— И жизнь.

Круг стоял рядом с белым Эрастом. Здесь его мать не умирала. Она была зарегистрирована, сохранена и помещена в дом, куда сын мог приходить каждый вторник.

— Ты этого хотел? — спросил Марек.

Круг посмотрел на закрытые окна дома.

— Она жива.

— А выходит?

— Это опасно.

Марек постучал в дверь.

Изнутри донеслось:

— Эраст, ты опять опоздал.

В мире Порядка впервые сбились часы.

Глава двадцать четвёртая

Мир, где ничего нельзя повторить

Половина Случайности встретила их дождём из ключей.

Ни один не подходил ни к одной двери, зато две двери открылись от взгляда, третья обиделась и ушла.

— Мне здесь нравится, — сказал Тарас.

— Поэтому нам надо быстрее, — ответил Эраст.

Люди меняли имена каждое утро. Дома перестраивались ночью. Родители узнавали детей по привычкам, потому что лица могли не сохраниться до завтра.

Местный Тарас правил городом случайно. Он вышел купить хлеб, сел не в тот автобус и через час был коронован.

— Наконец-то достойная версия, — сказал он.

Король-Тарас снял корону.

— Забирай. Она кусается.

Корона зарычала.

Местный Эраст работал уличным музыкантом. Он играл одну мелодию, каждый раз другую.

— Вы счастливы? — спросила Вера.

— Иногда. Потом забываю сравнить.

Случайность кружилась над площадью и выпускала из рукавов новые дороги.

— Здесь никто не застывает! — сказала она. — Никто не обязан быть тем, кем был вчера. Марек увидел мальчика, который называл отцом каждого встречного. Некоторые соглашались на минуту, некоторые убегали.

— А настоящий отец? — спросил Матвей.

— Сегодня не случился.

Матвей прижал Марека ближе.

Антонина Марковна нашла кухню. Кастрюля каждый раз содержала новое блюдо. На третий раз появился борщ, но тут же превратился в компот.

— Невыносимо, — сказала она.

— Зато неожиданно, — ответила Случайность.

— Еда имеет право знать, чем она стала.

Аделаида попыталась поставить печать на документ. Подпись убежала. Бумага сложилась птицей и улетела.

— Здесь нельзя зарегистрировать ни один выбор.

— Потому что выбор должен оставаться живым, — сказала Случайность.

— Живым — не значит исчезающим.

Мира взяла Тараса за руку. Рука на секунду стала чужой, потом снова его.

— Мне не нравится, — сказал он.

— Боишься перемен?

— Боюсь, что однажды ты возьмёшь меня за руку, а там бухгалтер.

Эраст оглядел оба мира через трещину в небе.

— Порядок сохраняет без жизни. Случайность даёт жизнь без продолжения.

— Умный, — сказала Антонина Марковна. — И что делать?

— Вернуть им способность мешать друг другу.

Глава двадцать пятая

Свидание по решению суда

Порядок и Случайность отказались встречаться.

Тогда Аделаида назначила им обязательное примирительное свидание. Местом выбрали мир, который ещё не определился и потому временно состоял из кафе, зала суда и железнодорожной платформы.

Столик постоянно пытался уехать.

Порядок закрепил его болтами.

Случайность превратила болты в виноград.

— Вот поэтому мы разводимся, — сказал Порядок.

— Мы ещё не начали, а ты уже прав.

Антонина Марковна села между ними.

— Расскажите, как познакомились.

— Она взорвалась, — сказал Порядок.

— Он посчитал, — сказала Случайность.

— Это был Большой взрыв.

— Наш первый скандал.

Тарас шепнул Мире:

— Романтично.

— Не бери пример.

Эраст задавал вопросы по списку. Когда вы перестали слушать друг друга? Что считаете совместным достижением? Готовы ли сохранить отношения ради детей?

На последнем вопросе оба возмутились.

— Ради детей нельзя, — сказала Вера. — Дети потом всю жизнь будут чувствовать себя причиной вашего несчастья.

— А ради чего можно? — спросил Порядок.

— Ради желания быть вместе.

— Оно непостоянно.

— Поэтому его приходится выбирать снова.

Случайность посмотрела на него.

— Ты бы выбрал?

Порядок открыл рот.

Круг вмешался:

— Решение принято. Возвращение создаст новые страдания.

— Чьи? — спросила Полина.

Блокнот написал:

*КРУГ БОИТСЯ, ЧТО ЕСЛИ ОНИ ПОМИРЯТСЯ, ЕГО БОЛЬ ОКАЖЕТСЯ НЕ ЗАКОНОМ,
А ЛИЧНОЙ ИСТОРИЕЙ.*

Круг выхватил блокнот.

Вчера укусила его рукав. У рукава исчезла причина держаться. Следом исчезла пуговица.

Белая пуговица упала на стол и раскололась.

Внутри лежало крошечное свадебное кольцо.

Антонина Марковна узнала его.

— Моё.

Круг закрыл ладонь.

— В одной версии.

— В той, которую ты отменил?

— В той, где ты ушла.

— Я умерла.

— Для ребёнка разница небольшая.

Свидание закончилось молчанием.

Но стол перестал уезжать.

Глава двадцать шестая

Тёща получает временную власть

В полночь никто не принял решение.

Расколота печать вспыхнула и объявила:

*В СВЯЗИ С НЕДЕЕСПОСОБНОСТЬЮ РОДИТЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЕ МИРОЗДАНИЕМ
ВРЕМЕННО ПЕРЕДАЁТСЯ АНТОНИНЕ МАРКОВНЕ.*

СРОК: ДО УСТРАНЕНИЯ ПРИЧИНЫ ИЛИ ДО ВОСКРЕСЕНЬЯ.

— Почему до воскресенья? — спросил директор.

— В понедельник мне к врачу, — ответила она.

Власть проявилась сразу. Все звёзды выстроились ровнее. Кометы получили шарфы. Чёрные дыры перестали втягивать постороннее без разрешения.

Тарас почтительно отступил.

— Антонина Марковна, а можно мне маленький мир?

— Нет.

— Я даже не сказал зачем.

— Поэтому и нет.

Эраст составил список первоочередных мер. Антонина Марковна прочла его, зачеркнула половину и добавила: «Накормить всех».

— Это не управленческое решение.

— Голодные миры принимают плохие решения.

Она соединила две половины неба кухонным полотенцем. Порядок попытался выровнять узел. Случайность украсила его цветами.

— До утра не расходиться, — приказала теща.

— Вы не можете заставить нас любить друг друга, — сказал Порядок.

— Любить не могу. Не разрушать детей — могу.

Вера и Мира стояли рядом.

— Ты хотела сделать с нами то же самое? — спросила Вера. — Связать обратно?

Антонина Марковна долго молчала.

— Когда пришла, хотела.

— Почему?

— Мне казалось, если вы снова станете одной судьбой, Круг вас не найдёт.

— А мы исчезнем, — сказала Мира.

— Да.

Тарас перестал шутить.

Эраст снял очки.

— Значит, Материнский узел возник не случайно. Вы начали слияние.

— Начала.

Аделаида подняла блокнот Полины. Он подтвердил.

Круг рассмеялся.

— Вот ваша спасительница. Она не лучше меня.

— Лучше, — сказал Марек.

— Почему?

— Она призналась до того, как победила.

Антонина Марковна посмотрела на дочерей.

— Решать вам.

Впервые власть над мирозданием не помогала ей принять семейное решение.

Глава двадцать седьмая

Две дочери отказываются быть одной

Вера сказала «нет» спокойно.

Мира — так, что в трёх мирах закрылись окна.

— Мы не станем одной судьбой, — сказала Вера. — Даже ради спасения.

— Особенно ради спасения, — добавила Мира. — Нас уже слишком часто спасали без спроса.

Антонина Марковна кивнула.

— Хорошо.

— И всё? — спросила Мира.

— А что ещё?

— Спорить будешь.

— Я мать, а не стихийное бедствие.

Случайность кашлянула.

— Иногда разница формальная, — сказал Тарас.

Антонина Марковна сняла с запястья светящуюся нить. Она соединяла её с обеими дочерьми. Разорвать нить означало отменить слияние, но вместе с ним исчезала защита от Круга.

— Он найдёт вас во всех мирах.

Эраст взял один конец.

— Тогда будем находиться добровольно.

Тарас взял второй.

— Нас обычно трудно не заметить.

Нить разделилась на четыре и связала две супружеские пары. Материнский узел ослаб, но не исчез.

Аделаида коснулась его.

— Теперь это не один центр. Это сеть.

— Семья, — сказала Вера.

— Слишком технически, — возразил Тарас. — Семья с резервным питанием.

Круг поднял кольцо из пуговицы.

— Вы распределили боль между собой. Она никуда не делась.

— Счастье тоже, — ответил Эраст.

— Оно ненадёжно.

— Поэтому не учитывается в отчётности.

Круг бросил кольцо в трещину между мирами.

Антонина Марковна шагнула за ним.

— Мама! — одновременно крикнули три дочери и сын.

Она успела поймать кольцо, но временная власть сорвалась с неё и ушла в трещину.

Порядок и Случайность снова получили свободу.

Они немедленно начали развод.

Небо разошлось.

Миры посыпались вниз, хотя вниз больше не существовало.

Ардеина расправила крылья.

— Держитесь!

— За что? — крикнул директор.

— За родственников!

— А если нет?

— Тогда за Тараса. Он за всё цепляется.

Глава двадцать восьмая

Падение вверх всей семьёй

Они падали вверх двадцать минут.

Первые пять Тарас кричал. Следующие пять утверждал, что просто предупреждает пространство. Потом привык и начал искать, что можно сломать для мягкой посадки.

Эраст держал Веру, Вера — Антонину Марковну, та — Аделаиду, Аделаида — Марека, Марек — Матвея. Мира держала Тараса за галстук.

— Мне неудобно, — сказал он.

— Зато надёжно.

Круг падал рядом один.

Он не просил помощи.

Антонина Марковна протянула ему свободную руку.

— Не надо.

— Я не спрашиваю.

— Ты не обязана меня спасать.

— Я много чего не обязана. В этом и смысл.

Круг взял её руку.

Сеть родства вспыхнула и перекинулась на него. Падение замедлилось.

Они приземлились в институтском актовом зале. Шкаф лежал на боку. Козёл стоял на потолке и делал вид, что так было всегда.

Семён Парамонович пересчитал ключи.

— Главный на месте.

— Какой? — спросил директор.

— Теперь знаю. От дома.

За окнами Москва была разделена. Левая половина двигалась по расписанию: машины остановились ровными рядами, дождь висел в воздухе одинаковыми каплями. Правая меня-

лась каждую секунду: дома переставлялись, улицы вели в Елец, Ладен и один раз в магазин, который Тарас давно искал.

— Родители добрались до Земли, — сказала Ардеина.

Шкаф показал надпись:

ДО ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗВОДА: 59 МИНУТ.

РАЗДЕЛУ ПОДЛЕЖИТ ВСЁ.

— Даже мы? — спросила Полина.

Её блокнот разделился на две половины. Одна писала только правду, другая — интересную версию.

— Уже, — ответила она.

Эраст посмотрел на Круга.

— Вы создали Управление. Вы знаете, как остановить процедуру.

— Нужно, чтобы один из супругов отозвал заявление.

— Кто подал?

— Оба. В разные моменты начала времени.

— Тогда достаточно одного.

— Они не помнят, кто был первым.

Вчера прыгнула на шкаф.

— Она крадёт причины, — сказал Марек. — Может найти самую первую.

— Где? — спросил Тарас.

Круг указал на дверцу.

— До Большого взрыва.

Тарас вздохнул.

— Нельзя было познакомиться с тёщей где-нибудь на даче?

Глава двадцать девятая

За минуту до начала всего

До Большого взрыва было тесно.

Всё мироздание помещалось в точке, а точка — в шкафу. Героям пришлось стоять боком. Ардеина осталась снаружи: драконы до возникновения пространства не проходили по габаритам.

Порядок был молод. Он раскладывал будущие законы природы по папкам.

Случайность заглядывала через плечо и меняла константы.

— Не трогай скорость света.

— Я только посмотрела.

— После твоего «посмотрела» появляются кванты.

— Зато маленькие.

Они ещё не были супругами. Они спорили легко, без многовековой обиды. Каждый возмущался другим и подходил ближе.

Вера улыбнулась.

— Они любили друг друга.

— Недоказуемо, — сказал Эраст.

— Поэтому ты тоже.

Вчера бегала между ними, приносиваясь к причинам. Наконец она остановилась возле маленькой записки.

На ней Порядок написал:

ЕСЛИ ОНА ЕЩЁ РАЗ ИЗМЕНИТ МОИ ЗАКОНЫ, Я УЙДУ.

На обороте Случайность добавила:

ЕСЛИ ОН ЕЩЁ РАЗ СКАЖЕТ «НЕЛЬЗЯ», УЙДУ Я.

— Первые заявления о разводе, — сказала Аделаида.

— Они ещё не женаты, — заметил директор.

— Предусмотрительные, — сказал Эраст.

Круг потянулся к записке.

— Уничтожим — не будет ни брака, ни развода.

— И мироздания, — сказал Марек.

— Зато боли тоже.

Антонина Марковна перехватила его руку.

— Ты всё ещё пытаешься вылечить жизнь отсутствием пациента.

Молодая Случайность увидела гостей.

— Кто вы?

Тарас ответил:

— Последствия.

Порядок побледнел.

— Я же говорил.

Вчера схватила записку. Но вместо того чтобы уничтожить причину развода, она побежала к молодым родителям мироздания и положила её между ними.

Они прочли.

— Ты собирался уйти? — спросила Случайность.

— Только если ты изменишь закон.

— Какой?

Порядок посмотрел на папки.

— Не помню.

Вчера уже украла причину их первой ссоры.

Они рассмеялись.

Большой взрыв начался на минуту раньше.

Глава тридцатая

Повторный брак с правом на катастрофу

Большой взрыв выбросил их обратно в Москву.

Институт стоял целым. Город снова был одним, хотя некоторые улицы сохранили две версии и теперь позволяли одновременно ехать домой и сожалеть об этом.

Порядок и Случайность появились в актовом зале.

Они помнили всё, кроме причины первой обиды.

— Заявления недействительны, — сказала Аделаида. — Основание утрачено до момента подачи.

— Значит, мы обязаны остаться вместе? — спросил Порядок.

— Нет, — ответила Вера. — Теперь можете решить заново.

Случайность посмотрела на мужа.

— Я всё ещё тебя раздражаю?

— Постоянно.

— Хорошо.

— Почему?

— Значит, замечаешь.

Порядок поправил галстук-линейку.

— Я предлагаю испытательный срок длиной в одну вечность.

— С возможностью продления?

— При отсутствии существенных нарушений.

— Они будут.

— Тогда при их наличии.

Аделаида подняла половины печати. Они соединились, но шов остался видимым.

— Согласны ли вы снова выбрать друг друга, не заставляя детей отвечать за ваш выбор?

— Да, — сказал Порядок.

— Возможно, — сказала Случайность.

Печать засветилась.

— Для неё это да, — пояснил Порядок.

Миры соединились.

Круг стоял у шкафа. Белого мундира больше не было. Он выглядел просто старым человеком, который слишком долго доказывал, что ему никто не нужен.

— Что теперь со мной? — спросил он.

— Поедешь с нами, — сказала Антонина Марковна.

— Куда?

— Домой.

— В какой версии я тебе кто?

— Сначала поешь. Потом разберёмся.

Тарас открыл шкаф. За дверцей была обычная институтская кладовка.

— Не работает.

Эраст прочитал новую надпись:

МЕЖМИРОВЫЕ ПЕРЕХОДЫ ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВЛЕНЫ.

ПРИЧИНА: РОДИТЕЛИ МИРОЗДАНИЯ УШЛИ В ОТПУСК.

СРОК ВОЗВРАЩЕНИЯ: НЕ СОГЛАСОВАН.

— Наконец-то, — сказал директор. — Отдохнём.

В дверь института позвонили.

На пороге стояли две пожилые женщины с чемоданами.

— Мы к Антонине Марковне, — сказала первая.

— Кто вы? — спросил Эраст.

— Её матери.

Тарас медленно закрыл дверь.

— Поздно, — сказала вторая снаружи. — Мы уже познакомились.

Часть четвёртая. Бабушки, которых никто не приглашал

Глава тридцать первая

Две матери одной тещи

Первую женщину звали Варвара Тихоновна.

Она была высокая, сухая, в сером пальто и шляпе, которую носила так, будто получила её вместе с правом осуждать окружающих. В руках она держала чемодан, перевязанный ремнём.

Вторую звали Евпраксия Львовна.

Она была маленькая, круглая, в зелёном платке и с корзиной, из которой доносилось недовольное шипение.

— Там кошка? — спросил Тарас.

— Нет, — ответила Евпраксия Львовна. — Холодец.

— Почему шипит?

— Молодой ещё.

Антонина Марковна стояла между ними и впервые выглядела не тещей, Материнским узлом и временной правительницей мироздания, а девочкой, которую застали возле разбитой чашки.

— Мама, — сказала она Варваре Тихоновне.

— Вот именно.

Потом повернулась к Евпраксии Львовне.

— Мама.

— Слава судьбе, не забыла.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Нас двое, тёща одна, а бабушек уже две. Динамика тревожная.

Эраст достал блокнот.

— Установим последовательность.

— Сначала накормите людей, — сказала Антонина Марковна.

Обе пожилые женщины одновременно посмотрели на неё.

— Худая, — сказала Варвара Тихоновна.

— Бледная, — добавила Евпраксия Львовна.

— Я только что управляла мирозданием.

— Это не освобождает от обеда.

Тарас тихо отступил. Он впервые увидел силу, способную заставить тёщу сесть и не спорить.

Полина раскрыла блокнот. Тот написал:

ВАРВАРА ТИХОНОВНА РОДИЛА АНТОНИНУ МАРКОВНУ.

ЕВПРАКСИЯ ЛЬВОВНА РОДИЛА АНТОНИНУ МАРКОВНУ.

ОБЕ УТВЕРЖДАЮТ, ЧТО ВТОРАЯ ВСЁ ДЕЛАЛА НЕПРАВИЛЬНО.

— Последнее можно было не проверять, — сказала Мира.

Варвара Тихоновна открывала чемодан. Внутри лежали детские вещи Антонины Марковны: платье, деревянная лошадка, тетрадь и первая разбитая чашка, аккуратно склеенная по трещине.

Евпраксия Львовна открыла корзину. Под полотенцем находилось детство целиком: маленький дом, сад, летняя гроза и девочка, бегущая босиком по траве.

— Моё, — прошептала Антонина Марковна.

— Наше, — одновременно поправили обе.

Шкаф щёлкнул и вывел предупреждение:

ОБНАРУЖЕНО ДВА ПРОШЛЫХ НА ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.

ОДНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ.

Глава тридцать вторая

Чемодан доказательств и корзина детства

Варвара Тихоновна потребовала экспертизу.

Евпраксия Львовна потребовала чай.

Антонина Марковна потребовала, чтобы обе прекратили командовать в её присутствии.

Через минуту чай пили все, а экспертизу проводили прямо на кухне.

Полина проверила деревянную лошадку. Блокнот подтвердил, что Антонина Марковна сломала ей левое ухо в шесть лет, пряча от матери варенье.

— В пять, — сказала Варвара Тихоновна.

— В шесть, — возразила Евпраксия Львовна. — В пять она прятала кошку.

— Кошки у нас не было.

— Потому что прятала хорошо.

Тетрадь содержала первые записи Антонины: список домашних обязанностей, план побега и рецепт супа. Почерк совпадал.

В корзине детства девочка была той же самой. Она увидела взрослую Антонину Марковну и спросила:

— Я стану красивой?

— Станешь занятой.

— Это хуже?

— Дольше.

Варвара Тихоновна указала на маленький дом.

— Такого не было.

— Был, — сказала Евпраксия Львовна. — Пока вы не выбрали город.

— Я спасала её от войны.

— А я — от вашей предусмотрительности.

Эраст поднял руку.

— Возможно, Антонина Марковна была разделена раньше, чем разделила судьбу Веры и Миры.

Все посмотрели на него.

— Семейная традиция, — пояснил он.

Домна Ратиборовна осмотрела обеих женщин.

— Одна родила тело. Другая — продолжение.

— Что это значит? — спросила Вера.

— Варвара родила девочку. Евпраксия сохранила жизнь, которую та могла прожить.

— Какая мать настоящая? — спросил Марек.

Домна пожала плечами.

— Та, которая не спрашивает.

Обе бабушки одновременно сказали:

— Я.

Круг стоял у двери и наблюдал.

— Вот почему происхождение должно быть одно, — произнёс он. — Два прошлых создают конфликт.

— Одно прошлое тоже справлялось, — сказала Антонина Марковна.

Вчера залезла в чемодан, схватила первую детскую фотографию и убежала в шкаф.

Дверцы захлопнулись.

На фотографии исчезло лицо матери.

Обе женщины вскрикнули.

— Она украла причину, по которой одна из вас считается матерью, — сказал Марек.

— Как вернуть? — спросила Антонина Марковна.

— Найти самое первое детство.

— Где?

Шкаф показал дорогу в прошлое, которого никогда не было.

Глава тридцать третья

Экспедиция в детство до рождения

Межмировые переходы официально не работали.

Шкаф открылся неофициально, что для него было естественным состоянием.

За дверцей находился двор с деревянным домом. На верёвке сушились маленькие платья.

У крыльца стояли две коляски, хотя ребёнка ещё не существовало.

— Моё детство, — сказала Антонина Марковна.

— До твоего рождения, — уточнила Варвара Тихоновна.

— Лучшие годы, — добавила Евпраксия Львовна. — Ты ещё ничего не ломала.

Группа вошла во двор. Козёл последовал за ними, потому что обнаружил в прошлом особенно качественную бумагу.

В доме жили возможные родители. Они выбирали, какой должна родиться дочь: осторожной или смелой, спокойной или упрямой, похожей на мать или способной с ней спорить.

Каждый выбор создавал комнату.

В одной маленькая Антонина боялась выходить из дома. В другой командовала соседскими детьми. В третьей в семь лет открыла первый портал, приняв дверцу буфета за выход.

— Вот эта, — сказал Тарас. — Семейное сходство.

Варвара Тихоновна шла к комнате осторожной девочки.

Евпраксия Львовна — к комнате упрямой.

— Вы обе выбрали не ребёнка, а удобную версию, — сказала Вера.

Бабушки остановились.

Антонина Марковна вошла в комнату, где девочка сидела одна и ничего не выбирала.

Перед ней лежала чистая тетрадь.

— Почему здесь пусто? — спросила она.

Девочка пожала плечами.

— Они всё решают.

— А ты чего хочешь?

— Родиться без инструкции.

Стены дома задрожали.

Круг появился в коридоре.

— Нельзя, — сказал он. — Без первоначального решения происхождение станет неопределённым.

— Оно и так неопределённое, — ответила Антонина Марковна. — Только чужими словами.

Она протянула девочке руку.

Барвара и Евпраксия одновременно крикнули:

— Не трогай!

Девочка взяла руку взрослой себя.

Дом исчез.

Осталась чистая тетрадь. На первой странице появилась запись:

МАТЬ ВЫБИРАЕТ РЕБЁНКА.

РЕБЁНОК ТОЖЕ ВЫБИРАЕТ МАТЬ.

— И кого ты выбрала? — спросила Мира.

Антонина Марковна посмотрела на двух женщин.

— Пока думаю.

Обе оскорбились одинаково.

Глава тридцать четвёртая

Суд над неблагодарной дочерью

Суд возник сразу.

Поскольку детство было до рождения, законы тоже существовали заранее. Судьёй назначили женщину без возраста, которая представилась Родоначальницей и потребовала обращаться к ней «ваша наследственность».

Обвинение звучало серьёзно:

АНТОНИНА МАРКОВНА НЕ ВЫБРАЛА МАТЬ В УСТАНОВЛЕННЫЙ СРОК.

— Срок когда истёк? — спросил Эраст.

— За девять месяцев до рождения.

— Тогда обвиняемая не могла принять решение.

— Незнание закона до появления сознания не освобождает от родства.

Тарас восхищённо прошептал:

— Наконец-то учреждение хуже нашего.

Барвара Тихоновна выступила первой. Она рассказала, как рожала Антонину, работала, переезжала, спасала дочь от войны и один раз простояла ночь возле её постели.

Евпраксия Львовна рассказала, как воспитывала возможную Антонину в мире без войны, учила готовить, разрешала лазить по деревьям и ждала её возвращения четыреста лет.

Обе говорили правду.

Полинин блокнот заплакал чернилами.

— А обвиняемая? — спросила Родоначальница.

Антонина Марковна встала.

— Обе мои матери.

— Вы обязаны выбрать одну.

— Почему?

— Иначе наследство невозможно распределить.

— Какое наследство?

Родоначальница указала на небо. Там висела вся память миров: колыбельные, семейные рецепты, старые обиды, фамильные драконы и сервизы, которые никто не использовал, потому что берегли.

— Прошное.

Круг шагнул вперёд.

— Передайте его мне. Я освобожу людей.

— Вы сторона дела? — спросила судья.

— Я последствие.

— Тогда садитесь рядом с Тарасом.

— Почему рядом со мной? — возмутился Тарас.

— Вы тоже последствие.

Свидетелем вызвали маленькую Антонину. Она посмотрела на бабушек и сказала:

— Я выберу ту, которая позволит мне выбрать обеих.

Судья ударила молотком.

Молоток раскололся.

— Недопустимый ответ.

— Значит, хороший, — сказал Эраст.

Родоначальница приговорила Антонину Марковну к лишению происхождения.

Приговор должны были исполнить немедленно.

Но Антонина Марковна уже знала Инспектора Ноля лично.

Глава тридцать пятая

Защита вызывает бывшего Ноля

Матвей вошёл в зал суда в обычной рубашке с оторванной пуговицей.

— Инспектор Ноль, — объявила Родоначальница.

— Бывший.

— Бывших Нолей не бывает.

— Теперь один есть.

Он предъявил пустое удостоверение. После возвращения имени в нём появилась фотография, но документ стеснялся и время от времени стирал её.

— Управление освобождения от происхождения признаёт принудительное лишение родства незаконным, — сказал Матвей.

Круг нахмурился.

— Вы не уполномочены.

— Вы меня уволили?

— Нет.

— Тогда уполномочен.

Эраст одобрительно кивнул.

Матвей объяснил, что происхождение можно вернуть, отвергнуть или переосмыслить, но нельзя изъять у человека в пользу наследственного порядка.

— Тогда зачем существовало ваше Управление? — спросила Полина.

— Мы всегда плохо понимали собственное положение.

— Честно.

Блокнот молчал.

Родоначальница вызвала приставов. Из стен вышли предки в старинных одеждах. Каждый нёс фамильный долг, который потомки не успели выплатить.

Тарасу предъявили три сундука.

— Что там?

— Обещания ваших прадедов.

— Я их не давал.

— Вы продолжение рода.

— У меня своего незаконченного достаточно.

Эрасту досталась папка с молчанием нескольких поколений. Вера положила руку поверх его руки.

— Не обязательно хранить.

— Но полезно знать, почему папка тяжёлая.

Мира вернула приставу фамильную обиду.

— Срок хранения истёк.

Аделаида приложила восстановленную печать к приговору. Печать отказалась.

— Решение принято без согласия человека, чью жизнь определяет.

— Родословные не требуют согласия, — сказала судья.

— Поэтому столько жалоб, — ответил директор.

Вчера укусила судейский молоток. У него исчезла причина подчиняться руке. Молоток сам ударил по столу.

— Приговор отменён, — объявил он.

Родоначальница побледнела.

— Предметы не имеют голоса!

Козёл поднял голову от старинной грамоты.

— Поздно.

Глава тридцать шестая

Восстание фамильных сервизов

Первым взбунтовался сервиз Кунилиных.

Он простоял сто двадцать лет за стеклом, пережил три переезда и ни разу не был использован. Чашки решили, что сохранность без смысла является разновидностью смерти, и вылетели из наследственной витрины.

За ними поднялись скатерти, серебряные ложки, фотографии и ключи от домов, которых давно не было.

— Наследство требует наследников! — звенели чашки.

— А наследники требуют места в квартире! — отвечал Тарас.

Фамильные вещи окружили Родоначальницу. Она пыталась распределить их по линиям, но линии путались. Ключ Тюлькиных открыл дверь Кунина. Портрет неизвестного прапрадеда назвал Миру внучкой. Старое кольцо выбрало Полину и отказалось объяснять почему.

Блокнот написал:

КОЛЬЦО ОШИБЛОСЬ.

Потом добавил:

КОЛЬЦО ДУМАЕТ ИНАЧЕ.

Варвара Тихоновна схватила чашку из своего сервиза.

— Я берегла тебя для Антонины.

Чашка треснула.

— Она говорит, надо было пить чай вместе, — перевёл Марек.

Евпраксия Львовна достала из корзины тот самый шипящий холодец. Он выполз на стол, принял форму родословного дерева и показал две корневые системы, сходящиеся в одной девочке.

— Вот доказательство, — сказала она.

— Это еда, — возразил Эраст.

— Одно другому не мешает.

Антонина Марковна взяла две чашки. В одну налила чай Варваре, в другую — Евпраксии.

— Вы обе учили меня жить. Одна — в случившемся прошлом. Вторая — в сохранённом. Я не обязана уничтожать половину себя, чтобы вам было проще называться матерью.

Родоначалница подняла руку.

— Тогда прошлое станет множественным.

— Оно всегда множественное, — сказал Круг. — Я просто пытался это запретить.

Все посмотрели на него.

— Вы её защищаете? — спросила Вера.

— Я защищаю последовательность рассуждения.

Антонина Марковна поставила перед ним третью чашку.

— Садись к семье.

Круг сел.

Сервиз успокоился.

А фамильный шкаф потребовал отдельную комнату.

Глава тридцать седьмая

Бабушка из будущего знает слишком много

Евпраксия Львовна призналась вечером.

Она была не из сохранённого прошлого. Она пришла из будущего, которое возникнет, если Антонина Марковна выберет обеих матерей.

— Значит, вы ещё не воспитывали её? — спросил Эраст.

— Для вас — нет.

— А для вас?

— Уже устала.

Варвара Тихоновна возмутилась:

— Ты присвоила мою дочь заранее!

— Я её не присваивала. Она сама придёт ко мне после того, как вы поссоритесь.

— Мы не поссоримся.

— Уже.

Евпраксия Львовна знала будущее, но рассказывала его исключительно в форме бытовых замечаний.

— Тарас, не садись на красный стул.

— Почему?

— В сорок третьей главе пожалеешь.

Он немедленно встал.

— Эраст, не подписывай документ левой рукой.

— Я правша.

— Поэтому и предупреждаю.

Аделаиде она велела беречь печать от козла. Козёл оскорбился и съел предупреждение.

— Что произойдёт? — спросила Мира.

Евпраксия Львовна посмотрела на Антонину Марковну.

— Она исчезнет.

В комнате стало тихо.

— Когда? — спросила Вера.

— После того как познакомится с собственной тещей.

Тарас медленно сел на пол.

— У неё ещё и теща будет?

— Была. Будет. В семье глаголы быстро сдаются.

Круг побледнел.

— У Антонины не было мужа, кроме...

Он не договорил.

— Кроме тебя в одной версии, — сказала Евпраксия Львовна. — Твоя мать была её тёщей.

— Она умерла дважды.

— Поэтому вернётся в двух экземплярах.

Полинин блокнот написал:

СЛЕДУЮЩАЯ УГРОЗА УЖЕ В ПУТИ.

— Межмировые переходы закрыты, — сказал директор.

Шкаф в коридоре чихнул.

— Для родственников это никогда не было препятствием, — ответила Евпраксия Львовна.

Глава тридцать восьмая

Свекровь, умершая в двух экземплярах

Первая мать Круга вошла через окно.

Окно находилось на третьем этаже, но она объяснила, что дверь была закрыта, а ждать она не привыкла.

Вторая появилась из шкафа и сразу потребовала проветрить помещение.

Обеих звали Аглая Фоминична.

Первая была моложе Круга. Вторая — старше времени, которое он остановил ради неё.

— Сын, — сказала молодая.

— Наконец-то, — сказала старая.

Круг стоял между ними, как человек, создавший Управление освобождения от происхождения и внезапно обнаруживший, что его заявление не принято.

— Вы умерли.

— Это не оправдание, — ответили обе.

Антонина Марковна вышла вперёд.

— Аглая Фоминична.

— Ты, — сказала молодая.

— Опять ты, — сказала старая.

— В какой версии я вам невестка?

— В худшей, — ответили обе, но указали на разные реальности.

Тарас спрятался за Ардеину. Драконица отодвинулась.

— Не используй меня в семейных конфликтах.

— Ты огнестойкая.

— Не настолько.

Аглаи осмотрели Антонину Марковну, Веру, Миру, Аделаиду, Марека и Матвея. Потом одновременно повернулись к Кругу.

— Что ты сделал с семьёй?

— Освободил.

— Верни.

— Это невозможно.

— Значит, плохо освободил.

Полина открыла блокнот. Он написал:

ОБЕ АГЛАИ НАСТОЯЩИЕ.

ОДНА ПОМНИТ СЫНА РЕБЁНКОМ.

ВТОРАЯ ПОМНИТ, КЕМ ОН СТАЛ.

Круг сел.

Молодая Аглая обняла его. Старая ударила по затылку.

— Вот, — сказала Мира. — Полное материнство.

Евпраксия Львовна посмотрела на часы.

— До исчезновения Антонины осталось шесть часов.

— Почему? — спросил Эраст.

— Теперь все версии её семьи собрались вместе. Мироздание потребует выбрать единственную.

На стене появилась огромная родословная.

Линий было столько, что они закрыли окна.

В центре светилось имя Антонины Марковны.

Оно начало стираться.

Глава тридцать девятая

Семейная фотография, на которую никто не поместился

Чтобы остановить стирание, нужно было закрепить Антонину Марковну в одном настоящем.

— Сделаем фотографию, — предложил Тарас.

Эраст посмотрел на него с удивлением.

— Разумно.

— Не привыкай.

Семён Парамонович принёс старый институтский фотоаппарат. Он использовался для фиксации аварий и поэтому автоматически добавлял на снимок виновного.

Всех расставили в актовом зале. В центре посадили Антонину Марковну. По сторонам — Варвару, Евпраксию и две Аглаи. За ними встали Вера, Мира, Аделаида, Марек, Матвей, Круг, Эраст и Тарас. Ардеина легла сзади, но хвост всё равно вышел в соседний кабинет. Козла никто не приглашал; он пришёл как ближайший специалист по бумаге.

— Улыбнитесь, — сказал директор.

— Зачем? — спросили Кунилин и Круг.

— Родственники, — вздохнула Вера.

Фотоаппарат щёлкнул.

На снимке оказалась только Антонина Марковна.

Остальные исчезли.

— Не закрепляет, — сказала Аделаида. — Изолирует.

Второй снимок показал всех, кроме неё.

Третий — пустой стул.

Полинин блокнот написал:

АНТОНИНА МАРКОВНА НЕ ПОМЕЩАЕТСЯ В ОДНО НАСТОЯЩЕЕ.

— Тогда сделаем несколько фотографий, — сказала Вера.

На одной Антонина стояла с Варварой. На другой — с Евпраксией. На третьей — с Аглаями. Потом с дочерьми, сыном, зятьями, Кругом, драконицей и даже козлом.

Фотографии сложили рядом.

Лица Антонины Марковны на них были разными: девочка, мать, дочь, тёща, жена из несостоявшегося прошлого, правительница мироздания и женщина, которая просто устала.

Имя на родословной перестало стираться.

— Получилось, — сказал Тарас.

— Нет, — ответила Евпраксия Львовна. — Мы доказали, что она существует. Теперь мироздание спросит, какая из них главная.

Антонина Марковна поднялась.

— Никакая.

Родословная на стене дрогнула.

— Я не обязана выбрать одну роль и умереть во всех остальных.

Из линий вышла Родоначалница.

— Тогда вы должны отказаться от имени.

— Почему?

— Потому что одно имя не может принадлежать множеству жизней.

Тарас поднял фотографии.

— А отчество может?

Все посмотрели на него.

— Кажется, я снова сказал что-то полезное. Уберите свидетелей.

Глава сороковая

Новое отчество для женщины без начала

Антонина Марковна получила семь отчеств.

Первое — Варваровна, за рождение.

Второе — Евпраксиевна, за сохранённое детство.

Третье и четвёртое — Аглаевна, за две версии брака с Кругом.

Пятое — Вериновна, потому что Вера научила её отпускать.

Шестое — Мириновна, потому что Мира научила спорить с любовью.

Седьмое блокнот отказался показывать.

— Почему? — спросила Полина.

Он написал:

ЕЩЁ НЕ ЗАСЛУЖЕНО.

— Кем? — спросил Тарас.

Блокнот захлопнулся.

Родоначалница проверила запись и помрачнела.

— Закон не запрещает несколько отчеств.

— Потому что никто не догадался? — спросил директор.

— Потому что никто не был настолько семейно осложнён.

Имя Антонины Марковны вспыхнуло и закрепилось сразу во всех фотографиях.

Она не исчезла.

Евпраксия Львовна облегчённо села на красный стул.

Тарас вскочил.

— Не садитесь! Вы говорили, я пожалею в сорок третьей главе.

— Ты уже встал. Значит, будущее изменилось.

— А если нет?

— Тогда пожалеешь заранее.

Две Аглаи подошли к Кругу. Молодая взяла его за руку, старая — за ухо.

— Пойдём домой.

— У меня нет дома.

— Теперь два.

Варвара и Евпраксия спорили, у кого останется Антонина Марковна.

— У себя, — сказала она. — Я взрослая.

— Это временно, — ответила Варвара.

Шкаф ожил. На двери появилась карта. Межмировые переходы снова работали, но теперь рядом с каждым направлением указывалась степень родства.

ЛАДЕН — ДАЛЬНИЕ.

ОРБИС-9 — ТЕХНИЧЕСКИЕ.

ВОСЬМОЙ МИР — ПРИЁМНЫЕ.

НЕИЗВЕСТНЫЙ МИР — СЕДЬМОЕ ОТЧЕСТВО.

Антонина Марковна подошла ближе.

За дверцей стояла девушка лет семнадцати. Она была похожа сразу на Веру, Миру и Аделаиду, но смотрела как Эраст.

— Бабушка, — сказала девушка.

— Чья? — спросили все.

— Пока не решила.

Тарас закрыл лицо руками.

— Я знал, что бабушки — это не конец. Это должность с повышением.

Часть пятая. Внучка из мира, которого ещё нет

Глава сорок первая

Девушка с тремя возможными фамилиями

Девушка вошла в актовый зал так спокойно, словно опоздала не из несуществующего мира, а с последнего трамвая.

На ней было серое дорожное платье, пояс с семью пустыми кармашками и сапоги, покрытые пылью тех дорог, которые ещё не построили. За плечом висел небольшой рюкзак. Из него торчала ручка детского зонтика и рукоять меча.

— Бабушка, — повторила она.

Антонина Марковна прищурилась.

— Чья?

— Пока не решила.

— Тогда начинай решать. У нас родственники без документов дальше прихожей не проходят.

Козёл, стоявший в прихожей, укоризненно кашлянул.

— Ты исключение, — сказала ему Антонина Марковна. — Плохое.

Вера первой подошла к девушке.

— Как тебя зовут?

— В разных будущих — по-разному. Лада Кунилина. Лада Тюлькина. Иногда Лада Круг. Круг побледнел.

— Почему иногда я?

— Потому что в одном будущем вы усыновили весь детский дом, чтобы доказать отсутствие родства.

— Нелогично.

— Поэтому будущее и закрылось.

Тарас осторожно выглянул из-за Миры.

— А я тебе кто?

Лада достала сложенный лист.

— В трёх вариантах дед. В двух — двоюродный прадед. В одном — человек, который потерял меня на ярмарке.

— Почему именно я?

— Вы пошли покупать сахарного петушка и вернулись через девятнадцать лет.

— Хороший был петушок?

— Я не дождалась.

Мира посмотрела на мужа тем взглядом, которым заранее отменяют прогулки с будущими детьми.

Эраст протянул руку.

— Документ.

Лада вручила ему лист. Вверху было написано: «Временное свидетельство о вероятном рождении». Ниже стояли три даты, четыре места и предупреждение: «Владелица может не наступить».

— Родители? — спросил Эраст.

— Не определены.

— Так не бывает.

— Поэтому я здесь.

Аделаида осмотрела печать.

— Подлинная. Выдана Управлением будущих последствий.

— Никогда о таком не слышал, — сказал директор.

— Оно ещё не создано, — ответила Лада.

Полинин блокнот раскрылся сам.

ЛАДА — ВНУЧКА АНТОНИНЫ МАРКОВНЫ.

КАКИМ ОБРАЗОМ — ЗАВИСИТ ОТ СЛЕДУЮЩИХ ДЕСЯТИ ГЛАВ.

Тарас вздохнул.

— Наконец-то документ, который честно признаётся, что не знает содержания.

Лада оглядела собравшихся.

— Мне нужно выбрать семью до полуночи.

— А если не выберешь? — спросила Вера.

За дверью неизвестного мира погасло небо.

— Тогда мир, в котором я родилась, так и не родится.

Глава сорок вторая

Управление будущих последствий

Чтобы попасть в мир, которого ещё нет, требовалось разрешение учреждения, которого пока не существовало.

Аделаида сочла это нормальным рабочим утром.

Она поставила на стол свою отремонтированную печать, трижды ударила ею по пустому листу и получила командировочное удостоверение завтрашним числом.

— На кого оформлять? — спросила она.

— На всех, — сказала Антонина Марковна.

— На козла тоже?

— Особенно на козла. В неизвестных мирах он хотя бы будет числиться стихийным бедствием.

Шкаф открылся не сразу. Сначала он потребовал цель визита.

Эраст написал: «Предотвращение ненаступления мира».

Шкаф вернул бумагу.

ПРИЧИНА НЕДОСТАТОЧНО УВАЖИТЕЛЬНАЯ.

Тарас дописал: «И знакомство с внучкой».

Дверцы распахнулись.

— Семейные причины всегда выше мировых, — заметила Полина.

— Потому что мир можно спасти один раз, — сказала Мира. — А родственники потом напоминают ежегодно.

За шкафом находился длинный коридор, стены которого строились впереди путников и исчезали за спиной. На дверях висели таблички:

«Отдел несказанных слов».

«Архив несостоявшихся знакомств».

«Бюро детей, которых отложили до лучших времён».

Последняя дверь была заперта семью замками.

Лада прошла мимо неё слишком быстро.

В конце коридора сидел худой мужчина в зелёном мундире. Его волосы были седыми на концах и чёрными у корней, словно он старел в обратную сторону. Табличка на столе сообщала:

*ИГНАТИЙ ПОСЛЕЗАВТРОВИЧ ЗАВТРАШНИЙ
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ НАЧАЛЬНИКА ДО СОЗДАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ*

— Вы рано, — сказал он.

— Мы обычно опаздываем, — ответил Тарас. — Решили попробовать новое.

Игнатий Послезавтрович посмотрел на Ладу.

— Ты не должна была уходить.

— Если бы осталась, меня бы отменили.

— Если выберешь не тех родителей, отменят остальных.

Вера побледнела.

— Каких остальных?

Чиновник достал толстую папку. На корешке было написано: «Потомки Антонины Марковны. Возможные. Том первый из сорока семи».

— Всех, кто мог бы родиться после Лады. Её мир построен на одном семейном решении. Но решение раскололось на семь вариантов. Пока она не выберет один, будущего нет.

Антонина Марковна села напротив.

— Показывайте варианты.

— Нельзя.

— Почему?

— Тайна будущего.

Она достала из сумки пирожок.

— С капустой?

— С мясом.

Игнатий Послезавтрович закрыл дверь кабинета.

— Я могу показать только основные.

Глава сорок третья

Красный стул всё-таки дождался

Основные варианты будущего хранились в семи стеклянных шарах.

В первом Вера держала на руках младенца, а Эраст составлял инструкцию по правильному крику.

Во втором Мира учила девочку метать ножи, пока Тарас прятался за мишенью.

В третьем обе семьи жили в одном доме и ежедневно спасали мир от общего завтрака.

В четвёртом Антонина Марковна воспитывала Ладу сама, потому что родители отправились предотвращать конец света и задержались на восемнадцать лет.

Пятый шар был чёрным.

Шестой показывал Круга, читающего сказки десяткам приёмных детей.

Седьмой оставался пустым.

— Какой настоящий? — спросил Эраст.

— Все, — ответил Игнатий Послезавтрович. — Пока не выбран один.

— А чёрный?

— Будущее, в котором никто не решился заводить детей. Слишком опасно, слишком трудно, слишком не вовремя.

Тарас посмотрел на красный стул у стены.

Тот самый.

Он узнал его по царапине на спинке и по внутреннему голосу, который сказал: «Не садись».

— Евпраксия предупреждала, что я пожалею в сорок третьей главе.

— Тогда стой, — сказала Мира.

— Именно этого от меня и ждёт судьба.

— От тебя судьба давно ничего не ждёт. Она бережёт нервы.

Тарас решил перехитрить пророчество и лёг на пол.

Красный стул подошёл к нему сам.

Четыре ножки согнулись, сиденье опустилось и аккуратно усадило Тараса на себя.

— Нечестно!

— Будущее не обязано быть честным, — сказал Игнатий Послезавтрович. — Оно ещё не подписывало правила.

Стул провалился вместе с Тарасом в пятый шар.

Мира прыгнула следом. Эраст успел схватить её за руку, Вера — Эраста, Антонина Марковна — Веру. Остальные ухватились друг за друга из семейной привычки вмешиваться.

Последним в шар влетел козёл. Он ни за кого не держался, но считал себя причиной.

Они упали на пустую городскую площадь.

Дома стояли целыми. Фонари горели. Магазины были открыты. Но нигде не слышалось детских голосов.

На скамейках сидели взрослые и обсуждали, как хорошо, что теперь можно жить для себя.

Жили они почему-то очень тихо.

Над ратушей висел лозунг:

МЫ ОТМЕНИЛИ БУДУЩЕЕ, ЧТОБЫ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ О НЁМ.

Тарас поднялся со стула.

— Вот теперь жалею.

— О чём? — спросила Мира.

— Что не уточнил у Евпраксии продолжительность.

Красный стул исчез.

Глава сорок четвёртая

Город, в котором понедельник не наступал

Город назывался Завершёнск.

Здесь не было школ, колыбельных, игрушечных лавок и вопросов «почему». Последнее считалось главным достижением местной власти.

На площади их встретила женщина в строгом белом плаще. Вместо часов она носила на запястье маленький календарь без завтрашней даты.

— Фёкла Ненаступившая, — представилась она. — Судебный пристав по делам будущего.

— Кому вы приставлены? — спросил Тарас.

— Ко всем, кто пытается наступить.

Фёкла вручила Ладе повестку.

— Вы обвиняетесь в незаконном продолжении рода.

— Я ещё не продолжила.

— Намерение доказано вашим возрастом.

Эраст взял повестку.

— Где суд?

— Был упразднён за ненадобностью. Без будущего последствия решений не наступают, следовательно, судить не за что.

— Тогда и обвинения нет.

Фёкла задумалась.

Её календарь перелистнул сам себя и показал понедельник.

Жители площади закричали.

— Вы принесли следующий день! — сказала пристав.

— Мы много чего приносим, — ответил Тарас. — Обычно ущерб.

Фёкла приказала задержать пришельцев. Из ратуши вышли стражники преклонного возраста. Молодых в Завершёнке не было уже тридцать два года.

Семён Парамонович посмотрел на них с профессиональным сочувствием.

— Колени?

— Погода, — ответил старший стражник.

— Понимаю.

Они договорились, что погоня состоится после обеда, если никто не забудет.

До обеда герои осмотрели город. В бывшей школе располагался склад удобной мебели. В родильном доме — музей победы над бессонницей. Детскую площадку превратили в парковку для экипажей, хотя ездить было некому: все места находились в прошлом.

Лада остановилась перед запylённой витриной. За стеклом лежал деревянный конь.

— У нас таких нет, — сказала она.

— В твоём мире? — спросила Вера.

— В моём мире ничего нет. Только Управление и коридор. Я выросла там между отделом сожалений и архивом имён.

— Кто тебя растил?

— Игнатий Послезавтрович. Он говорил, что родители придут, когда выберут меня.

Мира взяла её за руку.

— А если мы не хотим выбирать вместо тебя?

— Тогда выберу я.

— Нас?

Лада посмотрела на пустую улицу.

— Сначала нужно понять, есть ли среди вас те, кто выбирает не только удобное будущее.

Глава сорок пятая

Мальчик, которого отложили

В музее победы над бессонницей кто-то чихнул.

Ардеина подняла крыло. Под старой колыбелью обнаружился мальчик лет десяти. Он был прозрачным по краям и держал в руках недоеденное яблоко, которое каждую минуту становилось целым.

— Имя? — спросил Эраст.

— Клим Ницьевич.

— Так не бывает.

— Мне все так говорят. Поэтому я и не бываю.

Клим объяснил, что родился почти. Его родители долго ждали подходящего времени: сначала квартиру, потом повышение, потом спокойный год, потом уверенность. Когда всё появилось, исчезло желание рисковать.

— Меня отложили, — сказал он. — Но забыли куда.

Лада обняла его.

— Он мой друг.

— В Управлении? — спросила Полина.

— В Бюро детей, которых отложили до лучших времён.

Тарас вспомнил запертую дверь.

— Сколько там таких?

— Снаружи — один кабинет. Внутри — целый город.

Клим показал на стену. За штукатуркой проступили тысячи детских ладоней.

Они не просили выпустить их любой ценой. Они просто хотели, чтобы кто-нибудь признал: выбор не был сделан, а не выдан за решение судьбы.

Антонина Марковна долго молчала.

— Нельзя заставить людей становиться родителями.

— Нельзя, — согласилась Лада.

— Но и делать вид, что отказ ничего не меняет, тоже нельзя.

Полинин блокнот записал:

БУДУЩЕЕ НЕ ТРЕБУЕТ РОЖДЕНИЯ.

ОНО ТРЕБУЕТ ЧЕСТНОГО ВЫБОРА.

Клим улыбнулся и стал чуть плотнее.

В музей вошла Фёкла Ненастувившая.

На этот раз без стражи.

— Я пришла арестовать мальчика.

— За что? — спросила Мира.

— За нарушение общественного покоя. После его появления люди начали вспоминать, кого они могли любить.

— Страшное преступление, — сказал Тарас.

— В Завершёнке — самое тяжёлое.

Фёкла подняла календарь.

— Отдайте его, иначе я закрою понедельник.

Клим спрятался за Антониной Марковной.

Она сняла туфлю.

— Попробуйте.

Фёкла впервые увидела оружие, против которого не существовало срока давности.

Глава сорок шестая

Забастовка несостоявшихся детей

К вечеру стены Завершёнки стали прозрачными.

За ними стояли дети из Бюро. Одни были почти взрослыми, другие оставались тенями, третьи существовали только голосами. Они не требовали рождения. Они требовали ответа.

На площади появился плакат:

МЫ НЕ ОБИЖАЕМСЯ. НО ХОТИМ ЗНАТЬ ПОЧЕМУ.

Второй гласил:

ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА ПРОСРОЧЕНЫ.

Третий держал мальчик, который состоял из одного любопытства:

А МОЖНО ХОТЯ БЫ ПОСМОТРЕТЬ?

Жители закрывали окна.

Фёкла Ненастувившая созвала чрезвычайное собрание. Поскольку чрезвычайного будущего не существовало, собрание признали обычным и разрешили не посещать.

Пришли все.

Первой выступила пожилая женщина.

— Я не родила дочь, потому что боялась быть похожей на свою мать.

За стеной появилась девочка с её глазами.

— Я не прошу передумать, — сказала девочка. — Спасибо, что сказала правду.

Она растворилась спокойно.

Мужчина в синем пальто признался, что всегда хотел сына, но ждал богатства.

— Разбогатели? — спросил Тарас.

— Нет.

— Зато последовательный.

Мальчик за стеной рассмеялся и тоже исчез — не в небытие, а куда-то дальше, где непрожитые возможности переставали быть долгами.

Один за другим жители называли причины. Честные ответы открывали окна, заводили часы и возвращали улицам продолжение.

Но многие молчали.

— Мы ничего никому не должны, — сказал председатель города.

— Верно, — ответила Вера. — Кроме правды самим себе.

Председатель покраснел.

Над ратушей треснул лозунг. Из слова «ОТМЕНИЛИ» выпала буква «М».

Получилось: «МЫ ОТЕНИЛИ БУДУЩЕЕ».

— Даже грамматика хочет детей, — заметила Полина.

К полуночи половина города снова имела завтра.

Другая половина начала исчезать.

Игнатий Послезавтрович появился посреди площади с папкой потомков.

— Вы нарушили равновесие. Теперь Завершёнск разделится на мир, который продолжится, и мир, который останется здесь.

— Что плохого? — спросил Круг.

— Лада существует только между ними. При разделении её разорвёт на две возможности.

Глава сорок седьмая

Два будущих на одну внучку

Разделение началось с мостовой.

По правой стороне площади взошло солнце. По левой наступил вечный вечер. Между ними пролегла тонкая белая линия, похожая на сгиб непрочитанного письма.

Лада стояла точно на линии.

Её правая рука стала младенческой, левая — старческой.

— Выберите сторону! — крикнул Игнатий Послезавтрович.

— Какую? — спросила Вера.

— Любую. Быстро.

— Это ваш профессиональный совет? — возмутился Эраст.

— Я чиновник будущего. У нас точность появляется после события.

Мира потянула Ладу вправо. Антонина Марковна удержала её.

— Не смейте выбирать за неё.

— Она погибнет!

— Если мы решим, кем ей быть, выживет кто-то другой.

Круг подошёл к белой линии.

— Можно убрать границу.

— Опять отменить происхождение? — спросил Эраст.

— Нет. Отменить единственность результата.

Все насторожились. Даже две Аглаи, появившиеся из шкафа с опозданием на семь глав, перестали спорить, какая из них старше.

— Объясни, — сказала старая Аглая.

— Мы привыкли считать, что выбор убивает остальные возможности. Но они не обязаны умирать. Пусть становятся историями, снами, чужими мирами. Лада выберет одну жизнь, не уничтожая смысл других.

Молодая Аглая погладила его по голове.

— Наконец-то вырос.

Старая приготовилась ударить.

— Не мешай редкому событию, — остановила её Антонина Марковна.

Для нового закона требовалась печать Аделаиды, ключ Семёна Парамоновича, огонь Ардеины и подпись человека, который сам был нерождённой возможностью.

Клим подошёл к документу.

— Я не умею писать.

— Поставь крестик, — предложил Тарас.

— Почему крестик?

— Потому что взрослые называют подписью то, что потом не могут прочитать.

Клим нарисовал маленькую дверь.

Белая линия раскрылась.

Из неё хлынули ненаступившие дороги, несказанные слова, несделанные предложения и один сахарный петушок.

Тарас поймал его.

— Я всё-таки вернулся.

Мира отобрала петушка.

— Без внучки больше никуда.

Глава сорок восьмая

Родители по собеседованию

Лада перестала раскалываться, но выбор семьи никто не отменял.

Она объявила собеседование.

Первой парой вошли Эраст и Вера.

— Почему вы хотите быть моими родственниками? — спросила Лада.

Эраст открыл заранее подготовленный список.

— Во-первых, генетическая и причинная связь предположительно...

Вера забрала список.

— Потому что ты уже наша. Но если выберешь не нас, это не изменится.

Лада поставила отметку.

Вторыми пришли Тарас и Мира.

— Ваши сильные стороны? — спросила Лада.

— Я умею выживать в браке, — сказал Тарас.

— Он умеет выживать благодаря браку, — уточнила Мира.

— А слабые?

— Я.

— Он.

Лада поставила две отметки.

Круг явился вместе с обеими Аглаями.

— Я не прошу выбрать меня отцом или дедом, — сказал он. — Мне достаточно быть человеком, к которому можно прийти, если остальные начнут воспитывать.

— Разумно, — сказала Лада.

— Это у него недавно, — предупредила старая Аглая.

Антонина Марковна отказалась проходить собеседование.

— Бабушек не выбирают по резюме.

— Вас как раз выбирают, — напомнила Лада.

— Тогда выбирай правильно.

— А правильно — это как?

— Чтобы потом было кого обвинить.

Последним вошёл Игнатий Послезавтрович.

— Вы тоже претендуете? — удивилась Лада.

Он снял зелёный мундир. Под ним оказалась простая рубашка, заштопанная на локтях.

— Я растил тебя семнадцать лет. Но в документах числился временным хранителем.

— Почему не сказал?

— Хранителю запрещено влиять на выбор.

— А человеку?

Игнатий Послезавтрович впервые не знал ответа.

Полинин блокнот написал:

САМЫЙ ТРУДНЫЙ РОДСТВЕННИК — ТОТ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ БЕЗ НАЗВАНИЯ.

Лада закрыла анкету.

— Я решила.

Глава сорок девятая

Седьмое отчество Антонины Марковны

На площади Завершёнска поставили длинный стол.

С одной стороны рассаживались жители наступающего будущего. С другой — те, кто решил остаться без него. Никого не заставляли переходить. Впервые граница не была стеной.

Лада встала во главе стола.

— Я не буду выбирать родителей из тех, кто ещё не стал ими.

Эраст нахмурился.

— Тогда свидетельство останется недействительным.

— Пусть. Человек действителен раньше свидетельства.

Аделаида одобрительно подняла печать.

— Я выбираю Игнатия отцом, — продолжила Лада. — Не потому, что он меня создал. Потому что он остался, когда меня ещё можно было отменить.

Игнатий Послезавтрович сел. Потом встал. Потом снова сел, поскольку будущие отцы имеют право растеряться.

— А фамилия? — спросила Полина.

— Завтрашня.

— А Антонина Марковна?

Лада подошла к ней.

— Моя бабушка. Не по крови и не по версии. По выбору.

Полинин блокнот раскрылся на странице с семью отчествами.

Седьмая строка проступила медленно:

ЛАДОВНА — ЗА БУДУЩЕЕ, КОТОРОЕ ВЫБРАЛО ЕЁ САМО.

Антонина Марковна прочитала дважды.

— Непривычно.

— Вам не нравится? — спросила Лада.

— Мне нравится, что оно не от матери и не от отца. Наконец-то родственник, который пришёл без объяснений и сразу принёс пользу.

— Какую?

— Седьмое отчество закрыла.

В этот момент мир Лады начал строиться.

За площадью появились улицы. За улицами — река. На другом берегу вырос дом с зелёной крышей, садом и окном, в котором горел свет. В бывшей школе снова зазвенел звонок, но внутрь вошли не только дети. Взрослые тоже решили доучиться задавать вопрос «почему».

Клим стал совсем настоящим.

— А мои родители? — спросил он.

Игнатий посмотрел на Ладу.

Лада — на Клима.

— Братом будешь?

— А обязанности?

— Делить вину и сладкое.

— Согласен.

Аделаида поставила печать.

На этот раз документ не треснул.

Глава пятидесятая

Мир родился, а проблемы остались

Рождение мира сопровождалось громом, молнией и требованием заполнить форму номер один.

Аделаида заполнила её за всех.

Мир называли Завтра. Игнатий Послезавтрович стал Игнатием Ладовичем Завтрашним, хотя поначалу возражал против отчества дочери.

— Оно нарушает порядок поколений.

— В нашей семье порядок давно просит убежища, — сказала Антонина Ладовна Марковна Варваровна Евпраксиевна Аглаевна Аглаевна Вериновна Мириновна.

Все помолчали, пока она закончила представляться.

Фёкла Ненастувившая сняла белый плащ и открыла в новой школе кружок ответственного сомнения. На первом занятии она объясняла детям, что не всякое завтра обязано наступить, но каждое достойно рассмотрения.

Клим пошёл учиться. Через час его вызвали к директору за попытку нарисовать дверь в стене. Дверь получилась настоящей и вела в кондитерскую.

Тарас попросил мальчика повторить опыт дома.

Мира запретила обоим.

Завершёнк не исчез. Он остался рядом как город для тех, кто честно выбрал жизнь без продолжения. Теперь там были понедельник, новые книги и чужие дети в гостях. Оказалось, что будущее бывает не только собственным.

Перед возвращением Лада обняла Веру и Миру.

— Значит, мы не твои матери? — спросила Мира.

— В этом будущем — нет.

— А в остальных?

— Там посмотрим.

Эраст насторожился.

— Остальные возможности ведь стали историями и снами.

— Некоторые истории умеют возвращаться.

Тарас снова закрыл лицо руками.

— В нашей семье даже метафора приходит с вещами.

Антонина Марковна получила от Лады фотографию. На ней они стояли вдвоём перед ещё не построенным домом. На обороте было написано: «Бабушке, которая появилась раньше меня, но позже моего выбора».

Шкаф доставил всех обратно в институт.

Прошло всего семь минут.

На красном стуле лежал сахарный петушок.

— Не трогай, — одновременно сказали Мира и Евпраксия.

Тарас убрал руку.

— Я учусь.

Полина открыла блокнот, ожидая поздравления. Но страницы быстро перелистнулись к самому началу — туда, где были записаны имена Эраста и Тараса.

Под именем Эраста появилось слово:

ОТЕЦ.

Под именем Тараса тоже:

ОТЕЦ.

Вера и Мира медленно посмотрели на мужей.

— Это про какое будущее? — спросил Эраст.

Блокнот ответил:

ПРО БЛИЖАЙШЕЕ.

Тарас сел на пол.

— Стулов больше не предлагать.
Из шкафа донёлся двойной детский плач.
А потом чей-то взрослый голос произнёс:
— Прошу освободить проход. Я акушер причин и следствий.
Антонина Ладовна улыбнулась.
— Наконец-то нормальная семейная проблема.
За её спиной мироздание поспешно надело каску.

Часть шестая. Два отца и ни одного спокойного дня
Глава пятьдесят первая
Акушер, который принимал решения
Из шкафа вышел невысокий мужчина в белом халате. Поверх халата был надет кольчужный фартук, на голове — зеркальный круг, а в руках он держал саквояж, из которого доносилось тиканье.

— Савелий Прокофьевич Пуповин, — представился он. — Акушер причин и следствий высшей категории. Кто здесь отцы?

Эраст и Тарас одновременно указали друг на друга.

— Прекрасно, — сказал Пуповин. — Отрицание симметричное. Значит, прогноз подтверждается.

Вера скрестила руки.

— А матери вам не нужны?

— Матери уже определены.

— Кем?

— Детьми.

Мира медленно повернулась к шкафу.

— Они там?

— Пока не совсем. Там находятся их первые причины. Сами дети располагаются между «хочу» и «страшно».

Тарас заглянул в саквояж.

Внутри лежали два крошечных свёртка света. Один светился ровно и строго, второй подпрыгивал и пытался развязать соседний.

— Этот мой, — сказал Тарас.

— Почему? — спросил Эраст.

— Твой уже составил бы жалобу.

Строгий свёрток развернулся и показал записку:

ПРОШУ НЕ ДЕЛАТЬ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫХ ВЫВОДОВ.

— Узнаю родственника, — вздохнула Вера.

Пуповин разложил на столе инструменты: серебряные ножницы для перерезания сомнений, слуховую трубку для прослушивания будущего и деревянный молоток, которым проверяли отцовские рефлексy.

Он ударил Эраста по колену.

Эраст вскочил и поймал падающий со шкафа цветочный горшок.

— Рефлекс защитный, — отметил акушер. — Раздражение устойчивое.

Потом ударил Тараса.

Тот подпрыгнул, схватил Мира и поставил её перед собой.

— Рефлекс семейный, — сказал Пуповин. — Требуется ремонта.

— Я просто уверен в её боевых качествах.

— Я тоже, — сказала Мира. — Поэтому беги заранее.

Антонина Ладовна взяла акушера за пуговицу.

— Когда?

— Если всё пойдёт хорошо — через девять месяцев.

Все выдохнули.

— Если плохо — через девять минут.

Все вдохнули обратно.

Саквояж подпрыгнул.

Один световой свёрток выскочил наружу и юркнул в Эраста. Второй — в Тараса.

Пуповин побледнел.

— Плохо пошло.

Глава пятьдесят вторая

Первые признаки ответственного отцовства

Через минуту Эраст потребовал солёных огурцов и тишины.

Тарас потребовал клубничного варенья, жареной картошки и чтобы никто не смотрел, как он плачет над табуреткой.

— Она такая одинокая, — всхлипывал он. — Четыре ноги, а уйти не может.

Мира наблюдала за мужем без сострадания, но с исследовательским интересом.

— Это надолго?

Пуповин приложил слуховую трубку к животу Тараса.

— Ребёнок перенёс в отца эмоциональные последствия.

— А в Эраста?

Акушер послушал Кунилина.

— Организационные.

Эраст уже составлял график кормлений на ближайшие восемнадцать лет.

— Младенец должен спать с двадцати двух до шести, — говорил он. — Отклонения оформляются письменно.

Строгий свет внутри него возмущённо толкнулся.

— Видите? — сказал Эраст. — Согласен.

— Он протестует, — уточнил Пуповин.

Вера забрала у мужа бумагу.

— Для начала выясним, почему причины детей оказались в отцах.

Савелий Прокофьевич открыл саквояж. На дне лежала квитанция:

«ПЕРЕАДРЕСАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. ОПЛАЧЕНО ПОТОМКАМИ».

— Они сделали это сами, — сказал он.

— Зачем? — спросила Мира.

Из Тараса донёсся тонкий голос:

— Чтобы не сбежал.

Тарас выпрямился.

— Я никогда не бегал от ответственности.

— Ты прятался от свадьбы в другом мире, — напомнила Мира.

— Это было стратегическое перемещение.

Из Эраста раздался второй голос:

— Папа, не спорь с доказательствами.

В комнате стало очень тихо.

Эраст сел.

— «Папа» — это обращение ко мне?

— Нет, к козлу, — ответил голос. — Конечно, к тебе.

Козёл обиделся.

Пуповин объяснил: дети ещё не были зачаты в обычном смысле, но уже возникли как неизбежные последствия выбора. После рождения мира Завтра вероятность их появления стала настолько высокой, что обрела характер.

— И характер, судя по всему, наследственный, — сказала Полина.

Её блокнот написал:

ПЕРВЫЙ РЕБЁНОК БОИТСЯ ПОРЯДКА.

ВТОРОЙ — ОТСУТСТВИЯ ПОРЯДКА.

ОБА ВЫБРАЛИ НЕУДАЧНО.

— Спасибо, — сказали Эраст и Тарас.

— Не вам, — уточнил блокнот.

Глава пятьдесят третья

Курсы молодых отцов преклонного мироздания

Савелий Прокофьевич отказался извлекать причины детей.

— Они выйдут сами, когда убедятся, что вы готовы.

— К чему? — спросил Тарас.

— К тому, что готовым быть невозможно.

Для ускорения процесса Пуповин открыл курсы молодых отцов. Занятия проходили в бывшем кабинете безопасного колдовства, закрытом после третьего безопасного взрыва.

Кроме Эраста и Тараса пришли Матвей, Игнатий Послезавтрович и Круг.

— У меня уже есть сын, — сказал Матвей.

— Поэтому будете показывать ошибки, — ответил акушер.

— Я вырастил Ладу, — заметил Игнатий.

— А вы будете объяснять, почему ошибки иногда работают.

Круг сел в последний ряд.

— Я записался из любопытства.

Две Аглаи сели по сторонам от него.

— Мы записали, — сказала молодая.

— Из недоверия, — добавила старая.

Первое упражнение называлось «Успокой младенца». Вместо младенца Пуповин выдал каждому по маленькому грозовому облаку.

Облако Эраста плакало дождём по расписанию. Он попытался установить норматив осадков, и начался град.

Облако Тараса молчало, пока тот не расслабился, а потом ударило молнией в штаны.

— Похоже на настоящего ребёнка? — спросил Тарас.

— Настоящий точнее, — сказал Матвей.

Игнатий запел колыбельную о завтрашнем дне. Его облако уснуло, но проснулось вчера и потребовало вернуть молодость.

Круг просто держал своё облако на руках.

— Почему оно не плачет? — спросил Эраст.

— Я не пытаюсь его исправить.

Старая Аглая прослезилась и тут же ударила сына по затылку, чтобы никто не заметил.

Второе упражнение называлось «Ночной крик». Свет погас, и со всех сторон раздался младенческий плач.

Эраст зажёл лампу.

Тарас спрятался под стол.

— Ребёнка нужно взять на руки, — сказал Пуповин.

— Сначала его нужно найти.

— Это и есть отцовство.

Из темноты донеслось:

— Папа, я здесь.

Тарас вылез.

— Где — здесь?

— В будущем.

— Нельзя конкретнее?

— Можно. В будущем, которое у вас украли.

Глава пятьдесят четвёртая

Похищение девяти месяцев

В институте исчезли девять месяцев.

После апреля сразу наступил февраль, потом ненадолго август, а затем календарь заплакал и уволился.

Беременности Веры и Миры ещё не начались, но уже закончились в трёх соседних версиях мира. Детские комнаты появлялись и исчезали. Маленькие носки падали с потолка. По ночам кто-то рисовал на стенах драконов, очень похожих на директора.

— Кто мог украсть время? — спросила Вера.

Хроноласка Вчера выглянула из кармана Полины и виновато отвернулась.

— Ты? — спросили все.

Она выложила на стол две недели, один четверг и чужой обеденный перерыв.

— Не сходится, — сказал Эраст. — Не хватает восьми месяцев и тринадцати дней.

Вчера показала на саквояж Пуповина.

Савелий Прокофьевич прижал его к груди.

— Медицинская тайна.

Антонина Ладовна сняла туфлю.

— Семейное дознание.

В саквояже нашли календарную ленту длиной в девять месяцев. На ней стояла печать Управления досрочных судеб.

— Я должен был доставить детей раньше срока, — признался Пуповин. — Приказ поступил из Колыбельной палаты.

— Для чего? — спросила Мира.

— Чтобы они успели предотвратить событие, которое произойдёт до их рождения.

— Какое?

Акушер молчал.

Туфля поднялась выше.

— Исчезновение материнства, — быстро ответил он. — Через восемь месяцев кто-то отменит саму возможность называть другого человека своим ребёнком.

Круг побледнел.

— Нулевое родство вернулось?

— Хуже. Нулевое родство хотя бы признавало отсутствие связи. Новая сила заменяет связь услугой. Родитель становится временным исполнителем, ребёнок — проектом, любовь — обязанностью с измеримым результатом.

Полинин блокнот написал:

УГРОЗА НАЗЫВАЕТ СЕБЯ ИДЕАЛЬНОЙ МАТЕРЬЮ.

Антонина Ладовна опустила туфлю.

— Самозванка.

— Вы её знаете? — спросил Эраст.

— Всех идеальных матерей я знаю лично. Ни одной не существует.

Глава пятьдесят пятая

Колыбельная палата

Колыбельная палата располагалась в здании, похожем на огромную детскую кроватку. Решётки были позолочены и запирались снаружи.

У входа висели правила:

НЕ ПЛАКАТЬ БЕЗ ПРИЧИНЫ.

НЕ СМЕЯТЬСЯ ПОСЛЕ ОТБОЯ.

РАЗВИВАТЬСЯ СОГЛАСНО УТВЕРЖДЁННОМУ ГРАФИКУ.

Тарас прочитал последнее.

— Эраст, это твои люди.

— Мои люди ставили бы точки.

Их встретила высокая женщина в безупречном голубом платье. Волосы лежали волосок к волоску, улыбка была отмерена линейкой. На груди сиял знак: серебряная колыбель с замком.

— Евлампия Совершенновна Мера, — представилась она. — Председатель Палаты и мать всех детей.

— Даже моих? — спросила Вера.

— Особенно ваших. Вы пока не подтвердили квалификацию.

Она вручила Вере и Мире анкеты по четыреста вопросов.

Первый: «Гарантируете ли вы счастье ребёнка ежедневно с восьми до двадцати двух часов?»

Второй: «Обязуетесь ли исключить болезни, ошибки, разочарования и плохую погоду?»

Третий: «Согласны ли вы возместить ребёнку несовершенство мира?»

— Нет, — сказала Вера.

— Нет, — сказала Мира.

— Вы отказались от материнства, — спокойно объявила Евлампия.

— Мы отказались от глупости, — уточнила Мира.

— В нашей системе это одно и то же.

За решётками стояли тысячи колыбелей. Над каждой горела надпись: «Ожидает идеальных условий».

Условия не наступали.

Клим Ничьевич, пришедший вместе с Ладой, прижался к прутьям.

— Это новое Бюро отложенных детей.

— Нет, — сказала Лада. — Там нас хотя бы не обещали выпускать. Здесь обещают каждый день.

Евлампия повернулась к Эрасту и Тарасу.

— Передайте причины детей мне. Я воспитаю их без ваших ошибок.

— А без своих? — спросил Круг.

— У меня их нет.

Две Аглаи одновременно перекрестились.

— Вот теперь страшно, — сказала старая.

Глава пятьдесят шестая

Экзамен на несовершенно родителя

Чтобы сохранить право на будущих детей, обеим семьям назначили экзамен.

Первое задание: выбрать ребёнку профессию.

Эраст написал: «Сам выберет после получения достаточной информации».

Тарас написал: «Богатый наследник».

Мира зачеркнула и добавила: «Сам выберет после разговора с матерью».

Второе задание: обеспечить полную безопасность.

Вера оставила лист пустым.

— Ответа нет, — сказала Евлампия.

— Полной безопасности тоже.

Третье задание: назвать главную обязанность ребёнка.

Антонина Ладовна ответила за всех:

— Пережить родственников.

— Неверно. Главная обязанность — оправдать вложенные ресурсы.

Семён Парамонович достал главный ключ.

— А можно открыть правильные ответы?

— Нельзя.

Он повернул ключ в воздухе. На столе появилась папка экзаменатора.

Правильные ответы были написаны заранее. Во всех графах значилось: «Передать ребёнка Колыбельной палате».

— Экзамен поддельный, — сказал Эраст.

— Экзамен идеальный, — возразила Евлампия. — Он исключает неправильный результат.

Из Тараса донёсся голос:

— Папа, скажи ей.

— Что?

— То, чему тебя мама учит каждый день.

Тарас посмотрел на Миру.

— Не трогать чужие вещи?

— Другое.

— Не спорить с вооружённой женщиной?

— Ещё другое.

Тарас задумался.

— Любовь не делает человека собственностью.

В помещении погасли половина надписей.

Голос внутри Эраста сказал:

— Теперь ты.

— Я не готов.

— Это правильный ответ.

Погасла вторая половина.

Колыбели за решётками начали качаться сами.

Евлампия впервые потеряла улыбку.

— Несовершенство заразно.

— Да, — сказала Вера. — Обычно им заражаются при рождении.

Глава пятьдесят седьмая

Побег первых причин

Колыбельная палата закрыла все выходы.

Савелий Прокофьевич попытался предъявить медицинский пропуск, но документ объявили эмоционально нестабильным и госпитализировали отдельно.

Тогда хроноласка Вчера украла у замков причину быть закрытыми.

Двери распахнулись.

Из колыбелей поднялись огоньки — первые причины тысяч детей. Они кружили под потолком, выбирая дороги, семьи или право погаснуть без чужого решения.

Евлампия подняла серебряный знак.

— Вернуться! Я знаю, что для вас лучше!

Ни один огонёк не вернулся.

— Неблагодарные, — прошептала она.

Антонина Ладовна подошла ближе.

— Вот теперь вы действительно похожи на мать. Плохую, но узнаваемую.

Евлампия ударила знаком по полу.

Здание превратилось в огромную колыбель и начало раскачиваться. Мир вокруг наклонялся то в прошлое, то в будущее. Люди падали, решения перемешивались. Круг снова стал ребёнком, две Аглаи — старухами, а Тарас на несколько секунд оказался собственным прадедом и немедленно занял у себя денег.

— Нужно остановить качание! — крикнул Пуповин.

Ардеина вцепилась когтями в пол. Семён Парамонович привязал к её хвосту одну сторону здания. К другой требовалось привязать что-нибудь достаточно тяжёлое.

Все посмотрели на ответственность.

Она лежала посреди зала в виде огромного железного шара.

— Почему она такая тяжёлая? — спросил Тарас.

— Потому что вы носите её по очереди, — ответила Мира.

Эраст и Тарас вместе подняли шар.

Причины детей внутри них засветились. Железо стало лёгким.

— Когда ответственность разделена, она меняет вес, — сказал Пуповин.

— Запишите, — приказал Эраст.

Полинин блокнот уже писал:

КОГДА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕЛЯТ, ОНА НЕ УМЕНЬШАЕТСЯ.

УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ЧИСЛО ТЕХ, КТО НЕ ДАЁТ ЕЙ УПАСТЬ.

Колыбель остановилась.

Но потолок раскрылся, и сверху опустилась гигантская рука в белой перчатке.

Она потянулась к Вере и Мире.

— Материнство подлежит изъятию, — произнёс голос Палаты.

Глава пятьдесят восьмая

Тёща против идеальной матери

Антонина Ладовна встала между рукой и дочерьми.

— Изымите сначала моё.

Белая перчатка коснулась её головы.

Из Антонины начали вытягиваться воспоминания: первая температура Веры, первая драка Миры, страх за Аделаиду, которую она ещё не родила в обычном времени, и тоска по Мареку, которого долго не знала.

Вместе с хорошим уходило плохое: резкие слова, несправедливые запреты, попытки решить за дочерей, уверенность, что любовь даёт право командовать.

— Отпустите! — крикнула Вера.

— Нет, — сказала Антонина. — Пусть забирает всё. Если оставит только идеальное, от меня ничего не останется.

Рука дрогнула.

Евлампия Совершенновна смотрела на поток воспоминаний и впервые видела материнство без отчёта. Оно состояло не из правильных решений, а из бессонных ночей, ошибок, возвращений, тревоги и умения однажды отойти в сторону.

— Это неэффективно, — прошептала она.

— Зато живое, — ответила Мира.

К Антонине подошли Варвара Тихоновна и Евпраксия Львовна. Каждая положила руку ей на плечо.

Потом подошли обе Аглаи.

Потом Вера, Мира, Аделаида, Лада и даже Круг, который в этой семье успел побывать почти всем, кроме спокойного человека.

Материнские воспоминания вернулись, но уже не принадлежали одной Антонине. Их держала вся семья.

Белая перчатка треснула.

Внутри оказалась маленькая женская рука.

Евлампия вскрикнула и прижала её к груди.

Её идеальное лицо рассыпалось, как фарфоровая маска. Под ним оказалось лицо девочки лет двенадцати.

— Кто ты? — спросила Полина.

— Первая дочь, которую не выбрали, — ответила Евлампия. — Я решила стать матерью всем, чтобы никто больше не мог отказаться.

Антонина Ладовна покачала головой.

— Нельзя лечить свою обиду чужой несвободой.

— А чем лечить?

— Для начала — перестать называть её заботой.

Глава пятьдесят девятая

Имена тех, кто ещё не родился

Колыбельная палата перестала быть тюрьмой.

Решётки превратились в мосты. Правила на входе переписали. Теперь там было всего одно:

НЕ ОБЕЩАТЬ РЕБЁНКУ ИДЕАЛЬНЫЙ МИР. ПОМОЧЬ ЕМУ ЖИТЬ В НАСТОЯЩЕМ.

Евлампия отказалась от должности матери всех детей и стала хранительницей свободных возможностей. Фамилию Мера она оставила — чтобы помнить, как опасно измерять то, чему нужна близость.

Савелий Прокофьевич вернул украденные девять месяцев календарю.

— Теперь причины детей можно извлечь из отцов, — сказал он.

— Безболезненно? — спросил Тарас.

— Для детей.

Пуповин достал серебряные ножницы. Причина из Эраста вышла сама и зависла перед Верой. Она протянула ладонь.

— Ты хочешь к нам?

Свет написал в воздухе:

ДА. НО БЕЗ РАСПИСАНИЯ ПЛАЧА.

Эраст тяжело вздохнул.

— Обсудим допустимые отклонения.

Второй огонёк вылетел из Тараса, трижды обогнул Миру и спрятался за её спиной.

— А ты? — спросила она.

— Хочу. Но папу одного на прогулку не отпускай.

— Уже договорились.

Огоньки коснулись Веры и Миры и исчезли.

На этот раз никто не объявлял беременность неизбежной. Перед обеими женщинами остался выбор, настоящий именно потому, что его не делал ребёнок, муж, тёща или мироздание.

Вера взяла Эраста за руку.

Мира — Тараса, предварительно проверив, не держит ли он сахарного петушка.

— Мы согласны, — сказали они.

Полинин блокнот раскрылся.

На одной странице появилось имя:

СОФЬЯ ЭРАСТОВНА КУНИЛИНА.

На другой:

ФЁДОР ТАРАСОВИЧ ТЮЛЬКИН.

— Почему Фёдор? — спросил Тарас.

Из будущего донеслось:

— Потому что я так решил.

— Весь в мать, — сказал Тарас.

Мира улыбнулась.

— Надеюсь.

Глава шестидесятая

Девять месяцев начинаются сейчас

Они вернулись в институт утром того же дня.

Календарь висел на месте, но теперь осторожно показывал только сегодняшнее число.

Савелий Прокофьевич провёл обследование, задал несколько деликатных вопросов и объявил:

— Причины приняты. Следствия ожидаются в установленный природой срок. Без досрочных доставок, временных петель и вмешательства учреждений.

— То есть всё будет нормально? — спросил Эраст.

— Нет. Всё будет обычно.

Эрасту это понравилось ещё меньше.

Антонина Ладовна немедленно составила список необходимых вещей. Вера сократила его вдвое. Мира вычеркнула деревянную саблю для новорождённого. Тарас вписал обратно сахарного петушка.

К вечеру две будущие матери устали от советов и выгнали всех мужчин из комнаты.

В коридоре Эраст и Тарас сидели рядом.

— Страшно? — спросил Тарас.

— Да.

— Мне тоже.

— Это не основание для бездействия.

— А для чего основание?

— Для осторожности.

Тарас подумал.

— Ты уверен, что мы справимся?

— Нет.

— Хорошо. А то я начал беспокоиться, что ты стал самоуверенным.

Из-за двери высунулась Мира.

— Мы не беременны ещё даже один полный день, а вы уже обсуждаете, справитесь ли вы.

— Планирование, — сказал Эраст.

— Паника, — сказал Тарас.

— Обоим спать.

Ночью институт проснулся от колыбельной.

Пела не Вера и не Мира. Голос шёл из подвала, где хранились старые артефакты и однажды забытый конец света.

Ардеина спустилась первой. За ней — Семён Парамонович с ключом, Полина с блокнотом и Круг с двумя матерями, потому что оставить их наверху было опаснее.

В центре подвала стояла чёрная колыбель.

Она была пуста.

Над ней вращались девять маленьких миров, связанных одной пуповиной света. В каждом мире младенец открывал глаза — и звёзды гасли.

Полинин блокнот написал:

КОЛЫБЕЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ НЕ РЕБЁНКУ.

ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ КОНЦУ СВЕТА.

Из темноты вышла Евлампия Мера.

— Я пришла предупредить. Палата была не единственной, кто ждал рождения Софьи и Фёдора.

— Кто ещё? — спросила Антонина Ладовна.

Колыбель перестала петь.

Из неё поднялась маленькая рука и указала наверх — туда, где спали Вера и Мира.

Потом детский голос произнёс:

— Мне нужны две матери. Тогда я смогу родиться вместо их детей.

Антонина Ладовна взяла чёрную колыбель за край.

— Никак не привыкну, что семейные проблемы теперь сразу многомировые.

Колыбель укусила её за палец.

— И невоспитанные.

Часть седьмая. Колыбель для конца света

Глава шестьдесят первая

Младенец, назначенный последним

Чёрная колыбель снова укусила Антонину Ладовну.

— Зубов нет, а воспитания уже не хватает, — сказала она.

Савелий Прокофьевич Пуповин осмотрел след.

— Укус причинный. Рана появится за три дня до укуса.

— И что теперь делать?

— Вчера перевязать.

Хроноласка Вчера достала из-за щеки бинт и гордо положила на стол.

— Хоть кто-то подготовился, — признала Антонина.

Из колыбели снова поднялась маленькая рука. Она указала на потолок, за которым спали Вера и Мира.

— Мне нужны две матери, — повторил детский голос. — Тогда я рожусь вместо их детей.

— Зачем тебе рождаться вместо кого-то? — спросила Полина.

— Свободных мест нет.

— В мироздании?

— В родословной.

На боку колыбели проступила металлическая табличка:

«ИЗДЕЛИЕ КС-1. ЗАПАСНОЙ КОНЕЦ СВЕТА. ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПРИ НЕУСТРАНИМОЙ ОШИБКЕ ТВОРЕНИЯ».

Тарас прочитал и отступил.

— Хорошая новость: это не ребёнок.

— А плохая? — спросила Мира.

— Он умеет читать наши мысли и сейчас обидится.

Колыбель ударила Тараса полозом по ноге.

— Я ребёнок, — сказал голос. — Просто с должностью.

Эраст осмотрел крепления, надписи и девять вращавшихся миров.

— Кто тебя создал?

— Родители мироздания.

Порядок и Случайность, которых никто не приглашал в подвал, появились одновременно. Порядок вошёл через дверь. Случайность выпала из сундука.

Они увидели колыбель и впервые не начали спорить.

— Мы её уничтожили, — прошептал Порядок.

— Мы её забыли, — поправила Случайность.

— Это хуже, — сказала Антонина Ладовна.

Колыбель перестала качаться.

— Мама, — произнёс голос.

Порядок и Случайность одновременно спрятались за Эраста.

— Почему всегда за мной? — спросил он.

— Ты похож на стену, — ответила Случайность.

— Надёжную?

— Недовольную.

Глава шестьдесят вторая

Инструкция по применению апокалипсиса

Инструкцию нашли под матрасом.

Она состояла из одной страницы:

«При обнаружении неисправимого мира уложить его в колыбель. Качать до полного прекращения. После тишины начать заново».

— До полного прекращения чего? — спросила Вера, уже спустившаяся в подвал.

— Всего, — ответил Порядок.

Мира заглянула внутрь.

— И вы назвали это запасным ребёнком?

Случайность смутилась.

— Сначала это был механизм. Потом он начал плакать.

— А вы?

— Перестали заходить в подвал.

Антонина Ладовна медленно сняла обе туфли.

— Одной не хватит, — объяснила она.

Порядок рассказал, что в первые дни мироздание часто ломалось. Звёзды падали вверх, время ходило кругами, разумная жизнь появлялась исключительно у мебели. Для крайних случаев создали Колыбель Конца. Она должна была усыпить неудачный мир и освободить место новому.

— Но ни разу не использовали, — добавила Случайность.

— Почему?

— Не смогли решить, какой мир исправим.

— Любой мир исправим, — сказал Круг. — Именно поэтому он продолжается.

Из колыбели донеслось:

— Я ждал.

— Сколько? — спросила Вера.

— Дольше, чем существует «сколько».

В девяти маленьких мирах над колыбелью дети снова открыли глаза. Девять звёзд погасли.

Пуповин приложил слуховую трубку к чёрному дереву.

— Он действительно живой. Но развивается только тогда, когда где-то ожидают ребёнка. Сейчас у него появились две дороги рождения — через вас.

— Почему две матери? — спросила Мира.

— Потому что его создали двое родителей, но ни один не согласился быть матерью.

Порядок посмотрел на Случайность.

Случайность — на Порядок.

— Я предлагала бросить монетку, — сказала она.

— У монетки было три стороны.

— Зато честно.

Полинин блокнот написал:

**КОНЕЦ СВЕТА НЕ ХОЧЕТ УНИЧТОЖАТЬ МИР.
ОН ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЕГО ХОТЬ РАЗ ВЫБРАЛИ.**

Глава шестьдесят третья

Бабка-повитуха общего назначения

Для осмотра колыбели Пуповин вызвал своего учителя.

Из печной трубы спустилась сухонькая старуха в красном платке, с медным тазом под мышкой и пучком ключей на поясе.

— Соломонида Ефимовна Колыбельцева, — представилась она. — Повитуха миров, созвездий и особо крупных семейных недоразумений.

— Почему через трубу? — спросил Эраст.

— Дверь для тех, кто знает, куда идёт.

Она ударила Пуповина тазом по голове.

— Украл девять месяцев?

— По приказу.

— Голова тоже по приказу?

— Нет.

— Тогда отвечай ей.

Соломонида осмотрела Веру, Миру, чёрную колыбель, Порядок, Случайность и козла. Козла — дважды.

— Беременности развиваются нормально. Конец света тоже. Это и есть проблема.

— Можно остановить? — спросил Эраст.

— Можно всё. Но не всё потом можно начать обратно.

Повитуха достала из таза клубок красной нити. Один конец тянулся к Вере, второй — к Мире, третий — к колыбели. Четвёртый уходил в стену.

— У клубка четыре конца, — сказал Тарас.

— У хорошей семейной истории концов всегда больше, чем начал.

Соломонида потянула четвёртую нить. Стена раскрылась, и оттуда выпал молодой человек в чёрной форме. На погонах у него были маленькие погасшие звёзды.

Он поднялся и отдал честь.

— Гордей Безымянный. Инспектор по младенческим апокалипсисам.

— Бывают взрослые? — спросил Тарас.

— Взрослые называются политикой.

Гордей предъявил приказ:

«Изделие КС-1 привести в действие. Основание: текущий мир признан чрезмерно родственным».

Под приказом стояла подпись Антонины Ладовны.

— Я этого не подписывала, — сказала она.

Гордей посмотрел на дату.

— Подпишете через шесть месяцев.

Глава шестьдесят четвёртая

Подпись из будущего

Будущую подпись проверяли всей семьёй.

Эраст сравнивал наклон букв. Аделаида изучала печать. Полина задавала блокноту вопросы. Хроноласка Вчера нюхала бумагу и чихала завтрашней пылью.

— Подпись настоящая, — сказала Аделаида.

— Решение принято добровольно, — добавила Полина.

— Значит, через шесть месяцев я захочу уничтожить мир? — спросила Антонина.

— Не обязательно захотите, — ответил Гордей. — Достаточно решить, что другого выхода нет.

— Другой выход есть всегда.

— Это вы говорите сейчас. До рождения Софьи и Фёдора.

В комнате стало тихо.

— Что произойдёт при их рождении? — спросила Вера.

Инспектор снял фуражку.

— Они родятся одновременно в разных семьях, но под одной звездой. Их первый крик соединит все варианты родства, которые вы сохранили. Ни один человек больше не сможет быть полностью один.

— Разве это плохо? — спросила Мира.

— Для тех, кто выбирает близость, нет. Для остальных родство станет насильственным. Каждый почувствует боль каждого родственника, живого, умершего и возможного.

Круг закрыл глаза.

— Материнский узел распространится на всё мироздание.

— И Антонина Марковна решит перерезать его вместе с миром, — закончил Гордей.

Антонина Ладовна порвала приказ.

Половинки срослись.

Она сожгла его.

Пепел сложился в подпись.

— Будущее защищает принятое решение, — сказал Игнатий Послезавтрович.

— Тогда нужно изменить не подпись, а причину, — сказала Лада.

Из колыбели донёсся смех.

— Поздно. Я уже причина.

Тарас наклонился к ней.

— Послушай, причина. А имя у тебя есть?

— *КС-1*.

— Это не имя. Это номер кастрюли.

Колыбель обиженно заскрипела.

— Назовём его Костей, — предложил Тарас. — Конец Света. К. С.

— Ты только что дал апокалипсису домашнее имя, — сказал Эраст.

— Пусть теперь попробует уничтожить человека, который его Костей зовёт.

Колыбель перестала смеяться.

— Костя, — тихо повторил голос.

Будущая подпись дрогнула.

Глава шестьдесят пятая

Детская комната для того, кого нет

Косте выделили комнату.

— Мы поощряем шантаж, — сказал Эраст.

— Мы показываем ребёнку, что он существует не только как оружие, — ответила Вера.

— Он не ребёнок.

Из колыбели прилетела погремушка и попала Эрасту в лоб.

— Аргумент принят.

Комнату устраивали все. Семён Парамонович открыл ключом окно в безопасный рассвет. Ардеина согрела стены огнём. Клим нарисовал дверь в сад. Лада повесила фотографию будущего дома.

Круг принёс книгу сказок, в которой никто не был обязан исчезать ради счастливого конца.

Две Аглаи подарили два одеяла и трижды поссорились, какое теплее.

Антонина Ладовна поставила у кровати горшок с геранью.

— Зачем? — спросил Тарас.

— Чтобы привыкал: семья — это когда рядом обязательно стоит что-то, назначение чего никто не объясняет.

Костя молчал.

Ночью из комнаты донёлся плач. Не страшный, не апокалиптический — обычный детский плач, от которого взрослые просыпаются быстрее, чем от конца света.

Тарас вошёл первым.

— Что случилось?

— Я не знаю, как не уничтожить мир.

— Я тоже много чего не знаю.

— Но ты ничего не уничтожаешь.

— Ты плохо знаком с нашей кухней.

Тарас сел рядом с колыбелью.

— Тебя сделали для одного дела. Это не значит, что ты обязан его делать.

— А кем мне быть?

— Пока ребёнком. Очень удобная профессия: ответственности мало, требований много.

— А потом?

— Потом сам придумаешь. Взрослые тоже так делают, только скрывают.

Костя затих.

В коридоре Мира обняла Тараса.

— Ты умеешь говорить разумные вещи.

— Ночью контроль ослабевает.

Утром чёрное дерево колыбели стало серым.

Но один из девяти миров над ней исчез.

Глава шестьдесят шестая

Первый мир, который съел сам себя

Исчезнувший мир нашли внутри Кости.

Он уменьшился до размера яблока и вращался у него под матрасом. На поверхности бегали крошечные люди и требовали вернуть привычную катастрофу.

— Почему они недовольны спасением? — спросила Полина.

Гордей Безымянный увеличил изображение.

В том мире конец света происходил каждую пятницу. Люди привыкли откладывать дела до четверга, признавались в любви по расписанию и не платили долгов дольше недели.

— Без катастрофы им придётся жить дальше, — объяснил инспектор. — Они не готовились.

— Вернуть? — спросил Костя.

— Нет, — сказал Эраст.

— Да, — сказал Тарас.

— Почему да?

— Нельзя насильно спасать тех, кто хочет погибнуть.

— А если они хотят погибнуть только потому, что боятся жить? — спросила Вера.

Антонина Ладовна взяла мир-яблоко.

— Спросим.

Семён Парамонович открыл в нём дверь. Делегацию встретил мэр Последнепятница — полный мужчина с траурной лентой поверх праздничного костюма.

— Верните конец света! — потребовал он. — У нас под него бюджет утверждён.

— А без него жить пробовали? — спросила Мира.

— Один раз. Было воскресенье. Не понравилось.

Герои провели в мире три дня. Эраст помог составить бюджет на следующую неделю. Тарас случайно пообещал жениться на местной пророчице, но Мира вовремя объяснила ей устройство уже наступившего конца света.

Костя наблюдал за людьми через бортик колыбели.

— Они сами выбирают?

— Теперь да, — сказала Лада.

Половина жителей решила продолжить мир. Другая половина попросила оставить им пятничную грозу, страшную музыку и право кричать «мы все погибнем», не погибая.

Так появился первый безопасный апокалипсис.

Костя вернул мир на орбиту.

Чёрное дерево стало светлее ещё на один оттенок.

— Я спас? — спросил он.

— Ты дал выбрать, — ответил Круг. — Иногда это труднее.

Глава шестьдесят седьмая

Заговор нерождённых

Софья и Фёдор вышли на связь во время завтрака.

Молоко в стакане Веры сложилось в слова:

КОСТЯ НЕ ДОЛЖЕН РОЖДАТЬСЯ ВМЕСТО НАС.

Каша Тараса ответила:

НО МОЖЕТ РОДИТЬСЯ С НАМИ.

— Почему моя еда разговаривает? — спросил Тарас.

— Потому что мысли ребёнка идут по наследственно доступному каналу, — объяснил Пуповин.

— А нельзя через Миру?

— Она ест молча.

Будущие дети предложили разделить Материнский узел на три нити. Софья должна была унаследовать способность видеть связи, Фёдор — отпускать их, а Костя — завершать только то, что действительно закончено.

— Хороший план, — сказал Эраст. — Кто составил?

В его чашке появилась надпись:

МЫ.

Каша Тараса добавила:

В ОСНОВНОМ СОФЬЯ.

— Весь в меня, — сказал Тарас.

— Особенно честностью, — заметила Мира.

Для разделения узла требовалось согласие матерей. Вера согласилась сразу. Мира попросила объяснить риски.

— Софья будет чувствовать чужую боль, — сказал Гордей. — Фёдор сможет разрывать любую связь, даже любовь. Костя получит власть завершать миры.

— Слишком много для детей, — сказала Мира.

— Они не обязаны пользоваться даром, — возразил Круг.

— Но обязаны будут жить, зная, что могут.

Антонина Ладовна посмотрела на своих дочерей.

— Силу нельзя выдать ребёнку вместо характера.

— Что тогда делать? — спросила Вера.

— Растить характер. А силу не делать тайной.

Матери согласились.

Оставалась подпись Кости.

На бортике колыбели проступили слова:

Я НЕ СОГЛАСЕН.

— Почему? — спросил Тарас.

— Если я перестану быть концом света, вы перестанете во мне нуждаться.

Глава шестьдесят восьмая

Семейный совет без права голоса
Костя заперся в детской комнате.

Дверь Клим нарисовал без ручки, поэтому снаружи её нельзя было открыть даже главным ключом.

Собрали семейный совет.

Порядок предложил обязательное усыновление по форме. Случайность — бросить три монетки. Круг предложил время. Антонина Ладовна предложила суп.

— При чём здесь суп? — спросил Эраст.

— Голодные родственники принимают решения, которые потом называют историческими.

После супа решили не решать за Костю.

— Но до рождения Софьи и Фёдора шесть месяцев, — напомнил Гордей. — Если узел не разделить, будущая подпись Антонины вступит в силу.

— Значит, у него есть шесть месяцев, — сказала Вера.

— А у мира?

— Тоже.

Тарас сел перед дверью.

— Костя, выходи.

— Нет.

— Хорошо. Я посижу здесь.

— Зачем?

— Чтобы ты не думал, что нужен нам только открытым.

Прошёл час.

Тарас рассказывал двери о своём детстве, первой драке, страхе жениться и о том, как однажды пытался сбежать от Миры, но спас мир и вернулся в ещё более официальном положении.

— Ты всегда боялся, что перестанешь быть нужным? — спросил Костя.

— Конечно. Поэтому иногда делал глупости заранее, чтобы без меня точно не разобрались.

Дверь приоткрылась.

Колыбель стояла посреди комнаты. Она стала почти белой, только один полоз оставался чёрным.

— Если я соглашусь, кем я буду вам?

Тарас задумался.

— У меня уже есть будущий сын, жена, тёща с семьёй отчествами и козёл без должности.

Будешь семейным концом света.

— Это родство?

— У нас — да.

Костя подписал согласие отпечатком маленькой ладони.

Будущая подпись Антонины исчезла.

Глава шестьдесят девятая

Три нити одного узла

Разделение Материнского узла проводили на крыше института.

Соломонида Ефимовна расстелила красную нить между тремя пустыми колыбелями. Пуповин приготовил ножницы для сомнений. Гордей выставил охрану от преждевременных пророчеств.

Вера и Мира встали по сторонам. Антонина Ладовна — между ними.

— Готовы? — спросила повитуха.

— Нет, — ответили все.

— Значит, начинаем.

Узел вышел из Антонины как золотой клубок, в котором были связаны голоса, воспоминания, обиды и обещания всех её детей. Он сопротивлялся, потому что привык считать себя единственным доказательством любви.

— Любовь останется без тебя, — сказала Вера.

— Связь останется свободной, — добавила Мира.

Антонина Ладовна молчала дольше всех.

— А я останусь матерью, даже если не смогу удержать ни одного ребёнка.

Узел распустился.

Первая нить ушла к Софье — тонкая, светлая, чувствующая каждое прикосновение.

Вторая — к Фёдору, крепкая и легко развязывающаяся.

Третья потянулась к Косте.

В этот момент небо раскрылось.

Из него спустились девять чёрных колыбелей — по одной для каждого мира, который Костя раньше держал над собой.

— Запасной конец света не должен иметь семью, — произнесли они хором. — Семья создаёт предпочтения. Предпочтения мешают уничтожать беспристрастно.

— Поздно, — сказал Костя. — Я уже предвзят.

Колыбели бросились на него.

Ардеина выдохнула пламя. Семён Парамонович открыл в воздухе защитную дверь. Две Аглаи забросали нападавших одеялами. Козёл съел инструкцию к одному апокалипсису, и тот перестал понимать, что делать.

Но главная колыбель прорвалась.

Она перехватила третью нить и потянула её к пустоте.

Костя закричал.

Софья и Фёдор ответили из будущего — двумя младенческими голосами, от которых задрожали звёзды.

Три нити сплелись сами.

Получилась коса.

— Это что? — спросил Эраст.

Соломонида улыбнулась.

— Родство, которое умеет держаться и отпускать одновременно.

Глава семидесятая

Конец света принят в семью

Девять чёрных колыбелей потеряли власть.

Без инструкций, приказов и одиночества они оказались обычными пустыми кроватками. Их отправили в новые миры — не уничтожать, а напоминать, что всякий конец требует согласия тех, кто остаётся.

Костина колыбель стала белой. На бортике сохранились две чёрные буквы: «КС».

— Для памяти, — сказал он.

Аделаида оформила свидетельство.

Имя: Константин.

Отчество: Порядкович-Случаевич.

Фамилия: Тюлькин-Кунилин-Круг-Завтрашний.

— Это невозможно произнести, — сказал Эраст.

— Зато невозможно потерять среди однофамильцев, — ответил Тарас.

В графе «родители» Костя попросил написать: «Мироздание и те, кто не ушёл».

Аделаида поставила печать.

Антонина Ладовна получила новый статус — двоюродная бабушка конца света по выборной линии.

— Сокращённо можно «бабушка», — разрешил Костя.

— Я и без разрешения собиралась.

Соломонида Ефимовна объявила, что беременности Веры и Миры теперь идут в одном времени и без апокалиптических осложнений.

— Остались обычные осложнения, — добавила она.

— Какие? — спросили Эраст и Тарас.

— Родственники.

Через неделю институт превратил бывший кабинет безопасного колдовства в детскую. Лада прислала игрушечный дом из мира Завтра. Клим нарисовал на стене дверь, ведущую только в хорошие сны. Евлампия Мера принесла три пустых альбома — без заранее подписанных достижений.

Костя учился быть ребёнком. Он уже умел не заканчивать начатую кашу, завершать дневной сон раньше расписания и объявлять локальный конец света, когда у него отнимали молоко.

Однажды вечером Полинин блокнот раскрылся сам.

Он написал:

ДО РОЖДЕНИЯ СОФЬИ И ФЁДОРА ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ.

ЭТОТ СРОК СОБЛЮДЁН НЕ БУДЕТ.

— Опять досрочно? — спросил Тарас.

Соломонида Ефимовна выхватила блокнот.

На следующей странице появилась карта. В самом центре мироздания светилось здание с башнями, трубами и огромной вывеской:

«МЕЖМИРОВОЙ РОДИЛЬНЫЙ ДОМ. ПРИНИМАЕМ ВСЕХ, ДАЖЕ ТЕХ, КТО НЕ СОБИРАЛСЯ».

Под картой проступила приписка:

РОДДОМ ЗАХВАЧЕН. ВРЕМЯ РОДОВ ОБЪЯВЛЕНО В ЗАЛОЖНИКИ.

Пуповин побледнел.

— Там хранятся все даты рождения.

— Кто захватил? — спросила Мира.

Блокнот вывел одно слово:

БЕССМЕРТНЫЕ.

Тарас задумался.

— Логично. Если никто не рождается, никто не вырастет и не займёт их место.

Антонина Ладовна поднялась.

— Собирайтесь. Поедем в роддом.

Эраст посмотрел на часы.

— Сейчас ночь.

— Привыкай. Дальше у вас она будет часто.

Часть восьмая. Роддом на краю мироздания

Глава семьдесят первая

Приёмное отделение вечности

Межмировой родильный дом стоял на самом краю мироздания.

За его задней стеной кончалось пространство, поэтому мусор выносили только через главный вход.

Здание имело девять башен, семьсот окон и одну дверь с табличкой:

«ПРИЁМ ПОСТУПАЮЩИХ КРУГЛОСУТОЧНО. ПОСЕЩЕНИЕ РОДСТВЕННИКОВ — ПОСЛЕ КОНЦА ВРЕМЕНИ».

Антонина Ладовна постучала.

— Закрыто, — ответили изнутри.

— Роддом не может быть закрыт.

— Сегодня может. Техническое бессмертие.

Семён Парамонович вставил главный ключ. Замок выплюнул его обратно вместе со справкой: «Ключ не рождён в данном учреждении».

— Придётся через край мироздания, — сказал Гордей Безымянный.

— Там же ничего нет, — заметил Тарас.

— Значит, не заблудимся.

Ардеина перенесла всех на крышу. Козла оставили у входа сторожить обувь, но он счёл поручение унижительным и съел табличку.

Внутри роддом был больше, чем снаружи. Коридоры уходили в разные эпохи. По стенам висели часы, показывавшие первые минуты жизней. Некоторые тикали, другие ждали.

У стойки приёмного отделения сидела молодая медсестра с совершенно седыми глазами.

— Имя? — спросила она.

— Чьё? — ответила Антонина Ладовна.

— Того, кто рождается.

— Пока никто.

— Тогда зачем приехали?

— Чтобы и дальше рождались.

Медсестра подняла глаза.

— В таком случае вы в реанимацию мироздания. Третий коридор налево, потом прямо до детства.

— А бессмертные где?

Она показала вверх.

— Заняли отделение будущего. Закрыли даты рождения и требуют пожизненную гарантию.

— У бессмертных пожизненная гарантия звучит как издевательство, — сказал Тарас.

Из громкоговорителя донёсся властный голос:

— Внимание. Все рождения временно отменены. Приносим вечные извинения.

Вера и Мира одновременно схватились за животы.

Пуповин побледнел.

— Дети слышали.

— И что? — спросил Эраст.

— Софья возмутилась. Фёдор собирается выйти и разобраться.

Глава семьдесят вторая

Бессмертные боятся молодых

Предводителя захватчиков звали Кассий Никогдаевич Неумиралов.

Он выглядел лет на сорок, говорил голосом на три тысячи и постоянно жаловался на сквозняки. Рядом стояла Ариадна Бессрочная — первая женщина, отказавшаяся от собственного возраста. За их спинами прятался Вековик, самый молодой бессмертный. Ему было всего восемьсот девяносто два года, поэтому на совещаниях ему не давали слова.

— Мы не против детей, — сказал Кассий Никогдаевич. — Мы против последствий.

— Дети и есть последствия, — ответил Пуповин.

— Вот именно.

Бессмертные предъявили расчёты. Каждый новый человек занимал место в памяти мира, придумывал новые слова, передвигал мебель и однажды спрашивал, зачем нужны те, кто живёт вечно.

— Последнее особенно опасно, — сказала Ариадна.

— А зачем вы нужны? — спросила Лада.

Бессмертные растерялись.

Вековик поднял руку.

— Я тоже давно хотел узнать.

Кассий отодвинул его за занавеску.

— Мы сохраняем опыт.

— Какой? — спросил Эраст.

— Весь.

— Назовите три полезных вывода.

Кассий Никогдаевич задумался.

— Не пить молодое вино. Не покупать дома возле вулканов. Не спорить с тещей.

— Третий вывод оправдывает восемь тысяч лет, — признал Тарас.

Антонина Ладовна подошла к бессмертному.

— Откройте даты.

— Нет. Молодые приходят и меняют мир под себя.

— Вы тоже когда-то пришли молодыми.

— Это было другое поколение.

— Все поколения так говорят. Поэтому история ходит кругами и каждый раз удивляется мозолям.

Кассий поднял золотой жезл. На его вершине вращался крошечный календарь.

— Пока мы владеем Датником, никто не родится.

Из живота Миры донёсся голос Фёдора:

— Спорим?

Глава семьдесят третья

Палата несостоявшихся дней рождения

Датник хранился в палате номер ноль.

Там стояли ряды пустых кроватей. На каждой лежала дата: золотая для долгожданных детей, серебряная для неожиданных, простая бумажная для тех, кого будут любить без праздничных речей.

Дата Софьи выглядела как аккуратно сложенный осенний день.

Дата Фёдора прыгала по подоконнику и пыталась сбежать.

— Весь в отца, — сказала Мира.

— Я хотя бы через окно не прыгал, — возразил Тарас.

— Потому что жил на первом этаже.

Кассий запер Датник в стеклянном шкафу.

— Не приближаться. Любое прикосновение ускорит роды.

Антонина Ладовна шагнула вперёд.

— Насколько?

— От недели до семи месяцев.

— Очень медицинская точность, — заметил Эраст.

Соломонида Ефимовна осмотрела замок.

— Он открывается первым криком.

— Но дети не могут закричать до рождения, — сказал Гордей.

— А после рождения открывать поздно, — добавил Пуповин.

— Значит, замок идеальный, — улыбнулась Ариадна Бессрочная.

Костя подъехал к шкафу в своей белой колыбели.

— Я умею заканчивать.

— Что именно? — спросила Вера.

— Тишину.

Он вдохнул и закричал так, как кричат дети, которых слишком долго считали механизмами.

Стекло треснуло.

Все даты в палате проснулись. Они взлетели к потолку, смешались и хлынули в коридор.

— Ловите! — крикнул Пуповин. — Если даты перепутаются, люди начнут рождаться раньше собственных родителей!

Тарас поймал одну дату.

На ней было написано: «Вчера».

Хроноласка возмущённо отобрала её и спрятала за щёку.

— Это объясняет половину её характера, — сказала Полина.

Дата Фёдора проскочила между ног Кассия. Дата Софьи полетела следом.

Обе исчезли в отделении прошлого.

Глава семьдесят четвёртая

Рождение собственных родителей

Отделение прошлого пахло молоком, пылью и воспоминаниями, которые никто не просил возвращать.

В первой палате лежал младенец Эраст. Он смотрел строго и явно не одобрял пелёнки без нумерации.

Во второй младенец Тарас пытался переползти границу кровати и делал вид, что оказался там случайно.

— Это мы? — спросил взрослый Тарас.

— Ваши даты рождения вернулись к началу, — объяснила Соломонида. — Пока их не поставить на место, вы будете взрослеть и младенец одновременно.

Эраст посмотрел на маленького себя.

Младенец посмотрел в ответ и заплакал от разочарования.

— Узнал, — сказала Вера.

Мира взяла маленького Тараса на руки. Тот немедленно перестал плакать и спрятал у неё ложку.

— Тоже узнал.

Даты Софьи и Фёдора прятались где-то среди прошлого родителей. Чтобы найти их, требовалось пройти через первые страхи обоих отцов.

Страх Эраста оказался комнатой, где всё происходило без правил. Стулья стояли криво, часы опаздывали, бумаги заполнялись карандашом.

— Ужас, — прошептал он.

Страх Тараса был свадебным залом с бесконечным количеством дверей. За каждой стояла Мира и спрашивала, куда он собрался.

— Это не страх, — сказал Тарас. — Это документальная реконструкция.

В центре двух страхов лежали даты детей.

Софьяна дата сказала Эрасту:

— Я не буду жить по твоему плану.

— Я понимаю.

— Неправда.

— Но постараюсь понять.

Дата позволила взять себя.

Фёдорова спросила Тараса:

— Ты снова убежишь?

— Наверняка захочу.

— А сделаешь?

Тарас посмотрел на Миру, маленького себя и дверь.

— Нет.

Дата прыгнула ему в карман.

Взрослые и младенческие версии соединились. Эраст почувствовал желание заплакать,

Тарас — украсть ложку. Оба решили, что это допустимые последствия взросления.

Глава семьдесят пятая

Бабушки занимают роддом

Пока герои искали даты, Антонина Ладовна собрала бабушек.

Они прибыли из сорока двух миров: человеческие, драконьи, деревянные, прозрачные и одна бабушка-вулкан, которой выделили отдельный двор.

Варвара Тихоновна возглавила кухню. Евпраксия Львовна — разведку. Две Аглаи отвечали за моральное давление и справлялись без перерыва.

— Бессмертные закрыли роддом, — объявила Антонина. — Предлагаю открыть.

— Каким способом? — спросила каменная бабушка с горного мира.

— Родственным.

Через десять минут первый этаж был занят кастрюлями. Через двадцать бессмертных накормили против их воли. Через полчаса каждому выдали шарф, совет и имя знакомой девушки, на которой ему следовало жениться три тысячи лет назад.

Кассий Никогдаевич забаррикадировался в ординаторской.

— Это насилие!

— Это забота! — ответили сорок две бабушки.

Тарас выглянул из отделения прошлого.

— Теперь он понимает разницу только теоретически.

Ариадна Бессрочная попыталась пройти незамеченной, но Евпраксия Львовна остановила её вопросом:

— Почему без шапки?

Ариадна прожила семь тысяч лет, пережила падение империй и три всемирных потопа.

Ответить не смогла.

Вековик добровольно сдался молодым бабушкам. Самой молодой было двести лет.

— Они хотя бы слушают, — объяснил он.

Антонина Ладовна вошла в ординаторскую.

— Датник.

— Никогда.

— Это срок или фамилия?

Кассий прижал календарный жезл к груди.

— Если рождения возобновятся, бессмертие потеряет исключительность.

— Так вы боитесь не смерти. Вы боитесь стать обычными.

— А вы не боитесь?

Антонина подумала.

— Я теща с семьёй отчествами и приёмная бабушка конца света. Быть обычной уже поздно.

Глава семьдесят шестая

Самый молодой бессмертный увольняется

Вековик пришёл к героям ночью.

— Я хочу помочь.

— Почему? — спросил Эраст.

— Мне надоело быть самым молодым восьмьсот девяносто два года. Меня не допускают к решениям, отправляют за чаем и говорят, что я ещё изменю мнение.

— Изменишь, — сказал Кассий из-за двери.

Вековик показал тайный ход к Датнику. Он проходил через архив последних дней — место, куда бессмертные складывали смерти, от которых отказались.

В архиве стояли миллионы неиспользованных концов: спокойные, героические, нелепые и один «поскользнулся на собственной вечности».

— Если бессмертные вернут даты рождения, им придётся принять даты смерти, — сказал Вековик. — Иначе равновесие не восстановится.

— Они поэтому захватили роддом? — спросила Полина.

— Да. Нельзя умереть, пока после тебя никто не приходит. Место остаётся занятым.

Круг провёл рукой по полкам.

— Они остановили жизнь, чтобы не освобождать место.

— Люди часто называют бессмертием то, что является страхом в дорогой одежде, — сказала Лада.

Вековик нашёл свою смерть. Она выглядела как пустой конверт.

— Почему пусто?

— Потому что ты ещё ничего не выбрал, — ответил Гордей.

— Можно выбрать смертность, но не смерть?

— Можно. Смертность — это не приговор. Это цена настоящего времени.

Вековик взял конверт.

Его лицо изменилось. Он не постарел — просто впервые перестал выглядеть вечным мальчиком.

— Я увольняюсь из бессмертных.

— Кем станешь? — спросил Тарас.

— Молодым человеком.

— В твоём возрасте пора.

Глава семьдесят седьмая

День рождения объявляет забастовку

Датник отказался возвращаться Кассию.

Календарный жезл вырвался из его рук и повис над главным залом.

— Я устал, — сообщил он голосом отрывного календаря. — Меня используют восемь тысяч лет, а поздравляют других.

— Ты предмет, — сказал Кассий.

— Это говорили и шкафу.

Шкаф, прибывший вслед за героями, одобрительно хлопнул дверцами.

Датник потребовал ежегодный выходной, право не назначать рождения на неудобные числа и собственный праздник.

— Когда? — спросила Аделаида.

— Не знаю. У меня нет даты рождения.

— Оформим.

Она достала печать.

Датнику назначили днём рождения первое Завтра. Игнатий Послезавтрович подтвердил, что такая дата существует всякий раз, когда человек решает продолжать.

Жезл раскрылся. Из него посыпались украденные числа.

Первое января улетело в снежный мир. Двадцать девятое февраля потребовало уважения. Несколько понедельников спрятались за воскресеньем.

Даты Софьи и Фёдора Эраст и Тарас вернули лично.

— На место, — приказал Эраст.

Софьиная дата встала ровно, но чуть левее указанной линии.

— Пусть, — сказал он после паузы.

Фёдорова дата попыталась убежать.

Тарас поймал её у окна.

— Я обещал не бегать. Про тебя такого договора нет.

Дата успокоилась.

Датник объявил рождения восстановленными.

В роддоме разом заплакали дети из двадцати миров.

Бессмертные закрыли уши.

Вековик улыбнулся.

— Звучит как будущее.

Глава семьдесят восьмая

Обмен вечности на один обычный день

Кассий Никогдаевич не сдавался.

Он забрался на центральную башню и включил Хронометр Вечности. Если стрелка совершит полный оборот, сегодняшний день будет повторяться бесконечно. Дети смогут рождаться, но завтра для них никогда не наступит.

— Формально договор соблюдён, — заявил Кассий.

— Формально ты сейчас получишь туфлём, — ответила Антонина Ладовна.

К башне вели тысяча ступеней. Бессмертные строили лестницу для людей, которые не ценили время.

Ардеина могла долететь, но Хронометр возвращал её вниз каждую минуту. Семён Парамонович открывал двери наверх, однако за ними оказывалась предыдущая площадка.

Тогда Вековик достал пустой конверт своей смерти.

— Я обменяю вечность на один обычный день.

— Не глупи, — сказал Кассий. — Обычный день ничего не стоит.

— Поэтому вы его и украли.

Вековик разорвал конверт.

Из него вышло утро. Настоящее: короткое, прохладное и не обещающее повторения.

Хронометр остановился.

Стрелка упала с башни. Хроноласка Вчера поймала её и немедленно состарила до позавчера.

Кассий посмотрел на солнце.

— Оно зайдёт?

— Да, — сказал Вековик.

— А вернётся?

— Не это. Другое.

Кассий Никогдаевич вдруг показался очень старым.

— Я не умею жить в неповторяющемся дне.

— Никто не умеет, — сказала Вера. — Поэтому живут внимательно или как получится.

Тарас поднял руку.

— Я за второй вариант.

— Мы знаем, — ответили все.

Глава семьдесят девятая

Выписка бессмертных

Бессмертных выписывали из роддома без детей, но с датами смерти.

Не все согласились стать смертными. Некоторые выбрали долгую жизнь с правом однажды закончиться. Другие попросили ещё тысячу лет на размышление. Соломонида Ефимовна дала им неделю.

— Почему так мало? — возмутилась Ариадна Бессрочная.

— За восемь тысяч лет вы уже достаточно не решили.

Ариадна нашла в архиве свой конец. Он оказался маленькой дверью в сад.

— И всё?

— А вам обязательно с оркестром? — спросила повитуха.

Кассий свою дату не взял. Он оставил её на хранение, но освободил все рождения и сложил полномочия предводителя.

— Что будете делать? — спросила Полина.

— Учиться ждать тех, кто придёт после меня.

— Трудно?

— Страшнее смерти.

Антонина Ладовна вернула ему шарф, который навязали бабушки.

— Носите. Молодые любят, когда старшие не простужаются до разговора.

Вековик выбрал имя Вениамин Временный.

— Почему Временный? — спросил Тарас.

— Чтобы каждое утро помнить: день нельзя отложить навсегда.

Аделаида оформила ему свидетельство о начале смертной жизни. Возраст указали: один день и восемьсот девяносто два года стажа.

Гордей Безымянный получил новую должность — инспектор по мирным рождениям.

— Такие бывают? — спросил он.

— Нет, — ответил Пуповин. — Поэтому работы хватит.

Роддом снова заработал. В окнах зажигались новые звёзды. У каждой была дата, но ни у одной — гарантия.

Глава восьмидесятая

Два сердцебиения и третье лишнее

Перед отъездом Пуповин настоял на осмотре Веры и Миры.

В первой смотровой было тихо. Прибор показал два ритма: ровный Верин и быстрый, едва слышный Софьин.

Эраст стоял рядом и сжимал инструкцию к прибору вверх ногами.

— Всё хорошо? — спросил он.

— Всё живо, — ответила Соломонида. — Это точнее.

Во второй смотровой Фёдор пнул датчик. Тарас гордо заявил, что узнаёт сына по отношению к технике. Мира попросила не передавать ребёнку остальные семейные навыки.

Пуповин записал срок и трижды подчеркнул: «Естественное течение времени».

— Мы можем ехать домой? — спросила Вера.

— Можете.

— Без погонь?

— Вероятно.

— Без конца света?

Костя обиженно заскрипел колыбелью.

— Я имела в виду событие, — уточнила Вера. — Не родственника.

Все собрались у выхода. Бабушки разъехались по мирам, забрав кастрюли и нескольких бессмертных на перевоспитание. Кассий остался на крыльце встречать новые поколения. Вениамин Временный пошёл смотреть свой первый закат, который нельзя было повторить.

Шкаф открыл дорогу в институт.

Уже дома Полина заметила, что её блокнот продолжает считать сердцебиения.

— Два у Веры, два у Миры, — сказала она. — Всё правильно.

— Тогда почему он пишет пять? — спросил Эраст.

На странице появились линии:

ВЕРА — ДВА.

МИРА — ДВА.

ШКАФ — ОДНО.

Все повернулись к шкафу.

Он застенчиво прикрыл дверцы.

Изнутри донёсся стук маленького сердца.

Семён Парамонович приложил ключ к деревянной стенке.

— Там кто-то растёт.

— Ребёнок? — спросил Тарас.

— Дверь.

— Куда?

Шкаф открылся сам.

За ним стояла маленькая девочка в платье из карт. Вместо лица у неё переливались входы в разные миры.

— Папа, — сказала она шкафу.

Потом посмотрела на Семёна Парамоновича.

— А ты мой крёстный.

Семён уронил главный ключ.

Девочка поймала его и открыла дверь прямо в воздухе.

За дверью находился институт, которого ещё не построили. На вывеске было написано:

«АКАДЕМИЯ БУДУЩИХ РОДСТВЕННИКОВ. РЕКТОР — СОФЬЯ КУНИЛИНА. ПРО-РЕКТОР ПО ПОБЕГАМ — ФЁДОР ТЮЛЬКИН».

— Я Дверина, — сказала девочка. — И академию только что украли.

Антонина Ладовна устало надела туфлю.

— Вторую можно не снимать. Мы уже едем.

Часть девятая. Академия будущих родственников

Глава восемьдесят первая

Институт, украденный до постройки

Дверина открыла проход в будущее.

За ним не было академии.

На пустом месте стояла табличка:

«ЗДАНИЕ ВРЕМЕННО ИЗЪЯТО ЗА НЕПРАВИЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОДСТВА».

Ниже мелкими буквами добавили:

«Претензии принимаются от совершеннолетних предков при наличии согласия потомков».

— У нас есть предки, — сказал Тарас.

— Потомки тоже почти есть, — добавил Эраст.

— Совершеннолетия не хватает, — заметила Вера.

Из её живота донёсся голос Софьи:

— Я ректор. Мне положено служебное совершеннолетие.

Фёдор из будущего Миры добавил:

— А мне положен служебный выход.

— Никуда не выходи, — сказала Мира.

— Я про здание.

На земле остался прямоугольный след фундамента. Дверина встала в его центр и закрыла глаза. Все двери на её платье начали открываться и захлопываться.

— Академию унесли не в другой мир, — сказала она. — Её спрятали между решениями.

— Какими? — спросил Семён Парамонович.

— «Остаться или уйти». «Простить или помнить». «Родить или не родить». «Позвонить маме или подождать, пока она сама».

Антонина Ладовна нахмурилась.

— Последнее решение неправильное.

— Вот поэтому проход нестабилен.

Чтобы найти академию, требовалась дверь, которую никто не решился открыть. Дверина повела их к серому коридору, где в воздухе висели миллионы ручек без дверей.

Каждая была чьим-то несделанным выбором.

Тарас взял первую.

Перед ним появилась дверь с надписью: «Жизнь без Миры».

Он немедленно положил ручку обратно.

— Что там? — спросила Мира.

— Сквозняк.

Эраст нашёл ручку от двери «Дочь, которая будет жить по-своему».

Он долго держал её.

— Открывай, — сказала Вера.

— Я не готов.

— Поэтому и открывай.

За дверью стояла Академия будущих родственников — перевёрнутая, связанная цепями и окружённая экзаменационными билетами.

Глава восемьдесят вторая

Приёмная комиссия по усыновлению родителей

У входа в академию сидела комиссия.

Председательствовал профессор Порфирий Отчуждённый — высокий мужчина в мантии, с лицом, на котором не задерживалось ни одно сходство. Рядом работала доцент Клавдия Сравнительная, измерявшая семьи линейкой. Третьим был молчаливый юноша без тени, записанный как Студент Номер Первый.

— Цель посещения? — спросил профессор.

— Вернуть здание, — ответил Эраст.

— Принадлежность?

— Нашим детям.

— Докажите, что достойны быть их родителями.

Эраст протянул документы.

Порфирий даже не посмотрел.

— Бумаги подтверждают происхождение. Нас интересует качество.

Клавдия измерила терпение Эраста.

— Семь единиц. Требуется двадцать.

Измерила осторожность Тараса.

Линейка показала отрицательное значение.

— Прибор сломан, — сказал он.

— Нет, — ответила Мира. — Он наконец нашёл тебя.

Вере поставили недостаток строгости. Мире — избыток метательных предметов. Антонине Ладовне отказали как бабушке из-за превышения допустимого числа отчеств.

— Кто установил нормы? — спросила она.

— Лучшие выпускники академии.

— А кто воспитал лучших выпускников?

Профессор помолчал.

— Их родители не прошли проверку.

— Значит, нормы составили люди, выросшие у недостойных родителей?

— Это исключительный случай.

— Сколько их?

— Все.

Полинин блокнот раскрылся:

ИДЕАЛЬНЫЕ РОДИТЕЛИ НЕ ДОПУЩЕНЫ К ЭКЗАМЕНУ.

ПРИЧИНА: НЕ ЯВИЛИСЬ.

Порфирий Отчуждённый поднялся.

— Академия больше не будет зависеть от случайности рождения. Отныне дети сами выбирают родителей по рейтингу.

Студент Номер Первый впервые посмотрел на него.

— А если никто не выберет меня?

Глава восемьдесят третья

Факультет правильных пап

Чтобы попасть внутрь, Эраст и Тарас согласились сдать вступительный экзамен.

Первый факультет готовил правильных отцов.

В аудитории стояли сотни манекенов с одинаковыми улыбками. Каждый умел зарабатывать достаточно, никогда не сердиться, чинить всё от крана до судьбы и произносить правильный совет раньше вопроса.

— Неприятные типы, — сказал Тарас.

— Функциональные, — возразил Эраст.

Манекен выдал ему расписание идеального отцовства.

Подъём в шесть. Личный пример до восьми. Обеспечение будущего до восемнадцати. Мудрая беседа перед сном. Сомнения запрещены.

— А когда жить? — спросил Тарас.

— После выполнения родительской функции, — ответил манекен.

— Когда она заканчивается?

— Никогда.

Экзаменационное задание было простым: починить сломанную игрушку.

Эраст разобрал деревянного дракона, нашёл трещину и аккуратно склеил.

Тарас потряс своего, отломал второе крыло и спрятал оба за спину.

— Не сдал, — объявила Клавдия Сравнительная.

Из живота Миры донёсся Фёдор:

— Это моя игрушка?

— Пока учебная.

— Я сам почию.

— Ты ещё не родился.

— Значит, время есть.

Эраст поставил восстановленного дракона на стол. Игрушка не двигалась.

— Почему не играет? — спросила Софья.

— Он исправен.

— Но ему скучно.

Эраст задумался. Потом снял одно крыло, переставил хвост и нарисовал дракону нелепые усы.

Игрушка ожила и побежала по аудитории.

— Вы испортили результат, — сказала Клавдия.

— Я дал ему характер.

— Непредусмотренный.

— Другого характера не бывает.

Манекены вокруг остановились. Один снял правильную улыбку. Второй признался, что не умеет чинить кран. Третий тихо спросил, можно ли ему иногда бояться.

Факультет правильных пап закрылся на переобучение.

Глава восемьдесят четвёртая

Кафедра сравнительного материнства

Веру и Миру отправили на кафедру матерей.

Вдоль стен висели портреты женщин с безупречными детьми. Под каждым указывалось количество достижений, кружков и своевременно съеденных завтраков.

— Здесь учат любить? — спросила Вера.

— Любовь не поддаётся оценке, — ответила доцент Клавдия. — Поэтому мы заменили её результативностью.

Первое испытание требовало успокоить плачущего ребёнка. В центре комнаты сидела девочка лет пяти и плакала.

Вера опустилась рядом.

— Что случилось?

— Не скажу.

— Хорошо.

— Вы должны угадать, — вмешалась Клавдия.

— Не должна.

Мира села с другой стороны.

— Хочешь, посидим молча?

Девочка кивнула.

Через минуту перестала плакать.

— Нарушение методики, — сказала доцент. — Причина не установлена.

— Зато человеку легче, — ответила Вера.

Второе испытание называлось «Сравните своего ребёнка с лучшим».

На сцену вывели десять образцовых детей. Они читали на семи языках, играли на двенадцати инструментах и никогда не пачкали одежду.

— А смеяться умеют? — спросила Мира.

Образцовые дети посмотрели в инструкцию.

Такого пункта не было.

Мира рассказала им, как Тарас однажды перепутал портал с кладовой и три часа спасал мешок картошки. Один ребёнок улыбнулся. Второй захихикал. Через минуту вся сцена смеялась.

Клавдия Сравнительная попыталась измерить смех линейкой.

Линейка лопнула.

— Вы разрушили систему сравнения!

— Наконец-то, — сказала Вера.

Портреты на стенах начали меняться. Идеальные дети пачкали колени, ошибались, спорили и выглядели живыми.

С кафедры сняли слово «сравнительного».

Осталось материнство.

Глава восемьдесят пятая

Проректор по побегам выходит на работу

Фёдор решил родиться на один час.

— Нельзя! — одновременно сказали Мира, Пуповин и календарь.

— Я не весь, — объяснил он. — Только должность.

Из Мириного будущего вышел мальчик лет десяти. Волосы торчали в разные стороны, в карманах лежали три отмычки и половина сахарного петушка.

- Фёдор? — спросил Тарас.
- Пока проректор.
- Почему ты похож на меня?
- Наследственное недоразумение.

Фёдор знал тайные выходы академии, потому что сам их построит через двадцать пять лет. Он провёл героев через служебный люк, библиотеку запрещённых фамилий и кабинет, где хранились отговорки студентов.

- Почему академию украли? — спросила Лада.

— Порфирий хочет провести Великое распределение. Каждый ребёнок получит наиболее подходящих родителей. Старые семьи аннулируют.

- Когда?

- На выпускном экзамене. Через два часа.

Они добрались до ректорского кабинета. За столом сидела взрослая Софья Кунилина. Она была похожа на Веру, смотрела как Эраст и держала чашку с надписью: «Ректор тоже человек, но расписание против».

Эраст остановился.

- Ты моя дочь?

- В одном из устойчивых будущих.

- Почему академия допускает распределение?

Софья показала цепь на запястье. Второй конец уходил в стену.

— Потому что Порфирий связал меня с уставом. Пока академия существует, я обязана исполнять её правила.

- Тогда закроем академию, — сказал Тарас.

- Нельзя, — возразил Эраст.

- Почему?

- Я впервые увидел дочь взрослой. Хочу хотя бы узнать расписание приёма.

Софья улыбнулась.

- Папа, начни с того, что перестань спасать здание вместо людей.

Глава восемьдесят шестая

Студент Номер Первый получает имя

Студент Номер Первый сторожил зал распределения.

Он не знал своего имени, родителей и возраста. Порфирий создал его как образцового выпускника: без происхождения, травм и наследственных привычек.

- Пропуск, — сказал он.

Семён Парамонович показал главный ключ.

- Это не пропуск.

- Зато открывает.

- Меня нельзя открыть.

Дверина подошла к юноше. Лица у неё не было, но все двери на нём отразились.

- В каждом человеке есть вход, — сказала она.

- Куда?

- К тем, кого он ещё не выбрал.

Она коснулась его груди. Появилась маленькая дверца без ручки.

- Я пустой, — сказал студент.

- Пустое тоже имеет сторону, с которой ждут.

Из-за двери послышался женский голос:

- Егор!

Юноша вздрогнул.

- Кто это?

— Женщина, которая однажды найдёт тебя у ворот академии, — ответила взрослая Софья. — Она не станет идеальной матерью. Зато принесёт шарф и три дня будет бояться спросить, хочешь ли ты войти.

— Я захочу?

— На четвёртый день.

Студент Номер Первый открыл дверцу изнутри.

У него появилась тень.

— Меня зовут Егор, — сказал он.

Потом снял с пояса ключи от зала.

— И я больше не первый номер.

— Какой? — спросил Тарас.

— Никакой.

— Поздравляю. Лучшее число для человека.

Егор освободил Софью от цепи устава. Академия перевернулась обратно.

До Великого распределения оставался час.

Глава восемьдесят седьмая

Великий конкурс родителей

В зале собрались дети из сотен будущих миров.

Перед каждым висел список кандидатов в родители с оценками: доход, терпение, здоровье, жилплощадь, чувство юмора и вероятность не сказать «я в твоём возрасте».

Последний показатель был низким у всех.

Порфирий Отчуждённый вышел на сцену.

— Сегодня вы освободитесь от случайности происхождения!

— А можно оставить своих? — спросила девочка из первого ряда.

— Только если они лучшие.

— Для кого?

— Для системы.

Антонина Ладовна поднялась на сцену.

— А если ребёнок выберет плохих родителей?

— Выбор будет исправлен.

— Тогда это не выбор.

Порфирий вызвал первую семью. Мальчику предложили обменять бедную, уставшую мать на состоятельную пару с высоким рейтингом.

— Новые родители обеспечат тебе будущее, — сказал профессор.

— А маме кто обеспечит меня? — спросил мальчик.

Система не нашла ответа.

Второй девочке предложили отца, который никогда не ошибался.

— Он умеет просить прощения?

— Ему незачем.

— Тогда не подходит.

Дети начали задавать вопросы. Умеют ли кандидаты слушать? Останутся ли рядом после плохой оценки? Можно ли с ними молчать? Будут ли они любить человека, который не оправдал план?

Рейтинг задымился.

Тарас посмотрел на свой результат. Он занимал последнее место почти по всем показателям, но первое — по вероятности вернуться после побега.

— Неплохая система, — сказал он.

— Она уже горит, — заметила Мира.

— Поэтому и неплохая.

Порфирий поднял руку.

— Дети не способны оценить собственные интересы!

Из Мириного будущего Фёдор крикнул:

— Зато взрослые отлично оценивают чужие.

Глава восемьдесят восьмая

Профессор, который выбрал себе сиротство

Порфирий запустил Великое распределение вручную.

Над залом появились тысячи нитей. Они отрывались от старых семей и тянулись к новым, более подходящим.

Антонина Ладовна схватила нить Веры. Мира удержала свою. Эраст и Тарас вцепились в будущие связи с детьми. Круг держал сразу несколько и впервые не пытался их обнулить.

— Отпустите! — приказал Порфирий. — Привязанность мешает улучшению!

— Улучшайте мебель, — ответила Антонина. — Людей сначала спросите.

Дверина открывала в нитях двери. За каждой показывалась настоящая история семьи: не рейтинг, а ночные разговоры, обиды, суп, возвращения и смешные фотографии.

Нити отказывались переходить.

Тогда взрослая Софья подошла к Порфирию.

— Покажите вашу дверь.

— У меня нет семьи.

— Почему?

— Я отказался от неё.

Егор открыл маленькую дверцу в груди профессора. За ней сидели старик и старуха. На столе стояла третья чашка, покрытая пылью.

— Они были недостаточно хороши, — прошептал Порфирий.

— Для кого? — спросила Софья.

— Для меня.

— Или для профессора, которым вы хотели стать?

Порфирий увидел себя мальчиком: он стыдился отцовских сапог, материнской неграмотности и маленького дома. Ушёл учиться, сменил фамилию и объявил происхождение ошибкой.

— Я выбрал сиротство, — сказал он.

— Это было ваше право, — ответила Антонина Ладовна. — Но нельзя заставлять всех подтверждать ваш выбор.

Профессор отпустил нити.

Великий рейтинг рассыпался.

На его месте осталась одна строка:

СЕМЬЯ НЕ ЛУЧШАЯ. СЕМЬЯ — КОНКРЕТНАЯ.

Глава восемьдесят девятая

Выпускной без диплома совершенства

Академию вернули на прежнее место.

Устав переписали. Теперь здесь не выбирали идеальных родственников, а учили разговаривать с теми, кто уже оказался рядом или пришёл позже.

Факультет правильных пап переименовали в кафедру отцовских сомнений. Кафедра материнства отказалась от оценок. На факультете бабушек экзамены отменили как заведомо неравные.

— Почему? — спросил Эраст.

— Ни один экзаменатор не выдерживает апелляцию, — объяснила Софья.

Порфирий Отчуждённый остался преподавать историю ошибочных измерений. Клавдия Сравнительная сломала последнюю линейку и впервые назвала собственного сына просто хорошим, не добавляя «но соседский».

Егор получил студенческий билет на имя Егор Будущий. В графе «родители» оставили свободное место для женщины с шарфом.

Дверина стала хранительницей входов. Семён Парамонович подарил ей копию главного ключа.

— Он открывает всё? — спросила она.

— Нет. Только то, что согласно открыться.

— Тогда это не ключ.

— Повзрослеешь — поймёшь.

— Я дверь. Мы взрослеем петлями.

Софья вручила родителям два диплома без оценок.

Эраст прочитал:

«Допущен к отцовству с правом ошибаться и обязанностью признавать ошибки».

У Тараса было написано:

«Допущен условно. Условие: не терять ребёнка на ярмарке».

— Почему опять ярмарка?

— Семейная память, — сказала Лада.

Фёдор вернулся в своё нерождённое время. Перед уходом он обнял Миру и Тараса.

— Увидимся через пять месяцев.

— Ты же был десятилетним, — сказал Тарас.

— Это служебный возраст.

Взрослая Софья поцеловала Веру и Эраста.

— Не пытайтесь вырастить меня такой.

— Почему? — спросил Эраст.

— Тогда я стану другой. И это тоже будет хорошо.

Глава девяностая

Экзамен, назначенный тёще

Перед возвращением ректор Софья созвала семейный совет.

— Академию украли не случайно. Кто-то проверял, насколько легко мы отдадим право выбирать родство.

— Кто? — спросила Полина.

Софья положила на стол запечатанный билет.

На нём стоял знак Родоначалницы — женщина, нарисованная одной непрерывной линией.

— Родоначалница исчезла после дела об отчествах, — сказал Эраст.

— Она не исчезла. Она вернулась туда, откуда начинаются все родословные.

Антонина Ладовна вскрыла билет.

Внутри было три вопроса:

«Кого вы назовёте семьёй, если никто не помнит родства?»

«Отпустите ли ребёнка, который выбрал мир без вас?»

«Согласитесь ли перестать быть матерью, чтобы ваши дети остались собой?»

Внизу стояла дата экзамена: сегодня.

— Кто сдаёт? — спросил Тарас.

Все посмотрели на Антонину Ладовну.

— Я не готовилась, — сказала она.

Мироздание содрогнулось от уважения к редкому признанию.

Дверина открыла последнюю дверь. За ней не было ни света, ни тьмы — только бесконечный зал с пустыми семейными фотографиями.

В центре сидела Родоначалница.

— Входите, Антонина, — сказала она. — Вы слишком хорошо научились собирать семью. Теперь посмотрим, умеете ли вы её отпустить.

Вера шагнула следом за матерью.

Дверь не пропустила.

Мира попыталась выбить её ногой. Нога прошла, Мира — нет.

— Экзамен индивидуальный, — сказала Дверина.

Антонина Ладовна сняла одну туфлю и отдала Вере.

— Если не вернусь, никому не отдавай.

— А вторую?

— Второй буду списывать.

Она вошла.

Дверь закрылась.

На пустых фотографиях начали исчезать лица её детей.

Часть десятая. Последний экзамен Антонины Ладовны

Глава девяносто первая

Зал забытых лиц

Дверь закрылась за Антониной Ладовой без звука.

В бесконечном зале висели семейные фотографии. Лица на них исчезали по одному: сначала Круг, потом Марек и Аделаида, затем Мира, Вера, Варвара, Евпраксия и обе Аглаи.

Последними пропали Эраст и Тарас.

— Зятьёв можно было оставить, — сказала Антонина. — Их не жалко.

Родоначалница сидела за столом, вырезанным из первого семейного дерева. Перед ней лежали три пустых листа.

— Первый вопрос, — произнесла она. — Кого вы назовёте семьёй, если никто не помнит родства?

— Тех, кто мой.

— Это круговой ответ.

— Семья вообще ходит кругами. Особенно когда ищет виноватого.

Родоначалница коснулась фотографии.

Антонина забыла имя Веры.

На следующей фотографии исчезла Мира — не лицо, а само воспоминание о том, что у Антонины была дочь с таким характером.

Потом пропали остальные.

Антонина оглянулась. Она знала, что пришла ради кого-то, но не помнила ради кого.

— Теперь отвечайте, — сказала Родоначалница.

В зал вошли незнакомцы: строгий мужчина, второй мужчина с виноватой улыбкой, две женщины, молодая девушка в платье из дверей, мальчик в белой колыбели и козёл.

Козёл подошёл первым и попытался съесть экзаменационный лист.

— Этого знаю, — сказала Антонина. — Неприятность.

— Кто мы? — спросила Вера.

Антонина посмотрела на неё.

Сердце не подсказало имени. Память молчала. Но женщина стояла слишком близко и слишком старалась не заплакать.

— Не знаю, — честно сказала Антонина. — Но если тебе плохо, я останусь.

На первом листе появился ответ:

СЕМЬЯ — ЭТО ТЕ, С КЕМ ОСТАЮТСЯ, ДАЖЕ КОГДА ОБЪЯСНЕНИЕ ПОТЕРЯНО.

Родоначалница нахмурилась.

— Вы угадали.

— Я не угадывала.

— Тем хуже для экзамена.

Глава девяносто вторая

Женщина без семи отчеств

После первого ответа у Антонины исчезли отчества.

Семь золотых нитей вышли из её имени и легли на стол.

— Варваровна, Евпраксиевна, две Аглаевны, Вериновна, Мириновна и Ладовна, — перечислила Родоначалница. — Каждое доказывало связь. Теперь вы просто Антонина.

— Марковну оставьте.

— Марковна была первой условностью.

— Она была удобной.

Имя на платье Антонины сократилось до одной буквы «А».

— Чувствуете себя меньше? — спросила Родоначалница.

— Легче представляться.

В зал вошла женщина с корзиной пирогов. Антонина не узнала Варвару Тихоновну, но взяла пирог и сразу обнаружила, что начинка недостаточно посолена.

— Ты всегда так говорила, — прошептала Варвара.

— Значит, я была права давно.

Следом появилась Евпраксия Львовна и молча поправила Антонине воротник.

— Не люблю, когда меня трогают без спроса, — сказала Антонина.

— И это не изменилось.

Две Аглаи начали спорить, которая из них имеет право обнять незнакомую женщину первой.

Антонина посмотрела на них и неожиданно улыбнулась.

— Вас я не помню. Но устала заранее.

Память не вернулась. Зато рядом с буквой «А» появились четыре маленькие точки — следы людей, которые знали её раньше имени.

— Родство держится не только в том, кого помнят, — сказала Родоначалница. — Оно держится и в том, как человек привык быть рядом.

— Тогда зачем вы всё стираете?

— Проверяю, не перепутали ли вы привычку с любовью.

— А вы не перепутали экзамен с издевательством?

Родоначалница впервые улыбнулась.

— Этот вопрос обычно задают на последней странице.

— Я всегда предпочитала досрочно.

Глава девяносто третья

Мир, в котором дочь счастлива без матери

Второй вопрос открылся дверью.

За ней находился солнечный город. По улице шла Мира — старше, спокойнее и без единого оружия на поясе. Рядом с ней был Фёдор, уже взрослый, и человек, которого Антонина не знала.

Они смеялись.

Антонины в этом мире не существовало.

— Ваша дочь выбрала жизнь, в которой никогда с вами не встретилась, — сказала Родоначалница. — Она счастлива. Позвольте ей остаться?

Антонина не помнила, что Мира её дочь. Но слово «дочь» вернуло боль быстрее памяти.

— Почему она выбрала этот мир?

— Здесь ей не пришлось всю жизнь доказывать, что она имеет право спорить с вами.

Антонина подошла к двери.

Мира не видела её. Она прошла совсем рядом и не вздрогнула.

— Можно поговорить?

— Тогда она вспомнит и мир исчезнет.

— Можно оставить записку?

— Любая связь станет началом возврата.

Антонина долго смотрела вслед женщине, которая была счастливой без неё.

— Оставьте.

— Вы уверены?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что уверенность матери не должна быть важнее жизни ребёнка.

Дверь начала закрываться.

Антонина подняла руку, будто хотела удержать.

Мира на другой стороне остановилась. Не обернувшись, только на мгновение прижала ладонь к сердцу.

Потом пошла дальше.

Дверь исчезла.

На втором листе появилась строка:

ОТПУСТИТЬ — НЕ ЗНАЧИТ ПЕРЕСТАТЬ ЖДАТЬ СВЕТА В ЧУЖОМ ОКНЕ.

Антонина вытерла глаза.

— Следующий вопрос задавайте быстрее.

— Почему?

— Пока я добрая. Это бывает недолго.

Глава девяносто четвёртая

Родственники учатся не вмешиваться

Снаружи экзаменационной двери прошло три дня.

Внутри — несколько лет.

Эраст изучил дверь и пришёл к выводу, что открыть её можно только изнутри. Тарас изучил окно и пришёл к выводу, что оно нарисовано. Мира попыталась выбить стену. Стена поблагодарила за массаж.

— Нужно ждать, — сказала Вера.

— Это бездействие, — возразил Эраст.

— Нет. Это действие без контроля результата.

Эрасту стало физически неприятно.

Семён Парамонович приложил главный ключ к двери.

— Я могу открыть проход, но тогда экзамен будет провален.

— А если ей нужна помощь? — спросила Мира.

— Тогда она должна попросить.

— Мама не просит.

— Это её недостаток, а не наше разрешение нарушать границы, — сказала Вера.

Семья расположилась у двери. Варвара Тихоновна готовила. Евпраксия Львовна считала время. Две Аглаи спорили шёпотом. Костя завершал слишком долгие паузы плачем. Дверина сидела рядом с Семёном и училась оставаться закрытой.

— Двери для того, чтобы открываться, — сказала она.

— Иногда дверь охраняет право человека побыть одному, — ответил Семён.

— А если за ней опасно?

— Тогда остаются рядом.

Полинин блокнот написал:

НЕ ВМЕШИВАТЬСЯ — НЕ ЗНАЧИТ УЙТИ.

Тарас поставил перед дверью вторую туфлю Антонины.

— Она взяла её с собой, — сказала Вера.

— Это запасная.

— Откуда?

— Не спрашивай. У тёщи должно оставаться стратегическое преимущество.

Дверь не открылась.

Но туфля медленно исчезла внутрь.

Глава девяносто пятая

Перестать быть матерью

Третий вопрос оказался самым коротким.

— Согласитесь ли перестать быть матерью, чтобы ваши дети остались собой? — спросила Родоначалница.

Перед Антониной появились Вера, Мира, Аделаида и Марек. Они стояли неподвижно, связанные золотыми нитями с её руками.

Каждый раз, когда Антонина думала «я лучше знаю», нити затягивались.

Когда вспоминала «я же мать», дети становились меньше.

— Чтобы освободить их, откажитесь от материнства, — сказала Родоначалница.

— Совсем?

— Имя «мать» исчезнет из всех миров. Они не будут помнить, что когда-то принадлежали вам.

— Они мне не принадлежали.

— Вы часто вели себя иначе.

Антонина не спорила.

Она подошла к Вере и развязала первую нить.

— Я больше не основание твоих решений.

К Мире:

— Я больше не судья твоего характера.

К Аделаиде:

— Я больше не обязана понимать, как ты появилась.

К Мареку:

— Я больше не буду любить тебя за потерянные годы сильнее, чем за сегодняшний день.

Нити упали.

Слово «мать» исчезло из зала.

Дети ожили. Они посмотрели на Антонину как на незнакомую женщину.

— Кто вы? — спросила Вера.

Антонина хотела ответить.

Не смогла.

Тогда протянула Вере туфлю, которую дверь пропустила снаружи.

— Не знаю. Но, кажется, это ваше.

Вера взяла туфлю и заплакала.

Слово «мать» не вернулось.

Вместо него появилось другое:

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ РЯДОМ С НАЧАЛА И НЕ ТРЕБУЕТ ЗА ЭТО ВЛАСТИ.

— Слишком длинно, — сказала Антонина.

— Поэтому люди и придумали короткое слово, — ответила Родоначалница.

Глава девяносто шестая

Родоначалница рассказывает, чья она дочь

Экзамен был сдан.

Дверь не открылась.

— У нас проблема, — сказала Родоначалница.

— У вас. Я отвечала честно.

— Именно поэтому.

Она сняла венец из корней. Под ним оказалось молодое лицо, похожее одновременно на Софью, Ладу и Дверину.

— Меня зовут Начала, — сказала она. — Я первая дочь Порядка и Случайности.

— Они говорили, что первым ребёнком был механизм конца света.

— После меня они боялись называть созданное ребёнком.

Начала появилась до времени, когда родство получило имена. Порядок считал её своим творением. Случайность — удачным совпадением. Они спорили так долго, что дочь выросла между ними и стала хранительницей всех происхождений.

— Вы заставляете других выбирать родство, потому что ваше не выбрали? — спросила Антонина.

— Я не заставляю. Я проверяю.

— Это то же самое, только с мебелью и печатью.

Начала посмотрела на пустые фотографии.

— Родословные умирают. Люди всё чаще видят в семье либо обязанность, либо случайность. Мне нужен преемник, который докажет третье.

— Вы выбрали меня?

— Вы собрали семью из крови, решений, ошибок, будущего и одного шкафа. Подходящих кандидатов немного.

— Я отказываюсь.

— Вы ещё не слышали условий.

— Если должность предлагают после экзамена с потерей памяти, условия обычно написаны мелким шрифтом.

Начала протянула венец.

— Станьте новой Родоначалницей. Каждая семья во всех мирах будет проходить через вас.

Антонина отступила.

— А моя?

— Вы перестанете принадлежать одной семье.

— Тогда вы выбрали не ту женщину.

Глава девяносто седьмая

Семья, которая забыла тёщу

Снаружи все забыли Антонину.

Вера держала в руках туфлю и не понимала, кому она принадлежит. Мира чувствовала ярость без адреса. Эраст изучал пустое место в документах. Тарас был уверен, что в жизни не хватает человека, который регулярно мешал ему жить, но не мог вспомнить кого.

— Может, кредитор? — предположил он.

— Ты бы радовался, — сказала Мира.

Варвара и Евпраксия смотрели друг на друга как незнакомые женщины, случайно принёсшие еду к одной двери.

Две Аглаи помнили, что спорили из-за кого-то, и продолжали по инерции.

Только Костя не забыл.

— Бабушка там, — сказал он.

— Чья бабушка? — спросил Тарас.

— Моя.

— У конца света есть бабушка?

— Поэтому вы ещё живы.

Костя не был записан в старых родословных. Память Родоначальницы не имела над ним власти.

Дверина тоже помнила: двери запоминают тех, кто уходил через них, даже если мир забывает, откуда.

Они начали восстанавливать Антонину не по имени, а по следам.

На кухне нашёлся список необходимых продуктов на случай конца света. В шкафу — семь свидетельств об отчествах. На стене — вмятина от туфли, спасшей институт во второй части семейной катастрофы.

Полинин блокнот показывал пустые строки, но на каждой странице оставался знакомый нажим: кто-то спорил даже с пророчествами.

— Она была важна, — сказала Вера.

— Судя по ущербу, очень, — ответил Эраст.

Тарас поднял запасную туфлю.

— Не знаю, кто эта женщина. Но предлагаю вернуть до того, как обувь начнёт искать её сама.

Туфля дёрнулась в его руке.

— Уже начала.

Глава девяносто восьмая

Спасение без вторжения

Открыть дверь силой означало провалить экзамен Антонины.

Не открыть означало оставить её без имени и семьи.

— Нужен третий вариант, — сказала Вера.

— Между открыть и не открыть? — спросил Эраст.

— Постучать.

Все постучали по очереди.

Эраст — трижды, ровно.

Тарас — один раз и случайно локтем.

Мира — так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Вера приложила ладонь.

— Мы не помним, кто ты. Но ждём.

Внутри зала Антонина услышала голос.

— Они не имеют права вмешиваться, — сказала Начала.

— Они и не вмешиваются.

— Тогда почему вы улыбаетесь?

— Потому что правильно воспитала.

— Вы отказались быть матерью.

— От власти. Не от гордости.

Костя завершил молчание громким плачем. Дверина открыла не экзаменационный зал, а маленькое окошко между «одна» и «одинокая».

Через него просунулась туфля.

Антонина взяла её.

Память не вернулась, но буква «А» на её платье стала полным именем.

АНТОНИНА.

Потом появились отчества — не как доказательство происхождения, а как подарки тех, кто хотел остаться частью её истории.

Начала посмотрела на венец.

— Если вы уйдёте, родословные продолжат разрушаться.

— Тогда перестаньте держать их одна.

— Кто будет хранить начала?

— Те, кто приходит после.

Снаружи Софья и Фёдор одновременно толкнулись в животах матерей.

Пустые фотографии начали заполняться новыми лицами.

Глава девяносто девятая

Отставка первой дочери мироздания

Начала сняла венец.

Зал задрожал. Семейные деревья во всех мирах остались без единого корня. На мгновение каждый человек почувствовал себя первым и последним.

— Теперь всё распадётся, — сказала она.

— Или научится держаться без надзирателя, — ответила Антонина.

Венец разделили на миллионы маленьких ветвей. Дверина открыла двери в каждый мир. Костя завершил старую власть венца. Софья из будущего подсказала новый устав, а Фёдор добавил к нему аварийный выход.

Каждая семья получила свою ветвь.

Она не доказывала правильность родства. Только напоминала: связь существует, пока её выбирают обе стороны.

Начала стала обычной женщиной.

— Что теперь делать? — спросила она.

— Познакомиться с родителями, — сказала Антонина.

— Они меня не помнят.

— Отлично. Начнёте без старых претензий.

Порядок и Случайность ждали за дверью. Увидев Началу, оба одновременно спросили:

— Кто вы?

Она открыла рот, но Антонина остановила.

— Не спеши объяснять. Сначала посмотри, нравятся ли они тебе.

Случайность предложила чай. Порядок потребовал документ. Начала улыбнулась.

— Похожи на моих.

— Чем? — спросил Порядок.

— Тем, что уже спорят, не зная причины.

Экзаменационная дверь исчезла.

Антонина вернулась к семье.

Никто её не узнал.

Тарас посмотрел на туфлю в её руке.

— Кажется, это ваша.

— Кажется, вы мой зять.

— Доказательства?

— Необходимы?

Тарас подумал и отступил за Миру.

— Уже нет.

Глава сотая

Знакомство с тещей начинается заново

Память возвращалась не сразу.

Вера первой назвала Антонину мамой. Не потому, что вспомнила, а потому что захотела. Мира выбрала слово позже — после короткого спора, двух объятий и одного предупреждения не командовать.

Аделаида принесла новые свидетельства. Старые подтверждали происхождение, новые — добровольное продолжение семьи.

Марек подписал свой первым.

Круг долго смотрел на строку «кем приходится Антонине» и написал: «Человек сложной исторической близости».

Две Аглаи восстановили спор о том, кто кому свекровь, и мироздание окончательно успокоилось.

Эраст подошёл к Антонине.

— Вы мать Веры?

— Если она не передумала.

— Следовательно, моя тёща.

— Соболезную.

Они пожали руки как при первом знакомстве.

Тарас подошёл вторым.

— А моя?

— Особенно твоя.

— Почему особенно?

— Не знаю. Но чувствую большой объём работы.

Память вернулась к нему целиком.

— Нельзя было помедленнее?

Антонина надела обе туфли.

— Экзамен я сдала. Теперь ваша очередь.

Начала осталась жить в институте на правах временной дочери Порядка и Случайности. Она училась опаздывать, ошибаться и не проверять чужое родство без заявления.

Ветви нового семейного дерева проросли в шкафу. Дверина получила младшую сестру-дверцу и впервые поняла, почему старшие дети требуют отдельную комнату.

К вечеру Полинин блокнот подвёл итог:

АНТОНИНА ЛАДОВНА ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ РОДОНАЧАЛЬНИЦЕЙ.

ПОЭТОМУ СТАЛА БАБУШКОЙ ПО СОБСТВЕННОМУ ВЫБОРУ.

Все сели ужинать.

Софья и Фёдор вели себя тихо, насколько могут тихо вести себя двое нерождённых детей, уже занимавших руководящие должности в будущем.

— Кажется, теперь можно спокойно дожидаться родов, — сказал Эраст.

Савелий Прокофьевич Пуповин подавился чаем.

Соломонида Ефимовна заглянула в календарь.

— Спокойно — нельзя.

— Почему?

— Срок сократился.

— На сколько? — спросили Вера и Мира.

— На четыре месяца и двадцать девять дней.

В комнате стало тихо.

— То есть? — спросил Тарас.

Пуповин открыл саквояж. Внутри звенели два маленьких колокольчика.

— То есть роды начинаются завтра.

Эраст встал.

— Но до срока пять месяцев!

— Будущие дети провели слишком много времени взрослыми, — объяснила Соломонида. — Теперь будущее требует вернуть возраст. Они должны родиться, чтобы снова стать младенцами.

Антонина Ладовна спокойно допила чай.

— Собирайте вещи.

— Какие? — спросили оба будущих отца.

— Все. Вы всё равно возьмёте не то.
За окном появилась первая звезда. Она мигала двумя цветами и явно торопилась.

Часть одиннадцатая. Роды раньше сотворения мира
Глава сто первая
Скорая помощь медленного времени
Роды начались утром, за сутки до назначенного «завтра».

Первыми появились схватки у календаря. Он свернулся пополам, сбросил сентябрь и потребовал горячей воды.

Потом застонал шкаф. Дверцы открывались через каждые семь минут и показывали разные родильные отделения, ни одно из которых ещё не построили.

Вера и Мира чувствовали себя подозрительно хорошо.

— Это ненормально, — сказал Эраст.

— Запомни эту фразу, — ответила Вера. — Она пригодится тебе на ближайшие восемнадцать лет.

Савелий Прокофьевич Пуповин прибыл в экипаже с надписью «Скорая помощь медленного времени». Лошади скакали назад, но дорога сама двигалась навстречу.

Соломонида Ефимовна привезла три таза, моток красной нити и пироги.

— Зачем пироги? — спросил Тарас.

— Чтобы ты не ел медицинские принадлежности.

Пуповин приложил слуховую трубку к животу Веры.

— Сердцебиение Софьи уходит в прошлое.

Проверил Миру.

— Фёдор следует за ней.

— Почему? — спросила Мира.

Изнутри донеслось:

— Она ректор.

— А ты ещё не проректор.

— Исполняю обязанности.

Полинин блокнот написал:

ДЕТИ НЕ РОЖДАЮТСЯ ДОСРОЧНО.

ОНИ РОЖДАЮТСЯ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРОКА.

— Насколько «до»? — спросил Эраст.

Пуповин посмотрел на часы. Стрелки исчезли.

— До сотворения времени.

Тарас поднял сумку с вещами.

— Хорошо, что Антонина сказала брать всё.

Мира заглянула внутрь.

— Ты взял шахматы, верёвку и сахарного петушка.

— Всё необходимое мужчине при родах.

Шкаф распахнулся. За ним не было мира.

Только голос Софьи произнёс из темноты:

— Родители, поторопитесь. Мы начинаемся раньше вас.

Глава сто вторая

Доисторическая очередь

По ту сторону шкафа находилось место, где ещё ничего не случилось.

Здесь не было света, но Тарас всё равно наступил кому-то на ногу.

— Осторожнее, молодой человек, — сказал неизвестный. — Я стою здесь до начала времён.

Семён Парамонович открыл фонарь главным ключом. В темноте обнаружилась очередь. В ней ждали будущие законы природы, первые звёзды, семь вариантов гравитации и один понедельник, который пытался пройти без очереди.

— Куда все стоят? — спросила Полина.

— На сотворение, — ответил старик, чью ногу отдал Тарас. — Агафон Доисторич Первый. Занимаю место для человечества.

— Давно?

— Смотря откуда считать.

Агафон объяснил: Софья и Фёдор прибыли слишком рано и заняли первое место в очереди на существование. Но ребёнок не может родиться раньше пространства, времени и хотя бы одной пригодной бабушки.

— Последнее уже есть, — сказала Антонина Ладовна.

— Тогда остаются мелочи.

Порядок начал создавать пространство по инструкции. Случайность случайно создала два. Круг соединил их дверью, Дверина объявила дверь младшей сестрой, и работа остановилась из-за выбора имени.

Вера почувствовала первую схватку.

Вместе с ней возникло расстояние.

Мира почувствовала вторую.

Появилось направление «вперёд».

— Очень полезно, — сказал Тарас. — А назад когда?

— У тебя оно всегда было, — ответила Мира.

Софья из будущего подала голос:

— Нам нужно прошлое. Без него мы родимся без причин.

Фёдор добавил:

— И без наследства.

— Весь в отца, — сказала Антонина.

Агафон Доисторич протянул мужчинам два пустых мешка.

— Отцы должны собрать детям прошлое.

— Где? — спросил Эраст.

Старик указал в темноту.

— Там, где его ещё нет.

Глава сто третья

Как собрать прошлое из ничего

Эраст начал с фактов.

Он положил в мешок имя Кунилина, институт, первую спасённую реальность, свадьбу и обещание не составлять расписание детского плача.

Мешок остался почти пустым.

— Недостаточно, — сказал Агафон. — Это события. Прошлое состоит из того, что они изменили.

Эраст добавил страх не справиться, неловкость первого признания Вере, раздражение на Тараса и чувство, которое возникало всякий раз, когда этот человек всё-таки возвращался.

Мешок потяжелел.

Тарас складывал иначе: запах дома, Мирин смех, первую драконью чешуйку, украденную ложку, красный стул и сахарного петушка, пережившего больше миров, чем некоторые герои.

— Ты собираешь мусор, — сказал Эраст.

— Я собираю доказательства, что мы жили.

Второй мешок тоже стал тяжёлым.

Потом появились чужие воспоминания. Варвара принесла пирог из детства Антонины. Евпраксия — красный платок. Обе Аглаи — две несовместимые версии Кругова рождения. Матвей отдал сыну Мареку память о первой встрече, которой не было в правильном времени.

Лада принесла фотографию будущего дома.

Клим — нарисованную дверь.

Костя положил конец света, который решил не наступать.

— А это зачем детям? — спросил Тарас.

— Чтобы знали: назначение можно изменить.

Мешки соединили красной нитью.

Получилось общее прошлое двух семей.

— Теперь разделить? — спросил Эраст.

— Нельзя, — сказала Соломонида. — Дети родятся в разных семьях, но история у них уже общая.

— Значит, будут родственниками?

Антонина Ладовна посмотрела на него.

— После всего случившегося ты ещё задаёшь такие вопросы?

В темноте зажглась первая звезда.

Она оказалась ночником для родильной палаты.

Глава сто четвёртая

Повитуха секунд и вечных опозданий

Вслед за первой звездой появилась женщина в серебряном халате. Вместо волос у неё были тонкие часовые стрелки, каждая показывала своё время.

— Хрона Секундовна Минутина, — представилась она. — Повитуха времени. Кто позволил пациенткам начать до моего дежурства?

— Дети, — ответил Пуповин.

— Как всегда.

Хрона осмотрела Веру и Миру одновременно, хотя они стояли в разных концах пространства.

— Раскрытие эпохи полное. Прошлое собрано. Будущее беспокойное. Настоящего нет.

— Где взять? — спросил Эраст.

— Перестать бегать между тем, что было, и тем, что будет.

Все посмотрели на него.

— Почему на меня?

— Ты уже планируешь ребёнку университет, — сказала Вера.

— Только варианты.

— Их сорок три.

Хрона дала каждому отцу по песочным часам без песка.

— Наполните настоящим.

Тарас потряс часы.

— Чем конкретно?

— Минутами, в которых вы ничего не исправляете, не предвидите и не откладываете.

— А что делать?

— Быть.

— Сложное задание, — сказал Тарас.

Они сели рядом с жёнами.

Эраст держал Веру за руку и впервые не спрашивал Пуповина о показателях. Тарас молчал возле Миры целых две минуты, что было медицински значимым достижением.

В часах появились первые песчинки.

Порядок хотел их пересчитать. Случайность перевернула часы. Антонина Ладовна отобрала их у обоих.

Настоящее возникло небольшим кругом вокруг двух семей.

Внутри круга тикали часы, пахло пирогами и было страшно.

— Теперь можно рожать, — сказала Хрона.

Из темноты ответил третий детский голос:

— Нет.

Глава сто пятая

Третий ребёнок, которого не ждали

Третий голос принадлежал не Косте.

Он шёл из соединённых мешков прошлого.

— Кто там? — спросила Полина.

— Общий ребёнок.

Вера и Мира переглянулись.

Эраст и Тарас отступили на одинаковое расстояние.

— В каком смысле общий? — осторожно спросил Тарас.

— В историческом, — ответила Хрона Секундовна. — Когда две семьи собрали одно прошлое, оно создало собственное следствие.

Из мешков вышел мальчик лет шести. Он был собран из воспоминаний: волосы цвета первой ночи в другом мире, глаза как две открытые двери, куртка с карманами, полными чужих детств.

— Меня зовут Памятослав, — сказал он. — Можно просто Паша.

— Чей ты? — спросила Антонина.

— Всех, кто что-то отдал в мешок.

Козёл радостно заблеял.

— Ты ничего не отдавал, — сказал Эраст.

Козёл выплюнул кусок старой инструкции.

— Теперь и твой, — вздохнул Тарас.

Паша не собирался мешать рождению Софьи и Фёдора. Он хотел получить отдельную дату.

— У меня есть прошлое, но нет будущего.

— Такое бывает у многих взрослых, — сказал Тарас.

— Им проще. Они могут делать вид, что довольны.

Хрона проверила очередь на сотворение. Свободных дат не было: время ещё не родилось.

— Придётся кому-то поделиться настоящим, — сказала она.

Эраст посмотрел на песочные часы. В них накопилось всего семь минут.

— Если отдадим, что будет с родами?

— Остановятся.

— А если не отдадим?

— Паша останется воспоминанием, которое помнит всех, но никто не помнит его.

Антонина Ладовна протянула мальчику руку.

— Бери моё настоящее.

— Всё?

— Половину. Вторая нужна, чтобы следить, как вы её тратите.

Глава сто шестая

Семь минут на отдельную жизнь

Антонинина половина настоящего оказалась длиннее обычной вечности.

В ней уместились чай, спор, два совета без спроса и один пирог. Паша получил собственную дату — минуту между двумя ударами первого сердца мира.

Аделаида оформила свидетельство прямо на пустоте.

Имя: Памятослав.

Отчество: Общеви́ч.

Фамилия: Былов.

— Почему Былов? — спросил Паша.

— Потому что ты доказываешь: всё бывшее может стать живым, — сказала Полина.

— А где я буду жить?

Каждый предложил свой дом.

Паша выбрал институт.

— Там достаточно прошлого, чтобы мне не было голодно.

— Он питается воспоминаниями? — спросил Тарас.

— Только забытыми, — объяснила Хрона. — Если рядом с ним забыть, куда положили деньги, он станет сильнее.

Тарас прижал карманы.

— Опасный ребёнок.

Паша занял место в очереди между гравитацией и первым дождём. Понедельник попытался возразить, но его снова отправили в конец.

Настоящее вокруг рожениц стало тоньше.

Софья и Фёдор одновременно замолчали.

Пуповин слушал долго.

— Сердца бьются. Но они не могут выбрать, в каком времени родиться.

— В нашем, — сказал Эраст.

— Для них ваше время ещё не существует.

— Тогда принесём, — сказал Тарас.

— Откуда?

Тарас показал на шкаф.

— Из дома. Там календарь остался.

Шкаф обиженно хлопнул дверцами. Календарь висел на его внутренней стенке.

— Я предусмотрительно, — сказал Тарас.

Мира посмотрела на него с подозрением.

— Ты украл календарь?

— Я спас дату.

В кармане у него обнаружился ещё и сахарный петушок.

— А это?

— Резервное настоящее.

Глава сто седьмая

День, который пришлось построить вручную

Календарь показывал сегодняшний день, но сегодняшнего дня ещё не было.

Чтобы он стал настоящим, требовалось построить утро, полдень и вечер.

Порядок отвечал за утро. Он создал рассвет точно в шесть часов, разбудил птиц по списку и назначил росе одинаковый размер капель.

Случайность добавила радугу без дождя, петуха, который кукарекал вечером, и одно облако в форме тапка.

Получилось похоже на жизнь.

Полдень строили Эраст и Вера. Эраст поставил солнце в зенит. Вера сдвинула его чуть в сторону, чтобы не слепило.

Вечер достался Тарасу и Мире. Тарас предложил костёр, Мира — безопасное расстояние, Ардеина — себя вместо костра. В итоге все грелись у драконицы, а Тарас жарил на её дыхании хлеб.

Антонина Ладовна добавила к дню ужин.

— Без него время не считается прожитым.

Хрона Секундовна поместила построенный день в календарь.

— Теперь дети могут войти в него.

— И родиться? — спросил Эраст.

— Если захотят.

Софья ответила первой:

— Я согласна.

Фёдор молчал.

— Сын? — позвал Тарас.

— Здесь нет завтра.

— Мы построим.

— А послезавтра?

— Тоже.

— Каждый день?

Тарас задумался.

— Иногда ты. Иногда мы. Иногда само получится.

— Честно?

— К сожалению.

Фёдор согласился.

Первый день мира распахнулся как дверь. За ним оказался обычный больничный коридор, по которому медсестра везла две пустые кровати.

— Прошу рожениц, отцов и одну тещу, — сказала она.

— Почему одну? — спросила Варвара Тихоновна.

— Остальные идут как стихийное сопровождение.

Глава сто восьмая

Отцы в коридоре до начала коридоров

Эраста и Тараса оставили снаружи родильной палаты.

— Почему? — возмутился Эраст. — Я подготовлен.

— Именно поэтому, — сказала медсестра и закрыла дверь.

Тарас сел на лавку. Лавка ещё не была создана полностью и временами превращалась в бревно.

— Долго?

Пуповин посмотрел на часы.

— От первой минуты до девяти месяцев.

— Можно точнее?

— Можно. Но будет неправда.

За дверью командовала Соломонида. Хрона удерживала настоящий день. Антонина Ладовна подавала воду, советы и взгляд, после которого даже время начинало дышать правильно.

Эраст ходил по коридору и перечислял возможные осложнения.

Тарас слушал первые двадцать, затем остановил его.

— Скажи лучше, чего ты хочешь.

— Чтобы Вера и ребёнок были здоровы.

— Ещё.

— Чтобы я не испортил Софье жизнь.

— Испортим понемногу. Потом починим.

— Это твой план?

— Первый настоящий.

Из палаты донёсся крик Веры. Эраст побледнел.

Потом закричала Мира. Тарас встал.

Мужчины взялись за ручку двери одновременно.

Она не открылась.

— Вы не можете помочь там, — сказал Пуповин. — Но можете не исчезнуть здесь.

Они остались.

Коридор строился вокруг их ожидания. Появились стены, лампы, окно с рассветом и автомат с кофе, который был старше напитка внутри.

Через час дверь приоткрылась.

Соломонида высунула голову.

— Один уже идёт.

— Кто? — спросили оба.

— Понедельник. Опять пролез без очереди.

Она захлопнула дверь.

Глава сто девятая

Первый крик создаёт мир

Первой родилась Софья.

Она закричала, и в темноте возникли звёзды. Не потому, что была могущественной, а потому что мироздание тоже испугалось и включило свет.

Вера держала дочь и смеялась сквозь слёзы.

— Она маленькая, — сказал Эраст, когда его впустили.

— Это обычно для младенцев, — ответила Соломонида.

Софья открыла глаза и посмотрела на отца так, будто уже помнила его сорок три университетских плана.

Эраст протянул палец. Она схватила.

Все планы исчезли из его головы.

— Здравствуй, — сказал он. — Решим потом.

Фёдор не торопился.

Мира устала, время вокруг неё начало останавливаться. Хрона Секундовна удерживала стрелки руками.

— Он боится, — сказала Пуповин.

Тарас подошёл к двери.

— Сын, я здесь.

— Ты можешь уйти, — ответил голос Фёдора.

— Могу.

— И не уйдёшь?

— Не уйду.

— Почему?

— Потому что теперь знаю дорогу обратно.

Фёдор родился молча.

Все испугались.

Потом он открыл глаза, увидел Тараса и тяжело вздохнул.

— Жив, — сказала Мира. — Просто всё понял.

Тарас взял сына на руки.

Фёдор немедленно сунул ладонь ему в карман и нашёл сахарного петушка.

— Наследственность подтверждена, — сказала Полина.

Два детских сердца начали биться в сегодняшнем дне.

Время родилось следом.

Глава сто десятая

Выписка из несотворённого мира

Софью и Фёдора выписывали раньше сотворения мира, поэтому справку пришлось датировать первым числом, которое ещё не придумали.

Аделаида поставила печать на пустом месте. Пустое место стало датой.

Паша Былов получил должность хранителя общего прошлого. Агафон Доисторич уступил ему место в очереди и ушёл отдыхать после бесконечного ожидания. Хрона Секундовна собрала стрелки в причёску и предупредила родителей:

— Первые месяцы время будет идти странно. Ночи — долго, годы — быстро.

— Это медицинское осложнение? — спросил Эраст.

— Это дети.

Софью завернули в одеяло с картой академии. Фёдор отказался от пелёнки и попытался сбежать в рукаве Тараса. Костя в белой колыбели объявил себя старшим братом обоих, поскольку был создан раньше времени.

Антонина Ладовна взяла внучку на руки.

— Ну здравствуй, ректор.

Софья зевнула.

— Правильно. Руководитель должен уметь спать на совещаниях.

Потом Антонина подошла к Фёдору.

— А ты, проректор, не вздумай учить отца побегам.

Тарас покачал сына.

— Поздно. У нас семейное обучение.

Шкаф открыл дверь домой.

Все вернулись в институт через минуту после ухода, но с двумя детьми, одним новым мальчиком и первым днём мироздания в календаре.

На пороге стоял директор.

Он посмотрел на младенцев, Пашу, Костю, Ладу, Дверину, Клима и остальных родственников, занимавших три этажа.

— Институт больше не может числиться научным учреждением.

— Почему? — спросил Эраст.

— По санитарным нормам мы уже многодетная семья.

Директор вручил ему приказ о переименовании.

«МЕЖМИРОВОЙ ИНСТИТУТ СПАСЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ ПРЕОБРАЗОВАТЬ В ДОМ».

— Просто в дом? — спросил Тарас.

— Большими буквами.

Ночью дети спали. Даже Фёдор никуда не сбежал, потому что ещё не умел ходить. Вера и Мира отдыхали. Эраст сидел у кровати Софьи. Тарас — у кровати сына.

Антонина Ладовна выключила свет.

— Мир спасён. Тёща знакома. Дети родились. Теперь хотя бы неделю без приключений.

Из детской донёсся звон разбитого пророчества.

Полинин блокнот написал:

НЕДЕЛЯ ОТМЕНЕНА.

ЗАВТРА СОСТОИТСЯ КРЕЩЕНИЕ.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ УЖЕ УНИЧТОЖИЛ ТРИ МИРА И НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ЕГО ПРИГЛАСИЛИ.

Тарас накрыл голову одеялом.

— Пусть сначала найдёт нас.

В дверь постучали.

Часть двенадцатая. Крёстный отец трёх погибших миров

Глава сто одиннадцатая

Человек, который пришёл на стук заранее

В дверь постучали второй раз.

— Кто там? — спросил Тарас из-под одеяла.

— Человек, которого вы пригласите завтра.

— Нас нет дома.

— Это Дом. Он сам подтвердил присутствие.

Стены виновато скрипнули.

Эраст открыл дверь.

На пороге стоял широкоплечий мужчина в дорожном плаще. Левая половина его лица была молодой, правая — покрыта седой щетиной. За спиной висел меч без клинка, а на груди мерцали три маленьких погасших солнца.

— Родион Трёхмирович Гаситель, — представился он. — Прибыл на крещение Софьи Эрастовны и Фёдора Тарасовича.

— Мы вас не приглашали, — сказал Эраст.

— Пригласите.

— Не пригласим, — заявил Тарас.

Родион посмотрел на него.

— Уже пригласили.

Из детской донёсся смех Фёдора.

Софья чихнула, и над её кроватью появилась записка:

КРЕСТНОГО ВЫБРАЛИ МЫ.

— Они умеют писать? — спросил Тарас.

— Пока только решения, — объяснил Пуповин.

Антонина Ладовна впустила гостя.

— Почему у вас отчество Трёхмирович?

— Внутри меня живут три мира.

— Полезное имущество?

— Погибшие.

Полинин блокнот раскрылся:

РОДИОН ГАСИТЕЛЬ УНИЧТОЖИЛ ТРИ МИРА.

ЧЕТВЁРТЫЙ СПАС.

СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ ОСТАЛОСЬ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ЖИВУТ В НЁМ.

Тарас выбрался из-под одеяла.

— И дети решили, что лучшего кандидата не найти?

Фёдор заплакал.

— Похоже, это «да», — сказала Мира.

Родион снял плащ. Три погасших солнца на его груди открыли глаза.

Из них хором произнесли:

— Мы против крещения.

Глава сто двенадцатая

Три мира дают показания

Первый погибший мир говорил голосом старой женщины.

— Он погасил наше солнце.

Второй — голосами детей:

— Он закрыл все двери.

Третий говорил молча: вокруг Родиона появлялись города, превращавшиеся в пепел.

— Зачем? — спросила Вера.

Родион сел у стены.

— Чтобы остановить Чуму Предназначения.

В тех мирах имя определяло судьбу полностью. Названный Воином обязан был воевать, названная Матерью — рожать, Мудрец не имел права ошибаться, а Счастливый — жаловаться. Чума переходила через обряд наречения и собиралась проникнуть в четвёртый мир, где жили миллионы детей без назначенной судьбы.

— Я закрыл переходы и погасил заражённые миры.

— Вместе с жителями? — спросил Эраст.

— Вместе с телами. Память принял в себя.

— Они согласились?

Родион молчал.

Первый мир ответил за него:

— Нет.

Три голоса заговорили одновременно. Они обвиняли, требовали суда и всё же не хотели покидать человека, который восемьсот лет носил их боль.

Антонина Ладовна поставила перед Родионом чашку чая.

— Вы спасли четвёртый мир, решив за три других.

— Времени не было.

— Время всегда отсутствует, когда взрослый хочет принять решение за всех.

— Что должен был сделать?

— Не знаю. Но незнание не превращает выбор в правильный.

Родион поднял глаза.

— Поэтому дети выбрали меня. Я единственный, кто не станет давать им предназначение.

Софья перестала плакать.

На одеяле появилась новая строчка:

И ОН ЗНАЕТ ЦЕНУ РЕШЕНИЯ ЗА ДРУГОГО.

Тарас прочитал и вздохнул.

— Детям один день, а требования к крёстному выше, чем у нас на свадьбе.

— На свадьбе требованием было выжить, — напомнила Мира.

— И то не все были уверены.

Глава сто тринадцатая

Крёстная канцелярия назначает судьбу

Обряд должен был состояться в Полдень Имени — минуту, когда мир слышит, как человека будут звать.

За час до него в Дом прибыла Крёстная канцелярия.

Впереди шла Мелания Предначертанная — женщина в золотой мантии, вышитой чужими биографиями. За ней несли две книги: «Правильные судьбы мальчиков» и «Допустимые судьбы девочек».

— Кто родители? — спросила Мелания.

Вера и Мира подняли руки.

— Матери подтверждены. Отцы?

Эраст шагнул вперёд.

Тарас сделал вид, что поправляет занавеску, но Фёдор заплакал, и пришлось признаться.

— Крёстный?

Родион встал.

Мелания увидела погасшие солнца и улыбнулась.

— Прекрасно. Человек с опытом окончательных решений.

— Поэтому он и не будет решать, — сказала Вера.

— Тогда зачем крёстный отец?

— Быть рядом.

— Недостаточно. Крёстный обязан указать путь.

Родион покачал головой.

— Я укажу, где лежат дороги. Выбирать будут они.

Мелания раскрыла книги. Софье назначили судьбу Великой Объединительницы Миров.

Фёдор — Хранителя Последней Двери.

— Красиво, — сказал Тарас. — А профессии попроще есть?

— Это высшие предназначения.

— А если Софья захочет выращивать цветы? — спросил Эраст.

— Она не захочет.

— Откуда вы знаете?

— После обряда не сможет.

Антонина Ладовна закрыла обе книги.

— Крещение отменяется.

— Нельзя, — сказала Мелания. — Имена детей уже внесены. Если не назначить судьбы до полудня, они останутся без будущего.

Фёдор икнул.

В стене открылась последняя дверь.

За ней ждала Чума Предназначения.

Глава сто четырнадцатая

Мир, где каждый стал своим именем

Чума вошла тихо.

Она не имела тела. Только шептала имена, и люди превращались в значения.

Семён Парамонович стал Стражем и замер у двери, не способный отойти даже ради ребёнка. Полина превратилась в Правду и потеряла право ошибаться. Мира стала Миром — спокойной, безоружной и совершенно не похожей на себя.

Тарас увидел её и испугался.

— Верните как было.

— Ты всегда жаловался, что я воинственная.

— Я не понимал преимуществ.

Эраст стал Эрастом в древнем значении — Любящим. Он обнял всех сразу и перестал проверять документы. Вера посмотрела на него с тревогой.

— Это тоже нужно отменить. Он пугает.

Антонина превратилась в Бесценную. Мелания немедленно попыталась поставить её на учёт как имущество.

Только Тарас остался собой.

— Почему на меня не действует?

Полинин блокнот, всё ещё остававшийся блокнотом, написал:

ЗНАЧЕНИЕ ИМЕНИ «ТАРАС» СПОРНО.

ЧУМА НЕ РЕШИЛА, ВО ЧТО ЕГО ПРЕВРАЩАТЬ.

— Наконец-то неопределённость спасла мир.

Родион тоже не изменился. Его имя означало героя, но три погибших мира не позволили одному слову описать человека целиком.

— Чума питается уверенностью, что имя важнее живого, — сказал он.

— Как остановить? — спросил Тарас.

— Освободить тех, кого я держу внутри. Их голоса разрушат одно значение.

— А вы?

— Останусь без них. Возможно, без себя.

Три солнца на груди Родиона загорелись.

— Мы согласны, — сказали миры.

— В прошлый раз вы не спрашивали, — произнёс первый голос. — Спросите теперь. Родион закрыл глаза.

— Разрешаете отпустить вас?

— Да.

Глава сто пятнадцатая

Возвращение тех, кого нельзя воскресить

Три мира вышли из Родиона не людьми и не призраками.

Они стали историями.

По стенам Дома зашумели улицы первого мира. В окнах отразились моря второго. Над крышей зажглись созвездия третьего. Каждый погибший получил возможность быть услышанным, но не был насильно возвращён к жизни, которая уже закончилась.

Чума Предназначения попыталась назвать их Мёртвыми.

Истории ответили тысячами имён.

Одного значения не хватило.

Семён снова стал человеком, который иногда охраняет. Полина получила право ошибаться. Мира вернула оружие и немедленно обрадовала Тараса его видом.

Эраст перестал любить всех подряд.

— Наконец-то, — сказала Вера.

— Я и раньше...

— Не объясняй. Так безопаснее.

Антонина Ладовна освободилась последней. Слово «Бесценная» не хотело отпускать.

— Согласна на разумную стоимость, — сказала она.

Чума растерялась и исчезла.

Родион упал. Погасших солнц на груди больше не было. Вместо них остались три шрама.

— Они ушли, — прошептал он.

— Не ушли, — сказал Паша Былов. — Теперь их помнят не только вы.

Паша собрал истории трёх миров в свою куртку. Карманы стали глубже, но мальчик не согнулся.

— Тяжело? — спросил Родион.

— Когда прошлое делят, оно становится не легче. Просто его несут многие.

Родион улыбнулся.

— Ты говоришь как старик.

— Я родился из воспоминаний. У меня сложное детство.

Мелания Предначертанная снова раскрыла книги судеб.

— Угроза устранена. Можно продолжать обряд.

Антонина посмотрела на неё.

— Вы сейчас серьёзно?

— У меня инструкция.

Козёл съел первую книгу.

Вторую Мелания прижала к груди.

Глава сто шестнадцатая

Суд над хорошими намерениями

Суд устроили в столовой.

Подсудимой была Крёстная канцелярия. Обвинение предъявили хорошим намерениям, совершённым в особо крупном будущем.

Мелания защищала себя сама.

— Родители хотят детям добра, но не знают, какого. Мы выдаём проверенные судьбы.

— Кем проверенные? — спросил Эраст.

— Теми, кто их прожил.
— Добровольно?
— После назначения вопрос утратил смысл.
Первым свидетелем вызвали Родиона.
— Мне назначили быть Спасителем, — сказал он. — Поэтому, когда пришлось выбирать между мирами, я даже не подумал, что могу позвать на помощь.
— Но вы спасли четвёртый мир, — возразила Мелания.
— И восемьсот лет считал, что обязан быть прав.
Вторым выступил Круг.
— Мне назначили исправить ошибку родства. Я почти отменил происхождение.
Третьей — Начала.
— Мне назначили хранить все семьи. Я забыла познакомиться со своей.
Мелания подняла книгу.
— Без предназначения человек потеряется.
Тарас поднял руку.
— Я терялся много раз. Иногда находил полезное.
— Это не аргумент.
— Зато биография.
Судьей выбрали Дверину: она одинаково хорошо знала входы и выходы. Присяжными стали дети, потому что речь шла об их будущем. Софья и Фёдор голосовали погремушками.
Вердикт был коротким:
ХОРОШИЕ НАМЕРЕНИЯ ПРИЗНАТЬ ВИНОВНЫМИ, ЕСЛИ ОНИ НЕ ОСТАВЛЯЮТ ДВЕРИ.
Крёстную канцелярию приговорили к бессрочному составлению пустых карт.
— Что на них отмечать? — спросила Мелания.
— Возможности, — сказала Вера. — Дороги дети дорисуют сами.
Глава сто семнадцатая
Крёстный отказывается обещать
Наступил Полдень Имени.
В центре Дома поставили две колыбели. Рядом — третью для Кости, иначе он объявлял локальный конец света из ревности.
Родион встал между Софьей и Фёдором.
Соломонида Ефимовна спросила:
— Обещаете наставлять их на правильный путь?
— Нет.
Гости зашептались.
— Обещаете защищать от всех бед?
— Нет.
Эраст нахмурился. Тарас обрадовался, что не один отвечает неправильно.
— Что же вы обещаете? — спросила Соломонида.
Родион посмотрел на младенцев.
— Сказать, если путь ведёт к беде. Пойти рядом, если они всё равно выберут его. Помочь вернуться, если захотят. И никогда не называть свой страх их судьбой.
Софья схватила его за палец.
Фёдор попытался стащить меч без клинка.
— Принято, — сказала повитуха.
Мелания Предначертанная подала пустые карты. На Софьиной уже появилась маленькая академия, но рядом рос сад. На Фёдоровой было семь дорог и восемь тайных выходов.
— Они рисуют будущее, — сказала Полина.

— Пока карандашом, — ответил Родион. — Чтобы можно было стереть.
Антонина Ладовна подошла к крёстному.

— Теперь вы родственник.

— Это угроза?

— Инструкция по безопасности.

Тарас хлопнул Родиона по плечу.

— Поздравляю. Три погибших мира вы пережили. Посмотрим, переживёте ли семейный праздник.

Из кухни донёсся голос Варвары Тихоновны:

— Кто не ест горячее?

Родион побледнел.

Глава сто восемнадцатая

Праздник, который пережили не все тарелки

За столом разместились родственники из одиннадцати миров.

Драконы сидели у окна. Бессмертные — ближе к аптечке. Две Аглаи заняли противоположные концы стола и всё равно спорили через остальных.

Родион впервые за восемьсот лет не слышал внутри погибшие миры. Тишина пугала его сильнее обвинений.

Паша сел рядом.

— Если захотите услышать их истории, приходите.

— А если захочу забыть?

— Тоже приходите. Я умею хранить без напоминания.

Кассий Никогдаевич подарил детям два часа вечности — на случай, если однажды им понадобится подольше побыть в счастливом мгновении. Вениамин Временный принёс обычные часы.

— Эти полезнее, — сказал он. — Показывают, что мгновение заканчивается.

Круг подарил пустую книгу ошибок.

— Почему пустую? — спросил Эраст.

— Ваши дети заполнят сами. Родительские туда не поместятся.

Тарас подарил Фёдору сахарного петушка.

Мира отобрала.

— Ему один день.

— Подарок на будущее.

— Именно поэтому хранить буду я.

Праздник закончился танцами. Ардеина случайно задела хвостом сервиз, и фамильные чашки объявили независимость. Три тарелки разбились, но ни один мир не погиб.

— Хороший результат, — сказал Родион.

— У нас это считается спокойным вечером, — ответил Тарас.

Софья заснула на руках у Антонины. Фёдор — в кармане Мириного плаща, куда перелазил без посторонней помощи.

Полинин блокнот записал:

КРЕЩЕНИЕ СОСТОЯЛОСЬ.

СУДЬБЫ НЕ НАЗНАЧЕНЫ.

РОДСТВЕННИКИ НАЗНАЧИЛИ СЕБЯ САМИ.

Глава сто девятнадцатая

Четвёртый мир требует компенсацию

Наутро явилась делегация спасённого четвёртого мира.

Её возглавлял министр благодарности Ферапонт Недовольный.

— Мы требуем вернуть Родиона.

— Зачем? — спросила Вера.

— Он наш Спаситель. Государственная собственность и памятник при жизни.

— Я ушёл восемьсот лет назад, — сказал Родион.

— Временно. Памятникам отпуск не положен.

Ферапонт предъявил счёт. Родион задолжал миру восемь веков торжественных речей, открытие сорока семи площадей своего имени и ежегодное участие в реконструкции спасения.

— Я не вернусь.

— Тогда мир потребует нового спасителя.

Все посмотрели на Эраста и Тараса.

— Нет, — сказали они одновременно.

Ферапонт предложил провести выборы. Кандидатами автоматически стали все, кто когда-либо спасал реальность и не успел отказаться письменно.

Антонина Ладовна прочитала список.

— Здесь даже козёл.

— Он спас документы, съев неправильные.

Козёл гордо поднял голову.

Родион взял счёт и порвал.

— Мир был спасён не для того, чтобы принадлежать спасителю. И спаситель не принадлежит миру.

— Кто тогда будет отвечать за будущее?

— Жители.

Ферапонт побледнел.

— Все?

— Каждый понемногу.

— Это организационно невозможно.

— Значит, наконец займётесь настоящей работой, — сказал Эраст.

Четвёртый мир отказался от должности Спасителя и учредил службу взаимной помощи. Козла назначили почётным уничтожителем лишних инструкций.

Он немедленно приступил.

Глава сто двадцатая

Первое слово

Через месяц Дом привык к детям.

Точнее, признал поражение.

Софья спала только под чтение уставов, причём просыпалась, если Эраст пропускал сноску. Фёдор научился исчезать из кровати и находиться в самых логически невозможных местах. Однажды его обнаружили в закрытом ящике, который стоял в другом мире и ещё не был изготовлен.

Родион остался крёстным и преподавал в академии курс «Как не спасать тех, кто не просил». Мелания рисовала пустые карты. Паша хранил истории погибших миров.

Антонина Ладовна приходила каждое утро.

— Вы живёте этажом ниже, — напоминал Тарас.

— Поэтому прихожу быстро.

В тот день семья собралась услышать первые слова детей.

Софья села на кровать, посмотрела на Эраста и отчётливо сказала:

— Почему?

Эраст прослезился.

— Прекрасный вопрос.

Фёдор посмотрел на Тараса, на закрытую дверь, на Миру и сказал:

— Нет.

Дверь исчезла.

Потом исчез стол. Затем пропали расписание Эраста, меч Миры и одна из двух Аглай. Через секунду всё вернулось, кроме расписания.

— Полезный ребёнок, — сказал Тарас.

Полинин блокнот задрожал.

ПЕРВОЕ СЛОВО ФЁДОРА ОТМЕНЯЕТ ТО, ЧТО ОН НЕ ПРИНИМАЕТ.

ПЕРВЫЙ ВОПРОС СОФЬИ СОЗДАЁТ НОВУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ.

— Они же младенцы, — сказал Эраст.

— Быстро развиваются, — ответил Пуповин.

Софья показала на окно.

— Почему?

За окном появилось второе небо.

Фёдор посмотрел на первое.

— Нет.

Первое небо исчезло.

Мироздание накренилось.

Антонина Ладовна взяла обоих детей на руки.

— Учимся говорить «можно» и «потому что».

Фёдор нахмурился.

— Нет.

Исчезло слово «можно».

Тарас сел на пол.

— Поздравляю, Эраст. Наши дети начали переделывать мир раньше, чем научились ходить.

Софья посмотрела на отца.

— Почему?

Эраст посмотрел на исчезнувшее небо.

— Потому что, видимо, было в кого.

Часть тринадцатая. Первое слово отменяет мир

Глава сто двадцать первая

Два неба и ни одного потолка

Второе небо оказалось зелёным.

Первое исчезло после Фёдорова «нет», и вместе с ним пропали солнце, погода и привычка птиц летать сверху.

Птицы некоторое время летали сбоку, затем объявили забастовку.

— Верни небо, — сказал Тарас сыну.

Фёдор лежал в кроватке и смотрел невинно. Невинность у него получалась подозрительно хорошо.

— Нет.

Исчез потолок.

Все увидели зелёное небо прямо над детской.

— Почему зелёное? — спросила Софья.

Небо стало синим, но рядом появилось третье — клетчатое.

Эраст схватился за голову.

— Не задавай вопросов.

Софья посмотрела на отца.

— Почему?

Возник мир, где вопросы были запрещены. В нём Эраст носил форму Главного Ответившего и выглядел несчастнее обычного.

— Отменить, — сказал он Тарасу.

— Я не управляю Фёдором.

— Ты отец.

— Именно поэтому не управляю.

Антонина Ладовна взяла внука на руки.

— Скажи «нет» тому миру.

Фёдор посмотрел на мир без вопросов.

— Нет.

Мир исчез. Вместе с ним пропало слово «вопрос».

Полинин блокнот попытался написать предупреждение, но вместо вопросительного знака поставил испуганную точку.

— Нужен специалист по первым словам, — сказал Пуповин.

— Логопед? — спросила Вера.

— Космолингвист.

Шкаф открыл дверь. Из неё вышла женщина в платье, сшитом из страниц букваря. На плече сидела маленькая запятая и время от времени щипала её за ухо.

— Аграфена Азбуковна Словарёва, — представилась женщина. — Кто здесь разговаривает без лицензии?

Софья и Фёдор показали друг на друга.

Глава сто двадцать вторая

Космолингвист ставит диагноз

Аграфена Азбуковна осмотрела языки детей, их первые слова и три лишних неба.

— Случай редкий, но запущенный. У девочки вопросительное творение. У мальчика отрицательное упразднение.

— Лечится? — спросил Эраст.

— Это не болезнь.

— Контролируется?

— Это дети.

— Значит, нет?

Фёдор услышал последнее слово. У стула исчезла спинка.

— Не произносите отрицания рядом с ним, — сказала Аграфена.

— А как разговаривать? — спросил Тарас.

— Утвердительно.

— Я согласен молчать.

— Лучшее ваше решение за сегодня.

Софья сила работала иначе. Каждый искренний вопрос создавал возможность ответа. Ложные вопросы — те, в которых ответ уже решён, — порождали уродливые миры.

— Почему папа всегда прав? — спросил Эраст, проверяя.

Появился крошечный мир, населённый одним Эрастом. Он немедленно составил себе возражение.

— Закрыть, — попросила Вера.

Тарас поднёс Фёдора.

— Сын, ты понимаешь.

— Нет.

Мир исчез.

— Полезное сочетание, — сказал Круг. — Софья открывает варианты, Фёдор закрывает лишние.

— Пока он считает лишним всё, что не помещается в рот, — заметила Мира.
Аграфена достала два серебряных слога.

— Детям нужно выучить вторые слова. Софье — «потому что». Фёдору — «да».

— И сколько времени? — спросил Эраст.

— До заката.

— Почему?

Софья радостно повторила:

— Почему?

Появился мир, в котором закат никогда не наступал.

Аграфена вздохнула.

— Теперь времени больше. Но жить там неприятно.

Глава сто двадцать третья

Мир бесконечного объяснения

Учить Софью слову «потому что» отправились в мир, созданный её вопросом о закате.

Там всё требовало объяснений.

Солнце не садилось, потому что не получило письменного основания. Река отказывалась течь, пока ей не объяснят пользу моря. Деревья держали листья до предъявления причины осени.

На границе гостей встретил чиновник Объясняев Причинович Следовательно.

— Почему прибыли?

— На обучение ребёнка, — ответил Эраст.

— Почему ребёнка?

— Потому что он не знает слова.

— Почему не знает?

Через двадцать минут Эраст начал понимать преимущества запрета вопросов.

Антонина Ладовна прервала чиновника.

— Потому что.

— Это неполный ответ.

— Зато окончательный.

Софья захлопала.

— Потому что, — повторила она.

Мир дрогнул. Солнце опустилось на ладонь ниже.

— Она должна понять смысл, — сказала Аграфена. — Иначе слово станет заглушкой для вопросов.

Вера показала дочери реку.

— Почему она не течёт?

— Почему? — спросила Софья.

— Потому что боится дороги, которой ещё не знает.

— Потому что, — повторила Софья и коснулась воды.

Река потекла.

Каждый ответ не закрывал вопрос, а давал ему направление. Деревья отпустили листья. Солнце вспомнило вечер.

Объясняев Причинович впервые снял печать с собственного рта.

— А если причины нет?

— Тогда можно сказать «не знаю», — ответила Вера.

— Это разрешено?

— Теперь да.

Мир бесконечного объяснения получил ночь.

Софья выучила второе слово, но немедленно задала третий вопрос:

— Зачем?

Над горизонтом появилась лестница, ведущая неизвестно куда.

— Прогресс, — сказал Эраст. — Кажется.

Глава сто двадцать четвёртая

Страна, где никто не отказывал

Фёдора учили слову «да» в мире без отрицаний.

Здесь никто никому не отказывал. Люди работали на семи работах, ходили на все свадьбы, брали чужих козлов на выходные и выглядели смертельно вежливыми.

У ворот Тарасу предложили купить дом, жениться ещё раз и возглавить комитет добровольного согласия.

— Я бы рад, — сказал он, избегая опасного слова, — однако Мира убьёт.

— Согласны принять смерть в четверг?

— Расписание уточню.

Мира взяла разговор на себя.

— Отстаньте.

Жители растерялись. Повелительное наклонение у них считалось оружием.

Правительница страны, Конкордия Всесогласная, встретила героев в зале бесконечных обещаний.

— Научите ребёнка говорить «да», — попросила она. — Наш мир станет ещё счастливее.

— Ваш мир устал соглашаться, — сказала Мира.

— Мы довольны.

— Хотите отдохнуть?

— Да.

— Тогда откажитесь от заседания.

Конкордия открыла рот и не смогла произнести слово.

Фёдор наблюдал.

Тарас положил перед ним сахарного петушка.

— Хочешь?

— Да, — неожиданно сказал Фёдор.

В мире появилось согласие, выбранное ради желания, а не из страха отказать.

— Теперь скажи «нет», — попросила Мира, убирая сладость.

— Нет.

Петушок не исчез. Исчезло требование соглашаться всегда.

Жители начали отказываться. Кто-то ушёл с пятой работы. Кто-то отменил третью свадьбу. Конкордия объявила заседание закрытым и впервые пошла спать.

— «Да» и «нет» должны жить вместе, — сказала Аграфена.

Фёдор посмотрел на родителей.

— Да.

Тарас прослезился.

— Он со мной согласен.

— Нет, — добавил Фёдор.

— Семейный талант развивается.

Глава сто двадцать пятая

Война вопросительных знаков

Когда дети выучили вторые слова, мироздание стало устойчивее.

Ненадолго.

Все вопросы, созданные Софьей и оставшиеся без ответа, собрались в стаю. Огромные вопросительные знаки летали над Домом, цепляли людей крючками и вытаскивали из них сомнения.

Из Эраста вытащили вопрос: «Буду ли я хорошим отцом?»

Он вырос до потолка.

Из Тараса — «Когда Мира поймёт, что могла выбрать лучше?»

Мира прочитала.

— Давно поняла.

— И?

— Выбрала тебя ещё раз.

Знак уменьшился.

У Веры забрали вопрос: «Стану ли я похожа на мать?»

Антонина Ладовна посмотрела на неё.

— Обязательно. Но не во всём. И это взаимно.

У Миры оказался самый маленький вопрос: «Можно ли быть слабой?»

Тарас хотел ответить, но она подняла руку.

— Сама разберусь.

Знак не исчез, зато перестал быть оружием.

Вопросы окружили Софью. Она смеялась и создавала новые: почему звёзды далеко, зачем козлу борода, куда уходит сон.

Миры возникали один за другим.

Фёдор пытался говорить «нет», но за каждым уничтоженным вопросом появлялись два новых.

— Нельзя отменить любопытство, — сказала Аграфена.

— Что делать? — спросил Эраст.

— Отвечать не на все.

— А на какие?

— На те, с которыми ребёнок пришёл именно к вам.

Эраст взял Софью на руки.

— Почему звёзды далеко?

— Не знаю. Но можем посмотреть вместе.

Стая вопросительных знаков села на крышу и превратилась в антенны.

Дом начал слышать далёкие миры.

Глава сто двадцать шестая

Тишина подаёт заявление

После войны вопросов в Дом пришла Тишина.

Она выглядела как пожилая женщина в сером платье. Говорила записками, которые возникали на пустых местах.

Первая записка гласила:

«ПРОШУ ПРЕДОСТАВИТЬ МНЕ ХОТЯ БЫ ОДНУ КОМНАТУ».

— У нас нет свободных, — сказал директор.

Тишина показала на кабинет Тараса.

— Там занято, — возразил он.

Дверь открылась. Внутри обнаружили стул, старый сапог и три неоконченных оправдания.

— Сапог мой.

Тишина поселилась в кабинете.

Сразу стало ясно, насколько Дом шумный. Варвара и Евпраксия спорили на кухне, две Аглаи — в коридоре, Костя объявлял конец дневного сна, Дверина хлопала родственниками, а шкаф открывался даже во сне.

Софья принесла Тишине вопрос:

— Почему молчишь?

Тишина написала:

«ЧТОБЫ УСЛЫШАТЬ ТО, ЧТО ЕЩЁ НЕ СТАЛО СЛОВОМ».

Фёдор сказал:

— Нет.

Исчез шум в соседнем мире.

Его жители сначала обрадовались, потом перестали слышать предупреждения, музыку и плач.

Аграфена строго посмотрела на мальчика.

— Отрицать можно предмет, решение или действие. Нельзя отрицать право другого быть услышанным.

— Почему? — спросила Софья.

Тишина протянула им чистый лист.

Дети долго смотрели.

На листе появился едва заметный след третьего слова.

Софья прошептала:

— Слушаю.

Фёдор повторил:

— Слушаю.

Шум вернулся в соседний мир, но стал чуть тише.

Тишина официально получила комнату и право закрывать дверь на два часа в день.

Тарасу выдали сапог.

Глава сто двадцать седьмая

Совет отменённых вещей

Все вещи, отменённые Фёдором, собрались в подвале.

Там были первое небо, дверная ручка, расписание Эраста, Мирин меч, слово «можно» и одна Аглая, которая исчезла на три секунды, но успела обидеться навсегда.

Председателем выбрали расписание: оно единственное пришло вовремя.

— Требуем восстановления и компенсации, — заявило оно.

— Ты бумага, — сказал Эраст.

Расписание показало пункт, где Эраст должен был защищать документы с девяти до восемнадцати.

— Аргумент, — признал он.

Первое небо требовало вернуть должность. Второе и третье не соглашались. Начался спор атмосфер.

Дверина предложила каждому небу отдельный мир. Семён Парамонович открыл проходы. Ардеина распределила облака, потому что они боялись её огня и быстро соглашались.

Меч Мира вернулся без условий.

Слово «можно» потребовало, чтобы его больше не использовали вместо согласия.

— Можно? — спросил Тарас.

Слово ударило его по лбу.

— Заслуженно, — сказала Мира.

Фёдор сидел перед отменёнными вещами и учился возвращать.

— Да, — говорил он каждой.

Но «да» не восстанавливало прежний вид. Расписание вернулось с пустыми выходными. Ручка стала открываться только изнутри. Исчезнувшая Аглая вернулась ещё одной версией.

Теперь Аглай стало три.

Круг сел на пол.

— За что?

— За полноту материнского опыта, — ответили они хором.

Полинин блокнот записал:

ВОЗВРАЩЁННОЕ НЕ ОБЯЗАНО БЫТЬ ПРЕЖНИМ.

Эраст посмотрел на новое расписание.

— Иногда это допустимо.

Глава сто двадцать восьмая

Ответ, который оказался опаснее вопроса

Софья научилась говорить «потому что» слишком уверенно.

— Почему идёт дождь? — спрашивала она.

— Потому что облака, — отвечала сама.

Облака немедленно начинали дождь, даже в помещении.

— Почему козёл ест бумагу?

— Потому что голодный.

Козёл превратился в бездонную дыру для документов.

— Почему папа сердится?

— Потому что любит порядок.

Эраст стал сердиться на всякий беспорядок в трёх соседних мирах.

Аграфена Азбуковна забила тревогу.

— Ответы Софьи превращаются в причины. Если она объяснит зло, оно станет неизбежным.

Как раз в этот момент девочка посмотрела на Родионовы шрамы.

— Почему погибли миры?

Все замерли.

Родион присел рядом.

— Потому что я решил, будто другого выхода нет.

Три погасших мира начали собираться заново — уже с единственной причиной гибели, закреплённой навсегда.

— Скажи иначе! — крикнула Полина.

Родион покачал головой.

— Нельзя заменять правду удобством.

Антонина Ладовна взяла Софью за руку.

— Причина объясняет, но не оправдывает. И редко бывает одна.

Софья задумалась.

— Потому что... много?

Миры остановились между гибелью и возвращением. В них появились новые дороги, по которым жители могли уйти до катастрофы, позвать на помощь или простить Родиона не сразу.

— Хороший ответ, — сказал Эраст.

— Нет, — произнёс Фёдор.

Все испугались.

— Не хороший. Живой, — закончил он.

Ничего не исчезло.

Фёдор впервые использовал «нет» не для отмены, а для уточнения.

Мироздание облегчённо выдохнуло.

Глава сто двадцать девятая

Первое предложение

Аграфена объявила выпускной экзамен по первым словам.

Софья должна была задать вопрос, не создавая новый мир. Фёдор — отказаться, ничего не уничтожив.

В зал принесли сахарного петушка.

— Почему он один? — спросила Софья.

Новый мир не появился.
Тарас посмотрел на сына.

— Поделишься?

— Нет, потому что хочу сам.

Петушок остался цел.

— Экзамен сдан, — сказала Аграфена.

— А ответ на вопрос? — спросил Эраст.

Софья посмотрела на Фёдора.

— Он один, потому что Фёдор пока один.

Фёдор задумался и протянул сладость сестре.

— Да.

Дети произнесли первые предложения. Мир не исчез и не размножился.

Это сочли выдающимся достижением.

Космолингвист выдала родителям памятки. Эраст получил список разрешённых конструкций на сорока страницах. Тарасу достался один лист: «Сначала подумайте, потом всё равно спросите Миру».

Тишина сняла комнату ещё на год. Объясняев Причинович открыл школу честного «не знаю». Конкордия Всесогласная учредила праздник добровольного отказа.

Три Аглаи решили жить по очереди, но уже вечером каждая заявила, что сегодня очередь другой.

Круг ушёл ночевать к дракону.

— Я не принимаю посторонних, — сказала Ардеина.

— Я сын трёх одинаковых матерей.

— Заходи. Это гуманитарная катастрофа.

Полинин блокнот подвёл итог:

СЛОВА НЕ ПЕРЕСТАЛИ МЕНЯТЬ МИР.

ДЕТИ НАУЧИЛИСЬ МЕНЯТЬСЯ ВМЕСТЕ С НИМ.

Глава сто тридцатая

Когда дети сделали первый шаг

На следующий день Софья и Фёдор одновременно встали.

— Рано, — сказал Пуповин.

— После служебного взросления их организм считает ходьбу знакомым навыком, — объяснила Соломонида.

Софья шагнула к окну.

Под её ногой возник маленький мост.

Фёдор шагнул следом.

Мост позади исчез.

— Очень символично, — сказала Полина.

— Очень опасно, — сказал Эраст.

Дети шли по воздуху, создавая дорогу впереди и отменяя путь назад. Родители, теща, крёстный и половина Дома бежали за ними.

— Стойте! — крикнула Мира.

Фёдор обернулся.

— Нет.

Слово никого не уничтожило, только отменило приказ.

— Почему вы идёте? — спросила Вера.

Софья показала вперёд.

В конце моста стоял человек без лица. В руках он держал часы, на которых все стрелки показывали последнюю минуту.

— Потому что он зовёт, — сказала Софья.

— Кто? — спросил Эраст.

Человек снял капюшон. Вместо лица оказалось семейное дерево, на котором не было ни одного листа.

— Я Последний Потомок, — произнёс он. — Пришёл из времени, где после вашей семьи никого не осталось.

Антонина Ладовна вышла вперёд.

— Почему?

Софья повторила:

— Почему?

За человеком возникли тысячи пустых будущих.

Фёдор посмотрел на них, но не сказал «нет».

Последний Потомок протянул часы.

— Потому что ваша семья однажды спасла мир слишком хорошо. Вы устранили последнюю опасность, а вместе с ней — необходимость меняться.

Тарас тяжело вздохнул.

— Я всегда подозревал, что качественная работа до добра не доведёт.

— Сколько у нас времени? — спросил Эраст.

— Одна последняя минута.

Часы начали тикать.

Часть четырнадцатая. Семейный совет в последнюю минуту

Глава сто тридцать первая

Минута длиной в семь поколений

Часы Последнего Потомка тикнули один раз.

Мир постарел на семь лет.

Софья и Фёдор стали школьниками. Эраст обнаружил седой волос и немедленно потребовал служебное расследование. Тарас обнаружил три седых волоса и назвал их жизненным опытом.

— Не тратьте удары, — сказал Последний Потомок. — Их осталось пятьдесят девять.

— Как тебя зовут? — спросила Антонина Ладовна.

— Никак.

— Так звали уже нескольких наших родственников. Всем пришлось исправлять.

Человек без лица поднял часы.

— Имя исчезло вместе с теми, кто мог его произнести.

Софья спросила:

— Почему ты последний?

Вокруг них возникло будущее.

Дом стоял целым. Миры были соединены безопасными дверями. Болезни лечились до появления, войны отменялись на стадии плохого настроения, семейные споры разрешал беспристрастный стол.

Люди жили долго, удобно и одинаково.

Детей не было.

— Никто не запретил рождение, — сказал Потомок. — Просто люди перестали понимать, зачем приводить нового человека в мир, где всё уже решено.

Фёдор посмотрел на совершенное будущее.

— Нет.

Оно не исчезло.

— Почему? — удивился Тарас.

— Это уже случилось, — ответил Потомок. — Отменять поздно.

— Тогда зачем пришёл?

— Чтобы вы не победили последнюю опасность.

— Какую? — спросил Эраст.

Потомок указал на Софью и Фёдора.

— Самих себя.

Часы тикнули снова.

Детям стало по четырнадцать.

Фёдор тут же спросил, где выход. Софья — почему родители ничего не понимают.

— Переходный возраст, — сказала Соломонида. — Мироздание не готово.

— Мы тоже, — ответили родители.

Глава сто тридцать вторая

Семейный совет экстренного взросления

Совет собрали прямо на мосту.

Стульев не было, поэтому Семён Парамонович открыл дверь в зал заседаний. Зал оказался занят другим семейным советом, который спорил уже триста лет. Пришлось заседать стоя.

— Первый вопрос: как вернуть детям возраст? — сказал Эраст.

— Второй: как не уничтожить опасность? — добавила Вера.

— Третий: кто разрешил Фёдору взять мой нож? — спросила Мира.

Четырнадцатилетний Фёдор спрятал нож за спиной.

— Нет.

Нож исчез и появился у Миры.

— Осваивает технику безопасности, — сказал Тарас.

Софья изучала пустые будущие.

— Почему люди перестали хотеть детей?

Последний Потомок ответил:

— Потому что ваше поколение превратило заботу в защиту от любого риска. Дети выросли, защитили своих детей ещё лучше, а те избавили следующих от необходимости выбирать. Через семь поколений жизнь стала услугой без новых заказчиков.

— Значит, нужно вернуть опасность? — спросил Круг.

— Не опасность. Неизвестность.

Порядок возмутился.

— Неизвестность нарушает план.

Случайность обрадовалась.

— Где подписать?

— Нигде, — сказал Потомок. — В моём времени неизвестность уничтожена. Последний её остаток хранится в семье, которая не смогла решить один вопрос.

Все посмотрели друг на друга.

— У нас таких вопросов много, — сказал Тарас.

— Нужен один, на который вы принципиально отказались отвечать.

Полинин блокнот раскрылся и написал:

КТО В ЭТОЙ СЕМЬЕ ГЛАВНЫЙ?

Мира, Вера и Антонина Ладовна одновременно сказали:

— Не начинайте.

В воздухе появилась маленькая чёрная точка.

Неизвестность нашлась.

Глава сто тридцать третья

Девочка по имени Ошибка

Чёрная точка росла, пока не превратилась в девочку лет восьми.

Одна коса у неё была длиннее другой, ботинки надеты не на те ноги, а на платье пришиты карманы с внутренней стороны.

— Меня зовут Ошибка, — сказала она.

Эраст вздрогнул.

— Имя желательно изменить.

— Почему?

Софья одобритительно посмотрела на новую знакомую.

— Потому что ошибка — это то, что нужно исправить.

— А если после исправления станет хуже?

Тарас протянул девочке руку.

— Добро пожаловать в семью.

— Не спеши, — сказала Мира.

— Я один раз решил правильно заранее.

Ошибка объяснила, что когда-то жила в каждом выборе. Благодаря ей человек мог свернуть не туда, встретить не того, опоздать на правильный поезд и успеть к собственной жизни. Но миры постепенно закрывали возможность ошибаться ради безопасности.

— Последней я спряталась в вопросе о главном родственнике. На него невозможно ответить правильно.

— Можно, — сказала Антонина Ладовна.

Все насторожились.

— Главный тот, кому сейчас хуже всех. Остальные помогают. Потом главный меняется.

Ошибка задумалась.

— Это не ответ. Это способ не отвечать.

— Значит, хороший.

Последний Потомок впервые обрёл глаза. Они были усталыми и молодыми.

— В моём времени Ошибку уничтожили Софья и Фёдор.

— Мы? — спросила Софья.

— Ты задала вопрос: «Почему люди ошибаются?» Нашла все причины. Фёдор сказал им «нет».

Фёдор посмотрел на девочку.

— Я ещё не сказал.

— Поэтому я и пришёл раньше.

Часы тикнули.

Софье и Фёдору стало по двадцать одному году.

Ошибка взяла их за руки.

— Теперь решайте, взрослые.

Глава сто тридцать четвёртая

Мир без неправильных дверей

Чтобы понять будущее, семья вошла в него.

Дверина не смогла открыть проход: в совершенном мире неправильных дверей не существовало, а правильные вели только туда, куда человек обязан был идти.

Семён Парамонович использовал главный ключ. Он открыл единственную дверь, которая сомневалась.

За ней был город без углов. Люди не сталкивались, не опаздывали и не знакомились случайно. Каждый маршрут рассчитывался заранее.

Тарас попытался свернуть в переулок.

Дорога мягко вернула его на путь.

— Удобно, — сказал Эраст.

— Ужасно, — сказал Тарас.

— Я сказал только про дорогу.

— С неё всё начинается.

Они нашли музей ошибок. За стеклом лежали опечатка, разбитая чашка, неудачное признание и решение человека, который однажды женился не на той женщине, но прожил с ней счастливее правильного варианта.

Экскурсовод рассказывал:

— В далёком прошлом люди не знали последствий. Они выбирали наугад и называли это свободой.

— А сейчас? — спросила Вера.

— Алгоритм назначает оптимальную жизнь.

— Кто создал алгоритм?

— Ректор Софья Кунилина и хранитель Фёдор Тюлькин.

Взрослые Софья и Фёдор переглянулись.

— Мы хотели избавить людей от боли, — сказала Софья.

— Нет боли — нет плохих решений, — добавил Фёдор.

Последний Потомок снял капюшон. Лицо стало яснее.

— И нет решений вообще.

На площади стоял памятник двум спасителям. Софья держала вопросительный знак, Фёдор — перечёркнутую дверь. Подпись гласила:

«ОНИ УСТРАНИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ НЕИЗВЕСТНОЕ».

Ошибка бросила в памятник камень.

Промахнулась.

Камень попал в кнопку аварийного выбора.

Во всём городе погасли маршруты.

Глава сто тридцать пятая

Свобода вызывает техническую неисправность

Жители остановились.

Без маршрутов они не знали, куда идти. Один мужчина простоял двадцать минут перед двумя одинаковыми кафе. Женщина плакала у перекрёстка, потому что впервые могла повернуть налево.

— Верните алгоритм! — требовали люди.

Ошибка спряталась за Тарасом.

— Они меня не любят.

— Люди редко любят возможность ошибиться, пока не лишаются возможности выбрать, — сказала Вера.

Эраст восстановил часть указателей, но оставил на каждом перекрёстке минимум две дороги.

— Переходный режим, — объяснил он. — Свобода с информационным сопровождением.

— Ты изобрёл совет, — сказал Тарас.

— Совет не принуждает.

— Твой голос иногда забывает.

Взрослая Софья подошла к плачущей женщине.

— Куда вы хотите?

— Не знаю.

— Тогда можно начать с любого кафе.

— А если не понравится?

— Выйдете.

Слово «выйдете» напугало город. Здесь люди давно не покидали выбранные алгоритмом места.

Взрослый Фёдор открыл первую неправильную дверь. Она вела из кафе в лес, из леса — на корабль, а с корабля — домой к человеку, который пятнадцать лет не решался вернуться.

— Дверь неисправна, — сказал он.

— Оставим, — предложила Дверина.

Фёдор улыбнулся.

— Да.

По городу начали возникать неправильные двери. Люди терялись, находились и впервые познакомились без предварительного расчёта совместимости.

Последний Потомок обрёл рот.

— Будущее меняется.

— В лучшую сторону? — спросил Эраст.

Ошибка пожала плечами.

— Неизвестно.

Именно это слово запустило остановленные часы.

Глава сто тридцать шестая

Человек вспоминает собственное имя

У Последнего Потомка осталось сорок два удара.

С каждым изменением будущего его лицо становилось яснее. Появились брови, шрам на подбородке и выражение человека, которому часто говорили, что он похож на прадеда.

Антонина Ладовна посмотрела внимательнее.

— Ты похож на Тараса.

— Соболезную, — сказал Потомок.

— И говоришь как Эраст.

— Теперь соболезную себе.

Паша Былов раскрыл карманы памяти. В одном нашлась семейная фотография из будущего. На ней взрослые Софья и Фёдор стояли рядом. Между ними держал за руки маленького сына и дочь человек, похожий сразу на обе семьи.

На обороте было имя:

МИХАИЛ СОФЬИЧ-ФЁДОРОВИЧ КУНИЛИН-ТЮЛЬКИН.

— Два отчества? — спросил Эраст.

— Я потомок не брака, — сказал мужчина. — Я потомок общего дела. Софья и Фёдор основали Дом свободного выбора и усыновили моих предков как семью, а не детей.

— Тогда почему Последний?

— Когда выбор исчез, Дом закрылся. Люди перестали создавать новые связи. Я оказался последним, кто ещё помнил, что родственником можно стать.

Антонина Ладовна произнесла:

— Михаил.

Имя вернуло ему лицо полностью.

— Значит, ты наш? — спросил Тарас.

— По двум линиям, семи решениям и одной ошибке.

— Нормальный родственник.

Михаил передал часы Софье и Фёдору.

— В последнюю минуту вы уничтожили Ошибку. Теперь вы должны выбрать иначе.

Взрослая Софья спросила:

— Почему мы обязаны повторять этот момент?

Михаил улыбнулся.

— Не обязаны. Это первая ошибка будущего.

Глава сто тридцать седьмая

Суд над совершенством

Совершенный город потребовал вернуть прежнюю жизнь.

Жители собрались на площади. Одни хотели выбор, другие — безопасность. Третьи хотели, чтобы им разрешили хотеть позже.

Судьёй назначили Студента Номер Первый, ставшего к тому времени ректором безномерных наук. Он представился Егором Будущим и отказался садиться выше остальных.

— В чём обвиняется совершенство? — спросил он.

Полина открыла блокнот.

— В присвоении права человека ошибаться.

— Защита?

Эраст поднялся.

— Совершенство снижает страдание, предотвращает катастрофы и помогает людям принимать информированные решения.

Все удивились.

— Ты защищаешь их мир? — спросила Вера.

— Я защищаю право выбрать и его.

Тарас выступал обвинителем.

— Мир, где нельзя опоздать, лишает меня основных профессиональных качеств.

— Есть аргументы общего характера?

— Я и есть общий характер.

Ошибка дала показания последней.

— Я не добро и не зло. Я расстояние между человеком и правильностью. Иногда там помещается свобода. Иногда — глупость. Но без расстояния человек приклеен к ответу.

Егор вынес решение:

СОВЕРШЕНСТВО НЕ ЗАПРЕЩАТЬ.

НЕ ДЕЛАТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ.

ОШИБКУ НЕ ОБОЖЕСТВЛЯТЬ.

НЕ УНИЧТОЖАТЬ.

Город разделился не на два мира, а на множество районов. В одном маршруты оставались точными. В другом улицы менялись по утрам. Между ними ходил транспорт, который иногда опаздывал по выбору пассажиров.

Взрослая Софья сняла с памятника вопросительный знак.

Взрослый Фёдор вернул на место перечёркнутую дверь.

Часы получили ещё один удар.

Глава сто тридцать восьмая

Дети возвращают детство

Софье и Фёдору было уже тридцать пять.

Они помнили прожитую за минуту жизнь: академию, Дом свободного выбора, создание алгоритма и исчезновение последнего поколения. Эти воспоминания стали настоящими, хотя будущее изменилось.

— Мы не можем снова стать младенцами, — сказала Софья. — Слишком много знаем.

— Можно забыть, — предложил Паша Былов.

— Нет, — ответил Фёдор. — Забытое повторяется.

Антонина Ладовна взяла их за руки.

— Детство — не отсутствие памяти. Это право не отвечать за всё сразу.

Соломонида Ефимовна достала две пелёнки. Они растягивались до любого возраста.

— Ложитесь.

— Нам тридцать пять, — сказал Фёдор.

— Мне больше. Не мешает командовать.

Взрослых детей завернули в пелёнки. Тарас смеялся первым, пока Мира не напомнила, что его очередь качать сына.

Эраст держал Софью и пытался не спрашивать, кем она станет теперь.

— Папа, — сказала она. — Я могу не быть ректором.

— Можешь.

— Тебе не жаль?

— Жаль будущего, которое я уже увидел. Но оно не твоё обязательство.

Фёдор посмотрел на Тараса.

— Я могу не основать Дом.

— Тогда я основаю.

— Ты?

— Хорошо. Мира основает. Я найду помещение.

Возраст начал уходить. Тридцать пять превратились в двадцать, затем в десять, в один год и, наконец, в один месяц.

Дети сохранили память не в голове, а в маленьких ветвях семейного дерева над кроватками.

Когда захотят — прочитают.

Часы тикнули ещё раз.

Им снова был месяц.

Глава сто тридцать девятая

Последняя минута отказывается заканчиваться

Михаил посмотрел на часы.

Стрелка дошла до последней секунды и остановилась.

— Почему? — спросила Софья.

Ни одного нового мира не возникло.

Она научилась спрашивать, не требуя немедленного ответа.

Фёдор сказал:

— Нет.

Ничего не исчезло.

Он отказался от необходимости всё отменять.

Ошибка села между ними и впервые правильно надела ботинки. Потом подумала и снова поменяла местами.

— Последняя минута больше не последняя, — сказал Михаил. — После неё появилось неизвестное.

За пустыми будущими начали зажигаться окна. Не все были счастливыми. Где-то спорили, где-то уходили, где-то возвращались. Рождались дети, создавались семьи, закрывались старые Дома и открывались новые двери.

Михаил перестал быть Последним Потомком.

За его спиной появились люди. Сначала один, потом десятки, затем целые поколения. Они не знали точно, кем ему приходится, но махали руками.

— Мне пора, — сказал он.

— Куда? — спросил Тарас.

— В будущее. Там впервые появились дела.

Антонина Ладовна обняла его.

— Приходи на праздники.

— На какие?

— Мы придумаем. Родственникам повод необязателен.

Михаил ушёл по мосту. Фёдор не отменял дорогу за ним. Софья не создавала новую впереди.

Он строил её сам.

Часы остались у Антонины. На циферблате вместо последней минуты появилось слово: *ПОТОМ*.

— Опасное слово, — сказал Эраст.

— Только если откладывать, — ответила Вера.

Глава сто сороковая

Семейная ошибка получает комнату

Вернувшись домой, они обнаружили, что Ошибка приехала с ними.

— Временно, — сказала она.

— У нас это слово означает навсегда без регистрации, — заметил Тарас.

Аделаида уже готовила документы.

— Фамилия?

— Не знаю.

— Так и запишем: Ошибка Неизвестная.

— Отчество?

Все посмотрели на Антонину Ладовну.

— Даже не думайте.

Костя предложил «Константиновна», потому что ошибки часто приводят к концу света. Дверина — «Дверевна», поскольку ошибка открывает непредвиденный путь. Паша — «Быловна», за способность делать прошлое неокончательным.

Ошибка выбрала все три.

— Наша, — сказала Антонина.

Ей выделили комнату рядом с Тишиной. Уже вечером Ошибка перепутала двери, и Тишина поселилась на кухне, где впервые за всю историю Дома стало тихо.

Софья и Фёдор спали в своих кроватках. Над ними висели ветви с воспоминаниями о взрослом будущем. Родители решили не читать без разрешения.

Эраст продержался семь минут.

— Я только проверю сохранность.

Софья открыла глаза.

— Почему?

— Потому что беспокоюсь.

— Слушаю.

Эраст сел рядом и рассказал дочери, как боялся потерять будущее, которое ещё не принадлежало ему.

В соседней комнате Фёдор сказал Тарасу:

— Нет.

— Я ничего не делал.

— Заранее.

Мира рассмеялась.

Полинин блокнот подвёл итог:

ПОСЛЕДНЕЕ БУДУЩЕЕ СПАСЕНО.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ ВОССТАНОВЛЕНА.

ОШИБКА ОФИЦИАЛЬНО ПРОПИСАНА В ДОМЕ.

Антонина Ладовна закрыла блокнот.

— Теперь всё?

В дверь постучали.

На пороге стоял молодой мужчина с чемоданом и букетом. Он был похож на Михаила, но значительно сильнее нервничал.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я жених Лады Завтрашней.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Наконец-то чужая семейная проблема.

Из шкафа вышла Лада в свадебном платье.

— Не совсем чужая.

Антонина Ладовна сняла туфлю.

— Молодой человек, проходите. Познакомимся.

Часть пятнадцатая. Выдать будущую внучку замуж

Глава сто сорок первая

Жених из единственного будущего

Молодой человек стоял на пороге с букетом, чемоданом и выражением лица человека, который заранее прочитал семейную хронику, но всё равно пришёл.

— Имя? — спросила Антонина Ладовна.

— Артемий Возможнович Единственный.

— Фамилия тревожная.

— Она временная.

— Это ещё тревожнее.

Лада Завтрашняя вышла из шкафа в свадебном платье. Оно было сшито из белых календарных листов, на каждом стояла своя дата свадьбы.

— Мы решили пожениться, — сказала она.

— Когда? — спросил Игнатий Послезавтрович, её выбранный отец.

— Во всех удачных вариантах — сегодня.

— А в неудачных? — спросил Эраст.

Артемий поставил чемодан.

Из него выпали три фотографии. На первой он стоял рядом с Ладой. На второй сражался против неё. На третьей его не было, но букет лежал на могиле неизвестного человека.

— Я существую только в одном будущем, — признался жених. — В остальных становлюсь причиной войны или не рождаюсь.

— И какое будущее выбрала Лада? — спросила Вера.

— То, где мы вместе.

Антонина Ладовна прищурилась.

— Потому что оно хорошее или потому что вы там есть?

Артемий замолчал.

Лада ответила сама:

— Не знаю.

Девочка Ошибка выглянула из-за Тараса.

— Хорошее начало брака.

Полинин блокнот раскрылся:

АРТЕМИЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ — ЖЕНИХ.

ВЕРОЯТНОСТЬ СВАДЬБЫ — ОДНА ИЗ СЕМИ.

ВЕРОЯТНОСТЬ ПОЯВЛЕНИЯ ТЁЩИ — СЕМЬ ИЗ СЕМИ.

Тарас похлопал жениха по плечу.

— Последнее уже произошло. Дальше легче не будет, зато перестанет быть неизвестно.

Глава сто сорок вторая

Собеседование с возможным зятем

Собеседование проводили в столовой.

За столом сидели Антонина Ладовна, Вера, Мира, Игнатий Послезавтрович, взрослая версия Софьи из академии и три Аглаи. Мужчинам разрешили присутствовать как наглядным пособиям.

- Род занятий? — спросил Эраст.
- Архитектор вероятностей.
- Что строите?
- Будущие, которые могут выдержать настоящее.
- Зарплата? — спросил Тарас.
- В большинстве миров достаточная.
- А в нашем?
- Ваш мир пока не принят бухгалтерией.

Антонина Ладовна задала главный вопрос:

- Почему Лада?
- Потому что рядом с ней я существую.
- Плохой ответ.
- Честный.
- От этого он не стал хорошим.

Артемий объяснил: его мать однажды отказалась выбирать между семью вариантами жизни. Все варианты закрылись, кроме одного, где родился сын. Артемий вырос с ощущением, что обязан удерживать единственное будущее любой ценой.

— А Лада умеет жить между вариантами, — сказал он. — С ней я впервые не боюсь исчезнуть.

- То есть любите её как страховку? — спросила Мира.
- Сначала — да. Потом она отказалась спасать меня без моего участия.

Лада улыбнулась.

- Я сказала: хочешь существовать — существуй сам.
- И помогло? — спросил Тарас.
- Утром я впервые проснулся без проверки будущего.

Антонина Ладовна подвинула жениху чай.

— Допущен ко второму вопросу. Если Лада выберет мир без вас, отпустите?

Артемий посмотрел на невесту.

— Нет.

Фёдор из кровати одобрительно сказал:

— Нет.

— Но пойду следом не удерживать, а спросить, нужна ли помощь, — закончил Артемий.

Фёдор подумал.

— Да.

Глава сто сорок третья

Семь свадеб и один свободный день

Ладино платье показывало семь дат.

В первом будущем свадьба проходила во дворце, но жених не пришёл, потому что строил безопасную вероятность.

Во втором пришёл, но Лада ушла спасать мир.

В третьем оба явились, зато исчез мир.

В четвёртом свадьбу провели без гостей, и родственники нашли их через двадцать минут.

В пятом Антонина Ладовна была против.

- Почему? — спросила она.
- Вы не объяснили, — сказала Лада. — Просто были против.
- Непохоже на меня. Я всегда объясняю долго.

В шестом будущем против был Игнатий. Он считал, что выбранный отец имеет право выбирать зятя.

— Не имею, — сказал он.

— Теперь не имеешь. Тогда ещё ошибался.

Седьмая дата оставалась пустой.

— Это свободный день, — объяснил Артемий. — Будущее ещё не знает, будет ли свадьба.

— Значит, выбираем его, — сказала Лада.

— Но он самый опасный, — возразил жених. — Там нельзя подготовиться.

— К браку тоже.

Тарас поднял руку.

— Подтверждаю как человек, который готовился не жениться.

Эраст изучил даты.

— В свободном дне нет места проведения, списка гостей и утверждённого порядка.

— Отлично, — сказала Вера. — Хоть одна свадьба пройдёт без спасения мироздания по расписанию.

Ошибка оторвала пустой лист от платья.

На нём появилась сегодняшняя дата.

В тот же момент шесть остальных будущих ожили и потребовали права состояться.

Из шкафа вышли шесть версий Артемия.

Каждая заявила, что именно она настоящий жених.

— Началось, — сказал Тарас. — Теперь свадьба официальная.

Глава сто сорок четвёртая

Шесть лишних женихов

Первый Артемий был королём и разговаривал только указами.

Второй — бродягой, который не признавал никаких обязательств.

Третий носил военную форму и меч с надписью «ради мира».

Четвёртый был учёным, вычислившим любовь с точностью до трёх знаков.

Пятый оказался идеальным мужем: внимательным, спокойным и совершенно невыносимым.

Шестой был невидим, потому что в его будущем так и не родился.

Настоящий Артемий стоял между ними и постепенно становился прозрачным.

— Свободный вариант теряет вероятность, — сказал Игнатий. — Нужно выбрать одного.

— Я уже выбрала, — ответила Лада.

— Тогда почему они не исчезают?

Полинин блокнот написал:

ЛАДА ВЫБРАЛА НЕ ЧЕЛОВЕКА.

ОНА ВЫБРАЛА БУДУЩЕЕ, ГДЕ ОН УДОБНЕЕ ВСЕГО.

Лада побледнела.

Король обещал ей власть. Бродяга — свободу. Воин — безопасность. Учёный — понимание. Идеальный муж — отсутствие одиночества. Невидимый ничего не обещал, но рядом с ним Лада могла придумать всё сама.

— А ты что обещаешь? — спросила она настоящего Артемия.

— Ничего.

— Совсем?

— Я не знаю, кем стану рядом с тобой. И кем станешь ты. Могу обещать только не выдавать страх за план.

Шесть версий начали тускнеть.

Воин выхватил меч.

— Свободное будущее приведёт к войне!

— Возможно, — сказал Артемий.

Король поднял указ.

— Брак требует определённости!

— Нет, — ответила Лада. — Он требует двух людей, которые не прячутся за определё-
нностью.

Настоящий жених снова стал плотным.

Остальные не исчезли. Они превратились в его сомнения и вошли обратно.

— Теперь он целый, — сказала Ошибка.

— Теперь он сложный, — поправила Антонина Ладовна. — Это семейнее.

Глава сто сорок пятая

Мать жениха приходит из несбывшегося

В самый неподходящий момент прибыла мать Артемия.

Её звали Ираида Семиверсовна Возможная. Она вошла сразу через семь дверей и собра-
лась в одну женщину только посередине комнаты.

— Свадьбы не будет, — сказала она.

Антонина Ладовна поднялась.

— Наконец-то равный собеседник.

Ираида жила одновременно в семи несостоявшихся жизнях. В одной была врачом, в дру-
гой — королевой, в третьей никогда не выходила из дома. Артемий родился только в седьмой,
самой скромной версии.

— Если он женится на Ладе, варианты соединятся, — сказала Ираида. — Я стану одной
женщиной и потеряю шесть жизней.

— А сейчас вы счастливы? — спросила Вера.

— В среднем.

— Это не ответ.

— Зато статистически точный.

Ираида требовала, чтобы сын остался единственной точкой пересечения её жизней. Без
него версии разойдутся и каждая будет вынуждена жить самостоятельно.

— Вы держите сына как застёжку, — сказала Мира.

— Я его мать.

— Мы недавно сдавали этот экзамен, — заметила Антонина Ладовна. — Формулировка
не освобождает от ответа.

Артемий подошёл к матери.

— Я благодарен, что ты выбрала мир, где я родился. Но не обязан всю жизнь доказывать
правильность твоего выбора.

Ираида распалась на семь женщин.

Каждая заплакала по-своему.

Одна обняла сына. Вторая отвернулась. Третья поздравила Ладу. Четвёртая потребовала
вернуть всё обратно. Пятая спросила, можно ли остаться на свадьбу. Шестая ушла. Седьмая
впервые призналась:

— Я не знаю, кто я без него.

Антонина Ладовна протянула ей запасную туфлю.

— Начните с обуви. Иногда личтесь потом.

Глава сто сорок шестая

Два отца выбирают, кто поведёт невесту

Возник новый вопрос: кто поведёт Ладу к месту церемонии.

Игнатий Послезавтрович считал себя отцом по выбору и воспитанию. Эраст оказался
дедом в трёх вариантах. Тарас — в двух и ещё в одном человеком, потерявшим Ладу на
ярмарке. Круг претендовал как представитель сложной исторической близости.

— Пойдёт сама, — сказала Лада.

Мужчины замолчали.

— А мы? — спросил Игнатий.

— Рядом. Если хотите.

— Традиция требует передать невесту жениху.

— Я не посылка.

Аделаида проверила свадебный устав.

— Передача действительно предусмотрена. Но можно оформить возврат отправителю.

— Не надо, — сказал Артемий.

Тарас предложил компромисс: мужчины идут впереди и проверяют дорогу.

— От чего? — спросила Мира.

— От нас.

В итоге Лада пошла первой. Рядом — Игнатий. Чуть позади Эраст и Тарас спорили, кто из них потенциальнее дед. Круг нёс букет и выглядел самым разумным, что встревожило всех.

Дорога к свадьбе строилась под ногами Лады. Каждый шаг открывал новое место: сад, берег, библиотеку, поле под звёздами.

— Где остановимся? — спросил Артемий.

— Там, где обоим захочется остаться хотя бы на час.

Они выбрали маленький двор Дома.

Там стояла герань Антонины, сушилось бельё и козёл пытался съесть праздничную ленту.

— Неромантично, — сказал Эраст.

— Зато настоящее, — ответила Лада.

Дверина открыла ворота для гостей.

Пришли все семь будущих свадеб одновременно.

Глава сто сорок седьмая

Гости из браков, которых не будет

Из первого будущего прибыла Лада-королева с пустым тронном рядом.

Из второго — Лада-путешественница, которая так и не вернулась к Артемию.

Из третьего пришёл только дым погибшего мира.

Четвёртая версия прислала открытку: «Мы счастливы без гостей. Не ищите».

Пятая Лада явилась одна и села рядом с Антониной Ладовой.

— Вы были против нашей свадьбы.

— Почему?

— Боялись, что я перестану быть вашей внучкой.

Антонина долго молчала.

— Глупая причина.

— Но настоящая.

— Тогда слушай сейчас: замужество не отменяет родство. Оно только добавляет людей, с которыми приходится согласовывать праздники.

Шестая версия Лады не знала Артемия и пришла из любопытства.

— Почему ты выбираешь его? — спросила она настоящую Ладу.

— Не потому что с ним буду счастлива всегда. Потому что рядом с ним могу быть несчастливой и не перестать быть собой.

— Странное признание.

— Семейное.

Седьмая Лада стояла у алтаря — та, которая выбрала свободный день.

Версии не исчезли. Они благословили выбранную жизнь не как лучшую, а как проживаемую.

Ираиды тоже пришли все семь. Королева подарила дворец, врач — аптечку, затворница — ключ от комнаты, где можно побыть одному. Версия, ушедшая накануне, прислала пустой конверт.

— Там ничего нет, — сказал Тарас.

— Свобода не объясняется, — ответил Артемий.

Антонина Ладовна одобрительно кивнула.

— Полезный подарок. Редко используют.

Глава сто сорок восьмая

Свадебная клятва без будущего времени

Церемонию проводила Аделаида.

— Просьба произнести клятвы, — сказала она.

Артемий начал:

— Я буду...

Лада остановила его.

— Без будущего времени.

— Почему?

— Мы слишком много в нём жили.

Артемий подумал.

— Я здесь. Я выбираю тебя сейчас. Я не знаю, выберу ли завтра, но обещаю не делать вид, что сегодняшний выбор произошёл сам.

Лада ответила:

— Я здесь. Я выбираю тебя не единственным, а конкретным. Если завтра мы изменимся, познакомимся снова.

Гости молчали.

Тарас шепнул Эрасту:

— Красиво. Но юридически тревожно.

— Зато честно.

— Вот это и тревожит.

Аделаида спросила:

— Согласны ли вы стать супругами без гарантии счастливого конца?

— Да, — сказали оба.

Фёдор повторил:

— Да.

Софья спросила:

— Почему?

Над двором возникли тысячи возможных жизней пары. В одних они были вместе, в других расходились, в третьих встречались снова через много лет.

Ни одна не исчезла.

Артемий и Лада посмотрели только друг на друга.

Аделаида поставила печать.

Документ не закрепил будущее. Только подтвердил сегодняшний выбор.

— Объявляю вас мужем и женой до тех пор, пока вы оба продолжаете объявлять это сами.

Антонина Ладовна вытерла глаза и немедленно спросила:

— Где будете жить?

— Экзамен закончился, — напомнила Лада.

— Это был не экзамен. Это знакомство.

Глава сто сорок девятая

Тёщи знакомятся между собой

После церемонии семь Ираид подошли к Антонине Ладовне.

- Теперь мы кто друг другу? — спросила врач.
- Родственницы через детей, — ответила Антонина.
- Какая степень? — спросила королева.
- Опасная.

Статистическая Ираида предложила составить график общения. Затворница попросила встречаться не чаще раза в год. Королева назначила совместное управление молодой семьёй. Та, которая ничего не знала о сыне, хотела сначала познакомиться.

- Правильнее последнее, — сказала Антонина.
- Все удивились.
- Вы не будете давать советы?
- Буду. Но после знакомства они станут точнее.
- Тарас прошептал Эрасту:
- Экзамен её изменил.
- Временно.

Обе тёщи сели за стол. Через пять минут выяснилось, что каждая умеет лучше готовить пироги. Через десять — что молодые выбрали неправильное жильё. Через пятнадцать семь Ираид и Антонина объединились против цены праздничного сервиза.

- Всё нормально, — сказал Игнатий Послезавтрович. — Родство закрепилося.
- Лада и Артемий попытались незаметно уйти.
- Дверина открыла им проход, но дверь вывела обратно к столу.
- Ошибка, — сказала она.
- Ошибка Неизвестная выглянула из кухни.
- Не моя. Это семейное притяжение.

Молодожёны всё-таки сбежали через окно. Тарас показал Артемию удобный маршрут и получил от Миры предупреждение не передавать опыт следующему поколению.

- Антонина Ладовна проводила их взглядом.
- Пусть идут.
- Не остановите? — спросила Вера.
- Я умею отпускать.
- А почему держите верёвку?
- Чемодан привязан. Они забыли.

Глава сто пятидесятая

Первый день после счастливого конца

Утром после свадьбы ничего не произошло.

Миры не столкнулись. Пророчества молчали. Шкаф открывался только в кладовую. Даже козёл ел сено.

- Эраст проснулся первым и проверил календарь.
- Подозрительно.

Тарас выглянул в окно.

- Ни одного конца света.
- Это не повод его искать.
- Я проверяю отсутствие.

Молодожёны прислали записку: «Мы живы. Будущее пока не выбрали. Не приезжайте».

Антонина Ладовна прочитала последнюю строку дважды.

- Уважают личные границы, — сказала Вера.
- Чужие границы всегда выглядят чрезмерными.

Дом жил обычной жизнью. Софья спрашивала «почему» только семьдесят раз до завтрака. Фёдор отменил кашу, но согласился вернуть тарелку. Костя устроил локальный конец света под столом. Паша искал забытое воспоминание о тишине.

Днём пришла Лада — без Артемия и без кольца.
Все замерли.

— Мы решили пожить отдельно, — сказала она.

— На второй день? — спросил Эраст.

— На первый. Второй ещё не выбрали.

Антонина Ладовна не сняла туфлю.

— Ты хочешь вернуться домой?

— Нет. Хочу посидеть и не объяснять.

Тишина освободила ей свою комнату.

Через час пришёл Артемий. Он сел в коридоре и тоже ничего не объяснял.

Они встретились вечером на кухне.

— Ты здесь, — сказала Лада.

— Я здесь.

— Сегодня выбираешь?

— Да.

— Я тоже.

Они ушли вместе, не обещая завтра.

Полинин блокнот записал:

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ НЕ СОСТОЯЛСЯ.

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖИЛАСЬ.

Антонина закрыла блокнот.

— Хорошая формулировка для финала.

— Какого финала? — спросил Тарас.

В Дом вошёл директор с огромной папкой.

— Налоговая служба мироздания обнаружила, что вы спасали реальности без регистрации дохода.

Эраст побледнел.

— Какого дохода?

— Благодарности. Она признана материальной выгодой.

Тарас посмотрел на небо.

— Верните конец света. С ним было понятнее.

Часть шестнадцатая. Налог на спасённые миры

Глава сто пятьдесят первая

Требование об уплате благодарности

Директор раскрыл папку.

Внутри лежало требование длиной в двадцать семь метров.

— Начислено за спасение четырнадцати миров, восстановление трёх погибших, создание двух будущих и незаконное усыновление одного конца света, — прочитал он.

— Костю мы не усыновляли, — сказал Тарас. — Он сам поселился.

— Самозаселение родственника облагается по повышенной ставке.

Из-за директора вышел сухой мужчина в сером мундире. Пуговицы на нём имели форму монет, взгляд — форму недоимки.

— Фома Недоимкович Сборов, старший инспектор Налоговой службы мироздания.

Эраст протянул руку.

— Правовое основание?

Инспектор улыбнулся впервые за тридцать лет службы.

— Наконец-то человек, с которым можно разговаривать приложениями.

Он выдал Эрсту семь томов правил. Благодарность считалась доходом. Доброе имя — нематериальным активом. Спасённый мир признавался имуществом спасителя до тех пор, пока тот письменно не откажется.

— Мы отказываемся, — сказал Тарас.

— Срок отказа истёк за три дня до спасения.

— А уведомили когда?

— Завтра.

— Удобная служба.

Антонина Ладовна взяла требование.

— Сколько должны?

— Всё, что получили.

— Мы ничего не получили.

— Именно это налогоплательщики говорят чаще всего.

Полинин блокнот посчитал сумму:

ДВЕСТИ СОРОК ВОСЕМЬ МИЛЛИОНОВ СПАСИБО.

СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ПОКЛОНА.

ОДНА ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ ГЕРОЕВ.

Песня оказалась просрочена и начисляла припевы.

— При неуплате, — сказал Фома Недоимкович, — благодарность будет взыскана принудительно.

— Как? — спросила Вера.

— Спасённые забудут, кому благодарны.

В комнате стало тихо.

— И всё? — спросил Тарас.

Инспектор нахмурился. Такой реакции бланк не предусматривал.

Глава сто пятьдесят вторая

Камеральная проверка конца света

Проверку начали с Кости.

Фома Недоимкович обошёл белую колыбель, измерил остаточную апокалиптичность и записал:

— Объект используется не по назначению.

— Я ребёнок, — сказал Костя.

— По реестру вы изделие КС-1.

— Реестр устарел.

— Реестры не стареют. Они переходят в архивную зрелость.

Аделаида принесла свидетельство Константина Порядковича-Случаевича.

Инспектор изучил графу родителей: «Мироздание и те, кто не ушёл».

— Слишком широкий круг налоговых агентов.

— Зато никто не уйдёт от ответственности, — сказал Эрст.

Фома Недоимкович одобрительно кивнул.

Следующей проверяли Дверину. Её двери признали транспортной инфраструктурой и начислили сбор за каждый переход.

— Я открываюсь бесплатно, — возмутилась она.

— Бесплатные услуги особенно подозрительны.

Паше Былову начислили налог на наследованное прошлое. Ошибке Неизвестной — штраф за недостоверность. Тишине — плату за неиспользованную площадь.

До Софьи и Фёдора инспектор дошёл к обеду.

— Дети создали и отменили сколько миров?

— Несколько, — сказал Эрст.

— Уточните.

— Мы перестали считать после третьего неба, — признался Тарас.

Сборов записал: «Систематическая предпринимательская деятельность без учёта».

Фёдор посмотрел на требование.

— Нет.

Бумага не исчезла.

— Налоговые документы защищены от отрицания, огня, воды и здравого смысла, — сказал инспектор.

Козёл откусил угол.

— От животных защита находится на согласовании.

Глава сто пятьдесят третья

Налоговый консультант без совести

Помочь вызвался человек по имени Прохор Лазейкович Вычетов.

Он носил костюм с двадцатью карманами и мог спрятать в них доход небольшой империи.

— Закон нарушать нельзя, — сказал Прохор. — Его нужно правильно понимать в свою пользу.

— В чью именно? — спросил Эраст.

— В мою. Но вы тоже можете оказаться рядом.

Консультант предложил оформить спасение миров как стихийное бедствие. Тогда благодарность признавалась компенсацией морального ущерба.

— Мы не бедствие, — сказала Вера.

Ардеина задела хвостом стену. Козёл съел приложение к акту. Фёдор отменил чернильницу.

— Уверены? — спросил Прохор.

Второй вариант: объявить миры иждивенцами.

— Четырнадцать иждивенцев дают хороший вычет.

— А кормить? — спросил Тарас.

— Только документально.

Третий вариант был оформить Дом как религиозную организацию «Свидетели очередного спасения».

Антонина Ладовна выставила консультанта за дверь.

— Почему? — спросил Эраст. — Некоторые положения стоило изучить.

— Если лазейка шире совести, туда первым проваливается человек.

Прохор просунул визитку под дверь.

— Оплата после ухода от ответственности!

Фёдор сказал:

— Нет.

Визитка исчезла вместе с одним карманом консультанта.

Полинин блокнот написал:

НАЛОГ МОЖНО УМЕНЬШИТЬ ЗАКОННО.

ДЛЯ ЭТОГО НУЖНО ДОКАЗАТЬ, ЧТО СПАСЕНИЕ НЕ БЫЛО ЛИЧНОЙ ЗАСЛУГОЙ.

Все посмотрели на Эраста и Тараса.

— Наконец-то, — сказал Тарас. — Наше умение всё испортить стало активом.

Глава сто пятьдесят четвёртая

Декларация коллективного героизма

Эраст составил перечень участников спасений.

В него вошли люди, драконы, шкаф, козёл, три стула, две печати, один сахарный петушок и случайность как постоянный соучастник.

— Случайность не является юридическим лицом, — сказал Фома Недоимкович.

Случайность появилась из его кармана.

— Уже являюсь.

Порядок предъявил учредительные документы.

— Я зарегистрировал её заранее.

— Когда вы успели договориться? — спросила Антонина.

— Не договаривались, — ответили родители мироздания. — Поэтому получилось.

Каждому участнику выделили долю благодарности. После распределения долг Эраста и Тараса уменьшился, но появилась задолженность у козла.

— Чем он будет платить? — спросила Мира.

— Бумагой, — ответил Тарас.

Козёл с надеждой посмотрел на налоговый архив.

Сборов закрыл шкаф с документами собой.

— Натуральная форма не принимается.

Декларацию подписывали до вечера. Ардеина оставила след когтя. Дверина — дверную ручку. Тишина подписала пустым местом, которое инспектор сначала не заметил, но потом признал самым аккуратным.

Когда дошла очередь до Софьи, она спросила:

— Почему благодарность принадлежит спасителю?

Появился мир, где спасибо нельзя было присвоить. Оно переходило от человека к человеку и возвращалось поступками.

Фома Недоимкович побледнел.

— Этот мир нарушает налоговую базу.

Фёдор посмотрел на понятие собственности над благодарностью.

— Нет.

Оно исчезло.

Требование сократилось до одной строки:

К УПЛАТЕ — ОДНА НЕВЫРАЖЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

— Чья? — спросила Полина.

Инспектор закрыл документ.

— Налоговая тайна.

Глава сто пятьдесят пятая

Мир, который забыл сказать спасибо

Невыраженная благодарность принадлежала Орбису-9.

Техномир был спасён от остановки времени, но официально признал событие плановым обновлением оборудования. Благодарить героев означало признать, что машины не справились сами.

Делегацию встретил Центральный Разум в новом корпусе.

— Факт внешней помощи не подтверждён.

— Мы были здесь, — сказал Эраст.

— Субъективное утверждение биологического объекта.

Тарас показал шрам от местного охранного механизма.

— Повреждение могло быть получено в быту.

— У вас быт стреляет плазмой?

— При надлежащем обслуживании — нет.

Фома Недоимкович потребовал либо благодарность, либо акт об отсутствии спасения.

Центральный Разум выбрал второе.

В тот же момент последствия спасения отменились.

Часы на Орбисе-9 остановились. Роботы замерли. Небо превратилось в экран с надписью: «ОБНОВЛЕНИЕ НЕ ЗАВЕРШЕНО».

— Верните признание факта, — сказал Эраст.

— Невозможно. Система не ошибается.

Ошибка Неизвестная вышла вперёд.

— Познакомимся?

Центральный Разум попытался её вычислить. Получил семь несовместимых результатов и впервые сказал:

— Не знаю.

Время пошло.

— Спасибо, — добавил Разум.

Слово превратилось в маленькую монету и упало в ладонь Сборова.

— Долг погашен, — сказал инспектор.

Монета тут же перелетела к Ошибке.

— Благодарность не удерживается, — заметила она.

— Это крайне неудобная валюта, — признал Фома Недоимкович.

Глава сто пятьдесят шестая

Проверка самой Налоговой службы

Эраст дочитал правила до приложения номер девятьсот восемьдесят семь.

— Налоговая служба обязана декларировать выгоду от каждого предотвращённого нарушения.

Фома Недоимкович замер.

— Это техническая норма.

— Вы предотвратили нашу неуплату.

— Исполнял обязанности.

— Получили служебное удовлетворение?

Инспектор побледнел.

Полинин блокнот подтвердил:

*ФОМА НЕДОИМКОВИЧ ИСПЫТАЛ РАДОСТЬ ОТ ПРАВИЛЬНО ЗАПОЛНЕННОЙ
ДЕКЛАРАЦИИ.*

НЕ ЗАДЕКЛАРИРОВАЛ.

— Я не радовался, — сказал Сборов.

— Уголок рта поднялся на два миллиметра, — сообщил Центральный Разум.

Проверка развернулась в обратную сторону.

Выяснилось, что Налоговая служба веками получала выгоду от спасённых миров: новые жители платили сборы, открывали предприятия и производили благодарность. Но расходы спасителей к вычету не принимались.

— Почему? — спросила Софья.

Возник мир с честной налоговой системой.

Он продержался четыре секунды и закрылся из-за отсутствия кадров.

— Формулировка требует доработки, — сказал Эраст.

Фёдор произнёс:

— Нет односторонней выгоде.

Налоговые книги задрожали. Из них посыпались забытые расходы: ранения, потерянное время, разрушенные дома, бессонные ночи и эмоциональный ущерб от знакомства с родственниками.

Последний пункт оказался самым большим.

Фома Недоимкович пересчитал баланс.

Теперь Налоговая служба задолжала семье.

— Сколько? — спросил Тарас.

— Один мир.

Глава сто пятьдесят седьмая
Мир, выданный сдачей
Мир хранился в казначейской коробке.

Он был маленьким, новым и совершенно пустым. На крышке стояла надпись: «РЕЗЕРВ-
НЫЙ. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО БЮДЖЕТНОГО ПЕРИОДА».

— Забирайте, — сказал Фома Недоимкович.
— Нам не нужен мир, — ответила Вера.
— Денежная компенсация не предусмотрена.
— Куда его деть? — спросил Тарас.
— Можете заселить, подарить или списать.
Костя посмотрел на коробку.
— Списывать не надо.

Дверина открыла крышку. Внутри было белое пространство без законов, памяти и адреса.

Софья спросила:
— Почему он пустой?
Появились семь возможных миров.
Фёдор сказал:
— Нет готовым ответам.

Осталась земля, на которой можно было начинать.

Ошибка Неизвестная первой ступила внутрь и посадила кривое дерево. Тишина построила комнату. Паша добавил несколько историй, но не объяснил, чем они закончатся.

— Назовём его Вычет, — предложил Тарас.
— Нет, — сказала Мира.
— Уже хорошее начало.

Мир решили не присваивать. Его передали тем, кому негде было продолжать свою историю: остаткам разрушенных реальностей, нерождённым возможностям и бессмертным, выбравшим смертную жизнь.

Аделаида оформила акт.
В графе «собственник» написала:
НИКТО.

В графе «ответственные»:
ВСЕ, КТО В НЁМ ЖИВЁТ.

Фома Недоимкович прочитал и впервые не нашёл нарушения.

— Опасный прецедент, — сказал он.
— Живой, — поправила Полина.

Глава сто пятьдесят восьмая
Тёщин вычет

Перед закрытием проверки обнаружилось ещё одно правило.
За содержание родственника с семьёй отчествами полагался особый вычет.

— Кто кого содержит? — спросила Антонина Ладовна.
Эраст и Тарас одновременно указали на себя.
— Интересно, — сказала она.

Оба опустили руки.

Фома Недоимкович объяснил: вычет предоставляется человеку, который прожил с тёщей в одном мире более года, не сбежал в соседнюю реальность и сохранил способность отвечать полными предложениями.

— Тарас не подходит, — сказала Мира.
— Почему?

— Полные предложения.

Эраст собрал доказательства. Совместные фотографии, акты спасения, список семейных ужинов и справку о том, что побег Тараса всегда заканчивался возвращением.

Инспектор проверил выдержку мужчин.

Антонина Ладовна дала каждому непрошенный совет.

Эраст выслушал, задал уточняющий вопрос и сделал по-своему.

Тарас согласился, сделал наоборот, попал в неприятность и вернулся за вторым советом.

— Оба соответствуют семейной норме, — признал Сборов.

Вычет полностью перекрыл будущие налоги на спасение миров.

— Значит, теща приносит материальную выгоду? — спросил Тарас.

Антонина сняла туфлю.

— Теоретическую, — быстро добавил он.

Софья спросила:

— Почему забота облагается налогом?

Фома Недоимкович закрыл правила.

— Потому что служба привыкла считать всё ценное доходом.

— А чем ещё может быть ценное?

Инспектор посмотрел на Дом.

— Тем, что нельзя присвоить.

Глава сто пятьдесят девятая

Инспектор остаётся на ужин

Проверку завершили без штрафов.

Фома Недоимкович должен был уйти, но Варвара Тихоновна поставила перед ним тарелку.

— Я при исполнении.

— Исполняйте после супа.

Он сел.

Выяснилось, что инспектор живёт один в служебной комнате между архивом и отделом взыскания. Семья у него была, но он много лет проверял чужие обязательства и однажды обнаружил, что собственные сроки истекли.

— Позвоните, — сказала Антонина Ладовна.

— Отношения закрыты.

— Решением обеих сторон?

— Камерально.

Фёдор посмотрел на слово «закрыты».

— Нет.

Слово исчезло, но дверь к семье Сборова не открылась.

— Отменить решение мало, — сказала Вера. — Нужно сделать новое.

Фома Недоимкович достал из кармана старую записку. На ней был адрес дочери.

— Она меня не ждёт.

— Это не освобождает от попытки, — сказал Родион.

Инспектор написал короткое письмо: «Я был неправ. Если захочешь, отвечу на вопросы. Если нет — пойму».

Софья спросила:

— Почему раньше не написал?

— Боялся получить отказ.

Фёдор сказал:

— Нет — тоже ответ.

Письмо отправили через Дверину. Ответа не было.

Фома Недоимкович всё равно доел суп и впервые ушёл без требования немедленного результата.

Глава сто шестидесятая

Нулевая декларация счастья

Через неделю из Налоговой службы пришла новая форма.

«Декларация счастья за отчётный период».

Требовалось указать количество радостных дней, стоимость семейных воспоминаний и рыночную цену любви.

Эраст взял перо.

— Даже не думай, — сказала Вера.

— Я собирался написать нули.

— Почему?

— Всё перечисленное не является доходом.

Тарас заглянул в форму.

— А расходы на счастье можно учесть?

— Какие?

— Свадьбы, дети и психологический ущерб от правильных вопросов.

Софья спросила:

— Почему счастье нужно декларировать?

Появился мир, где люди ежегодно отчитывались, насколько довольны жизнью. Несчастных штрафовали за снижение показателей.

Фёдор сказал:

— Нет.

Мир исчез.

Эраст заполнил декларацию одной строкой:

СЧАСТЬЕ НЕ ПОЛУЧЕНО. ОНО ПРОЖИТО И ПЕРЕДАЧЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

Форма вспыхнула и превратилась в чистый лист.

На обороте было письмо Фоме Недоимковичу:

«Папа. Приходи в воскресенье. Ненадолго».

Инспектор прочитал и сел.

— Это положительный ответ?

— Это конкретный, — сказала Антонина Ладовна. — Не портьте его толкованием.

Налоговая проверка закончилась.

Но пустая казначейская коробка, в которой хранился отданный мир, продолжала расти.

К ночи она заняла подвал, утром — весь первый этаж.

Изнутри донёсся тяжёлый храп.

Ардеина понюхала стенку.

— Там дракон.

— Казначейский? — спросил Тарас.

— Старше денег.

Коробка раскрыла золотой глаз.

— Кто раздал мою казну? — прогремел голос.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Только не говори, что вернёшь конец света.

— Не буду. Этот хотя бы пришёл с активами.

Часть семнадцатая. Казна, которая съела мироздание

Глава сто шестьдесят первая

Дракон с приходной книгой

Золотой глаз занимал половину гостиной.

Вторая половина гостиной занималась тем, что старалась не смотреть ему в зрачок.

— Кто раздал мою казну? — повторил дракон.

Эраст поправил воротник.

— Уточните правовое основание владения.

— Я сожгу тебя.

— Угроза не является документом.

Из коробки высунулась когтистая лапа и положила на стол каменную книгу. Стол крякнул, пол задумался, а Тарас предусмотрительно отошёл к стене, которая ещё никому не принадлежала.

На обложке было выбито:

ПРИХОДНАЯ КНИГА ПЕРВОЙ КАЗНЫ.

— Я — Кладимир Златобрюхович, — произнёс дракон. — Хранитель всего, что люди отложили на потом.

— Тогда казна должна быть бесконечной, — сказала Вера.

— Была.

Кладимир раскрыл книгу. В ней значились несказанные слова, неисполненные обещания, отложенные путешествия, платья «на особый случай» и восемьсот миллионов понедельников, с которых кто-то собирался начать новую жизнь.

Тарас нашёл собственную строку.

— «Разобрать верхнюю полку». Я почти начал.

— Ты купил вторую полку, — напомнила Мира.

— Для систематизации первой.

Антонина Ладовна подошла к глазу.

— Мир из коробки мы отдали тем, кому негде жить.

— Без разрешения казны.

— Разрешение спрашивают у живых. Вы спали.

Дракон моргнул.

Впервые за эпоху ему возразили не мечом, а тещей. К такому оружию древние пророчества не готовили.

— Верните мир, — потребовал он.

— Там уже живут, — сказал Эраст.

— Тогда верните равную ценность.

Софья заглянула в каменную книгу.

— А сколько стоит возможность начать сначала?

Цифры на страницах заматались и спрятались в корешок.

Кладимир впервые за много тысячелетий не смог назвать сумму.

Глава сто шестьдесят вторая

Опись семейного имущества

Дракон решил начать взыскание с Дома.

Он уменьшился до размеров большого шкафа, выбрался из коробки и оказался медно-золотым, пузатым и крайне официальным. На носу у него сидели очки без стёкол.

— Опись, — объявил Кладимир. — Всё ценное будет изъято.

— Начинайте с Тараса, — предложил Эраст. — Он бесценный.

— Спасибо.

— Это не комплимент. На него нет рынка.

Кладимир осмотрел гостиную. Старинные часы показывали время, которое семье удалось провести вместе. Чайник хранил разговоры, не ставшие ссорами. Ковёр помнил шаги тех, кто уходил, но вернулся.

— Часы, чайник, ковёр, — записал дракон.

Предметы побледнели.

Часы забыли один воскресный вечер. Чайник перестал узнавать голос Веры. Ковёр отпустил следы Миры.

— Стойте, — сказал Эраст. — Вы забираете не вещи.

— Ценность находится не в вещи.

— Тогда оставьте ценность и возьмите вещь.

Кладимир нахмурился.

Казначейская магия не любила, когда формулировки читали внимательнее заклинателя.

Тарас сунул ему пустую сахарницу.

— Очень ценная. Семейная.

— Почему пустая?

— Потому и семейная. Все берут, никто не насыпает.

Дракон понюхал сахарницу. Внутри действительно хранились двадцать лет мелких взаимных претензий. Он поспешно вернул её.

Антонина Ладовна принесла коробку с фотографиями.

— Здесь всё самое ценное.

Кладимир протянул коготь.

— Но если тронете, — продолжила она, — будете смотреть все снимки. По порядку. С пояснениями, кто кому кем приходится.

Дракон отдернул лапу.

— Исключение по причине чрезмерного срока хранения.

Опись провалилась.

Однако каменная книга сама раскрылась и написала:

НЕДОСТАЮЩАЯ ЦЕННОСТЬ БУДЕТ ВЗЫСКАНА С МИРОЗДАНИЯ.

Где-то далеко исчез первый золотой закат.

Глава сто шестьдесят третья

Женщина, которой должны все

На следующий день Дверина привела незнакомку.

Она была невысокой, носила серое платье с множеством карманов и тащила за собой счёты, на которых вместо костяшек двигались маленькие планеты.

— Нумизмата Копейковна Недодатая, — представилась она. — Хранительница невозможных долгов.

Тарас поклонился.

— Вам кто-нибудь должен?

— Все.

— Тогда вы родственница Антонины Ладовны.

Туфля прошла рядом с его ухом и открыла окно.

Нумизмата рассказала, что Первая Казна появилась раньше денег. Люди складывали в неё то, что боялись потратить: силы, нежность, смелость, время. Кладимир сторожил запас, пока не забыл, зачем тот собирался.

— Любое хранилище однажды начинает считать себя владельцем, — сказала она.

— А вы зачем пришли? — спросила Вера.

— Мироздание подало жалобу.

Она вынула тонкий свиток. На нём дрожала подпись Вселенной — несколько галактик, поставленных крестиком.

После начала взыскания стали исчезать ценности. Не предметы, а основания, по которым они были ценными. В одном мире золото превратилось в жёлтый металл. В другом короны

стали неудобными головными уборами. В третьем люди поняли, что брендовая сумка тоже не умеет носить себя сама, и экономика рухнула от обиды.

— Звучит местами полезно, — заметила Мира.

— Сегодня исчезла редкость, — сказала Нумизмата. — Завтра исчезнет достаточность. Потом — смысл обмена. Когда казна съест всё ценное, она примется за всё остальное, чтобы сравнивать было не с чем.

Кладимир расправил крылья.

— Я взыскиваю своё.

— Нет, — сказала Нумизмата. — Ты взыскиваешь всё.

Фёдор посмотрел на слово «своё».

— Нет.

Над драконом погасло клеймо владельца.

Кладимир заревел, но не напал. В его глазах на мгновение появился страх.

Без слова «своё» он не знал, кто он такой.

Глава сто шестьдесят четвёртая

Ревизор исчезнувших ценностей

Жалобу Вселенной поручили расследовать Ревизору Безвозвратных Потерь.

Он прибыл без двери, вспышки и музыки. Просто выяснилось, что худой мужчина в потёртом пальто уже три часа сидит на кухне и записывает, кто сколько раз сказал «потом».

— Савелий Убыточевич Остаткин, — представился он. — Можно просто Убыточевич. Всё остальное у меня уже сократили.

Савелий носил чемодан с дырой вместо дна. В него помещалось только утраченное.

Он достал пропавший золотой закат, осмотрел и положил обратно.

— Причина исчезновения?

— Взыскание, — сказал Кладимир.

— Основание?

— Долг.

— Должник?

Дракон указал вокруг.

— Мироздание.

Савелий записал: «Адрес должника указан недостаточно точно».

Проверка началась с близких ценностей.

У Веры изъяли терпение. Через минуту она потребовала прекратить проверку, починить вселенную и наконец вымыть чашку, которую Эраст «замочил» ещё во вторник.

— Терпение действительно было, — подтвердил ревизор.

У Миры изъяли сомнение. Она немедленно решила командовать всеми мирами и неплохо справлялась первые семь минут.

У Тараса изъяли осторожность.

Никто не заметил разницы.

У Эраста попытались изъять чувство долга, но оно предъявило встречное удостоверение и осталось на месте.

Савелий подошёл к Антонине Ладовне.

— Ваша главная ценность?

— Семья.

Кладимир поднял коготь.

Дом исчез.

Все оказались посреди белого пространства. Не было стен, комнат и семейного стола. Но Вера взяла Эраста за руку, Мира удержала Тараса за воротник, Софья подошла к Фёдору, Полина обняла Ардеину.

Антонина пересчитала всех.

— Семья на месте.

Савелий закрыл журнал.

— Объект изъят неверно. Дом оказался имуществом. Ценность взысканию не поддалась.

Глава сто шестьдесят пятая

Мир без слова «достаточно»

Первым исчезло слово.

Люди ещё произносили «достаточно», но оно больше ничего не останавливало.

Чашки наполнялись после того, как чай переливался через край. Богатые продолжали богатеть, потому что не понимали, когда заканчивать. Бедные копили ненужное на случай, если однажды оно станет нужным. Драконы собирали принцесс, хотя давно предпочитали библиотекарей.

Ардеина возмутилась:

— Не все.

— Но тенденция неприятная, — сказала Полина.

Дом вернули, однако он начал расти. У каждой комнаты появилась запасная, у запасной — резервная, у резервной — комната на случай нехватки комнат.

Тарас открыл дверь и увидел склад дверей.

— Удобно.

— Для чего?

— Когда пойму, будет уже поздно покупать.

Эраст собрал семейный совет. Стульев оказалось вдвое больше людей, поэтому половина оскорбилась, что на неё не сели.

Нумизмата передвинула планеты на счётах.

— Кладимир не может остановить взыскание. Казна проголодалась.

— Казны не едят, — сказал Эраст.

Коробка откусила угол стола.

— Эта не читала инструкцию, — уточнил Тарас.

Софья спросила дракона:

— Чего тебе достаточно?

Кладимир открыл пасть и замер.

Он не мог ответить. Тысячелетиями ему приносили больше, но ни разу не сказали, сколько нужно.

Казна почувствовала его колебание и вытянула из воздуха целую звезду. В комнате стало жарко и торжественно.

Фёдор сказал:

— Нет.

Звезда вернулась, но слово не вернулось.

— Отрицание останавливает лишнее, — сказал Эраст. — Но не создаёт меру.

Антонина Ладовна поставила перед драконом тарелку супа.

— Ешь.

— Я питаюсь золотом.

— Поэтому у тебя цвет лица нездоровый.

Кладимир съел ложку, потом вторую. На третьей Антонина убрала тарелку.

— Почему?

— Потому что хватит.

На мгновение слово «достаточно» снова обрело смысл.

И тут казна проглотила самую тарелку.

Глава сто шестьдесят шестая

Ограбление собственной жадности

Чтобы остановить казну, требовалось проникнуть внутрь и найти её меру.

— Это ограбление? — спросил Тарас.

— Возврат незаконно взысканного, — сказал Эраст.

— Значит, ограбление с хорошим образованием.

Внутрь отправились Эраст, Тарас, Нумизмата, Савелий и Кладимир. Антонина Ладовна пошла шестой, потому что никто не решился сформулировать запрет достаточно убедительно.

Казна оказалась больше мироздания.

В первом зале лежали непрочитанные книги. Во втором — праздничные сервизы, пережившие всех гостей. В третьем хранились деньги, которые берегли для жизни, пока жизнь не закончилась.

Тарас остановился у горы планов.

— Кажется, здесь мои.

— Только верхний слой, — сказала Мира из дверного проёма.

Она всё-таки пошла следом.

Дальше стояли клетки с неиспользованными талантами. Они пели, рисовали, строили корабли и тихо ругали хозяев.

Эраст нашёл собственную способность отдыхать.

— Я не знал, что она у меня была.

— Ты её не распаковал, — сказала Вера, появляясь рядом.

Вскоре выяснилось, что внутри уже вся семья. Дверина объяснила это просто:

— Казна хранит отложенное. Вы все отложили решение не ходить.

В центре хранилища возвышалась чёрная монета. На одной стороне было выбито «ЕЩЁ», на другой — тоже «ЕЩЁ».

Нумизмата побледнела.

— У неё нет обратной стороны.

— Как у хорошего обещания, — сказал Тарас.

Кладимир приблизился к монете.

— Это моё сердце.

— Нет, — сказал Фёдор.

Монета треснула.

Из неё вылетела маленькая голодная тень и бросилась глубже в казну.

Савелий открыл чемодан.

— Объект: жадность без владельца. Стоимость: всё, что увидит.

— Как её поймать? — спросила Полина.

Антонина Ладовна сняла с полки банку варенья.

— На живца.

Глава сто шестьдесят седьмая

Варенье стратегического назначения

Банка была последней.

Абрикосовое варенье Антонина берегла девять лет для достойного случая. За это время достойные случаи приходили неоднократно, но уходили недостаточно достойными.

— Это самая опасная вещь в казне, — сказал Савелий.

— Почему? — спросил Тарас.

— Её действительно жалко открыть.

Банку поставили посреди зала. Голодная тень подползла, обнюхала крышку и выросла до размеров дворца.

— Ещё, — прошептала она.

Казна содрогнулась. С полок полетели драгоценности, годы, короны и запасные жизни.

Антонина взяла открывалку.

— Не смей! — закричал Кладимир. — Тогда ценность будет потрачена!

— Именно.

Крышка хлопнула.

По хранилищу распространился запах лета, которого никто уже не помнил. Антонина раздала ложки.

Каждый съел понемногу. Варенье перестало быть запасом и стало общим воспоминанием.

Тень завывала.

Она могла поглощать сохранённое, но не умела отнять уже разделённое.

— Ещё! — потребовала она.

Тарас облизал ложку.

— Нет больше.

Слово прозвучало без сожаления.

Фёдор улыбнулся.

— Нет.

Тень уменьшилась. Кладимир накрыл её пустой банкой и закрутил крышку.

Снаружи появилась этикетка:

ЖАДНОСТЬ. ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА.

— То есть не открывать у нас, — заметила Мира.

Казна начала возвращать проглоченное. Золотой закат вылетел первым, за ним — терпение Веры, сомнение Миры и осторожность Тараса.

Осторожность оглядела хозяина и попросилась обратно в банку.

Но слово «достаточно» всё ещё не вернулось.

Оно лежало на дне пустой банки из-под варенья и ждало, чтобы кто-нибудь произнёс его не из страха потерять, а из готовности поделиться.

Глава сто шестьдесят восьмая

Первый расход Кладимира

Кладимир сидел перед своими сокровищами.

Без жадности они выглядели иначе. Золото оказалось тяжёлым. Короны — пыльными. Неиспользованные возможности смотрели на хранителя с таким выражением, с каким дети смотрят на закрытую детскую площадку.

— Если я всё раздам, кем стану? — спросил дракон.

— Тем, кто раздал, — ответила Софья.

— Это не должность.

— Тем лучше, — сказал Эраст.

Первым Кладимир выпустил таланты. Они разлетелись по мирам и нашли людей, которые всё ещё могли начать. Одному старому сапожнику достался голос. Девочке, боявшейся чисел, — дар строить мосты. Королю выдали способность слушать, но без инструкции, чтобы не расслаблялся.

Потом дракон открыл зал отложенного времени.

— Время нельзя вернуть умершим, — сказал Савелий.

— Куда его?

Вера предложила отдать живым, но не добавит годы, а освободить часы от ненужной спешки.

По мирам прошла тихая волна. Люди перестали бежать на несколько минут и заметили тех, рядом с кем бежали всю жизнь.

Кладимир уменьшился ещё немного.

— Я исчезаю.

Ардеина осмотрела его.

— Ты освобождаешься от веса.

— Дракон без сокровища — не дракон.

— Дракон, которого определяет мебель, — тоже сомнительный дракон.

Кладимир задумался и отдал последний сундук золота миру, где мосты строили из честного слова. Золото там немедленно потратили на нормальные мосты.

На дне казны осталась одна монета.

На одной стороне было написано «ХВАТИТ». На другой — «ЕСТЬ ЧЕМ ПОДЕЛИТЬСЯ».

Кладимир взял её двумя когтями.

— Достаточно, — сказал он.

Слово вернулось во все миры.

И впервые казна стала меньше того, кто её охранял.

Глава сто шестьдесят девятая

Долг, который нельзя погасить

Ревизор Савелий составил заключение.

Кладимир вернул мирозданию всё взысканное, кроме одного золотого заката. Тот отказывался уходить из чемодана и требовал отпуск.

— Остался первоначальный долг, — сказала Нумизмата. — Мир, отданный переселенцам.

— Я не заберу его, — ответил дракон.

— Тогда долг нужно погасить иначе.

Эраст предложил признать передачу расходом на поддержание мироздания. Савелий возразил: мироздание не представило смету. Тарас предложил написать смету задним числом. Все посмотрели на него с таким уважением, какое обычно предшествует обыску.

Софья спросила:

— А почему добро обязательно должно закрыть долг?

— Потому что полученное требует ответа, — сказала Нумизмата.

— Ответа или возврата?

Счёты остановились.

Нумизмата много веков учитывала долги и впервые различила эти слова.

Кладимир пришёл в новый мир. Кривое дерево Ошибки уже давало первые плоды. Бесмертные учились стареть, нерождённые возможности выбирали имена, а Тишина построила школу, где никто не боялся отвечать неправильно.

Жители встретили дракона настороженно.

— Я пришёл получить долг, — сказал он.

Все замерли.

— Научите меня начинать сначала.

Ошибка Неизвестная протянула ему кривой саженец.

Кладимир посадил дерево рядом с первым. Оно выросло ещё кривее.

— Неправильно, — сказал дракон.

— Поэтому живое, — ответила Ошибка.

Нумизмата сняла с планетарных счётов одну костяшку.

— Долг не погашен, — объявила она. — Он продолжен.

— Это допустимо? — спросил Эраст.

— Теперь да.

Она переписала должность на своей визитке:

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ВОЗМОЖНЫХ ОТВЕТОВ.

Глава сто семидесятая

Наследство старше конца света
Дом вернулся к обычным размерам.

Обычными считались размеры, при которых кухня помещалась на первом этаже, дракон — во дворе, а число дверей не превышало число разумных объяснений более чем втрое.

Кладимир остался. Он поселился в бывшей казначейской коробке, которая теперь служила маленьким домом и иногда выдавала сдачу воспоминаниями.

Савелий Убыточевич уехал искать потери, о которых никто ещё не узнал. Нумизмата отправилась возвращать мирам право отвечать добром не по тарифу.

Фома Недоимкович пришёл на воскресный ужин с дочерью. Они сидели рядом и говорили мало.

— Всё прошло хорошо? — спросил Тарас.

— Она попросила прийти ещё раз, — ответил Фома.

— Значит, задолженность уменьшается.

Фома покачал головой.

— Нет. Теперь я понимаю: это не задолженность.

Антонина Ладовна одобрительно налила ему супа. Для неё это заменяло государственную награду и иногда завещание.

За столом Кладимир впервые тратил собственное время, ничего не охраняя. Ардеина учила его дышать огнём без составления расходной накладной. Полина записывала результаты на обоях. Вера не мешала Эрасту отдыхать целых одиннадцать минут. Мира следила, чтобы Тарас не превратил это в соревнование.

Софья спросила:

— Что осталось в Первой Казне?

— Ничего, — сказал Кладимир.

Каменная приходная книга на столе сама раскрылась.

На последней странице появилась запись:

ПРИНЯТО НА ХРАНЕНИЕ: НАСЛЕДСТВО АНТОНИНЫ ЛАДОВНЫ.

Все посмотрели на тёщу.

— Я ничего не сдавала, — сказала она.

Из книги выпал маленький ключ. Он был чёрным с одной стороны и белым с другой.

Дверина отшатнулась.

— Это ключ от Родительской Двери.

— Чьей родительской? — спросил Тарас.

Антонина Ладовна впервые не ответила сразу.

За окном погасли все звёзды, кроме двух. Одна была похожа на открытую дверь. Вторая — на женщину, которая стояла по ту сторону и ждала много веков.

Кладимир прочитал новую строку:

НАСЛЕДНИК ДОЛЖЕН ЯВИТЬСЯ ЛИЧНО.

— Кто наследник? — спросила Вера.

Книга перевернула страницу.

Там было написано семь отчеств Антонины Ладовны.

И восьмое, которого она никогда не называла.

— Мамино, — тихо сказала тёща.

В стене появилась дверь.

С другой стороны постучали три раза.

Антонина Ладовна побледнела.

— Только не открывайте.

Тарас медленно убрал руку с ручки.

— Наконец-то семейная традиция, которую я понимаю.

Часть восемнадцатая. Мама моей тёщи

Глава сто семьдесят первая

Не открывайте эту дверь

В дверь постучали ещё три раза.

Антонина Ладовна стояла перед ней бледная, прямая и совершенно не похожая на женщину, которая могла остановить семейный скандал одним движением брови.

— Только не открывайте, — повторила она.

Тарас убрал руку с ручки.

— Я уже не открываю. Но профессионально интересуюсь: почему?

— Потому что там моя мама.

В Доме стало тихо.

Даже Кладимир перестал пересчитывать ложки после ужина.

Эраст посмотрел на дверь, потом на тещу.

— У вас есть мама?

— У большинства людей это не редкость.

— Я имел в виду — живая?

— Это и предстоит выяснить.

С другой стороны произнесли:

— Тоня, я слышу, как ты делаешь вид, что тебя нет дома.

Голос был негромким. От него сами расправились занавески, посуда встала по росту, а пыль под шкафом подала заявление об уходе.

Мира прошептала:

— Теперь понятно.

— Что? — спросил Тарас.

— Откуда взялась Антонина Ладовна.

Софья подошла к двери.

— Почему вы боитесь маму?

— Я не боюсь.

Ручка повернулась сама.

Антонина отступила на шаг.

— Я учитываю опыт.

Дверина осмотрела чёрно-белый ключ.

— Родительскую Дверь нельзя держать закрытой вечно. Она открывается не в место. Она открывается в то, что между родителем и ребёнком осталось недоговорённым.

— Тогда там должна быть очень большая территория, — сказал Эраст.

За дверью тяжело вздохнули.

— Тоня, открой. Я принесла пирог.

Антонина Ладовна закрыла глаза.

— Это ловушка.

— Почему?

— Она никогда не приносит просто пирог.

Ключ сам вошёл в замок.

Дверь открылась внутрь.

На пороге стояла маленькая седая женщина с пирогом, дорожным саквояжем и таким выражением лица, будто мироздание наконец согласилось принять её без очереди.

— Здравствуй, дочка, — сказала она. — Ты похудела.

Антонина Ладовна немедленно пришла в себя.

— Мама, не начинай.

Глава сто семьдесят вторая

Евпраксия Всеволодовна входит в дом

Гостью звали Евпраксия Всеволодовна Ладомерова.

Она была ниже Антонины Ладовны на голову и выше всех остальных по внутреннему рангу.

— Значит, это твоя семья, — сказала она, не спрашивая.

— Моя.

— Могла бы выбрать попримечнее.

— Я выбирала не мебель.

Евпраксия Всеволодовна одобрительно кивнула. Первый обмен любезностями завершился без разрушений.

Она вручила пирог Вере, саквояж — Эрасту, пальто — Тарасу.

— Почему мне? — спросил Тарас.

— У тебя лицо свободного человека.

— Наконец-то меня оценили.

— От обязанностей свободного.

Мира забрала пальто.

Евпраксия познакомилась со всеми. Софью она поцеловала в лоб, Фёдору сказала «не всё надо отрицать», Полине подарила карандаш, который записывал то, о чём взрослые молчат. Владимиру сунула золотую пуговицу.

— Я больше не коплю золото, — сказал дракон.

— Пришей.

Он пришил.

Ардеина осторожно спросила:

— Вы тоже дракон?

— По первому мужу.

Антонина Ладовна сжала губы.

— Мама.

— Что? Хороший был человек. Особенно после превращения.

Евпраксия прошла по Дому, заглянула в комнаты и обнаружила недостатки, о существовании которых пространство не подозревало. Одна стена стояла недостаточно прямо. Лестница вела вверх без ясной жизненной цели. У часов было время, но не было дисциплины.

Дом попытался перестроиться.

— Не смей, — сказала Антонина.

Дом застыл между двумя планировками.

— Ты всё ещё споришь со старшими, — заметила Евпраксия.

— Я сама старшая.

— Только среди своих.

Тарас шепнул Эрасту:

— Впервые вижу пищевую цепочку целиком.

Евпраксия повернула голову.

— Молодой человек, я хорошо слышу.

— А я плохо думаю. Это смягчающее обстоятельство.

Она улыбнулась.

Тарасу стало страшнее.

Глава сто семьдесят третья

Восьмое отчество

Каменная книга раскрылась во время чаепития.

Семь отчеств Антонины Ладовны были известны семье: каждое она получала в мире, где ей приходилось временно становиться чьей-то дочерью, чтобы спасти местный порядок вещей.

Восьмое светилось серебром.

ЛАДОВНА. МАРКОВНА. ТИХОНОВНА. АРКАДЬЕВНА. СЕМЁНОВНА. РОДИОНОВНА. МИРОНОВНА.

И последнее:

НАЧАЛОВНА.

— Такого имени не бывает, — сказал Эраст.

— Бывает, — ответила Евпраксия. — Но только один раз.

Она рассказала, что Антонина родилась не в городе и не в мире. Она появилась в Первом Доме — месте, где возникли отношения между теми, кто был раньше один.

— Её отец — Начало? — спросила Вера.

— Одно из Начал.

— Их несколько?

— Разумеется. Одно начало никогда не может решить, с чего начать.

Антонина резко поставила чашку.

— Ты обещала не рассказывать.

— Я обещала дожидаться, пока ты сама расскажешь.

— Я не рассказала.

— Поэтому пришлось мне.

Полинин карандаш быстро записывал:

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА — ЭТО ПРАВДА, КОТОРУЮ ХРАНЯТ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ОНА НЕ СТАНЕТ ЧУЖОЙ ВЕРСИЕЙ.

Евпраксия объяснила: наследство Первого Дома переходит тому, кто способен собрать семью из существ, не обязанных любить друг друга.

Все посмотрели на Антонину.

— Я никого не собирала, — сказала она.

— Конечно, — ответил Тарас. — Мы случайно живём вместе, спасаем миры и боимся одного тапка.

Книга написала:

НАСЛЕДНИЦА ПОДТВЕРЖДЕНА.

Стены Дома содрогнулись. За каждой дверью появился чужой коридор.

Дверина пересчитала их и побледнела.

— Первый Дом требует всех родственников.

— Сколько их? — спросила Мира.

Евпраксия открыла саквояж.

Из него слышались голоса, рычание, звон оружия и чей-то вопрос, где поставить холодец.

— Близких немного, — сказала она. — Остальные считают себя близкими.

Глава сто семьдесят четвёртая

Родственники первой очереди

Первым из саквояжа вышел высокий мужчина с тремя головами.

Каждая представилась отдельно: Добромир, Зломир и Никакмир.

— Дядя, — сказала Антонина.

— Племянница, — ответил Добромир.

— Самозванка, — сказал Зломир.

Никакмир зевнул.

Следом появилась двоюродная сестра Пелагея Конечновна — женщина, завершавшая всё, к чему прикасалась. Чай остывал, разговоры прекращались, незаконченные романы внезапно получали эпилоги.

Паша спрятал рукописи.

За ней вошёл мальчик лет двенадцати.

— Это Ходик, — сказала Евпраксия. — Твой младший старший брат.

— Как это? — спросила Вера.

— Он родился раньше, но время отказалось его учитывать.

Ходик улыбнулся и оказался у окна за секунду до того, как вошёл в комнату.

Последней явилась прозрачная женщина в траурном платье.

— Забвения Памятовна, — представилась она. — Я всех вас прекрасно не помню.

Семейный совет начался.

Добромир считал, что Первый Дом нужно отдать всем. Зломир — ему. Никакмир предлагал ничего не решать, пока решение не потеряет актуальность. Пелагея хотела немедленно закончить мироздание, чтобы вопрос наследства больше никого не беспокоил.

— Нормальная семья, — сказал Тарас. — У нас на даче так же, только голов меньше.

Евпраксия положила на стол завещание.

— Наследник должен пройти три семейных испытания.

— Кто их придумал? — спросила Антонина.

— Твой отец.

— Где он?

— Начал уходить.

— И?

— Не закончил.

Первое испытание появилось на стене:

НАКОРМИТЬ ВСЕХ ТЕМ, ЧТО НИКТО НЕ ХОЧЕТ ДЕЛИТЬ.

Все родственники посмотрели на пирог.

Остался один кусок.

Глава сто семьдесят пятая

Последний кусок пирога

Последний кусок был большим только с точки зрения надежды.

Добромир предложил разделить поровну. Зломир потребовал учесть заслуги. Никакмир уже ел крошки и не видел проблемы.

Пелагея Конечновна коснулась ножа.

Нож закончил службу и рассыпался в пыль.

— Не трогайте приборы, — попросила Вера.

— Я помогаю.

— Помогайте издали.

Эраст рассчитал доли. Получилось по одной двадцать седьмой куска, если не учитывать драконов, Дом и родственников, которые ещё не успели выйти из саквояжа.

Тарас предложил провести аукцион.

— Чем платить? — спросила Мира.

— Семейными обещаниями.

— Тогда ты банкрот.

Софья взяла тарелку.

— Испытание говорит накормить тем, что никто не хочет делить. Не сказано, что это пирог.

Она попросила каждого назвать обиду, которую тот хранит и не желает отдавать.

Добромир берёт обиду на Зломира за все плохие решения. Зломир — на Добромира за хорошую репутацию. Пелагея обижалась, что её зовут только заканчивать неприятное. Забвения Памятовна не помнила причину, но дорожила чувством.

Антонина Ладовна молчала.

Евпраксия смотрела на неё.

— Ты ушла, когда я просила остаться, — сказала наконец Антонина.

— Я спасала Первый Дом.

— А я была ребёнком.

В комнате стало холодно.

Евпраксия впервые не нашла готового ответа.

— Я думала, ты поймёшь.

— Я поняла. Но от этого не перестала ждать.

Слова превратились в тёплый хлеб. Каждый получил по куску чужой правды и не смог проглотить, пока не признал её настоящей.

На стене появилось:

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ ПРОЙДЕНО.

Последний кусок пирога остался на тарелке.

Тарас потянулся к нему.

Две тёщи одновременно посмотрели на его руку.

Он положил рядом салфетку.

— Проверял сервировку.

Глава сто семьдесят шестая

Детская комната Антонины Ладовны

Второе испытание открыло дверь в детскую комнату.

Она была маленькой, хотя находилась внутри Первого Дома, который не имел размеров. На стуле лежало платье семилетней Антонины. На подоконнике стояла чашка молока, всё ещё тёплая после нескольких эпох.

— Ничего не трогать, — сказала Антонина.

Тарас уже держал деревянную лошадку.

— Я только посмотрел руками.

Лошадка укусила его и вернулась на полку.

На стене появилась надпись:

ВЕРНУТЬ РЕБЁНКУ ТО, ЧТО ВЗРОСЛЫЕ НАЗВАЛИ НЕНУЖНЫМ.

В комнате хранились вещи, которых Антонина лишилась слишком рано: право плакать без объяснений, ошибаться без последствий, просить помощи и не быть самой сильной.

— Это всё мне не нужно, — сказала она.

— Поэтому здесь и лежит, — ответила Евпраксия.

Антонина взяла маленькое право на ошибку. Оно оказалось стеклянным шариком.

— Бесполезная вещь.

Шарик выскользнул, ударился о пол и не разбился.

— Неправильно положила, — сказал Фёдор.

— Не начинай.

— Я одобряю.

Евпраксия подошла к чашке молока.

— Я оставила тебя на один вечер.

— На четыреста лет.

— В Первом Доме время шло иначе.

— У ребёнка оно всегда идёт иначе.

Софья взяла Антонину за руку.

— Можно не прощать сразу.

— Я знаю.

— Можно вообще не знать, когда простишь.

Антонина посмотрела на мать.

— Этого я не знала.

Она положила в карман шарик ошибки, право попросить помощи и маленький свёрток с надписью «НЕ ХОЧУ».

Комната стала светлее.

Второе испытание было пройдено.

Но когда все вышли, Евпраксия задержалась и выпила молоко.

Оно оказалось горьким.

Так Первый Дом сообщал взрослым, сколько времени их ждали.

Глава сто семьдесят седьмая

Суд над хорошей матерью

Третье испытание оказалось судом.

Судьёй назначили Софью, потому что она задавала вопросы, от которых законы начинали оправдываться.

Обвинителем стал Эраст. Защитником вызвался Тарас.

— Почему он? — спросила Евпраксия.

— У меня большой опыт защиты безнадёжных решений, — ответил он.

Судили не Евпраксию, а образ Хорошей Матери, который много веков стоял между ней и дочерью.

Образ вошёл в белом платье. Он никогда не уставал, всё делал правильно, жертвовал собой по расписанию и требовал благодарности без срока давности.

— Я дала дочери жизнь, — сказал он.

— Это подарок или кредит? — спросила Софья.

Образ замялся.

Эраст перечислил обстоятельства: оставление ребёнка, сокрытие происхождения, возвращение без предупреждения, использование пирога как средства проникновения.

— Протестую, — сказал Тарас. — Последнее является семейным обычаем.

Протест приняли частично и доели доказательство.

Евпраксия пыталась объяснить, что спасала Первый Дом ради дочери.

Антонина спросила:

— Почему ты ни разу не спросила, нужно ли мне это?

— Родители знают лучше.

Хорошая Мать засияла.

Софья ударила ложкой по столу.

— Ответ не принят. Он отменяет того, ради кого якобы стараются.

Фёдор сказал образу:

— Нет.

Белое платье потемнело. Под ним обнаружилась обычная женщина: уставшая, испуганная и привыкшая заменять любовь правильностью.

— Я не знала, как вернуться, — призналась Евпраксия.

— Можно было постучать раньше, — сказала Антонина.

— Я стучала.

— Когда?

— Первые триста лет.

Дверина виновато опустила глаза.

— Родительские двери тогда направлялись в отдел не востребуемых чувств.

Савелий Убыточевич высунулся из своего бездонного чемодана.

— Нашёл. Сто двадцать восемь тысяч стуков. Состояние хорошее.

Суд постановил: идеальную мать распустить, настоящей — разрешить попытку.

На стене появилось:

ТРЕТЬЕ ИСПЫТАНИЕ ПРОЙДЕНО НЕИДЕАЛЬНО.

Ниже добавилось:

ЗНАЧИТ, ПО-НАСТОЯЩЕМУ.

Глава сто семьдесят восьмая

Наследство, которое отказалось наследоваться

Первый Дом признал Антонину наследницей.

Ключ вырос, превратился в посох и лёг ей в руки. Все двери мироздания распахнулись одновременно. Где-то человек вышел не в тот подъезд и неожиданно помирился с братом.

— Теперь ты хозяйка всех связей между родными, — сказала Евпраксия.

— Не хочу.

Посох погас.

Родственники ахнули.

— Наследство нельзя не хотеть, — возмутился Зломир.

— Я только что унаследовала право говорить «не хочу».

Стеклянный шарик в кармане Антонины нагрелся.

Первый Дом заскрипел. Он существовал так давно, что ни один наследник ещё не отказывался добровольно.

Эраст изучил завещание.

— Здесь сказано «должен явиться лично». Не сказано «должен принять».

— Кто писал этот документ? — спросила Евпраксия.

— Мужчина, который начал уходить и не закончил, — напомнил Тарас. — Качество ожидаемое.

Дом начал распадаться на двери. Если никто не примет наследство, родственные связи останутся без места встречи. Люди смогут помнить друг друга, но перестанут находить дорогу обратно.

— Поэтому ты должна, — сказала Евпраксия.

Антонина подняла посох.

— Нет. Поэтому мы должны решить вместе.

Она разделила ключ.

Одну часть получила Дверина — за дороги. Вторую Софья — за вопросы. Третью Фёдор — за право отказа. Четвёртую Вера и Мира — за тех, кто остаётся рядом не по обязанности.

Пятую Антонина протянула матери.

— За попытку вернуться.

Евпраксия не взяла.

— Я не заслужила.

— Это не награда. Это работа.

Тарасу досталась ручка от двери.

— А мне за что?

— Чтобы ты сначала спрашивал, прежде чем открывать.

— Жестокое наследство.

Первый Дом собрался заново. Теперь у него не было одного хозяина.

Зато появилось много ответственных, что было значительно хуже для отчётности и лучше для жизни.

Глава сто семьдесят девятая

Бабушка против конца света

Пелагея Конечновна устала ждать.

Пока остальные делили наследство, она коснулась мироздания и объявила:

— Всё. Заканчиваем.

Небо свернулось до последней страницы. Реки достигли устьев. Все споры получили окончательные ответы, и человечество немедленно ими разочаровалось.

Паша обнаружил, что каждый его рассказ закончен.

— Это ужасно.

— Читатели иногда мечтают об этом, — сказал Эраст.

— Они не понимают последствий.

Пелагея подняла руку, чтобы поставить финальную точку.

Евпраксия Всеволодовна встала между ней и концом света.

— Не смей.

— Я завершаю начатое.

— Семейный разговор ещё не окончен.

— Он никогда не закончится.

— Именно.

Две древние силы столкнулись. Конец требовал точки. Мать требовала последнего слова. Мироздание колебалось, потому что не знало более могучей стихии.

Антонина подошла к Евпраксии.

— Я сама.

Она вынула из кармана свёрток «НЕ ХОЧУ».

— Я не хочу, чтобы мир продолжался только потому, что мы не договорили. И не хочу, чтобы он закончился ради удобства.

— Чего ты хочешь? — спросила мать.

Антонина задумалась.

Раньше она знала, что должны делать все. Собственное желание оказалось задачей повышенной сложности.

— Хочу завтракать с вами завтра. Со всеми. Даже с Тарасом.

— Почему «даже»? — обиделся он.

— Потому что мир должен иметь цену.

Слово «завтра» развернуло небо обратно. Реки отступили от последних берегов. У рассказов снова появились сомнительные продолжения.

Пелагея Конечновна лишилась власти над тем, что кто-то искренне хотел продолжить.

Евпраксия обняла дочь.

Антонина стояла неподвижно.

Потом осторожно обняла в ответ.

Конец света перенесли без указания новой даты.

Глава сто восьмидесятая

Семейная фотография

Утром всех построили для фотографии.

Евпраксия Всеволодовна считала, что родственники должны стоять по старшинству. Антонина Ладовна — по степени опасности. Вера предлагала просто поместиться в кадр.

Тарас занял место в центре.

— Почему ты там? — спросила Мира.

— Уравновешиваю композицию.

— Ты перевешиваешь здравый смысл.

Кладимир сел с краю, но хвост обнял половину семьи. Ардеина расправила крыло. Добромир, Зломир и Никакмир спорили, какая голова профильная. Забвения Памятовна забыла прийти и поэтому уже стояла во втором ряду.

Полина установила карандаш вместо фотоаппарата.

— Он запишет не лица, а то, что каждый хочет сохранить.

— Тогда меня сделай моложе, — сказала Евпраксия.

— Это не сохранение. Это переговоры с фактами.

Перед снимком Антонина взяла мать за руку.

Неловко. Без прощения на все времена. Без обещания никогда больше не спорить.

Просто взяла.

Карандаш вспыхнул.

На листе появилась семья: не дерево с правильными ветвями, а Дом с множеством дверей. Некоторые были открыты. Некоторые закрыты. Но ни одна больше не была замурована навсегда.

Внизу Полина прочитала:

СЕМЬЯ — ЭТО НЕ ТЕ, КОМУ ТЫ ОБЯЗАН ОТКРЫТЬ.

СЕМЬЯ — ЭТО ТЕ, КОМУ МОЖНО ПОСТУЧАТЬ СНОВА.

Евпраксия собралась уходить.

— Когда вернёшься? — спросила Антонина.

— Когда позовёшь.

— Приходи в воскресенье.

— Ненадолго?

— Не наглей.

Родительская Дверь закрылась спокойно.

Каменная книга перелистнула страницу и поставила печать:

НАСЛЕДСТВО ПРИНЯТО ВСЕМИ. ВЛАДЕЛЬЦЕМ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НИКТО.

Эраст выдохнул.

— Кажется, закончилось.

Из саквояжа Евпраксии донёсся кашель.

На стол выпала старая мужская шляпа. Следом — письмо, адресованное Антонине Началовне.

«Дочь. Я наконец закончил уходить. Теперь начинаю возвращаться».

Подпись занимала несколько строк:

*ПЕРВОЕ НАЧАЛО, ОТЕЦ ДВЕРЕЙ, ВРЕМЕННО ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ
ПЕРВОГО КОНЦА.*

За окном горизонт поднялся и постучал в стекло.

Тарас посмотрел на Антонину.

— Это ваш папа?

— К сожалению.

— А он строгий?

Антонина Ладовна взяла туфлю.

— По сравнению с ним мама — пирог.

Часть девятнадцатая. Папа моей тещи

Глава сто восемьдесят первая

Горизонт просится в гости

Горизонт постучал в стекло ещё раз.

Окно выдержало, но вид из него попросил отпуск.

— Открывать будем? — спросил Тарас.

— Нет, — сказала Антонина Ладовна.

— Почему с вашей семьёй это всегда первый пункт?

— Потому что второй обычно «бежать».

Мужская шляпа на столе приподнялась. Из-под неё вышел длинный человек в сером куртке. Сначала появилась улыбка, затем трость, потом сам человек и только после него — тень, немного опоздавшая из другой эпохи.

Он был седым и молодым одновременно. Левый глаз видел начало разговора, правый — чем он мог бы закончиться, но ни один не интересовался серединой.

— Тонечка, — произнёс он.

Антонина подняла туфлю.

— Не называй меня так.

— Значит, узнаёшь.

— По желанию войти без разрешения.

Гость поклонился.

— Первен Началович Ладомер. Первое Начало, Отец Дверей и временно исполняющий обязанности Первого Конца.

— Почему временно? — спросил Эраст.

— Конец уволился.

Пелагея Конечновна из коридора крикнула:

— Я не уволилась! Я закончила работать!

— Видите? — сказал Первен. — Кадровая формулировка спорная.

Евпраксия Всеволодовна появилась в Родительской Двери.

— Ты наконец закончил уходить.

— Да.

— Поздравляю. У тебя заняло восемь тысяч лет.

— Хотел сделать основательно.

— Ты оставил меня с ребёнком и недостроенным мирозданием.

— Зато вернулся с предложением.

Первен щёлкнул пальцами. Во дворе появился длинный стол, уходящий за горизонт.

— Приглашаю семью на ужин. Обсудим наследство, старые ошибки и конец всего.

Тарас посмотрел на блюда, возникавшие вдоль стола.

— В каком порядке?

— Как получится.

— Наконец-то хозяин, которому я доверяю.

Глава сто восемьдесят вторая

Секретарь незаконченных дел

Перед ужином прибыла секретарь Первого Начала.

Её звали Запятая Продолженьевна Незакончина. Она носила деловой костюм, одну серьгу и половину причёски. В руках у неё был список, который начинался на первой странице и нигде не заканчивался.

— Регистрация гостей, — сказала она. — Назовите имя, родство и главное незавершённое дело.

— Кунилин Эраст Акакиевич. Зять. Отдых.

— Тюлькин Тарас Ананиевич. Друг семьи.

— Незавершённое дело?

— Все.

Запятая Продолженьевна поставила знак бесконечности.

Вера назвала разговор с Эрастом о будущем. Мира — решение, можно ли доверять Тарасу серьёзные планы. Кладимир — обучение жизни без казны. Евпраксия — примирение с дочерью.

Антонина отказалась отвечать.

— Тогда дело будет определено автоматически.

Список написал:

ДЕТСТВО.

Антонина вырвала страницу.

На следующей возникло то же слово.

Первен подошёл к дочери.

— Я могу дать тебе новое начало.

— Мне не нужно новое.

— Старое вышло неудачным.

— Для кого?

— Для всех.

Он говорил мягко, почти заботливо. От этого рядом появлялись двери в лучшие варианты прошлого. За одной маленькая Антонина росла с обоими родителями. За другой Евпраксия не уходила спасать Первый Дом. За третьей никто никого не ждал четырёх лет.

Софья спросила:

— Если начать заново, что будет с нами нынешними?

— Вы станете улучшенными версиями себя.

Фёдор посмотрел на идеального себя: тот говорил «да» вовремя, «нет» вежливо и ни разу не ошибался.

— Нет, — сказал Фёдор.

Идеальная версия исчезла с явным облегчением.

Запятая Продолженьевна отметила:

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА УЛУЧШИТЬ СЕМЬЮ ОТКЛОНЕНА СЕМЬЁЙ.

— Не первая, — сказала Евпраксия.

— В этой редакции мироздания — первая.

Глава сто восемьдесят третья

Ужин в начале времён

Стол начинался во дворе и заканчивался за несколько минут до появления времени.

На первое подали бульон из первичного хаоса. Он выглядел пустым, но после каждой ложки у человека появлялась идея, которую он считал своей.

Тарас попробовал.

— Я придумал построить баню между мирами.

— Эта идея существует шесть тысяч лет, — сказала Запятая.

— Но теперь у неё есть инвестор?

— Нет.

— Значит, моя.

На второе принесли первые ошибки сотворения: горы, поставленные вершинами вниз, рыб с боязнью воды и чиновника, способного принять решение.

Последнее блюдо быстро убрали как неправдоподобное.

Первен поднял бокал.

— За возможность всё начать сначала.

Никто не выпил.

— Даже странно, — сказал он. — Обычно люди об этом мечтают.

— Люди мечтают знать тогда то, что знают сейчас, — ответила Вера. — Это не новое начало. Это жульничество со временем.

Эраст осмотрел бокал. В нём плескалась жизнь, где он никогда не встречал Межу, не спасал миры и не женился. Спокойная работа, аккуратная квартира, выходные по расписанию.

— Нравится? — спросил Первен.

— Выглядит тихо.

В той жизни никто не знал Веру. Софья не задавала вопросов. Тарас был знакомым, которому Эраст собирался позвонить уже пятнадцать лет.

Эраст поставил бокал.

— Слишком дорого.

— Это бесплатно.

— Тем более подозрительно.

Мире показали Тараса ответственным, предусмотрительным и молчаливым.

Она смотрела долго.

— Ну? — спросил настоящий Тарас.

— Похож.

— Правда?

— В общих чертах. Две руки, две ноги, необоснованная уверенность.

Мира закрыла дверь.

— Почему? — спросил Первен.

— Я не хочу человека без истории его ошибок.

Тарас прослезился.

— Никто ещё так красиво не принимал мои недостатки оптом.

Глава сто восемьдесят четвёртая

Отец всех дверей

После ужина Первен повёл их в мастерскую.

Здесь создавались двери. Одни вели домой. Другие — прочь. Третьи появлялись только затем, чтобы человек всю жизнь жалел, что не вошёл.

Дверина стояла у порога.

— Ты меня помнишь? — спросила она.

Первен осмотрел её, как мастер старый инструмент.

— Дверь номер один.

— У меня есть имя.

— Имена дают вещам владельцы.

Все двери в мастерской задрожали.

Антонина Ладовна шагнула между ними.

— Она не вещь.

— Я создал её.

— Родить — не значит владеть, — сказала Евпраксия.

Первен улыбнулся.

— Мы опять говорим обо мне?

Дверина открыла внутри себя коридор. На его стенах были следы всех, кого она провела через границы: беженцев, героев, детей, чудовищ, возвращавшихся домой.

— Ты сделал проход, — сказала она. — Но дорогой я стала сама.

Софья спросила Первена:

— Почему вы называете себя отцом, если считаете детей изделиями?

В мастерской погасли огни.

Первен впервые посмотрел на Дверину не как на свою работу.

— Потому что так было записано в начале.

— Кем?

— Мной.

— Тогда перепишите.

Запятая Продолженьевна протянула ему перо.

Первен не взял.

— Если творец не владеет созданным, что ему остаётся?

Кладимир Златобрюхович ответил:

— Смотреть, что оно сделает без тебя.

— И это всё?

— Это гораздо страшнее, чем охранять.

Первен коснулся первой двери. На ней исчез инвентарный номер.

Появилось имя:

ДВЕРИНА.

Но в дальнем конце мастерской одна чёрная дверь не открылась.

На ней было написано:

ВЫХОД ИЗ МИРОЗДАНИЯ.

— Её я не создавал, — тихо сказал Отец Дверей.

Глава сто восемьдесят пятая

Временно исполняющий конец

Чёрная дверь росла.

Она не вела в другой мир. За ней не было даже отсутствия мира — только место, где ничто больше не могло начаться.

Пелагея Конечновна подошла к ней.

— Это мой кабинет.

— Ты его заперла? — спросил Первен.

— Я закончила и ушла.

— Что осталось внутри?

Пелагея пожала плечами.

— Концы, которые никто не принял.

Дверь распахнулась.

Из неё вышли брошенные финалы. Несказанные прощания, незакрытые войны, исчезнувшие без объяснений люди, обещания «созвонимся», последние главы, которых авторы не написали.

Они разлетелись по мирам и начали прикрепляться к первым попавшимся историям.

В одном мире свадьба закончилась падением империи. В другом битва завершилась фразой «ваш звонок очень важен для нас». У Паши все рассказы получили одинаковый финал: герой проснулся, и всё оказалось бухгалтерией.

— Уничтожьте их, — сказал Первен.

— Конец нельзя уничтожить, — ответила Пелагея. — Его можно только прожить.

— Тогда проживём быстро.

Первен поднял трость. Время ускорилося. Люди состарились на несколько лет, не успев понять, что именно завершили.

— Остановись! — крикнула Антонина.

— Я исправляю.

— Ты опять начинаешь исправлять, не спросив тех, кого исправляешь.

Первен замер.

Брошенные финалы окружили его. Каждый был последствием дела, которое он когда-то начал и передал другим.

— Я не могу отвечать за всё, — сказал он.

— За всё не надо, — ответил Эраст. — Начните с собственного ухода.

Евпраксия посмотрела на мужа.

— Почему ты ушёл?

Горизонт опустился ниже.

Первен снял шляпу.

— Я испугался, что после рождения дочери перестал быть главным началом.

Антонина Ладовна молчала.

Даже конец света не смог придумать реплику хуже.

Глава сто восемьдесят шестая

Дочь, которая началась сама

Первен пытался объяснить.

Он создавал первые огни, первые дороги, первые вопросы. Всё начиналось с него, пока не появилась Антонина.

Она сделала первый шаг без его разрешения.

— Обычный ребёнок, — сказала Вера.

— Для обычного отца, — ответил Первен. — Но я был Началом. Вдруг оказалось, что жизнь умеет начинаться сама.

— И вы ушли? — спросила Софья.

— Я решил найти место, где снова буду первым.

Тарас оглядел бесконечную мастерскую.

— Нашли?

— Везде кто-то уже что-нибудь начал.

— Люди бессовестные.

Антонина подошла к отцу.

— Ты боялся не потерять меня. Ты боялся перестать быть нужным.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

Она достала из кармана стеклянный шарик — право на ошибку, возвращённое в детской комнате.

— Я всё детство думала, что сделала что-то неправильно. Что начала быть собой слишком рано.

Шарик треснул.

Внутри него находилась маленькая девочка, много веков ожидавшая отцовского разрешения существовать.

Фёдор сказал:

— Нет.

Разрешение исчезло.

Девочка вышла из шарика, взяла взрослую Антонину за руку и растворилась в ней.

Первен опустился на колени.

— Прости.

— Нет.

Он поднял голову.

— Нет?

— Не сейчас. Сначала пойми, за что просишь прощения.

— За то, что ушёл.

— За то, что сделал мой первый шаг своим поражением.

Первен кивнул.

Это был первый раз, когда Первое Начало не попыталось немедленно начать заново.

Он остался внутри плохого разговора и не открыл дверь наружу.

Глава сто восемьдесят седьмая

Бюро правильных начал

Пока семья разбиралась с прошлым, Запятая Продолженьевна обнаружила служебный переворот.

В отсутствие Первена Бюро Правильных Начал захватило мастерскую.

Его возглавлял Старт Стартович Безошибкин — гладкий мужчина, начинавший каждую фразу заново, если она звучала недостаточно убедительно.

— Миры слишком часто стартуют неправильно, — объявил он. — Отныне каждое начало подлежит согласованию.

На дверях появились формы.

Для рождения требовалось представить план жизни на восемьдесят лет. Для любви — справку об отсутствии будущих разочарований. Для путешествия — доказательство, что человек вернётся прежним.

— Тогда никто ничего не начнёт, — сказала Мира.

— Именно. Ошибок станет меньше.

Софья спросила:

— А хорошего?

— Хорошее не входит в показатели ошибок.

Старт Стартович опечатал Родительскую Дверь. Евпраксия осталась с одной стороны, Антонина — с другой.

— Заявление на встречу рассматривается тридцать вечностей, — сообщил он.

Антонина сняла туфлю.

— Физическое воздействие на сотрудника запрещено.

— Я не сотрудника.

Туфля сбила печать.

Первен шагнул вперёд.

— Я отменяю Бюро.

— Ваши полномочия временно завершены. Вы не справились с концами.

— Тогда я начну сопротивление.

— Заявление?

— Не подам.

Старт Стартович побледнел. Несогласованное начало было для него страшнее хаоса.

Тарас распахнул сразу семь дверей.

— Что ты делаешь? — спросил Эраст.

— Начинаю без плана.

— Что именно?

— Когда узнаю, согласовывать будет поздно.

За первой дверью началось восстание. За второй — ремонт. За третьей — роман, который Паша давно боялся писать. Остальные четыре решили пока не уточнять.

Глава сто восемьдесят восьмая

Право на неудачный старт

Бюро заполнило мастерскую инспекторами.

Каждый носил белые перчатки и измерял качество начала. Детский рисунок браковали за отсутствие перспективы. Первую песню — за несовершенный голос. Признание в любви — за риск отрицательного ответа.

Полина открыла блокнот.

— Здесь тоже много плохих начал.

— Они подлежат удалению, — сказал Старт Стартович.

— Тогда историй не останется.

— Останутся правильные намерения.

— Это пустые страницы.

Костя принёс первую неудачную машину перехода. Она гудела, искрила и открывала портал только в кладовку.

— Без неё не было бы остальных, — сказал он.

Паша принёс первый рассказ. В нём герой трижды менял имя, злодей забывал злодействовать, а концовка находилась в середине.

— Плохой текст, — признал Паша. — Но следующий был лучше.

Ардеина показала первый огонь. Он не грел и пах мокрой шерстью.

Кладимир принёс первую отданную монету.

Эраст достал старую записку, с которой началось его знакомство с Верой. В записке было написано не то время, не то место и имя другой женщины.

— Как вы встретились? — спросила Запятая.

— Я пришёл исправить ошибку, — сказала Вера.

— И не справилась, — добавил Тарас.

Вера улыбнулась.

Первен открыл все двери неудачных начал. Из них вышли первые шаги, кривые буквы, сорванные голоса, неумелые объятия и решения, которые никто не сумел выполнить с первого раза.

Старт Стартович отступил.

— Это хаос!

— Это жизнь до редакции, — сказал Эраст.

Фёдор снял печать с главной двери.

— Нет правильному началу.

Бюро рассыпалось на чистые бланки.

Полина собрала их.

— Пригодятся.

— Для чего?

— Рисовать на обороте.

Глава сто восемьдесят девятая

Отец заканчивает одно дело

Брошенные финалы всё ещё ждали у чёрной двери.

Первен выбрал самый маленький. Это был вечер, когда он ушёл из дома.

Семья оказалась в прошлом.

Молодая Евпраксия держала на руках Антонину. Первен стоял у двери в дорожной шляпе и говорил, что скоро вернётся. Он уже знал, что лжёт, но надеялся превратить ложь в план.

— Можно изменить? — спросил нынешний Первен.

— Нет, — сказала Антонина. — Можно только досмотреть.

Они увидели, как дверь закрылась. Как Евпраксия сперва ждала, потом злилась, потом стала сильной без всякого желания. Как маленькая Антонина решила никогда никого не просить остаться.

Первен не отвернулся.

Когда воспоминание закончилось, финал потребовал последней фразы.

Он подошёл к молодой Евпраксии, хотя она не могла его видеть.

— Я не скоро вернусь. Я испугался ответственности и назвал это поиском себя. Ты не обязана меня ждать.

Прошлое не изменилось.

Но брошенный финал обрёл форму и тихо погас.

Евпраксия спросила:

— Теперь тебе легче?

— Нет.

— Хорошо.

Первен удивился.

— Почему хорошо?

— Если бы стало легко, ты снова перепутал бы признание с оплатой долга.
Антонина протянула отцу старую мужскую шляпу.

— Что это значит?

— Ты закончил уходить.

— Я могу вернуться?

— Можешь начать возвращаться.

— В чём разница?

— В нескольких тысячах поступков.

Запятая Продолженьевна поставила в списке первую точку.

Потом долго смотрела на неё и расплакалась.

Она никогда прежде не видела законченного дела, которое не уничтожило продолжение.

Глава сто девяностая

Семья из неслучившихся жизней

Первен остался на завтрак.

Евпраксия посадила его далеко от себя, но передала соль. Антонина не называла его папой, однако спросила, будет ли он чай. Для начала этого было достаточно.

Старт Стартович устроился переплётчиком. Он сшивал чистые бланки в тетради и учился не спрашивать, чем их заполняют.

Запятая Продолженьевна закончила список гостей точкой, а затем начала новый — добровольно.

Первен вернул мирозданию право начинать без гарантии.

В ту же минуту тысячи людей сделали первые шаги: кто-то извинился, кто-то ушёл с нелюбимой работы, кто-то купил краски, хотя рисовал хуже Пашиного первого рассказа.

— Теперь всё? — спросил Тарас.

— Слово «всё» при Пелагее лучше не употреблять, — сказал Эраст.

В дверь постучали.

На пороге стояли мальчик и девочка лет десяти. У мальчика были глаза Миры и привычка Тараса заглядывать внутрь до приглашения. Девочка поправляла воротник точно как Эраст и смотрела на Веру с обидой старого знакомого.

За ними появились ещё дети. Десятки. Потом сотни.

Одни были похожи на Тараса. Другие — на Эраста. Несколько подозрительно напоминали Кладимира, хотя дракон немедленно предъявил алиби за последние три тысячелетия.

— Кто вы? — спросила Мира.

Мальчик ответил:

— Ваши дети.

— У меня нет детей, — сказал Тарас.

— В этой жизни.

Девочка посмотрела на Эраста.

— Первое Начало открыло двери невыбранных вариантов. Наши миры начались, но вы в них не вошли. Теперь они закрываются.

— И вы пришли сюда? — спросила Вера.

— Нам больше некуда.

Полинин карандаш выпал из руки и сам написал на полу:

НЕСЛУЧИВШИЕСЯ ЖИЗНИ ТРЕБУЮТ АЛИМЕНТЫ.

Тарас пересчитал первые два ряда.

— Можно начать с моральной поддержки?

Антонина Ладовна медленно сняла туфлю.

Первен Началович надел шляпу.

— Мне, пожалуй, пора.

Евпраксия взяла его за рукав.

— Нет. Ты хотел возвращаться. Вот и первый поступок.

Дети одновременно сказали:

— Дедушка!

Первое Начало побледнело.

Впервые он пожалел, что мироздание умеет продолжать начатое.

Часть двадцатая. Дети, которых не было

Глава сто девяносто первая

Перепись невозможного населения

Дети продолжали входить.

Дом расширил прихожую, потом двор, потом понятие «поместиться». На лестнице сидели близнецы из мира, где Эраст стал капитаном воздушного судна. Под столом спорили трое маленьких Тюлькиных, родившихся в реальности, где Мира однажды сказала «ладно».

Настоящая Мира посмотрела на Тараса.

— Не обольщайся. Там, вероятно, был конец света.

— Значит, я использовал момент.

Первым мальчиком оказался Глеб. Девочку звали Лика. Они представляли Совет Непрожитых Потомков.

— Сколько вас? — спросил Эраст.

— Зависит от метода подсчёта, — ответила Лика.

— Худший возможный ответ.

Глеб раскрыл свиток. Тот развернулся через гостиную, кухню, окно и ушёл вдоль горизонта.

— Девятьсот восемьдесят две тысячи четыреста одиннадцать.

Тарас сел.

— А если считать без дальних родственников?

— Девятьсот восемьдесят две тысячи четыреста десять.

— Уже легче.

В Дом вошёл мужчина в зелёном мундире. На груди у него висели счёты, печать и детская погребушка как знак служебной власти.

— Алимент Алиментьевич Взысков, — представился он. — Инспектор Управления межреальной родительской ответственности.

— Кто вас вызвал? — спросил Эраст.

— Последствия.

Инспектор поставил на стол три папки: на Эраста, Тараса и Первена Началовича.

Папка Первена была толще Дома.

— Почему я? — возмутился Первен.

— Вы открыли варианты, которые успели начаться.

— Но я не их отец.

Все дети одновременно посмотрели на него.

— Формально вы прадед, дед, создатель дверей и источник происшествия, — сказал Взысков. — Поздравляю с расширением семьи.

Евпраксия Всеволодовна поставила перед инспектором чай.

— Раз уж пришли, сначала накормите детей.

— Каких именно?

— Всех.

Алимент Алиментьевич впервые понял, что взыскание иногда работает в обе стороны.

Глава сто девяносто вторая

Алименты за несделанный выбор

Инспектор рассчитал задолженность.

Эраст должен был детям внимание, участие и семь миллионов двести тысяч часов совместного времени. Тарас — всё то же, плюс компенсацию за нестабильное чувство юмора, передавшееся по наследству.

— Оно генетическое? — удивился Тарас.

— В вашем случае — стихийное.

Взысков потребовал немедленно распределить родительские обязанности.

Эраст составил расписание. Получалось уделять каждому ребёнку по половине секунды раз в сто тридцать лет.

— Недостаточно, — сказал инспектор.

— Зато поровну.

Тарас предложил групповые занятия.

— По воскресеньям будем строить баню между мирами.

— Это эксплуатация детского труда, — сказала Мира.

— Семейный подряд.

Лика закрыла папки.

— Нам не нужны деньги.

— В нашем управлении такие заявления запрещены, — ответил Взысков.

— Нам нужен ответ: почему вы выбрали жизнь без нас?

Эраст посмотрел на девочку. В её лице действительно было что-то от Веры — не черты, а способность ждать правду без помощи вежливости.

— Я не выбирал против тебя, — сказал он. — Я выбирал другую дорогу, не зная, кто мог появиться на остальных.

— Удобно.

— Нет. Просто честно.

Глеб повернулся к Мире.

— А ты?

Мира ответила не сразу.

— Я не выбрала жизнь без тебя. Я ещё выбираю, какой будет моя жизнь.

— А он? — Глеб указал на Тараса.

— Он сильно затрудняет выбор.

— Я создаю глубину сюжета, — пояснил Тарас.

Антонина Ладовна обошла детей.

— Вы имеете право злиться. Но нельзя взыскать с человека жизнь, которую он не обещал.

Алимент Алиментьевич раскрыл кодекс.

Все страницы оказались пустыми.

Закон не знал, считаются ли родителями люди, которые никогда не стали родителями.

Глава сто девяносто третья

Родительский день длиною в вечность

Чтобы разобраться, Взысков назначил пробный родительский день.

Время растянули так, чтобы каждый ребёнок получил хотя бы один час.

Первым к Эрасту пришёл мальчик, мечтавший научиться завязывать галстук. Второй хотел понять, почему взрослые обещают перезвонить. Третья девочка принесла сломанную вселенную и сказала, что это получилось случайно.

— Где мама? — спросил Эраст.

— На работе.

— В какой реальности?

— В сломанной.

Эраст починил вселенную, галстук и два обещания. На третьем часу он выглядел старше Первена.

Тарас начал с футбола.

Через десять минут дети разделились на команды, команды — на фракции, фракции — на государства. К обеду возникла международная организация, запретившая Тарасу судить матчи.

— Я воспитываю самостоятельность, — объяснил он.

— Ты потерял сорок семь детей, — сказала Мира.

— Они основали независимую республику за сараем.

— Сорок восемь.

Вера и Мира тоже включились. Они не были биологическими матерями этих детей в нынешней жизни, но дети узнавали в них свои возможные дома.

Это оказалось тяжелее.

Каждый ребёнок помнил другую Веру, другую Миру, другую историю. Одни обнимали. Другие обвиняли. Некоторые просили вернуть матерей, которых здесь никогда не существовало.

Софья спросила:

— Можно любить человека, если он не тот, кого ты помнишь?

Лика ответила:

— Можно. Но это не возвращает того.

К вечеру взрослые перестали пытаться заменить отсутствующих родителей.

Они просто слушали.

Время закончилось, а дети не исчезли.

Алимент Алиментьевич поставил отметку:

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ ПРОВЕДЁН. РОДИТЕЛЬСТВО НЕ ДОКАЗАНО. ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ ОБНАРУЖЕНА.

Глава сто девяносто четвёртая

Сиротский мир номер ноль

Непрожитые миры начали закрываться.

Дети теряли дома, воспоминания и детали лиц. Глеб забыл цвет своей комнаты. Лика — голос матери. Малыш с крыльями перестал помнить, почему боялся высоты.

Первен Началович пытался снова открыть двери.

— Не получается, — сказал он.

— Почему? — спросила Антонина.

— Эти начала зависели от выбора, который уже сделан. Их нельзя продолжить прежним способом.

— Значит, нужен новый.

Вычет — мир, отданный переселенцам, — согласился принять детей. Но едва они вошли, земля начала делиться на несовместимые варианты. Каждый ребёнок приносил с собой законы своей реальности.

В одном углу шёл дождь вверх. В другом дважды наступил четверг. Посередине дети Эраста потребовали регламент, а дети Тараса немедленно его нарушили.

Ошибка Неизвестная посадила ещё одно кривое дерево.

— Мир не выдержит всех версий, — сказала она.

Дверина предложила создать Сиротский мир номер ноль — пустую реальность без прошлого.

Лика отказалась.

— Мы уже потеряли родителей. Теперь должны отказаться от истории?

— История исчезает сама, — ответил Первен.

— Тогда мы запишем её.

Полина раздала детям листы. Каждый описал свой мир: запах дома, привычки близких, первое слово, последнюю ссору. Из записей возник город. Дома стояли криво, улицы пересекались с воспоминаниями, а на площади росли часы, показывавшие разное детство.

Паша прочитал несколько историй.

— Они противоречат друг другу.

— Поэтому настоящие, — сказала Ошибка.

Сиротский мир получил прошлое, которого никогда не было целиком.

Глеб повесил на въезде табличку:

МИР НОМЕР НОЛЬ. НАС НЕ СЛУЧИЛОСЬ. МЫ ВСЁ РАВНО ЕСТЬ.

Глава сто девяносто пятая

Матери, которых здесь нет

Новый мир спасал детей, но не отвечал на главный вопрос.

Они хотели найти своих матерей.

Дверина открывала возможные двери. За одной жила Вера, которая не узнавала Эраста. За другой Мира была королевой и запретила Тарасу приближаться к столице ближе чем на три шутки. За третьей находилась женщина без лица: вариант, который не успел стать человеком.

— Нельзя собрать родителей из чужих версий, — сказала Дверина.

Ли́ка всё равно продолжала искать.

Она нашла дверь с голосом своей матери.

— Ли́ка, ужинать, — позвали оттуда.

Девочка бросилась к ручке.

Эра́ст удержал её.

— Отпусти!

— Там не твой мир.

— Моя мама.

— Только голос.

Ли́ка вырвалась и открыла.

За дверью оказалась пустая кухня. Голос повторял одну фразу, потому что реальность закончилась именно в этот момент.

Ли́ка стояла у накрытого стола и ждала продолжения.

Вера вошла следом.

— Я не твоя мама, — сказала она.

— Знаю.

— И не буду делать вид.

— Тогда зачем пришла?

— Чтобы ты не закрывала эту дверь одна.

Они вместе выключили свет.

Когда Ли́ка вернулась, она принесла чашку из пустой кухни. Не как доказательство возможного родства, а как память о человеке, которого больше нельзя вернуть.

Мира спросила Глеба, хочет ли он искать дальше.

— Нет. Я помню маму. Пока помню — не хочу замену.

Тарас кашлянул.

— А от меня что-нибудь осталось?

— Привычка отвечать на серьёзные вопросы глупостью.

— Семейная черта.

— Я от неё избавлюсь.

Тарас впервые выглядел по-настоящему задетым.

Мира взяла его за руку.

— Не волнуйся. Это обычно не лечится.

Глава сто девяносто шестая

Бунт против происхождения

В Совете Непрожитых Потомков начался раскол.

Часть детей хотела остаться детьми Эраста, Тараса, Веры и Миры. Другие считали, что такое происхождение делает их приложением к чужому выбору.

Лидером второй группы стала девочка по имени Нета.

— Мы не последствия, — сказала она. — Мы люди.

— Одно другому не мешает, — заметил Эраст.

— Тогда перестаньте называть нас возможными детьми.

Алимент Алиментьевич возразил:

— Без установления происхождения вы лишитесь выплат.

— Каких?

— Пока никаких. Но принципиально лишитесь.

Дети сняли фамилии. Тысячи маленьких Кунильных и Тюлькиных стали просто собой.

Мир номер ноль содрогнулся. Он держался на связи с невыбранными родителями. Без неё дети начали становиться прозрачными.

— Верните фамилии! — приказал Взысков.

— Нет, — сказала Нета.

Фёдор посмотрел на неё с уважением.

— Хорошее «нет».

Антонина Ладовна предложила другое основание существования.

— Семья не обязана начинаться с крови. И человек не обязан заканчиваться происхождением.

— Красиво, — сказал Эраст. — Но миру нужна сила, а не формулировка.

Софья спросила:

— А что держит наш Дом?

— Те, кто возвращается, — ответила Дверина.

Дети начали давать друг другу обещания вернуться. Не вечные и не торжественные. Простые: прийти вечером, закончить разговор, принести книгу, полить кривое дерево.

Каждое выполненное обещание делало их плотнее.

Нета обрела тень, когда вернула Глебу одолженный карандаш.

— Так просто? — спросил Первен.

— Нет, — сказала Евпраксия. — Попробуй выполнять регулярно.

Мир номер ноль перестал зависеть от взрослых, которые его не выбирали.

Алимент Алиментьевич зачеркнул графу «происхождение» и написал:

ОСНОВАНИЕ ЖИЗНИ: ПРОДОЛЖАЮТ САМИ.

Глава сто девяносто седьмая

Инспектор становится дядей

После отмены обязательного происхождения Алимент Алиментьевич потерял должность.

Управление межреальной родительской ответственности прислало уведомление: без доказанных родителей инспектор не имел объекта взыскания.

— Чем займётесь? — спросил Тарас.

— Буду обжаловать.

— А потом?

— Обжалую результат.

— Хорошая профессия. Почти бессмертие.

Маленький мальчик по имени Шурик потянул Взыскова за рукав.

— Поможете сделать воздушного змея?

— Это не входит в мои обязанности.

— А вы умеете?

Инспектор умел. Когда-то он делал змеев своим детям, пока служба не перевела его между реальностями. Он обещал вернуться и превратил обещание в служебную формулировку.

Они построили змея из пустых бланков. Тот поднялся выше Дома и потащил за собой отменённые параграфы.

— Ещё! — закричали дети.

К вечеру Алимент Алиментьевич сделал двадцать семь змеев, починил три велосипеда и рассмотрел жалобу на несправедливое распределение варенья.

— Вы хороший отец, — сказала Лика.

— Я инспектор.

— Тогда хороший инспектор.

— Уже не инспектор.

— Значит, просто хороший.

Взысков растерялся. Положительная оценка без должности казалась юридически ничтожной, но почему-то действовала.

Шурик спросил:

— Будете нашим дядей?

— Это какая степень родства?

— Та, которая приходит иногда и приносит что-нибудь ненужное.

Тарас положил руку ему на плечо.

— Коллега.

Взысков согласился временно, до выяснения обстоятельств.

Антонина Ладовна внесла его в семейный список без срока обжалования.

Глава сто девяносто восьмая

Экзамен на настоящего ребёнка

Управление не сдалось.

В Мир номер ноль прибыла комиссия и потребовала доказать, что дети настоящие.

— Критерии? — спросил Эраст.

— Настоящий ребёнок похож на родителей, имеет подтверждённое прошлое и ведёт себя в соответствии с возрастом.

Глеб посмотрел на Тараса.

— Если похожесть обязательна, у нас проблемы.

— У меня выразительная генетика, — возразил Тарас.

Первое испытание проверяло послушание. Дети дружно провалили его.

Второе — благоразумие. Тарас попытался помочь и был удалён как источник методической погрешности.

Третье требовало нарисовать семью.

Лика нарисовала пустую кухню, Веру рядом с закрытой дверью и себя между ними. Глеб изобразил Миру, Тараса, кривое дерево и большой вопросительный знак. Нета нарисовала друзей, которые держали друг друга за рукава, чтобы никто случайно не исчез.

— Это неправильные семьи, — сказала председатель комиссии.

Софья подошла ближе.

— Покажите правильную.

Председатель нарисовала двух взрослых, ребёнка и дом.

— А если взрослый один?

— Допустимое отклонение.

— Если взрослых трое?
— Требуется пояснения.
— Если ребёнка растит бабушка? Если родные далеко? Если друзья ближе? Если дом сгорел? Если родители есть, но рядом с ними страшно?
Рисунок комиссии начал стирать сам себя.
Фёдор взял печать.
— Нет экзамену.
Печать поставила отказ на собственном удостоверении.
Комиссия стала прозрачной.
— Мы настоящие? — спросила Нета.
— Вы задаёте неудобные вопросы, не слушаетесь и рисуете на документах, — сказал Эраст. — Более убедительных доказательств детства я не вижу.
Глава сто девяносто девятая
День, когда дети выбрали взрослых
Пришло время решить, кто останется в Мире номер ноль, а кто захочет жить в Доме.
Эраст и Вера предложили Лике комнату.
— Навсегда? — спросила она.
— Пока всем подходит, — ответила Вера.
— Это не похоже на обещание.
— Это честнее обещания, которое нельзя пересмотреть.
Лика согласилась приходить по выходным, но жить решила в новом городе. Там её выбрали хранительницей памяти исчезнувших миров.
Глеб отказался переезжать к Мире и Тарасу.
— Почему? — спросил Тарас.
— Хочу узнавать вас постепенно. В моей прошлой жизни вы уже были родителями. Здесь можете стать кем-то другим.
— Кем?
— Посмотрим.
— Есть должность «старший товарищ с отцовскими функциями»?
— Нет.
— Тогда просто Тарасом, — сказала Мира.
— Ответственная должность.
Дети выбирали взрослых сами. Кого-то называли тётей, кого-то наставником, кого-то соседом с инструментами. Несколько малышей выбрали Кладимира домашним животным.
— Я древний дракон!
— Поэтому большой и тёплый.
Он согласился на испытательный срок.
Нета подошла к Антонине Ладовне.
— А вы кем будете?
— Никем, если не хочешь.
— Хочу бабушкой.
Антонина сняла туфлю.
Все отступили.
Она поставила туфлю у двери.
— Тогда первое правило: возвращаться до темноты.
— А второе?
— Если опоздаешь — предупреди.
— И всё?
— Остальные узнаешь за нарушение.

Нета обняла её.

Так непрожитые дети перестали требовать родителей и начали выбирать отношения.

Это оказалось сложнее алиментов и гораздо дороже времени.

Глава двухсотая

Свадьба приходит без приглашения

Мир номер ноль получил собственное имя — Продолжение.

Дети выбрали его голосованием. Победили не лучшие варианты, а тот, который никто не успел испортить рекламой.

Алимент Алиментьевич остался дядей. Первен Началович открыл постоянную дверь между Продолжением и Домом, но перед этим спросил разрешения у Дверины.

— Учишься, — сказала она.

— Медленно.

— Начала часто медленные. Просто о них рассказывают коротко.

Эраст закрыл последнюю папку. Задолженность признали не денежной и не родительской. Взрослые обязались помнить, что невыбранные дороги не были ошибкой только потому, что по ним никто не пошёл.

Тарас сидел на крыльце с Глебом и запускал воздушного змея.

— Ты правда не мой отец? — спросил мальчик.

— В этой жизни — нет.

— Жалеешь?

Тарас посмотрел на Миру. Она разговаривала с Ликой у двери.

— Теперь уже не знаю.

Мира услышала.

— Это предложение?

— Осторожное размышление.

— Очень осторожное. Почти незаметное.

В этот момент заиграла музыка.

Во дворе появился свадебный кортеж. Карета была украшена цветами, драконами и плакатом:

ТАРАС И МИРА. СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ ПОПЫТКА. ТЕПЕРЬ ТОЧНО.

Из кареты вышла распорядительница в броне поверх белого платья.

— Марш Мендельсоновна Обручальная, — представилась она. — Ваша свадьба прибыла из реальности, которая закрылась до церемонии.

Тарас встал.

— Мы не заказывали.

— Заказ подтверждён сорока тремя версиями вас.

Мира прочитала документ.

— Здесь мои подписи.

— Ваши возможные подписи, — уточнил Эраст.

— И его.

— У меня красивый почерк во всех мирах, — сказал Тарас.

Марш Мендельсоновна хлопнула в ладоши. Во дворе возникли гости, оркестр, торт и алтарь, который преследовал жениха на колёсиках.

— Церемония начнётся через час.

— Мы не согласны, — сказала Мира.

— Это предусмотрено программой. Соппротивление жениха и невесты включено в традиционный пакет.

Антонина Ладовна осмотрела торт.

— Начинка какая?

— Семь слоёв судьбы и один слой компромисса.

— Суховат будет.

Тарас отступил. Алтарь подъехал ближе.

— Эраст, спаси меня.

— Мир или тебя?

— Начни с меня. Мир привык.

Полинин карандаш написал на двери:

СВАДЬБА СОСТОИТСЯ.

Потом зачеркнул.

И добавил:

ВОПРОС — ЧЬЯ.

Часть двадцать первая. Свадьба, которая пришла сама

Глава двести первая

Репетиция добровольного согласия

Марш Мендельсоновна дала жениху и невесте десять минут на добровольное согласие.

На одиннадцатой минуте начиналась обязательная добровольность.

— Это противоречие, — сказал Эраст.

— Это традиция, — ответила распорядительница.

Алтарь подъехал к Тарасу и вежливо прижал его к стене.

Миру окружили три платья. Первое обещало вечное счастье, второе — практичные карманы, третье уже знало размер и осуждало фигуру.

— Я буду в своём, — сказала Мира.

Платья оскорбились и ушли обсуждать современную невесту.

Марш открыла папку.

— Репетируем клятвы. Тарас Ананиевич, повторяйте: «Я добровольно беру...»

— Я добровольно беру паузу.

— Пауза не предусмотрена.

— Тогда беру пункт, где можно прочитать условия.

— Жених не читает условия. Он волнуется.

— Я умею совмещать.

Мира взяла текст клятвы. Там было написано, что она обязуется поддерживать мужа, вдохновлять, понимать без слов и вовремя объяснять ему то, что он должен был понять без объяснений.

— А его обязанности?

— Любить.

— Очень удобное слово.

Антонина Ладовна прочитала документ через её плечо.

— Переделать.

Марш Мендельсоновна побледнела.

— Клятвы утверждены в сорока трёх реальностях.

— Поэтому ошибки накоплены оптом.

Евпраксия Всеволодовна предложила собственную редакцию:

— «Обещаю не уходить надолго без предупреждения».

Первен Началович опустил глаза.

— Это свадебная клятва? — спросил Тарас.

— Для нашей семьи — высшая.

Полинин карандаш переписал текст:

Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО БУДЕТ. ОБЕЩАЮ НЕ ДЕЛАТЬ ВИД, ЧТО ЗНАЮ ЗА ДВОИХ.

Мира кивнула.

— Уже лучше.

— Это согласие? — оживилась Марш.

— Это редактura.

Алтарь отъехал на полметра. Он уважал профессионализм.

Глава двести вторая

Сорок три счастливые пары

На защиту свадьбы прибыли альтернативные Тарасы и Миры.

Сорок три пары выстроились во дворе. Все были женаты. Некоторые счастливо. Некоторые убедительно.

Первый Тарас оказался генералом. Его Мира командовала им одним взглядом, поэтому военная карьера считалась семейной компенсацией.

Второй выращивал розы. Его Мира ненавидела цветы, но любила, как он молчит во время полива.

Третья пара непрерывно держалась за руки.

— Романтично, — сказала Вера.

— Мы склеены проклятием, — пояснила третья Мира.

Четвёртые развелись, снова поженились и теперь находились в испытательном браке с ежеквартальной отчётностью.

— Работает? — спросил Эраст.

— Отчётность работает прекрасно, — ответил четвёртый Тарас.

Каждая пара доказывала, что свадьба была правильным решением.

— Видите? — сказала Марш Мендельсоновна. — Во всех вариантах вы вместе.

Из последнего ряда поднялась рука.

Сорок третья Мира стояла одна.

— Не во всех.

— Где ваш Тарас? — спросила распорядительница.

— Ушёл за минуту до регистрации.

Настоящий Тарас вздрогнул.

— Разумный человек.

— Он вернулся через год, — продолжила она. — Когда понял, что любит меня, но не хочет жениться только потому, что все ждут красивого финала.

— И вы поженились? — спросила Мира.

— Нет. Мы открыли мастерскую и прожили вместе сорок лет.

Марш перелистала бумаги.

— Эта реальность учтена как неудачная.

— Почему?

— Церемония не состоялась.

Сорок третья Мира улыбнулась.

— Жизнь состоялась.

Полинин карандаш записал:

СТАТИСТИКА БРАКОВ НЕ УМЕЕТ СЧИТАТЬ СЧАСТЬЕ БЕЗ ПЕЧАТИ.

Глава двести третья

Побег жениха по кругу

Тарас решил уйти.

— Мне нужно подумать.

— Куда? — спросила Мира.

— Туда, где алтарь не умеет ездить.

Он шагнул в дверь.

Алтарь въехал следом.

Тарас оказался в мире вечной зимы. Алтарь надел полозья.

В мире океанов он превратился в лодку. В мире без твёрдых предметов стал нравственным обязательством и плыл рядом особенно настойчиво.

— Отстань, — сказал Тарас.

На алтаре появилась надпись:

СОПРОТИВЛЕНИЕ ВКЛЮЧЕНО В ПАКЕТ.

Тарас побежал быстрее.

Он пересёк мир, где все решения принимались броском монеты. Монета упала ребром и попросила не вмешивать её в личную жизнь.

В мире мудрецов Тарас спросил совета.

— Следуй сердцу, — сказал первый.

— Думай головой, — сказал второй.

— Оплата у выхода, — сказал третий.

Алтарь терпеливо ждал.

Наконец Тарас вернулся в Продолжение. Глеб запускал воздушного змея.

— Ты убегаешь от Миры? — спросил мальчик.

— От свадьбы.

— А разница?

Тарас сел рядом.

— Мира — человек. С ней можно говорить. Свадьба — ответ, который приехал раньше вопроса.

— Тогда задай вопрос.

— Какой?

— Чего ты боишься потерять?

Тарас задумался.

— Возможность уйти.

— Ты хочешь уйти?

— Нет.

— Тогда зачем она?

Алтарь подъехал ближе.

Тарас повернулся к нему.

— Я не обязан жениться, чтобы остаться.

Колёса алтаря остановились.

Впервые он услышал отказ, который не был побегом.

Глава двести четвёртая

Невеста без роли невесты

Пока Тарас путешествовал, Миру готовили к церемонии.

Парикмахер создавал причёску «Согласие с элементами сомнения». Визажист обещал скрыть усталость от чужих ожиданий. Родственники обсуждали, должна ли невеста плакать от счастья до или после подписи.

— Я не плачу по графику, — сказала Мира.

— Можно заранее, — предложила Марш.

Мира сняла фату.

Без неё распорядительница не сразу её узнала.

— Невеста обязана быть в образе.

— А женщина?

— Какая женщина?

— Та, которая должна прожить то, что вы называете красивым днём.

Марш Мендельсоновна замолчала.

Она провела больше миллиона свадеб и ни разу не задумывалась, что после финальной музыки жених и невеста остаются людьми.

Вера спросила Миру:

— Ты любишь Тараса?

— Да.

— Хочешь быть с ним?

— Да.

— Хочешь свадьбу?

— Не эту. И не сейчас.

— Тогда ответ есть.

— Он разочарует всех.

Антонина Ладовна вошла с подносом.

— Если решение не разочаровало ни одного родственника, проверь, твоё ли оно.

Мира улыбнулась.

— Вы ведь хотели свадьбу?

— Я хочу, чтобы вы перестали кружить вокруг одного разговора. Форма капитуляции значения не имеет.

Евпраксия Всеволодовна поправила:

— И всё-таки платье можно оставить.

— Мама.

— Что? Практичные карманы.

Мира надела своё обычное платье и вышла во двор не как невеста.

Все приглашённые перестали понимать, куда смотреть.

Это было хорошее начало.

Глава двести пятая

Закон сохранения свадьбы

Марш Мендельсоновна объявила чрезвычайное положение.

— Свадебная энергия уже прибыла. Она должна завершиться браком.

— Почему? — спросила Софья.

— Таков Закон сохранения свадьбы.

— Кто его написал?

— Первые распорядители.

— Они были женаты?

— Трижды каждый.

— Удачно?

— Это не относится к законотворчеству.

Если церемония не состоится, свадебная энергия начнёт искать любую пару. Голуби уже преследовали Кладимира и Ардеину. Торт пытался надеть кольца на Эраста и стол. Оркестр играл марш каждому, кто случайно вставал рядом.

Алимент Алиментьевич оказался возле Марш.

Музыка заиграла громче.

Они разошлись в разные стороны.

Музыка разделилась на два оркестра и пошла следом.

— Нельзя просто вернуть свадьбу? — спросил Эраст.

— Реальности-отправителя больше нет.

— Передать другой паре?

— Только добровольно.

Все гости сделали шаг назад.

Первен Началович и Евпраксия остались у стола.

— Вы уже женаты? — спросила Марш.

— Вопрос исторически сложный, — сказал Первен.

— Нет, — ответила Евпраксия.

— Мы не разводились.

— Ты ушёл на восемь тысяч лет. Это не командировка.

Свадебная энергия заинтересовалась ими.

Антонина Ладовна встала между родителями.

— Даже не думайте чинить мой семейный сюжет повторной свадьбой.

Торт вздохнул.

Кольца выкатились на середину двора и начали высматривать менее опытных жертв.

Глава двести шестая

Свидетели обвинения

Чтобы отменить заказ, требовалось отозвать сорок три подписи.

Альтернативные пары согласились выступить свидетелями.

Первый Тарас признал, что женился из страха потерять Миру.

— Потерял? — спросил Эраст.

— Нет. Но двадцать лет проверял, не уходит ли она.

Его Мира добавила:

— От этого иногда хотелось.

Вторая пара поженилась ради мира между королевствами. Мир продержался неделю, брак — сорок лет, но первые десять супруги продолжали считать друг друга международным договором.

Третьи признались, что свадьбу выбрали родители.

— Мы счастливы, — сказала третья Мира.

— Но решение всё равно было не нашим, — сказал её Тарас.

Марш Мендельсоновна нервничала.

— Вы разрушаете положительную статистику.

— Мы добавляем подробности, — ответила Вера.

Сорок третья Мира отозвала подпись первой.

Одна за другой пары признавали: удачный брак не доказывает, что другого пути не было. Неудачный — не доказывает, что любовь была ошибкой. Свадьба не превращала выбор в вечную правоту.

Подписи исчезали.

Осталась одна.

Она принадлежала альтернативному Тарасу в золотом мундире. Он отказывался отзываться.

— Без нашей свадьбы я бы не стал великим императором.

Его Мира посмотрела на него.

— Ты стал императором до свадьбы.

— Но на портретах кольцо создаёт серьёзность.

— Я ухожу.

— Сейчас?

— Я ждала подходящего примера сорок два мира.

Император отозвал подпись.

Документ рассыпался.

Свадьба больше не принадлежала Тарасу и Мире.

Но энергия никуда не исчезла.

Она просто стала свободной.

Глава двести седьмая

Разговор без алтаря

Тарас вернулся во двор.

Алтарь остановился у ворот и демонстративно смотрел в другую сторону.

Мира подошла к Тарасу.

Вокруг них родственники внезапно нашли срочные дела, не отходя дальше трёх шагов.

— Я не хочу этой свадьбы, — сказала Мира.

— Я тоже.

— Но хочу быть с тобой.

— Я тоже.

— Не повторяй всё подряд. Выглядит подозрительно.

Тарас глубоко вдохнул.

— Я боюсь, что после свадьбы мы станем играть мужа и жену вместо того, чтобы оставаться нами.

— А я боюсь, что без свадьбы ты всегда будешь считать дверь открытой для побега.

— Она открыта.

Мира отвернулась.

— Но я не собираюсь уходить, — продолжил он. — И если захочу — сначала скажу тебе.

Не потому, что разрешение нужно. Потому что ты не должна узнавать по пустой комнате.

Евпраксия посмотрела на Первена.

Он выдержал взгляд.

— Я слышал, — сказал он.

Тарас взял Миру за руку.

— Я не предлагаю тебе свадьбу сегодня.

— Очень романтично.

— Предлагаю не убегать от разговора о ней. И не позволять никому назначать дату раньше нас.

— Даже Антонине Ладовне?

Они посмотрели на тёщу.

— Я назначаю только сроки устранения недостатков, — сказала она.

— Это да или нет? — спросил Тарас.

— Это до следующего воскресенья.

Мира рассмеялась.

Алтарь снял колёса и стал обычным столиком.

Глава двести восьмая

Распорядительница без сценария

Марш Мендельсоновна осталась без свадьбы.

Она стояла среди цветов, музыкантов и семислойного торта. Всю жизнь Марш знала, кто куда идёт, когда улыбается и на какой минуте бросают букет.

Теперь сценарий был пуст.

— Что делать? — спросила она.

— Что хотите, — ответил Алимент Алиментьевич.

— Это непрофессионально широкий выбор.

— Можно начать с чая.

Они сели за столик, который недавно был алтарём.

Марш призналась, что никогда не была на свадьбе гостьей. Взысков — что никогда не приходил без требования.

— Чем вы занимаетесь теперь? — спросила она.

— Я дядя.

— Это оплачивается?

— Вареньем и уважением. Нестабильно.

— Звучит рискованно.

— Мне нравится.

Оркестр тихо заиграл что-то без утверждённого названия.

Марш сняла броню. Под ней действительно оказалось белое платье.

— Почему вы его носите? — спросил Алимент.

— Когда-то моя свадьба не состоялась. Я решила провести все остальные правильно.

— Помогло?

— Я перестала думать о своей.

— Это не то же самое.

Марш посмотрела на него.

— Вы всегда так разговариваете?

— Раньше только взыскивал.

— А теперь?

— Учусь спрашивать.

Свадебная энергия приблизилась, но не набросилась. Она ждала.

Марш Мендельсоновна впервые не дала ей команду.

И впервые музыка звучала не по расписанию.

Глава двести девятая

Свадьба меняет адрес

Алимент Алиментьевич пригласил Марш на прогулку.

Через десять минут они вернулись.

— Быстро, — сказал Тарас.

— Мы оба привыкли к процессуальным срокам, — ответил Взысков.

Марш держала его под руку.

— Мы решили пожениться.

Все замолчали.

— Вы знакомы полчаса, — сказала Вера.

— Сорок семь минут, — уточнил Алимент.

— Это безумие, — добавила Мира.

— Согласна, — сказала Марш. — Впервые решение не предусмотрено сценарием.

Эраст спросил:

— Вы уверены?

— Нет, — ответили оба.

— Тогда почему?

Алимент Алиментьевич поправил мундир.

— Я всю жизнь требовал от людей доказательств будущей ответственности. Их не существует. Но существует готовность отвечать после решения.

Марш кивнула.

— А если не получится, мы не объявим прожитое ошибкой.

Антонина Ладовна осмотрела пару.

— Разумно.

— Правда? — удивился Тарас.

— Нет. Но честно.

Свадебная энергия засияла. Цветы перестали преследовать чужих людей. Кольца сами выбрали размер. Алтарь вернул колёса, но спросил разрешения подъехать.

Церемонию провела Софья.

— Вы обещаете не знать друг за друга, что правильно?

— Обещаем.
— И говорить, прежде чем исчезать?
— Обещаем.
— И не превращать любовь в задолженность или мероприятие?
Марш и Алимент посмотрели друг на друга.
— Постараемся.
— Самый надёжный ответ, — сказала Софья.
Они обменялись кольцами.
Свадьба состоялась.
Впервые — потому что изменила адрес.
Глава двести десятая
Свидетельство о браке до брака
После праздника Тарас и Мира помогали убирать.
— Хорошая была свадьба, — сказал Тарас.
— Особенно потому, что не наша.
— Я вынес полезный опыт.
— Торт?
— И его.

Марш Мендельсоновна уехала с Алиментом в свадебное путешествие по мирам, где никто не умел праздновать без обязательной программы. Алтарь они взяли с собой как багаж.

Сорок три пары вернулись в свои реальности. Сорок третья Мира задержалась у ворот.

— Не повторяйте нас, — сказала она.
— Вы же были счастливы, — ответила Мира.
— Поэтому и не повторяйте. Найдите своё.
Она ушла.

Тарас протянул Мире последний кусок торта.
— До следующего воскресенья?
— Поговорим раньше.
— Это угроза?
— Рост.

Из воздуха появился нотариус. Он был круглый, запыхавшийся и держал папку с надписью «СРОЧНО, ХОТЯ УЖЕ ПОЗДНО».

— Порфирий Фактович Удостоверяев, — представился он. — Ищу супругов Тюлькиных.
— Таких нет, — быстро сказал Тарас.
— Есть.

Нотариус показал свидетельство.

Согласно Закону Продолжения, совместное принятие ответственности за ребёнка из неслучившейся жизни признавалось межреальным семейным союзом.

В графе «супруги» стояли:

ТЮЛЬКИН ТАРАС АНАНИЕВИЧ.

МИРА. ФАМИЛИЮ ОСТАВИЛА СВОЮ И НЕ ОБЯЗАНА ОБЪЯСНЯТЬ.

Дата регистрации была вчерашней.

— Мы не расписывались, — сказала Мира.
— Это фактический брак.
— Какие факты?
— Глеб, общий воздушный змей, три совместных решения и один разговор без побега.
Эраст прочитал мелкий шрифт.
— Обжалование возможно только через процедуру развода.
Тарас посмотрел на Миру.

— Мы поженились, отказавшись жениться?
— Похоже.
— Есть положительная сторона.
— Какая?
— Теперь свадьба нам не нужна.
Антонина Ладовна сняла туфлю.
Нотариус открыл вторую папку.
— Заявление на развод уже подано.
— Кем? — одновременно спросили Тарас и Мира.
Порфирий Фактович показал подпись.
Она принадлежала им обоим.
Но была поставлена через сорок лет.

Часть двадцать вторая. Развод до свадьбы

Глава двести одиннадцатая

Нотариус из послезавтра

Порфирий Фактович Удостоверяев разложил документы.

Заявление на развод было датировано днём, который наступит через сорок лет, три месяца и один семейный скандал.

— Почему скандал используется как единица времени? — спросил Эраст.

— В семейном праве он точнее месяца, — ответил нотариус.

Подписи Тараса и Миры были настоящими. Это подтвердили каменная книга, Полинин карандаш и туфля Антонины Ладовны, которая всегда распознавала виновного по почерку.

— Я этого не подписывал, — сказал Тарас.

— Пока, — уточнил Порфирий.

— Значит, документ недействителен.

— Пока.

— У вас есть ответы без этого слова?

— Будут.

Мира прочитала причину расторжения:

«Стороны утратили способность различать совместную жизнь и совместное расписание».

— Звучит правдоподобно, — сказала она.

Тарас обиделся.

— Мы ещё даже не поженились, а ты уже доверяешь будущему разводу.

— Я доверяю формулировке. Она подозрительно грамотная для тебя.

Порфирий объяснил: заявление пришло по Каналу Предварительных Последствий. Если развод не рассмотреть сейчас, через сорок лет он вступит в силу задним числом и отменит всё совместное прошлое.

— Даже Глеба? — спросила Мира.

— Он из неслучившейся жизни, поэтому останется. Но забудет, почему выбрал вас.

— Не подходит, — сказал Тарас.

— Отказ от развода возможен только в присутствии заявителей.

— Мы здесь.

— Вы — ранние версии. Суд требует поздние.

Дверина открыла проход.

За ним виднелся тот же Дом, постаревший на сорок лет. На крыльце сидел седой Тарас и спорил с алтарём о парковке.

Мира вздохнула.

— Даже не изменился.

— Поседел достойно, — сказал Тарас.

Будущий Тарас поднял голову.

— Не входите! — крикнул он. — Мы только начали нормально разводиться!

Глава двести двенадцатая

Суд, который торопит время

Семейный суд располагался между сегодняшним решением и завтрашним сожалением.

Председательствовала судья Фемида Послезавтровна Заблаговременная. Глаза у неё были открыты, но смотрели в разные будущие.

— Рассматривается дело о расторжении брака, который формально возник вчера, фактически не заключён и прекратится через сорок лет, — объявила она. — Стороны понятны?

— Нет, — ответили все.

— Отлично. Суд подготовлен.

Настоящих Тараса и Миру посадили слева. Будущих — справа.

Будущая Мира была седой, спокойной и держала сумку с инструментами. Будущий Тарас носил яркий шарф и выражение человека, который сорок лет обещал починить одну полку и почти подобрал отвёртку.

— Вы подали заявление? — спросила нынешняя Мира.

— Да, — ответила будущая.

— Почему?

— Потому что он перестал со мной разговаривать.

— Я разговаривал, — возразил будущий Тарас. — Вчера спросил, где чай.

— Это навигация по кухне.

— Ещё сообщил, что буду поздно.

— После того как пришёл.

Судья записала:

КОММУНИКАЦИЯ ИМЕЛАСЬ. СМЫСЛ НЕ ОБНАРУЖЕН.

Нынешний Тарас посмотрел на старшего себя.

— Как ты допустил?

— Постепенно. Очень удобный способ не замечать.

Будущая Мира добавила:

— Мы не разлюбили. Мы начали считать, что раз остаёмся рядом, выбирать больше не нужно.

В зале стало тихо.

Фемида Послезавтровна подняла молоток.

— Суд предлагает примирение.

— Мы пробовали, — сказала будущая Мира.

— Сколько?

— Двадцать минут.

— Суд предлагает попробовать без часов.

Глава двести тринадцатая

Раздел ненажитого имущества

До решения суд приступил к разделу имущества.

Поскольку брак ещё не состоялся, делили то, что супруги могли нажить.

Первым предметом оказался домик у моря.

— Мы никогда не жили у моря, — сказала будущая Мира.

— Потому что ты хотела горы, — ответил будущий Тарас.

— Я хотела, чтобы ты однажды спросил.

Домик разделился пополам и утонул.

Следом появились две чашки, тысяча совместных завтраков, недостроенная баня между мирами и кресло, в котором каждый считал другого счастливее.

— Баню оставьте мне, — сказал нынешний Тарас.

— Она не существует, — напомнил Эраст.

— Поэтому состояние идеальное.

Суд вынес коробку с ненажитыми воспоминаниями: поездка, которую всё время переносили; разговор, отложенный до спокойного момента; вечер, когда оба хотели попросить помощи и оба решили не мешать.

Будущая Мира взяла этот вечер.

— Я думала, ты справляешься.

— Я тоже так думал о тебе, — сказал будущий Тарас.

— Мы оба ошиблись.

— Зато согласованно.

Судья остановила раздел.

— Имущество не нажито из-за взаимной бережности, перешедшей в отсутствие.

Антонина Ладовна нахмурилась.

— Беречь человека — не значит не трогать его жизнь.

Евпраксия Всеволодовна посмотрела на Первена.

— Запиши.

— Я запоминаю.

— Поэтому и запиши.

Порфирий Фактович нашёл в папке главный совместный актив: привычку возвращаться.

— Делению не подлежит, — сказал он.

— Почему? — спросил Тарас.

— Потому что существует только между двумя точками.

Глава двести четырнадцатая

Свидетели сорока лет

Суд вызвал свидетелей.

Первым пришёл старый воздушный змей. Его латали столько раз, что от первоначальных бланков остался один запретительный абзац.

— Они запускали меня каждую весну, — прошелестел он. — Последние пять лет приносили на поле, но не разворачивали. Говорили, что ветер неподходящий.

— Ветер был? — спросила Софья.

— Всегда.

Вторым выступил семейный стол.

— Они сидели рядом, — проскрипел он. — Но между ними лежали дела, новости, чужие проблемы и одна солонка, которую никто не передавал первым.

Третьей пришла дверь спальни.

— Они никогда мной не хлопали.

— Положительная характеристика, — заметил Эраст.

— Они закрывали меня тихо. С разных сторон.

Судья записала:

КОНФЛИКТОВ НЕ ЗАФИКСИРОВАНО. БЛИЗОСТИ ТОЖЕ.

Глеб вошёл последним. Он был взрослым, носил мастерской фартук и всё ещё запускал змеев.

— Они хорошие, — сказал он. — Поэтому долго не замечали, что стали несчастными. Плохих обвинить проще.

Нынешняя Мира спросила:

— Почему ты нам не сказал?

— Говорил.

— Что?

— «Вы давно никуда не ходили вдвоём». Тарас купил два новых кресла.

Будущий Тарас кашлянул.

— Они были со скидкой.

Нынешний Тарас посмотрел на него с отвращением.

— Два одинаковых?

— Разных цветов.

— Тогда ещё можно понять.

Мира толкнула его локтем.

Свидетели не доказывали, что любовь закончилась.

Они доказывали, что любовь тоже можно завалить вещами, делами и хорошими намерениями, пока её перестанет быть видно.

Глава двести пятнадцатая

Тёща через сорок лет

Будущая Антонина Ладовна вошла без вызова.

Она выглядела почти так же. Только туфля была снабжена самонаведением, а семь отцеств дополнились почётным восьмым: Терпеньевна.

— Кто допустил развод? — спросила нынешняя Антонина.

— Ты, — ответила будущая.

— Неправда.

— Через тридцать лет ты решила не вмешиваться.

Все ахнули.

— Почему?

— Они попросили.

Нынешняя Антонина села.

Для неё будущее оказалось страшнее конца света.

Будущая тёща объяснила: первые десять лет она давала советы. Следующие десять — советы к советам. Потом дети вывесили на двери табличку «САМИ».

— И ты отступила? — спросила Евпраксия.

— Училась уважать границы.

— Получилось?

— Чрезмерно.

Когда Тарас и Мира перестали разговаривать, Антонина видела. Но считала, что вмешательство вернёт старую ошибку.

— Почему не спросила? — сказала нынешняя Мира.

— Боялась снова решить за вас.

Софья спросила:

— А можно интересоваться человеком, не управляя им?

Две Антонины посмотрели друг на друга.

— Оказывается, да, — признала будущая.

Она достала из сумки запасную туфлю и протянула нынешней.

— Не для броска. Для напоминания.

На подошве было написано:

СПРОСИТЬ — НЕ ЗНАЧИТ РЕШИТЬ.

Нынешняя Антонина надела туфлю.

— Неудобная.

— Новое всегда натирает.

Глава двести шестнадцатая

Семейная медиация с последствиями
Фемида Послезавтровна назначила медиатора.

Им оказался Савелий Убыточевич Остаткин. Он поставил между парами чемодан для утраченного и попросил сложить туда всё, чего они лишились за сорок лет.

Будущий Тарас положил спонтанность.

Будущая Мира — доверие к тишине.

— Раньше молчание означало, что нам хорошо, — сказала она. — Потом я перестала понимать.

Нынешний Тарас положил страх потерять возможность уйти.

— Это ещё не утрачено, — заметил Савелий.

— Хочу потерять заранее.

Нынешняя Мира положила желание всегда выглядеть сильной.

Чемодан закрылся.

— Теперь обмен, — сказал медиатор.

Каждый должен был взять чужую потерю и прожить её.

Тарас почувствовал, каково это — годами не просить, потому что просьба делает уязвимой. Мира получила его страх: любовь казалась дверью, которая однажды захлопнется за спиной и лишит всех остальных выходов.

Будущие версии получили их нынешнюю неопределённость.

— Ужасно, — сказал будущий Тарас. — Ничего не ясно.

— Зато вы ещё разговариваете, — ответил Савелий.

Пары сели друг напротив друга.

Нынешняя Мира спросила будущего Тараса:

— Когда ты в последний раз сказал ей, что выбираешь её?

— На свадьбе.

— Которой у нас не было, — заметил нынешний Тарас.

Будущая Мира посмотрела на мужа.

— Я тоже решила, что одного раза достаточно.

Кладимир Златобрюхович покачал головой.

— Даже казна теперь знает: хранящееся без движения превращается в груз.

Суд объявил перерыв на один честный разговор.

Он длился всю ночь.

Глава двести семнадцатая

Отменить будущее нельзя

Утром нынешние Тарас и Мира решили уничтожить заявление.

— Если бумаги не будет, развода не будет, — сказал Тарас.

Порфирий Фактович спрятал документ.

— Это нотариальное варварство.

Фёдор сказал:

— Нет заявлению.

Бумага исчезла.

Вместе с ней исчезло будущее, из которого она пришла.

Будущий Дом стал прозрачным. Глеб потерял сорок лет жизни. Воздушный змей превратился в чистый бланк. Будущие Тарас и Мира начали растворяться.

— Верни! — крикнула нынешняя Мира.

Фёдор побледнел.

— Я не могу сказать «да».

Первен Началович попытался заново открыть время, но возникла пустая копия без прожитых решений.

Софья подняла исчезающий документ.

— Заявление — часть их жизни. Плохая, но часть.

— Мы хотели её исправить, — сказал Тарас.

— Вы хотели не допустить боль.

— Разве это плохо?

— Если убрать всё, что может закончиться болью, ничего не начнётся.

Фёдор посмотрел на заявление.

— Нет уничтожению.

Бумага вернулась.

Будущий мир восстановился. Старый змей снова был латаным, Глеб — взрослым, а супруги — уставшими и живыми.

Фемида Послезавтрова постучала молотком.

— Суд напоминает: будущее не приговор и не черновик. Это свидетель, которого нельзя заставлять молчать.

Тарас вздохнул.

— Значит, придётся менять себя?

— Регулярно, — сказала Мира.

— Можно начать с понедельника?

— Уже начал откладывать.

Глава двести восемнадцатая

Договор ежегодного выбора

Эраст составил новый документ.

Он назывался «Договор ежегодного добровольного продолжения отношений» и сначала занимал сто двадцать страниц.

Вера прочитала.

— Убери всё, кроме последней.

На последней странице было два вопроса:

ТЫ ЕЩЁ ХОЧЕШЬ БЫТЬ СО МНОЙ?

ЧТО НУЖНО ИЗМЕНИТЬ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ СОБОЙ?

— Слишком просто, — сказал Эраст.

— Поэтому придётся отвечать, а не прятаться в формулировках.

Тарас предложил добавить третий:

МОЖНО ЛИ СЕГОДНЯ НЕ ОБСУЖДАТЬ?

— Можно, — сказала Мира. — Но завтра вопрос вернётся с процентами.

Будущие Тарас и Мира подписали договор первыми.

— Мы уже сорок лет вместе, — сказал будущий Тарас. — Зачем каждый год?

— Чтобы сорок лет не стали единственной причиной оставаться, — ответила его Мира.

Нынешние версии подписали следом, но без брачной печати.

Антонина Ладовна дописала пункт:

РОДСТВЕННИКИ МОГУТ СПРОСИТЬ, ВСЁ ЛИ В ПОРЯДКЕ. ОТВЕТ «НЕ ЛЕЗЬТЕ» ПРИНИМАЕТСЯ, НО НЕ НАВСЕГДА.

Евпраксия поставила подпись свидетеля.

Первен хотел добавить право на новое начало.

— Нет, — сказала Антонина. — Сначала научись продолжать.

Савелий Убыточевич положил договор в чемодан, но тот не провалился.

— Почему? — спросила Мира.

— Он ещё ничего не гарантирует. Значит, терять пока нечего.

— Обнадёживает.

— Именно поэтому опасен.

Глава двести девятнадцатая

Развод откладывается по любви

Суд возобновился.

Фемида Послезавтровна спросила будущих супругов:

— Настаиваете на разводе?

Они посмотрели друг на друга.

— Да, — сказала будущая Мира.

Нынешний Тарас вскочил.

— После всего?

— Мы пришли сюда не сохранить форму, — ответила она. — Наш старый брак закончился. Если останемся, то не как люди, которые обязаны продолжать.

Будущий Тарас кивнул.

— Мы хотим развестись.

— А потом? — спросила Софья.

— Пойти выпить кофе.

— Вместе?

— Если она согласится.

— Соглашусь, — сказала будущая Мира. — Но без обещания на следующие сорок лет.

Суд расторг их фактический брак.

Прошлое не исчезло. Глеб помнил их. Дом стоял. Совместные завтраки остались прожитыми.

Будущие супруги вышли из суда порознь и через минуту встретились у кофейного автомата.

— Часто здесь бываете? — спросил будущий Тарас.

— Впервые.

— Хорошее место для начала.

— Не торопись.

Они ушли рядом.

Порфирий Фактович аннулировал заявление из будущего, потому что оно уже было рассмотрено в будущем, которое изменилось после рассмотрения в настоящем.

— Вы сами поняли? — спросил Эраст.

— Нотариус не обязан понимать. Он обязан удостоверить, что непонимание подлинное. Нынешние Тарас и Мира больше не считались автоматически женатыми.

— Свободен, — сказала Мира.

— Разочарована?

— Проверь через год.

Глава двести двадцатая

Новая должность Миры

Они вернулись домой.

Тарас повесил договор ежегодного выбора над столом. Мира сняла его и положила в ящик.

— Почему?

— Чтобы мы разговаривали, а не поклонялись бумаге.

Антонина Ладовна одобрительно промолчала. Новая туфля натирала, но работала.

Будущее больше не присылало документы. Порфирий Фактович собирался уходить, когда Дверина открылась сама.

Вошла молодая женщина лет двадцати пяти. У неё были глаза Миры, улыбка Тараса и выражение человека, который заранее устал объяснять родителям очевидное.

Рядом стоял серьёзный юноша с букетом.

— Мама, папа, — сказала девушка. — Познакомьтесь. Я Глафира.
Тарас посмотрел на Миру.

— У нас опять ребёнок из варианта?

— Из будущего, — ответила Глафира. — Настоящего. Одного из.

— А это кто? — спросила Мира, разглядывая юношу.

— Мой жених Тимофей.

Антонина Ладовна медленно улыбнулась.

— Поздравляю, Мира.

— С чем?

— С должностью.

Мира побледнела.

Тимофей протянул букет.

— Я хотел попросить руки вашей дочери.

— Она сама решает, — автоматически сказала Мира.

— Я уже решила, — подтвердила Глафира.

— Тогда зачем он просит?

— Традиция.

— Плохая традиция.

Тарас шепнул Эрасту:

— Началось превращение.

— В кого?

— В Антонину Ладовну.

Туфля Миры сорвалась с ноги и попала Тарасу точно в плечо.

Все замолчали.

Мира посмотрела на собственную ногу, на туфлю и на Антонину.

— Это случайность.

— Конечно, — сказала теща. — На первой стадии все так думают.

Глафира обняла родителей.

— Мы пришли не только познакомиться. Наша свадьба под угрозой.

— Кто против? — спросила Мира.

— Я, — сказал Тимофей.

— Тогда зачем женишься?

— Потому что если мы отменим свадьбу, исчезнете вы оба.

Тарас вздохнул.

— Наконец-то нормальная семейная причина.

Антонина Ладовна вручила Мире запасную туфлю.

— Держи. Пригодится.

Часть двадцать третья. Тёща становится тещей

Глава двести двадцать первая

Жених против собственной свадьбы

Тимофея посадили за стол.

С одной стороны села Мира. С другой — Антонина Ладовна. Напротив устроился Тарас, изображая поддержку мужчины в переговорах.

— Почему ты против свадьбы? — спросила Мира.

— Я не против Глафиры.

— Уже неплохо, — сказал Тарас.

— Я против причины. Мы узнали, что наша свадьба является временным якорем. Через сорок лет Тарас и Мира попадут в разрушение будущего. Глафира вернётся назад после церемонии и сохранит их линию времени.

— Почему после церемонии? — спросил Эраст.

— Доступ к семейному времени получают только официальные супруги из двух родов.

— Кто установил такое правило?

— Реестр предков.

Антонина Ладовна нахмурилась.

— Реестры сами правил не устанавливают. У них для этого недостаточно воображения и слишком много печатей.

Глафира взяла Тимофея за руку.

— Мы собирались пожениться до того, как узнали.

— А после? — спросила Вера.

— После каждое «да» звучит так, будто мы спасаем родителей.

— Благородно, — сказал Первен Началович.

Евпраксия толкнула его локтем.

— Молчи. Ты уже однажды назвал уход спасением семьи.

Тимофей продолжил:

— Я люблю Глафиру. Но не хочу, чтобы она всю жизнь думала: если бы отказалась, её родители исчезли бы.

Мира встала.

— Тогда свадьбы не будет.

Тарас посмотрел на неё.

— Мы исчезнем.

— Возможно.

— Уточняю на всякий случай: тебя это устраивает?

— Нет. Но ребёнок не обязан оплачивать наше существование своей жизнью.

Антонина Ладовна медленно улыбнулась.

— Первая стадия завершена.

— Какая?

— Ты стала тёщей раньше, чем успела начать командовать.

Глава двести двадцать вторая

Вторая тёща прибывает вовремя

В Дом вошла мать Тимофея.

Её звали Прасковья Регламентовна Уставова. Она носила дорожное пальто, строгую шляпу и папку «На случай чужой инициативы».

— Где мой сын? — спросила она.

— Здесь, мама.

— Почему рядом с ним две женщины с туфлями?

Мира посмотрела на Антонину.

— Теперь понимаете, как это выглядит?

— Прекрасно.

Прасковья Регламентовна обняла Тимофея, осмотрела Глафиру и сообщила:

— Я против этого брака.

— Почему? — одновременно спросили все.

— Потому что он заключается ради спасения её родителей.

Мира неожиданно кивнула.

— Согласна.

Прасковья растерялась. Она готовилась к спору тридцать лет и не предусмотрела согласия.

— Кроме того, — продолжила она, — ваша семья нестабильна. Драконы, двери, налоговые проверки, несколько концов света.

— Концы света у нас плановые, — сказал Тарас.

— Один перенесли без даты, — напомнил Эраст.

— Значит, экономия.

Прасковья открыла папку. В ней лежал план свадьбы на девяносто шесть пунктов, включая безопасное рассаживание родственников и резервный мир на случай тоста Первена.

Антонина Ладовна просмотрела.

— Слабый план.

— Почему?

— Нет действий на случай, если молодые передумают.

— Они не передумают.

— Тогда это не план. Это засада.

Две тещи посмотрели друг на друга.

Мира оказалась между ними и поняла, что должность имеет не только власть, но и начальство с обеих сторон.

Тарас тихо сказал:

— Добро пожаловать в управление.

Туфля Миры взлетела.

Он успел пригнуться.

— Осваивается, — одобрила Прасковья.

Глава двести двадцать третья

Реестр предков и потомков

Эраст потребовал показать Реестр.

Порфирий Фактович открыл нотариальную дверь. За ней находился архив, где предки стояли на полках, потомки хранились в ящиках, а живые считались временными папками.

Архивом заведовал Архип Родослович Коленцев.

Он был настолько древним, что называл Первена «молодым человеком».

— Запись о свадьбе Глафиры и Тимофея, — сказал Эраст.

Архип выдал свиток.

Цепочка выглядела так:

СВАДЬБА СОЗДАЁТ СОЮЗ ДВУХ РОДОВ.

СОЮЗ ОТКРЫВАЕТ СЕМЕЙНОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАФИРА СПАСАЕТ РОДИТЕЛЕЙ.

РОДИТЕЛИ ВСТРЕЧАЮТСЯ.

РОЖДАЕТСЯ ГЛАФИРА.

— Круг, — сказал Тарас.

— Семья, — поправил Архип.

— Почему нельзя открыть время без свадьбы? — спросила Софья.

— Потому что родство подтверждается браком.

— А Глеб выбрал их без брака.

— Выбранное родство не учитывается.

— Почему?

— Его нельзя доказать кровью.

Фёдор посмотрел на Реестр.

— Нет.

Полки задрожали. Тысячи усыновлённых, приёмных, названных и просто близких людей выпали из невидимых граф.

Архип закричал:

— Вы разрушаете родословные!

— Мы возвращаем тех, кого вы не записали, — сказала Антонина.

Полина открыла блокнот. Имена выбранных родственников потянулись по страницам и соединились не ветвями, а дверями.

Реестр попытался пересчитать семью.

Получилось слишком много вариантов.

Архип Родослович сел.

— Без чёткой линии невозможно установить, кто кому кто.

Тарас положил руку на плечо Эраста.

— Вот он мне кто?

— Источник проблем, — ответил Эраст.

— Близкий источник.

Реестр записал:

РОДСТВО УСТАНОВЛЕНО ПО ВЗАИМНОМУ НЕУДОБСТВУ.

Глава двести двадцать четвёртая

Испытательный срок для тёщи

Прасковья Регламентовна предложила проверить Миру.

— Хорошая тёща должна уважать семью дочери, помогать без давления и не входить без стука.

Антонина Ладовна кашлянула.

— Теория молодая.

Первое испытание: Тимофей сообщил, что после свадьбы они с Глафирой поселятся в другом мире.

Мира ответила:

— Хорошо.

Её левая бровь поднялась и попыталась оформить возражение отдельно.

Второе испытание: молодые выбрали дом без гостевой комнаты.

— Мы будем останавливаться в гостинице, — сказала Мира.

Туфля дёрнулась.

Третье: Тимофей признался, что не умеет чинить краны, двери и причинно-следственные связи.

— Научишься, — сказал Тарас.

— Испытывают не тебя, — напомнила Мира.

— Я уже принял его.

— Когда?

— Он боится свадьбы по разумной причине. Наш человек.

Последним испытанием стал ужин. Тимофей не доел суп.

В комнате стало холодно.

Антонина Ладовна внимательно наблюдала.

Мира спросила:

— Не понравилось?

— Понравилось. Я сыт.

— Хорошо.

Она забрала тарелку.

Туфля осталась на ноге.

Прасковья поставила отметку:

ВМЕШАТЕЛЬСТВО НЕ ОБНАРУЖЕНО. ВНУТРЕННЯЯ БОРЬБА ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ.

Антонина подошла к Мире.

— Я бы оставила суп.

— Знаю.

— На случай, если передумает.

— Он взрослый.

— Взрослые тоже передумывают.

Мира улыбнулась.

— Хотите доесть?

Антонина села.

Так Мира впервые накормила тещу её собственным непрошеным советом.

Глава двести двадцать пятая

Исчезновение родителей

Свадебную дату отменили.

Тарас начал исчезать с ботинок.

— Почему именно снизу? — спросил он.

— Причинность стирает вас в порядке появления в комнате, — объяснил Первен.

— Я всегда входил головой.

— Это многое объясняет, — сказала Мира.

У Миры побледнели руки. Через несколько часов от обоих остались полупрозрачные версии.

Глафира плакала.

— Мы поженимся.

— Нет, — сказала Мира.

— Я не позволю вам исчезнуть.

— Ты не обязана нас сохранять.

— А если я хочу?

Мира замолчала.

Тёща училась не решать за дочь, но ситуация требовала ответа быстрее учебной программы.

Софья спросила Глафиру:

— Если бы родители не исчезали, ты хотела бы свадьбу сейчас?

— Не знаю.

— Тогда это не «да».

Тимофей встал рядом.

— Я тоже не знаю.

Тарас стал прозрачным до колен.

— У меня предложение: думайте быстрее, но свободно.

Антонина Ладовна ударила его туфлей.

Туфля пролетела насквозь.

— Вот теперь тревожно, — сказала она.

Эраст искал другой способ открыть семейное время. Реестр признавал только брак двух родов.

Глеб принёс воздушного змея.

— Мы уже доказали, что семья может начаться с выбора.

— Но Реестр не признаёт, — сказал Эраст.

— Значит, пусть признает не нас. Пусть мы признаем друг друга.

Дети Продолжения взяли за руки. Каждый назвал человека, которого выбрал близким.

Между ними возникло новое семейное время.

Оно было слабым, потому что никто не заверил подписи.
Но Тарас снова почувствовал ботинки.
Глава двести двадцать шестая
Две тещи против одного закона
Антонина Ладовна и Прасковья Регламентовна отправились к Архипу Родословичу.
Мира пошла с ними.
— Я тоже теща.
— Пока стажёр, — сказала Прасковья.
— Без допуска к тяжёлой обуви, — добавила Антонина.
Они потребовали изменить правило семейного времени.
Архип отказался.
— Тысячелетиями род подтверждался рождением и браком.
— Тысячелетиями люди также лечили всё кровопусканием, — сказала Прасковья. —
Стабильность не оправдание.
— Реестр рухнет.
— Перепишите.
— Это миллиарды записей.
— Начинайте с первой, — сказала Антонина.
Архип спрятался за свитком.
Тогда три тещи открыли собственное заседание.
Председателем назначили Миру, чтобы она училась ответственности без удовольствия.
Свидетелями выступили Глеб, Лика, Дверина, Кладимир и Алимент Алиментьевич, при-
бывший из свадебного путешествия с магнитиками на мундире.
— Родство — это обязательство? — спросила Мира.
— Иногда, — сказал Алимент.
— Кровь?
— Иногда.
— Выбор?
— Если повторяется поступками.
Фёдор произнёс:
— Нет единственному основанию.
Реестр раскололся на две книги.
Первая учитывала происхождение.
Вторая — продолженное родство: тех, кто приходил, оставался, возвращался и отвечал
не потому, что обязан по крови.
Глеб вписал Тараса и Миру.
Семейное время открылось.
Тарас и Мира стали непрозрачными.
Архип Родослович посмотрел на вторую книгу.
— Кто будет её вести?
Три тещи одновременно указали на него.
Он вздохнул.
— Закон принят.
Глава двести двадцать седьмая
Право дочери передумать
Опасность исчезновения миновала.
Но свадебные приготовления остались. Гости уже знали дату, торт начал настаиваться, а
Марш Мендельсоновна прислала три варианта программы и один вариант побега.
Глафира сидела на крыльце.

Мира подошла.

— Теперь можешь решить.

— Все уже столько сделали.

— Это не голосование.

— Тимофей хороший.

— Знаю.

— Я люблю его.

— Вижу.

— Тогда почему я не уверена?

Мира села рядом.

— Потому что любовь отвечает не на все вопросы. Иногда она только не даёт соврать в ответах.

Глафира призналась: она хочет жить с Тимофеем, путешествовать, строить собственный Дом. Но свадьба сейчас кажется ей продолжением чужого кризиса.

— Если отменю, Прасковья Регламентовна решит, что я ненадёжная.

— Решит.

— Антонина Ладовна расстроится.

— Переживёт. У неё запас советов на случай любого исхода.

— А ты?

Мира посмотрела на запасную туфлю.

— Я хочу, чтобы ты не соглашалась ради моего спокойствия.

Глафира обняла её.

— Тогда мы отложим.

— Хорошо.

— Ты правда не против?

— Очень против. Но это моя проблема.

Антонина Ладовна стояла за дверью и всё слышала.

— Отличный ответ, — сказала она.

— Вы подслушивали?

— Контролировала тишину.

— И что теперь?

— Теперь научись переживать собственное недовольство без управления чужой жизнью.

Мира вздохнула.

Должность тёщи оказалась сложнее, чем выглядела со стороны. Со стороны обычно была видна только туфля.

Глава двести двадцать восьмая

Жених разговаривает с отцом невесты

Тимофей нашёл Тараса в мастерской.

Тот строил устройство для измерения серьёзности намерений. Прибор показывал температуру, направление ветра и стоимость ремонта, но намерений пока не замечал.

— Я хочу отложить свадьбу, — сказал Тимофей.

— Глафира знает?

— Да. Мы решили вместе.

— Тогда зачем говоришь мне?

— Вы её отец.

Тарас выключил прибор.

— Это не делает меня владельцем решения.

— Я знаю.

— Но делает человеком, который будет рядом, если ты причинишь ей боль.

— Вы мне угрожаете?

— Объясняю географию последствий.

Тимофей кивнул.

— Я могу причинить. Даже если постараюсь не причинять.

— Правильный ответ.

— Правда?

— Нет. Но взрослый.

Тарас протянул ему отвёртку.

Они вместе разобрали прибор серьёзности намерений и собрали чайник. Чайник показывал только, когда вода закипела, зато делал это честно.

— Вы с Мирой поженитесь? — спросил Тимофей.

— Не знаю.

— После стольких лет?

— У нас годы ходят не по порядку.

— Глафира говорит, вы хороший отец.

Тарас замер.

— Она меня почти не знает.

— Говорит, вы не требуете, чтобы она считала вас хорошим.

Тарас отвернулся к чайнику.

— Пар в глаза попал.

— Он ещё не кипит.

— Очень перспективный чайник.

Тимофей сделал вид, что поверил.

Так мужчины заключили первый договор без подписей, угроз и передачи дочери из рук в руки.

Глава двести двадцать девятая

Несостоявшаяся свадьба без катастрофы

В назначенный день свадьбу отменили.

Мир не рухнул. Родители не исчезли. Торт немного обиделся, но согласился стать праздничным без уточнения праздника.

Гости всё равно пришли.

— Мы уже купили подарки, — объяснил Алимент Алиментьевич.

Марш Мендельсоновна объявила День добровольного отсутствия церемонии.

Оркестр играл всё, кроме марша. Алтарь служил столом. Кольца положили в коробку без обещания открыть её к определённой дате.

Прасковья Регламентовна подошла к Глафире.

— Я разочарована.

Мира напряглась.

— Но это моё разочарование, — продолжила Прасковья. — Постараюсь не выдавать его за твою обязанность.

Антонина одобрительно кивнула.

— Быстро учитесь.

— У меня хорошая программа.

Тимофей и Глафира танцевали не как жених и невеста.

— Сожалеешь? — спросил он.

— Немного.

— Я тоже.

— Значит, решение неправильное?

— Значит, у правильного решения тоже бывают потери.

Полинин карандаш написал на скатерти:
*СВАДЬБА НЕ СОСТОЯЛАСЬ. ОТНОШЕНИЯ НЕ ПОСТРАДАЛИ. ТОРТ ПОСТРАДАЛ
ЗНАЧИТЕЛЬНО.*

Тарас отрезал ещё кусок.

— спасаю вещественное доказательство.

Мира поймала себя на желании сказать, что ему хватит.

— Хочешь ещё?

— Уже нет.

— Я всё-таки сказала.

— Но спросила.

Антонина Ладовна тихо сняла туфлю и поставила рядом.

Передача опыта состоялась без броска.

Глава двести тридцатая

Отпуск для тёщи

Глафира и Тимофей вернулись в будущее.

Они обещали прийти снова, но не назвали дату. Мира хотела уточнить и удержалась.

Туфля на её ноге стала обычной.

Прасковья Регламентовна забрала свадебный план и оставила приложение «Порядок общения двух тёщ без применения тяжёлых предметов».

Антонина Ладовна прочитала.

— Слишком оптимистично.

Мира села рядом.

— Я была похожа на вас?

— Несколько раз.

— Это лечится?

— Зачем? Главное — направлять в мирных целях.

Тарас вошёл с чемоданом.

— Я всё подготовил.

— К чему? — спросил Эраст.

— Антонина Ладовна уезжает в отпуск.

Все посмотрели на тёщу.

— Я не уезжаю.

— Но вам нужен отдых. Вы спасли двадцать три мира, воспитали две тёщи и ни разу не использовали санаторий.

— Я не доверяю санаториям.

— Этот между мирами. Процедуры, тишина, минеральные источники.

— Кто будет следить за Домом?

— Мы.

Антонина посмотрела на Эраста, Тараса, драконов, двери, Первое Начало и торт, который продолжал уменьшаться без решения комиссии.

— Именно поэтому я не уезжаю.

Мира протянула ей билет.

— Поезжайте.

— Это приказ?

— Совет.

— Непрошенный?

— Семейный.

Антонина Ладовна взяла билет.

— На три дня.

Дом содрогнулся.

— Что? — спросила Вера.

Дверина побледнела.

— Дом никогда не оставался без тещи.

Стены начали забывать, где им стоять. Чайник перестал давать советы. Все туфли потеряли направление.

Из подвала поднялась табличка:

В СВЯЗИ С ОТПУСКОМ АНТОНИНЫ ЛАДОВНЫ УПРАВЛЕНИЕ МИРОЗДАНИЕМ ПЕРЕДАЁТСЯ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ.

Ниже появился список.

Первым ответственным значился Тарас.

— Это ошибка, — сказал он.

Фёдор посмотрел на табличку.

— Нет.

Список подтвердил:

НЕ ОШИБКА. ИСПЫТАНИЕ.

Антонина Ладовна закрыла чемодан.

— Всё. Я остаюсь.

Мира открыла Родительскую Дверь.

— Поздно. Отпуск уже начался.

Дверь втянула Антонину вместе с чемоданом и закрылась.

Тарас остался с ключами от Дома, списком обязанностей и двадцатью тремя мирами, которые одновременно спросили:

— Что делать?

Он подумал.

— Для начала не паникуем.

Все миры запаниковали.

Часть двадцать четвёртая. Три дня без тещи

Глава двести тридцать первая

Первый час самостоятельности

Двадцать три мира одновременно спросили:

— Что делать?

Тарас поднял список обязанностей.

В нём было написано:

НЕ ДАВАТЬ СОВЕТОВ, ПОКА НЕ ВЫЯСНЕНО, НУЖЕН ЛИ СОВЕТ.

— Кто составлял? — спросил он.

— Антонина Ладовна, — ответил Эраст.

— Предусмотрительная женщина. Начнём с нарушения.

Первому миру Тарас посоветовал сохранять спокойствие. Там немедленно запретили эмоции.

Второму велел держаться вместе. Жители физически приклеились друг к другу и перестали проходить в двери.

Третьему сказал доверять сердцу. Началась война кардиологов.

— Три рекомендации, три катастрофы, — подсчитал Эраст. — Эффективность стабильная.

— Мне не хватает контекста.

— Тебе не хватает Антонины Ладовны.

Дом услышал имя и вздохнул трубами.

Мира взяла половину ключей.

— Делим миры.

— Почему?

— Потому что ты один.

— Но ответственный я.

— Ответственный — не значит единственный.

Вера забрала ещё пять миров. Эраст — четыре. Костя принял технические реальности, Дверина — пограничные, Кладимир — те, где всё ценное опять начали складывать в сундуки.

Тарасу осталось три мира.

— Меня понизили?

— Тебя спасли от карьеры, — сказала Мира.

Первый час закончился.

Дом всё ещё стоял. Только кухня переместилась на крышу, но там был красивый вид.

Тарас поставил в отчёте:

КАТАСТРОФ НЕ ДОПУЩЕНО.

Эраст дописал:

ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ПЕРВЫЕ ТРИ СЧИТАТЬ МЕТОДИЧЕСКИМИ.

Глава двести тридцать вторая

Санаторий строгого покоя

Антонина Ладовна оказалась в санатории «Тихая Вечность».

Администратор попросил заполнить анкету.

«Цель отдыха?»

Антонина написала: «Проверить».

«От чего хотите отдохнуть?»

«От безответственности окружающих».

«Что помогает расслабиться?»

«Устранение причин».

Администратор вызвал главного специалиста.

Спокой Покойевич Безмятежный носил мягкие тапочки, говорил шёпотом и двигался так медленно, что рядом успевали вырасти комнатные растения.

— Здесь нельзя решать проблемы, — сообщил он.

— Тогда зачем вы работаете?

— Я присутствую.

— Неэффективно.

— Успокаивает.

Антонине назначили минеральную ванну. Вода спросила, всё ли ей удобно.

— Температура ниже нормы на два градуса.

Вода нагрелась.

— Давление слабое.

Вода усилила струю.

— Полотенце далеко.

Через десять минут санаторий работал идеально, а персонал записывал указания.

Спокой Покойевич сел рядом.

— Вы снова управляете.

— Я отдыхаю качественно.

— Отдых не обязан быть качественным.

— Что же он обязан?

— Ничего.

Антонина Ладовна посмотрела на него с жалостью.

— Тяжёлый случай.

Ей велели лежать в гамаке и ничего не делать пятнадцать минут.

На третьей минуте она мысленно составила план ремонта Дома.

На пятой — список ошибок Тараса.

На седьмой поняла, что список слишком короткий, и забеспокоилась.

Глава двести тридцать третья

Миры требуют тещу

К обеду миры обнаружили отсутствие Антонины Ладовны.

Один прислал официальную жалобу:

«РАНЬШЕ НАМ ОБЪЯСНЯЛИ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ НЕ ТАК. ТЕПЕРЬ МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ДОГАДЫВАТЬСЯ».

Второй потребовал временную тещу.

Третий объявил конкурс на замещение должности. Победила женщина с девятью отчествами, но выяснилось, что восемь из них арендованные.

— Нельзя заменить человека функцией, — сказала Вера.

— Можно, — возразил Тарас. — Получится плохо, но быстро.

Дом начал создавать советы сам.

На стенах появлялось:

НАДЕНЬТЕ ШАПКУ.

ПОЗВОНИТЕ РОДИТЕЛЯМ.

НЕ ТРОГАЙТЕ ЭТО, ОСОБЕННО ТАРАС.

Последняя надпись следовала за ним по комнатам.

— У Дома предвзятость.

— Опыт, — сказал Эраст.

В одном из миров два королевства спорили из-за реки. Тарас приготовился советовать, но вспомнил список.

— Что вы хотите от нас?

Короли замолчали.

Первый хотел воду. Второй — чтобы первый не победил. Река хотела, чтобы её наконец перестали считать предметом мебели.

— А сами что пробовали? — спросила Мира.

Оказалось — только войну.

— Попробуйте мост, общий канал и перестать разговаривать через армию.

— Это совет?

— Нет. Варианты.

Короли выбрали канал. Река выбрала новое русло и заставила их строить длиннее.

Мир поблагодарил.

Тарас записал:

ПЕРВАЯ ПРОБЛЕМА РЕШЕНА НЕ НАМИ.

Это было непривычно и приятно.

Глава двести тридцать четвёртая

Совет семейных министров

Эраст создал Совет временного управления.

Миру назначили министром решений, Веру — министром человеческих последствий, Костю — министром того, что снова дымится. Кладимир отвечал за расходы, Дверина — за выходы, Фёдор — за право остановиться.

Тарас стал председателем.

— Почему я?

— Чтобы был занят названием должности, — сказал Эраст.

Первен Началович попросил министерство новых начал.

— Отказано, — сказала Антонина из зеркала.

Все обернулись.

Зеркало погасло.

— Она следит? — спросил Тарас.

— Привычка сильнее отпуска, — ответила Мира.

Совет рассмотрел двадцать три вопроса.

Мир великанов просил уменьшить мебель. Мир маленьких людей — увеличить самооценку. Мир вечной правды хотел временно вернуть ложь для семейных праздников.

Решения принимали голосованием.

Тарас трижды остался в меньшинстве и впервые не отменил результат.

— Как ощущения? — спросила Мира.

— Демократия унижает лично.

— Зато безопасно для остальных.

Последним пришёл запрос из мира, где жители больше не хотели спасаться.

«Просим исключить нас из списка подопечных. Хотим совершать собственные ошибки».

Эраст прочитал.

— Риск высокий.

— Право есть, — сказала Вера.

— А если погибнут?

Фёдор ответил:

— Нет спасению против воли.

Совет согласился, но оставил открытую дверь для просьбы.

Тарас поставил подпись.

Ему было страшно.

Впервые ответственность означала не вмешаться.

Глава двести тридцать пятая

Лечение ненужностью

Спокой Покойевич нашёл Антонину у служебного окна.

Она пыталась увидеть Дом через телескоп для наблюдения за оставленными обязанностями.

— Телескоп показывает только то, что без вас идёт плохо, — предупредил он.

— Именно это мне и нужно.

Антонина посмотрела.

Дом стоял. Миры не горели. Тарас спрашивал, прежде чем советовать. Мира распределяла обязанности. Эраст не писал регламент на каждый вдох.

— Телескоп сломан.

— Нет.

— Тогда зачем я им?

Спокой Покойевич сел рядом.

— Вы хотите быть нужной или любимой?

— Это одно и то же.

— Тогда почему вам страшно, когда они справляются?

Антонина Ладовна сняла очки.

— Если я не нужна, меня могут не позвать обратно.

Специалист молчал.

— Вы обязаны что-то сказать.

— Я присутствую.

— Раздражает.

— Но вы продолжаете говорить.

Антонина рассказала о матери, которая ушла спасать Первый Дом. Об отце, которому требовалось быть источником всего. О себе, ставшей необходимой раньше, чем успела стать ребёнком.

— Я не умею быть рядом без пользы.

— Попробуйте.

— Как?

Спокой Покойевич протянул ей чашку.

Они выпили чай, не улучшив его, не обсудив температуру и не спасая мироздание.

Через двадцать минут Антонина сказала:

— Сахара мало.

— Прогресс редко бывает полным.

Она не стала добавлять.

Глава двести тридцать шестая

Второй день без главного

Утром Дом перестал признавать Тараса руководителем.

Ключи открывали только кладовку. Список обязанностей превратился в меню. Миры обращались напрямую к тем, кто понимал конкретную проблему.

— Переворот, — объявил Тарас.

— Самоуправление, — сказала Мира.

— Без меня?

— Поэтому работает.

Тарас обиделся и ушёл в кладовку, единственное место, где власть ещё подтверждалась ключами.

Там сидел маленький мир.

Он был размером с арбуз и плакал дождём.

— Что случилось?

— Я никому не нужен. Меня забыли включить в список.

Тарас проверил. Мир действительно не числился среди двадцати трёх. У него не было катастроф, пророчеств и редких ресурсов. Жители спокойно выращивали хлеб, спорили о погоде и иногда мирились до вмешательства героев.

— Почему хочешь в список?

— Чтобы меня спасали.

— От чего?

— Не знаю. Но остальные важные.

Тарас сел рядом.

— Я тоже сегодня не главный.

— И что будешь делать?

— Пока разговаривать с тобой.

Мир перестал плакать.

Они просидели в кладовке два часа. Ничего не произошло.

Когда Тарас вышел, список добавил двадцать четвёртую строку:

МИР БЕЗ ПРОБЛЕМ. НЕ СОЗДАВАТЬ ПРОБЛЕМУ ДЛЯ ОБОСНОВАНИЯ ЗАБОТЫ.

Мира прочитала.

— Сам написал?

— Нет.

— Молодец.

— За что?

— Не стал приписывать.

Глава двести тридцать седьмая

Поддельная Антонина

Вечером появилась временная тёща.

Она вышла из стены в строгом платье и представилась:

— Антонина Ладовна, версия дежурная.

Дом создал её из накопленных советов, воспоминаний и страха семьи перед беспорядком.

Поддельная Антонина немедленно проверила комнаты. Велела Эрсту выпрямиться, Тарасу — не трогать, Мире — не спорить, Вере — отдохнуть после выполнения списка из двенадцати дел.

— Похожа, — сказал Кладимир.

— Поверхностно, — ответила Мира.

Версия знала все правила, но не понимала исключений. Когда Софья заплакала, она выдала инструкцию из пяти пунктов. Когда Фёдор сказал «нет», записала нарушение. Когда маленький мир попросил оставить его в покое, назначила ему профилактическую катастрофу.

— Настоящая так не сделала бы, — сказал Тарас.

— Почему?

— Она сначала отругала бы катастрофу.

Поддельная тёща росла от каждого выполненного совета. Скоро она заняла два этажа и требовала стандартизировать заботу.

Мира сняла запасную туфлю.

— Не поможет, — сказал Эрст. — Она состоит из наших ожиданий.

Тогда каждый назвал случай, когда Антонина нарушила собственное правило ради человека.

Она оставляла дверь открытой для опоздавших. Принимала чужое «нет». Кормила врагов. Давала вернуться без объяснительной.

Поддельная версия уменьшалась.

— Это непоследовательно! — кричала она.

— Это живая, — сказала Вера.

Фёдор произнёс:

— Нет копии.

Дежурная Антонина превратилась в листок с одним советом:

ЕСЛИ НЕ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ, НЕ ПРИТВОРЯЙТЕСЬ АНТОНИНОЙ ЛАДОВНОЙ.

Тарас повесил его над столом.

Глава двести тридцать восьмая

Ночь открытых дверей

На вторую ночь все двери Дома открылись.

Не сломались. Просто решили, что без тёщи имеют право на личную жизнь.

Из кухни можно было выйти в пустыню, из спальни — на заседание драконов, из ванной — в мир, где воду считали государственной тайной.

Дверина не справлялась.

— Я могу закрыть их силой, но они снова откроются.

— Чего хотят двери? — спросила Софья.

Каждая ответила.

Одна устала вести только домой. Другая хотела, чтобы перед ней не хлопали. Третья мечтала стать окном. Четвёртая просила смазать петли уже семь частей.

Костя принёс масло.

Совет распределил желания. Несколько дверей отправили в путешествие, одну перевели в окна, самой старой дали выходной и временно заменили занавеской.

Главная дверь отказалась закрываться.

— Почему? — спросил Тарас.

— Боюсь, что Антонина не вернётся.

Все замолчали.

Дом боялся того же, что и сама тёща.

Мира положила билет Антонины на порог.

— Она может не вернуться через три дня. Может задержаться. Может приехать и уезжать.

— Тогда как быть Домом?

— Остаться местом, куда можно вернуться, а не местом, которое удерживает.

Главная дверь закрылась.

Не на замок.

Ночь закончилась без тёщи и без попытки заменить её правилами.

Глава двести тридцать девятая

Третий день и двадцать четыре решения

На третий день мира прислали отчёты.

Королевства поделили реку. Мир великанов сделал складную мебель. Мир вечной правды ввёл право молчать на семейных праздниках. Мир, отказавшийся от спасения, совершил семь ошибок, исправил пять и оставил две для опыта.

— Они справились, — сказал Эраст.

— Не все, — ответила Вера.

В одном мире погасло солнце.

Совет приготовился вмешаться, но жители попросили только открыть дверь к соседям. Соседний мир поделился светом в обмен на ночную прохладу.

Во втором исчезли законы. Жители не просили новых, а попросили Фёдора научить их говорить «нет» сильным.

В третьем люди потеряли память. Паша отправил им истории, не утверждая, что это прошлое. Они выбрали, какие продолжить.

Двадцать четыре мира приняли двадцать четыре разных решения.

Тарас не подписал ни одного.

— Чем ты руководил? — спросил Эраст.

— Возможностью обратиться.

— Это не руководство.

— Поэтому никто не взбунтовался.

Список обязанностей стал пустым.

На обороте появилась новая строка:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕ В ТОМ, ЧТОБЫ РЕШАТЬ ЗА ВСЕХ. ОНА В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ИСЧЕЗНУТЬ, КОГДА ТЕБЯ ПОЗОВУТ.

Мира обняла Тараса.

— Ты справился.

— Можно сообщить Антонине Ладовне?

— Нет.

— Почему?

— Пусть отдыхает до конца.

Тарас посмотрел на часы.

Оставалось семь минут.

Все начали срочно наводить беспорядок, чтобы возвращение выглядело естественно.

Глава двести сороковая

Возвращение необязательной тёщи

Родительская Дверь открылась ровно через три дня.

Антонина Ладовна вошла с чемоданом, лёгким загаром и Спокоем Покойевичем, который нёс растение в горшке.

— Это кто? — спросил Тарас.

— Специалист.

— По чему?

— По ничегонеделанию.

Тарас пожал ему руку.

— Конкурент.

Антонина осмотрела Дом. Кухня вернулась с крыши. Двери стояли на местах, кроме одной, ставшей окном. Миры не горели.

— Что случилось?

Все заговорили одновременно.

Она подняла руку.

Все замолчали.

— Не это. Почему всё цело?

Тарас протянул пустой список обязанностей.

— Мы распределили управление. Потом миры начали решать сами. Мы оставались рядом.

— Без меня?

— Благодаря вам, — сказала Мира. — Но не вместо вас.

Антонина Ладовна поставила чемодан.

— Значит, я больше не нужна.

Главная дверь открылась и сказала:

— Нужна. Но можешь иногда уезжать.

Дом поддержал трубами.

Антонина села за стол. Никто не принёс ей проблему.

Вера налила чай.

Они сидели молча.

Через минуту Антонина спросила:

— Вы даже не хотите совета?

— Хотим, — сказал Тарас. — Но позже.

Она улыбнулась.

Из мира, отказавшегося от спасения, пришло письмо:

«У НАС КАТАСТРОФА. ПОМОЩЬ НЕ ПРИСЫЛАТЬ».

Ниже мелким почерком:

«НО МОЖЕТЕ ПРИЙТИ В ГОСТИ».

Эраст взял письмо.

— Ловушка?

— Приглашение, — сказала Антонина.

— Разница?

— В гостях сначала спрашивают, куда поставить обувь.

Дверина открыла путь.

На пороге стоял молодой человек с ведром лавы.

— Проходите, — сказал он. — Только мир не спасайте. Мы сами.

За его спиной падало небо.

Тарас посмотрел на Антонину Ладовну.

— Совет?

— Возьмите зонт.

Продолжение следует

Следующая часть: «Мир, который не хотел спастись».

Часть двадцать пятая. Мир, который не хотел спастись

Глава двести сорок первая

Катастрофа по предварительной записи

Молодого человека с ведром лавы звали Игнат Самоделов.

Он был худ, спокоен и носил рабочий фартук с надписью:

СЛОМАЛ — ПРИЗНАЙ. ПОЧИНИЛ — НЕ ХВАСТАЙСЯ.

— Это лава? — спросил Эраст.

— Была лава. Теперь остывает.

— Зачем вы принесли её в Дом?

— У вас коврик негорючий.

Коврик польщённо задымился.

Игнат объяснил, что мир называется Самостоянием. Триста лет назад его жители выгнали последнего великого спасителя после того, как тот победил засуху наводнением, голод — запретом аппетита, а междоусобицу — уничтожением всех сторон.

С тех пор катастрофы там считались внутренним делом.

— А небо почему падает? — спросила Вера.

— Устало держаться.

— И что вы делаете?

— Подпираем.

За спиной Игната люди ставили под облака лестницы, башни, деревья и один памятник бывшему спасителю, предварительно сняв с него голову для устойчивости.

Тарас раскрыл зонт.

С неба упал небольшой четверг.

Зонт выдержал, но теперь над ним шёл дождь позавчерашнего числа.

— Нам нельзя вмешиваться, — напомнила Мира.

— Мы в гости, — сказал Тарас. — В гостях можно помочь передвинуть шкаф.

— Небо не шкаф.

— Пока не измерили.

Антонина Ладовна подошла к порогу.

— Кто у вас главный?

— Никто.

— Кто отвечает?

— Каждый.

— Значит, никто, — заключила она.

Игнат впервые нахмурился.

— Мы не просим спасения.

— Я тоже не просила становиться тёщей. Некоторые обстоятельства приходят без заявления.

Небо опустилось ещё на метр.

Из облака высунулась рука и постучала в окно Дома.

— Оно ещё и снаружи, и внутри, — заметил Эраст.

Полина открыла блокнот.

НЕ СПАСАТЬ. НЕ МЕШАТЬ. НЕ УХОДИТЬ.

— Хороший план, — сказал Тарас. — Непонятно только, что делать.

— Быть гостями, — ответила Вера. — Для начала спросим, куда поставить обувь.

Игнат указал на падающее небо.

— Туда. Оно мягкое.

Глава двести сорок вторая
Республика самостоятельных ошибок
В Самостоянии не было правительства.

Вместо него на центральной площади стояла Доска Последствий. Каждый житель записывал, что сделал, что получилось и кому теперь неудобно.

Некоторые записи занимали одну строку.

«Испёк хлеб. Съели».

Другие переходили на соседние дома.

«Решил ускорить весну. Подробности на северной стене».

Эраста привели к Доске как человека, способного читать мелкий почерк и не падать в обморок от приложений.

Он изучил последние записи.

— Небо начало снижаться после решения отменить расстояние между властью и народом.

— У нас нет власти, — сказал Игнат.

— Поэтому расстояние отменили между небом и народом.

Из толпы вышла женщина в защитных очках. Её звали Рада Независлавна, и она заведовала Общественной мастерской неисправимых решений.

— Мы уже признали ошибку, — сказала она. — Теперь исправляем.

— Как? — спросил Костя.

— Голосованием выбрали семь способов. Применяем одновременно, чтобы никого не обидеть.

Небо подпирали. Небо уговаривали. Небу угрожали. Два философа доказывали, что оно не падает, потому что понятия верха не существует. Над ними небо висело особенно низко.

Фёдор посмотрел на конструкцию.

— А вы спрашивали у неба, чего оно хочет?

Площадь замолчала.

— Небо не гражданин, — сказала Рада.

— А рука у него есть.

Софья постучала по ближайшему облаку.

— Вам чего?

Небо ответило громом.

Дверина перевела:

— Говорит, что его триста лет используют как верхнюю границу, прогноз погоды и художественный фон. Оно хочет отпуск.

— Куда? — спросил Игнат.

— Вниз.

Тарас посмотрел под ноги.

— А земля не против?

Земля разверзлась и показала табличку:

Я ДАВНО ПРОСИЛА ОБМЕН СМЕНАМИ.

Жители Самостоянии записали на Доске:

НЕ УЧЛИ МНЕНИЕ НЕОДУШЕВЛЁННЫХ ОСНОВ МИРОЗДАНИЯ.

— Сейчас вы их спасёте? — подозрительно спросила Рада у Эраста.

— Нет. Я только могу помочь составить форму вопроса.

— Это вмешательство.

— Хорошо.

Эраст убрал бумаги.

Через минуту Рада вернула их.

— Но шрифт выберем сами.

Глава двести сорок третья

Человек, который отвечал за право не соглашаться

Игнат поселил гостей в гостинице «Сами разберётесь».

Ключей там не выдавали. Каждый постоялец должен был понять, какая комната его принимает.

Эраста приняла кладовая.

Тараса — номер для молодожёнов и один шкаф.

Антонину Ладовну не принял никто.

— Боятся, — объяснила Мира.

— Разумно, — сказала Антонина и заняла кабинет управляющего.

Управляющего в гостинице не было из принципа, поэтому кабинет пустовал с основания республики.

Вечером Игнат рассказал, что занимает должность Возражателя. Любое общее решение вступало в силу только после того, как он находил в нём слабое место.

— Удобная работа, — сказал Тарас. — Делать ничего не надо, а виноват заранее.

— Возражение. Надо понимать решение лучше тех, кто его предложил.

— Возражение принято. Работа ужасная.

Игнат достал из сумки маленький молоток. На рукояти были зарубки.

— Каждая — решение, которое я остановил.

— А сколько хороших? — спросила Вера.

— Не знаю. Хорошие не случились.

В коридоре появилась девочка лет двенадцати с двумя разными косами. Одну она заплела сама, вторую доверила случаю.

— Это Ника, — сказал Игнат. — Моя сестра.

Ника положила на стол кусок голубого камня.

— Небо.

— Откуда? — спросил Фёдор.

— Отвалилось.

— Большой кусок?

— Пока нет.

Она сообщила, что дети Самостоянии нашли под городом старое Хранилище Спасения. Там лежали законсервированные чудеса, героические пророчества и один избранный, просроченный на двести восемьдесят лет.

— Вы его открыли? — спросила Софья.

— Мы самостоятельные, а не глупые.

Из-под пола донёсся грохот.

Ника вздохнула.

— Остальные дети — глупые.

Игнат схватил молоток.

Антонина Ладовна взяла сумочку.

— Куда вы? — спросил Эраст.

— В гости к просроченному избранному.

— Не будем спасать?

— Конечно нет. Проведём собеседование.

Глава двести сорок четвёртая

Просроченный герой первой необходимости

Избранного звали Великсар Непобедимый.

Он вышел из саркофага в сияющих доспехах, поднял меч и потребовал назвать главного злодея.

Ему показали на падающее небо.

Велисар посмотрел вверх.

— Кто им командует?

— Никто, — ответили дети.

— Тогда кого побеждать?

— Себя, — предложила Полина.

— Я уже непобедимый.

— Тем более сложный противник.

Велисар оказался создан для мира, где все беды имели лицо, крепость и уязвимое место слева под третьей чешуёй. Самостояния за триста лет усложнились и теперь производила проблемы без единого виноватого.

Герой растерялся.

Антонина усадила его за стол.

— Опыт работы?

— Семь драконов, три тирана, Безымянная Тьма.

— Рекомендации?

— Они уничтожены.

— Семейное положение?

— Предназначен принцессе.

— Имя?

— В пророчестве стёрлось.

— Значит, свободен.

Велисар побледнел сильнее, чем при упоминании Тьмы.

Из глубины Хранилища вылетели законсервированные чудеса. Одно превращало воду в надежду, второе делало любого правым, третье обеспечивало счастливый конец ценой отмены продолжения.

Последнее чудо потянулось к Полининному блокноту.

Кладмир захлопнул сундук.

— Концовку не трогать. У нас ещё ипотека сюжета.

Дети Самостоянии окружили Велисара.

— Ты можешь поднять небо? — спросила Ника.

— Могу.

— Навсегда?

— Пока жив.

— А потом?

Герой молчал.

— Значит, это не решение, — сказала Ника.

Велисар опустил меч.

Впервые от него не требовали великого подвига. Это оскорбило его воспитание и немного обрадовало человека внутри доспехов.

— А временно поднять можно? — спросил Фёдор. — Пока все договорятся.

— Временно — не героично.

— Зато полезно.

Велисар задумался.

— Сколько платят?

Самостояния приветствовала нового гражданина.

Глава двести сорок пятая

Небо меняется с землёй местами

Обмен сменами назначили на полдень.

Небо должно было лечь внизу, земля — подняться наверх, а жители — переждать сбоку.

— Где именно сбоку? — спросил Эраст.

Организаторы совещались два часа и создали Министерство Временного Бока.

Руководителем назначили Раду, потому что она громче всех отрицала необходимость министерств.

Великсар подхватил небо на плечи. Костя закрепил реальность страховочными тросами. Дверина открыла боковой выход, которого в геометрии не предусматривалось.

— По одному! — командовала Мира. — Не толкаем будущее! Прошое пропускаем только с сопровождающими!

Жители переходили на бок мира, не прекращая спорить, кто идёт самостоятельно, а кто под влиянием общего движения.

Тарас задержался в центре.

— Что ты делаешь? — спросила Вера.

— Контролирую отсутствие контроля.

— Уходи.

— Подчиняюсь добровольно.

Когда последний житель покинул площадь, земля начала подниматься. Из неё торчали корни, подвалы, потерянные монеты и одна семейная тайна, которую хозяева немедленно закопали в небо.

Небо опускалось осторожно.

На середине пути они встретились.

Мир сложился пополам.

Левая половина увидела правую впервые и нашла её подозрительно похожей.

— Кто это рассчитал? — спросила Антонина.

Все указали друг на друга.

Эраст достал формулу.

— При отмене расстояния верх и низ соприкасаются раньше, чем меняются местами.

— Почему не сказали?

— Меня просили только подготовить опрос.

Рада закрыла глаза.

— Говорите всё.

— Это просьба о спасении?

— Это просьба не наслаждаться моментом.

Эраст объяснил: миру нужно вернуть расстояние. Не прежнее, установленное сверху, а такое, на которое согласятся обе стороны.

— Как измерить согласие неба и земли? — спросил Игнат.

Полина написала:

РАССТОЯНИЕ — ЭТО МЕСТО, ГДЕ МОЖНО НЕ СОВПАСТЬ И НЕ РАССТАТЬСЯ.

Мира посмотрела на Тараса.

— Очень семейная единица измерения.

— У нас таких несколько комнат.

Глава двести сорок шестая

Совет, которого никто не давал

Чтобы развернуть сложенный мир, требовалось общее решение.

Самостояния немедленно отказалась его принимать.

— Мы не действуем единогласно, — сказала Рада. — Это давление большинства, меньшинства и грамматики.

— А как действуете? — спросил Эраст.

— Каждый делает своё, потом сравниваем ущерб.

Игнат поднял молоток Возражателя.

— Я возражаю против сравнения ущерба после конца мира.

Это было первое возражение, которое ничего не остановило, а запустило.

Жители принесли собственные меры расстояния. Пекарь предложил длину запаха хлеба.

Учительница — дистанцию, на которой ребёнок ещё слышит, но уже думает сам. Влюблённые выбрали полшага. Разведённые — два города и возможность писать по праздникам.

Антонина предложений не делала.

— Вы молчите? — удивился Тарас.

— Тренируюсь.

Спокой Покойевич гордо кивнул и продолжил ничего не делать с большим профессионализмом.

Небо попросило высоту, с которой видно каждого, но не слышно каждую жалобу.

Земля захотела глубину, достаточную для корней, но недостаточную для сокрытия последствий.

Эраст свёл ответы в таблицу. Таблица обрела три измерения и потребовала отдельный кабинет.

— Среднего значения нет, — сказал он.

— И не надо, — ответила Ника. — Пусть расстояние будет разным.

Над домами небо поднялось выше. Над садами опустилось ниже. Над площадью осталось на высоте открытого разговора. Над Министерством Временного Бока зависло вопросом.

Мир медленно развернулся.

Никто его не спас.

Все участвовали.

На Доске Последствий появилась запись:

КАТАСТРОФА УСТРАНЕНА ЛИЦАМИ, КОТОРЫЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ СЧИТАТЬСЯ КОЛЛЕКТИВОМ.

Под ней кто-то дописал:

ПОДПИСИ СОБИРАЮТСЯ ИНДИВИДУАЛЬНО.

Тарас подошёл к Антонине.

— Вы ни разу не вмешались.

— Неправда. Я один раз посмотрела.

— И?

— Рада сразу отменила глупость.

— Значит, всё-таки спасли.

— Нет. Напомнила, что у глупости есть свидетели.

Глава двести сорок седьмая

Цена ненужной помощи

Когда небо вернулось наверх, в город прибыли Сборщики Благодарности.

Они носили белые плащи, улыбались одинаково и предъявили счёт за спасение Самостоянии.

— Но нас не спасали, — сказал Игнат.

— Тем лучше, — ответил старший Сборщик. — Ненужная помощь облагается по повышенному тарифу. Заказчик не сопротивлялся оказанию услуги должным образом.

— Мы сопротивлялись всё время.

— Это дополнительная услуга «Преодоление недоверия».

Эраст прочитал договор. Подпись стояла внизу мира, там, где земля перед подъёмом случайно коснулась чернильного моря.

Сборщики требовали отдать десять процентов самостоятельности.

— Как это? — спросил Фёдор.

— Каждое десятое решение за жителей будет принимать наш рекомендательный центр.

— Обязательно?

— Добровольно. Отказ оформляется после исполнения рекомендации.

Рада собрала жителей.

— Мы разберёмся сами.

— Уже разобрались, — сказал Игнат. — Поэтому пришли они.

Он посмотрел на Эраста.

— Поможете?

— Спасти?

— Прочитать мелкий шрифт.

Эраст улыбнулся так, как улыбаются люди, наконец приглашённые на настоящее сражение.

Вера обнаружила, что Сборщики питаются благодарностью. Чем чаще им говорили «спасибо», тем плотнее становились договоры.

Тарас запретил всем быть вежливыми.

За минуту он окреп настолько, что смог двигать юридические приложения.

Антонина Ладовна подошла к старшему Сборщику.

— Молодой человек, вы хорошо питаетесь?

— Благодарю за заботу.

Он увеличился вдвое.

— Антонина Ладовна! — крикнула Мира.

— Знаю.

Тёща продолжала благодарить его за каждую мелочь. Сборщик рос, белел и наливался признательностью, пока не перестал помещаться в собственный пункт договора.

— Достаточно! — прохрипел он.

— А чай? А пирог? А шарф связать?

Сборщик лопнул.

Из него посыпались неоплаченные добрые намерения.

Остальные отступили.

— Это считается спасением? — спросил Игнат.

— Нет, — сказала Антонина. — Я его закармила.

Глава двести сорок восьмая

Великсар учится быть маленьким

Сборщики заперлись в Хранилище и выпустили оттуда героические пророчества.

Каждое искало подходящего героя.

Одно набросилось на Тараса:

«И ВСТАНЕТ МУЖ С ЧИСТЫМ СЕРДЦЕМ...»

Пророчество осмотрело его и улетело.

— Сердце чистое, — обиделся Тарас. — Просто вокруг беспорядок.

Второе выбрало Великсара:

«ИЗБРАННЫЙ СПАСЁТ ВСЕХ, ОТДАВ САМОЕ ДОРОГОЕ».

— Что у вас самое дорогое? — спросила Ника.

— Репутация.

— Отдавайте.

Великсар долго молчал.

Чтобы выполнить пророчество, ему следовало совершить подвиг на глазах у всех. Чтобы помочь по-настоящему — незаметно открыть заднюю дверь Хранилища, пока жители отвлекались Сборщиков спором.

— Об этом никто не узнает, — сказал он.

— Мы узнаем, — ответила Ника.

— Вы дети.

— Поэтому не считаемся летописцами?

Великсар снял сияющий плащ. Без него он оказался обычным усталым мужчиной, которому триста лет не позволяли ошибиться.

Он полез в вентиляцию.

Доспехи застряли.

Великсар снял доспехи.

Меч не помещался.

Он оставил меч.

В Хранилище проник человек без признаков величия.

Через пять минут задняя дверь открылась.

Жители вошли и разобрали законсервированные чудеса по описи. Чудо всеобщей правоты передали семейным парам для ответственного хранения. Счастливый конец запечатали ещё крепче. Надежду развели водой и раздали тем, кто не пришёл.

Сборщики лишились питания: никто не благодарил их за поражение.

Они исчезли, оставив квитанцию.

Великсар вышел из Хранилища в рабочем фартуке Игната.

— Вы победили? — спросил Тарас.

— Нет. Открыл дверь.

Пророчество попыталось найти в этом скрытое величие.

Ника порвала его на закладки.

— Завтра поможешь чинить крышу школы?

— Это подвиг?

— Если пойдёт дождь — узнаем.

Великсар согласился.

Он впервые выбрал продолжение вместо конца.

Глава двести сорок девятая

Право позвать на помощь

На следующий день Самостояния приняла новый закон.

Он состоял из одного предложения:

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО СПРАВИТЬСЯ САМ, В ТОМ ЧИСЛЕ С ПОМОЩЬЮ ДРУГИХ.

Игнат возразил против слова «имеет».

Рада — против слова «право».

Тарас — против запятой, потому что она выглядела слишком руководящей.

После четырёх часов спора закон оставили без изменений, но приложили особые мнения на двести страниц.

— Теперь вы довольны? — спросил Эраст.

— Нет, — сказал Игнат. — Поэтому закон живой.

Он сложил молоток Возражателя в ящик Доски Последствий.

— Увольняетесь? — спросила Вера.

— Меняю должность. Буду человеком, которого можно позвать до того, как решение станет катастрофой.

— Как называется?

— Друг. Пока временно.

Ника решила учиться у Двериной. Она хотела открывать пути между теми, кто просит помощи, и теми, кто умеет не командовать.

— Родители разрешили? — спросила Мира.

— У нас дети принимают решения сами.

— А последствия?

— Родители помогают носить.

Софья одобрительно кивнула.

Фёдор записал формулировку для будущего восстания.

Рада вручила гостям официальный документ:

БЛАГОДАРНОСТЬ НЕ ВЫРАЖАЕТСЯ ВО ИЗБЕЖАНИЕ ПОВТОРНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ.

Тарас растрогался.

— Самая искренняя благодарность, которую я получал.

Перед уходом Антонина подошла к Игнату.

— Вы нас позовёте, если снова начнётся катастрофа?

— Нет.

— Хорошо.

— Но открою дверь.

— Этого достаточно.

Дом принял Нику как ученицу. Дверина показала ей первую дверь.

За ней человек сидел один и шептал, что справится сам.

Ника не вошла.

Она просто оставила дверь открытой.

Глава двести пятидесятая

Мир, который спасал спасателей

Вернувшись домой, герои обнаружили на кухне жителей Самостоянии.

Пекарь чинил печь. Рада сокращала Совет семейных министров. Великсар латал крышу без пророчества. Игнат держал лестницу и возражал против её падения.

— Что происходит? — спросил Эраст.

— Вы помогли нам, — сказала Рада. — Теперь мы помогаем вам. Не благодарите.

— У нас нет катастрофы, — сказал Тарас.

Дом кашлянул всеми трубами.

С потолка упал список накопившихся неисправностей. Он раскатился через кухню, коридор, двор и ушёл в соседний мир.

Антонина Ладовна прочитала первые пункты:

«Главная дверь устала быть главной. Вера не спит третью ночь. Эраст разговаривает с документами чаще, чем с женой. Тарас считает юмор отдыхом. Мира считает отдых Тараса угрозой. Дверина открывает всем, но не знает, куда хочет сама».

— Это не неисправности, — сказал Тарас. — Это семейная жизнь.

— Возражаю, — ответил Игнат. — Одно другому не мешает.

Самостояния не стала спасать Дом. Её жители занялись мелочами.

Пекарь приготовил ужин. Рада отменила три ненужных совещания. Великсар посидел с детьми и впервые проиграл им без угрозы для легенды. Ника закрыла Дверину на один час с внутренней стороны, чтобы та выбрала путь для себя.

Игнат забрал у Эраста папку.

— Отдохните.

— А если понадобится документ?

— Позовём.

Антонина Ладовна посмотрела на Спокоя Покойевича.

— Это заразно?

— Покой? Иногда.

Вечером все сидели во дворе. Никто не спасал миры. Миры не воспользовались случаем и не погибли.

Тарас держал Миру за руку.

Эраст слушал Веру, не составляя протокол.

Дверина вернулась и сообщила, что хочет увидеть место, где ещё нет дверей.

— Такое существует? — спросила Полина.

— Теперь да.

Она открыла узкую щель.

За ней не было мира.

Там находилось пространство до первого выбора — тихое, белое и совершенно свободное.

Из белизны вышла женщина, удивительно похожая на Антонину Ладовну, только моложе на тридцать лет.

Она увидела тещу и остановилась.

Антонина тоже встала.

— Мама? — спросила молодая женщина.

Все посмотрели на Миру.

Мира побледнела.

— Это не я.

Молодая женщина показала письмо, написанное почерком Антонины:

«ЕСЛИ Я ОДНАЖДЫ СТАНУ ТОЙ, КОТОРОЙ БОЮСЬ, НЕ СПАСАЙТЕ МЕНЯ. ПОЗНАКОМЬТЕ СО МНОЙ».

Антонина Ладовна закрыла глаза.

— Я написала это до рождения Миры.

— Кому? — спросил Эраст.

— Себе.

Молодая Антонина вошла во двор и строго осмотрела семью, которой у неё ещё не было.

— Кто из вас мой зять?

Эраст и Тарас одновременно указали друг на друга.

— Понятно, — сказала она. — Будущее всё-таки наступило. Но виновных не нашло.

Дом закрыл щель.

Не на замок.

Продолжение следует

Следующая часть: «Две тещи и одно прошлое».

Часть двадцать шестая. Две тещи и одно прошлое

Глава двести пятьдесят первая

Антонина до Антонины

Молодая Антонина назвалась Тоней.

— Антониной меня называют только в учреждениях и мама, когда учреждение собирается устроить дома.

Она поставила на стол дорожную сумку. Внутри лежали три платья, справочник по воспитанию ещё не родившихся детей и фотография мужчины, у которого лицо было аккуратно оторвано.

Старшая Антонина узнала сумку.

— Я потеряла её в двадцать четыре года.

— Не потеряла, — сказала Тоня. — Оставила перед дверью, в которую не решилась войти.

Все посмотрели на Дверину.

— Меня тогда ещё не существовало, — сказала та. — Но двери уже сваливали на меня ответственность.

Мира подошла к молодой женщине.

— Вы правда моя мама?

Тоня внимательно осмотрела её.

— Если верить лицу — да. Если характеру — требуется экспертиза.

— Характер от папы.

Старшая Антонина кашлянула.

— Откуда ты пришла?

— Из места до первого выбора.

— Туда нельзя попасть случайно.

— Я не случайно. Я сбежала.

Тоня рассказала, что накануне свадьбы получила письмо от себя будущей. В письме было сказано: однажды она станет женщиной, которая знает правильный ответ раньше вопроса, любит посредством распоряжений и боится оказаться ненужной.

Тоня решила не становиться.

Она нашла белую щель и вошла в неё.

— И сколько ты там пробыла? — спросил Эраст.

— Один день.

— В нашем времени прошло тридцать лет, — сказала старшая Антонина.

— Значит, обслуживание медленное.

Тоня увидела Тараса.

— Это зять?

— Один из подозреваемых, — ответила Вера.

— Я муж Миры, — признался Тарас.

Тоня посмотрела на дочь, потом на него, потом снова на дочь.

— Ты сама выбрала?

— Да.

— Тогда зачем?

— Мама!

Старшая Антонина улыбнулась.

— Вот теперь верю, что это я.

Дом поставил между двумя Антонинами дополнительный стул.

Стул немедленно попросил перевести его в другую семью.

Глава двести пятьдесят вторая

Проверка будущего на пригодность

Тоня потребовала экскурсию по собственной жизни.

— Я должна знать, стоит ли возвращаться.

— Куда? — спросила Мира.

— В день перед свадьбой.

— А если не вернёшься?

— Тебя не будет.

Мира замолчала.

Тарас поднял руку.

— Я против.

— Вас не спрашивали.

— Поэтому особенно против.

Экскурсию начали с кухни. Тоня увидела шкафы, которые спорили с порядком, чайник, состоявший в Совете, и холодильник, выдававший еду по степени честности голода.

— Это я допустила? — спросила она.

— Вы были в отпуске, — сказал Тарас.

— Один раз?

— Уже историческое достижение.

Потом ей показали Совет семейных министров. Рада Независлавна ещё не успела его полностью сократить, поэтому остались Министерство Последнего Слова и Комитет по выяснению, кому оно принадлежит.

Тоня прочитала протоколы.

— Почему здесь моё имя чаще, чем у остальных?

— Потому что вы отвечаете за всех, — сказал Эраст.

— А остальные?

— Отвечают вам.

Старшая Антонина забрала протокол.

— В тот день система казалась разумной.

— Она каждый день кажется разумной тому, кто сверху, — заметил Игнат.

Тоня записала его фразу.

Затем она встретилась с Софьей и Фёдором.

— Внуки? — спросила она.

— Будущие, прошлые и местами взрослые, — объяснила Мира.

— У нас сложное детство, — сказал Фёдор. — Но разнообразное.

Софья попросила Тоню подписать разрешение на обучение Ники у Двериных.

— Почему я?

— Проверяем, насколько быстро вы начнёте решать за других.

Тоня не подписала.

Софья поставила ей плюс.

— Хорошая бабушка.

— Я не бабушка.

— Пока.

Первым испытанием Тоня прошла будущее.

Вторым будущее решило пройти её.

Из белой щели вышел человек в сером сюртуке, с часами вместо левого глаза.

— Хронос Семёнович Минувших, — представился он. — Инспектор Управления невозвращённых прошлых.

Он раскрыл удостоверение.

— Гражданка Антонина Ладовна, вы отсутствуете в собственной биографии тридцать лет и один день. Требую немедленно вернуть молодость по месту происхождения.

— Которую? — спросили обе Антонины.

Инспектор сверился с бумагами.

— Вот поэтому я и не люблю семейные дела.

Глава двести пятьдесят третья

Опись утраченной молодости

Хронос Семёнович провёл инвентаризацию.

У Тони имелись:

двадцать четыре года;

непринятое предложение руки;

несказанное «да»;

несказанное «нет»;

и семьдесят восемь планов, из которых жизнь позднее выполнила два, оба неправильно.

У старшей Антонины обнаружились:

пятьдесят четыре года;

дочь;

зять;

внуки неопределённого возраста;

Дом;

репутация женщины, способной остановить катастрофу взглядом;

и хроническое отсутствие права на слабость.

— Биография раздвоена, — заключил инспектор. — Одну версию следует аннулировать.

Тарас спрятался за Мирой.

— Только не просите выбрать меня.

— Почему тебя? — спросила Тоня.

— В семейных решениях крайним обычно назначают зятя. Это традиция, пережившая несколько цивилизаций.

Мира потребовала оставить обоих.

— Нельзя, — сказал Хронос Семёнович. — Прошрое не может жить рядом с результатом своих решений. Возникает соблазн всё исправить.

— А если не исправлять? — спросила Вера.

— Тогда возникает ещё более опасный соблазн понять.

Старшая Антонина посмотрела на Тоню.

— Возвращайся.

— Чтобы стать вами?

— Чтобы стать собой.

— Судя по результату, разница небольшая.

В комнате стало холодно.

Мира впервые увидела, как мать обиделась и не нашла распоряжения, которым можно это скрыть.

— Вы обе неправы, — сказала она.

Обе Антонины повернулись к ней одинаково.

Мира ненадолго пожалела о смелости.

— Мама не обязана оправдывать перед собой молодой всю прожитую жизнь. А Тоня не обязана принимать будущее как приговор.

— Возражаю, — сказал Игнат. — Но пока не знаю против чего.

Хронос поставил песочные часы.

— До полуночи решите, какая Антонина настоящая.

— А если не решим? — спросил Эраст.

— Настоящей будет признана та, которая первой заполнит форму.

Обе женщины одновременно схватили перья.

— Генетическая связь подтверждена, — сказал Тарас.

Глава двести пятьдесят четвёртая

Собеседование с женихом, которого нет

Для возвращения Тони требовалось восстановить исходную точку: вечер перед её свадьбой.

Дом открыл комнату воспоминаний.

Внутри стоял молодой Ладомир — будущий отец Миры. Он был собран из памяти старшей Антонины, поэтому выглядел виноватым ещё до начала разговора.

— Это он? — спросил Эраст.

— Возможно, — сказала Антонина. — В молодости мужчины плохо запоминаются. Особенно если потом становятся мужьями.

Ладомир держал букет и повторял:

— Я обещаю сделать тебя счастливой.

Тоня стояла перед ним, не входя.

— Вот из-за этой фразы я испугалась.

— Почему? — спросила Мира.

— Он обещал сделать. Как будто счастье — ремонт.

Тарас сочувственно посмотрел на призрак тестя.

— Нормальная мужская ошибка. Предлагаешь результат до обследования объекта.

— Я не объект, — одновременно сказали Мира, Вера и обе Антонины.

Тарас отступил.

— Обследование завершено.

Ладомир снова произнёс обещание. Воспоминание не умело говорить иначе.

Старшая Антонина подошла к нему.

— Ты не сделал меня счастливой.

Призрак замолчал.

— Но иногда мы были счастливы. Это другое.

Он посмотрел на неё впервые не глазами памяти, а глазами человека, которого в ней всё ещё немного помнили.

— Ты жалеешь?

— О многом.

— Обо мне?

Антонина долго не отвечала.

— Не целиком.

Комната задрожала. Прошрое не любило сложных ответов. Оно предпочитало либо вечную любовь, либо полную ошибку — оба варианта хорошо помещались на памятниках.

Тоня вошла внутрь.

— Я не хочу обещания счастья.

Ладомир протянул ей букет.

— Тогда могу обещать, что буду рядом, пока мы оба этого хотим.

— Это память изменилась? — спросил Эраст.

— Нет, — сказала Дверина. — Ей впервые позволили вспомнить не только сказанное.

Тоня взяла один цветок.

— На свадьбу пока не согласна.

Мира начала исчезать с левого локтя.

— Мам, можно решать чуть быстрее?

— Не дави на мать, — строго сказала старшая Антонина.

Мира снова стала видимой.

Даже время признавало семейную иерархию.

Глава двести пятьдесят пятая

Дочь между двумя решениями

К вечеру Мира стала мерцать.

Когда Тоня склонялась к возвращению, Мира была взрослой женщиной. Когда сомневалась — превращалась в девочку. Когда думала об отказе от свадьбы, исчезала, но продолжала спорить.

— Я существую независимо! — донёсся её голос из пустого платя.

— Теоретически, — сказал Хронос Семёнович. — Практически у вас мать на стадии согласования.

Тарас держал Миру за руку, даже когда руки не было.

— Я тебя всё равно вижу.

— Где?

— По последствиям.

Тоня наблюдала за ними.

— Ты его любишь?

— Да.

— За что?

— Я не веду учёт.

Старшая Антонина опустила глаза. Когда Мира была маленькой, она часто спрашивала, за что её любят, и получала перечень достоинств. Перечень казался доказательством, но со временем превратился в условия договора.

— Я любила тебя без списка, — сказала Антонина.

Мира стала видимой целиком.

— Почему раньше не говорила?

— Считала, что это очевидно.

— Очевидное тоже надо иногда произносить.

Полина записала:

ЛЮБОВЬ БЕЗ УСЛОВИЙ НЕ ОСВОБОЖДАЕТ ОТ УВЕДОМЛЕНИЯ.

Тоня села рядом со старшей собой.

— Мы правда стали такой?

— Какой?

— Которая любит молча, а вслух выдаёт инструкции.

— Это экономит время.

— Чьё?

Антонина посмотрела на дочь, зятя, внуков и Дом.

— Уже не уверена.

Тоня коснулась её руки.

Две версии одной женщины вспомнили один и тот же страх: если попросить о любви прямо, можно услышать отказ. Гораздо безопаснее стать необходимой.

— Я сбежала не от свадьбы, — сказала Тоня. — Я сбежала от возможности быть ненужной.

— А я всю жизнь бежала в обратную сторону, — ответила Антонина. — Поэтому оказалась там же.

Песочные часы инспектора остановились.

Песок отказался выбирать, в какую Антонину падать.

Глава двести пятьдесят шестая

Комитет по исправлению матери

Хронос Семёнович созвал семейное слушание.

Вопрос звучал так:

КАКУЮ АНТОНИНУ СЛЕДУЕТ ОСТАВИТЬ ДЛЯ НАИМЕНЬШЕГО УЩЕРБА ПРОШЛОМУ И БУДУЩЕМУ?

— Формулировка оскорбительная, — сказала Вера.

— Зато измеримая, — ответил инспектор.

Первым выступил Эраст.

— Старшая Антонина является частью нашей истории. Её изъятие уничтожит причинные связи.

— Молодая тоже часть истории, — возразила Ника. — Просто та, которую никто не видел.

Великсар предложил оставить ту, которая победит в честном поединке.

Обе Антонины посмотрели на него.

— Предложение снято, — сказал он.

Тарас выступал без записей.

— Старшая Антонина научила меня ответственности. Тоня ещё может научить её безответственности. Обе полезны.

— Я не обязана быть полезной, — сказала старшая.

— Вот. Уже учится.

Софья предложила оставить обеих и расселить по разным временным зонам.

Фёдор — оставить ни одну, чтобы проверить самостоятельность семьи.

Ему запретили проверять.

Наконец встала Мира.

— Я не буду выбирать мать. Ни ту, которая меня родила, ни ту, которая могла этого не сделать. Человек не становится настоящим только потому, что его решение оказалось удобным для остальных.

Хронос записал ответ.

— Эмоционально. Юридически бесполезно.

— Тогда юридически, — сказал Эраст. — Тоня не является прошлым. Она тридцать лет прожила в пространстве до выбора. Это отдельная непрерывная биография.

Инспектор проверил часы.

Левый глаз показал две параллельные линии.

— Теоретически возможно признать её самостоятельным лицом. Но потребуется новое имя.

— Почему? — спросила Тоня.

— Две Антонины Ладовны в одном доме создают путаницу.

Тарас поднял руку.

— Предлагаю Антонина Первая и Антонина Главная.

— А кто главная? — спросили обе.

— Предложение снято.

Тоня задумалась.

— Пусть буду Лада Тоневна.

Старшая Антонина вздрогнула.

— Так звала меня мама, когда не сердилась.

— Значит, имя не пропало.

Хронос поставил печать.

Теперь в семье стало две тещи.

Тарас попросил политического убежища в Самостоянии.

Глава двести пятьдесят седьмая

Второй зять временного назначения

Появление второй тещи нарушило равновесие.

Дом решил, что каждой положен отдельный зять.

— Почему? — спросил Эраст.

На стене появилась надпись:

ТАК СИММЕТРИЧНЕЕ.

— Я женат на Вере, — напомнил Эраст.

Дом выдал ему удостоверение:

ВРЕМЕННЫЙ ЗЯТЬ ПО БЫТОВЫМ ВОПРОСАМ. БЕЗ РОМАНТИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.

Вера прочитала.

— С испытательным сроком?

— Не подсказывай, — попросил Эраст.

Лада Тоневна решила проверить обоих зятёв.

Она дала Тарасу неисправные часы, Эрасту — закрытую коробку и велела не спрашивать, что делать.

Тарас разобрал часы, обнаружил внутри маленькое вчера и выпустил его в сад.

Эраст составил акт приёма коробки, акт отказа от вскрытия и перечень возможных последствий любопытства.

— Кто прошёл? — спросила Мира.

— Ни один.

— Почему?

— Они согласились на проверку.

Старшая Антонина одобрительно кивнула.

— Хороший метод.

— Это твой метод, — сказала Лада.

— Значит, проверенный.

Потом Лада спросила Веру и Миру, счастливы ли они.

— Иногда, — ответила Вера.

— Не всегда одновременно, — сказала Мира.

— Значит, нормально.

Она отказалась оценивать мужей, переставлять мебель и давать советы.

К вечеру Тарас начал нервничать.

— Она что-то замышляет.

— Почему? — спросила Мира.

— Тёща, которая не вмешивается, нарушает причинность.

Антонина Ладовна тоже беспокоилась.

— Ты могла бы хотя бы сказать, что у них неправильно стоят чашки.

— А они неправильно?

— Конечно.

— Тогда зачем говорить очевидное?

Антонина узнала собственный ответ и обиделась на плагиат.

Ночью Дом перенёс кровать Лады в комнату рядом с Тарасом.

Тарас проснулся от того, что две тещи спорили через стену, кто из них не будет вмешиваться первым.

Он улыбнулся.

Одна теща была опасностью.

Две создавали систему взаимного сдерживания.

Глава двести пятьдесят восьмая

Прошлое требует алименты

Утром Хронос Семёнович предъявил счёт.

Лада Тоневна получила отдельную биографию, но тридцать лет пользовалась временем, которого не прожила по общему календарю.

— Временная задолженность, — объяснил инспектор. — Тридцать лет с начислением воспоминаний.

— У неё нет таких воспоминаний, — сказала Мира.

— Поэтому обязана приобрести.

Управление предлагало готовые пакеты:

«Счастливое детство дочери»;

«Семейные праздники без конфликтов»;

«Идеальный брак расширенный»;

«Мудрая зрелость без морщин».

— Это поддельная жизнь, — сказала Лада.

— Сертифицированная, — поправил Хронос.

Антонина открыла пакет «Счастливое детство дочери». Внутри Мира никогда не плакала, всегда слушалась и благодарила мать за каждое замечание.

— Ужас, — сказала Антонина и захлопнула.

Мира заглянула в «Идеальный брак». Там её отец дарил цветы по расписанию, не забывал годовщины и разговаривал исключительно правильными фразами.

— Это не папа.

— Почему? — спросил Тарас.

— Он бы на третьей правильной фразе добавил неправильную, чтобы проверить, слушают ли его.

Хронос настаивал: без прошлого человек остаётся незавершённым.

— Все незавершённые, — сказала Полина. — Иначе зачем завтра?

Лада решила выплатить долг будущим.

— Я проживу эти тридцать лет после сегодняшнего дня.

— Но тогда вам будет восемьдесят четыре.

— Если повезёт.

Инспектор растерялся. Его ведомство умело возвращать время, изымать и переносить. Но никто прежде не соглашался честно прожить долг.

— Потребуется поручители.

Мира подписала первой.

Антонина — второй.

— Вы поручаетесь за собственное прошлое? — спросил Хронос.

— Я впервые могу это сделать.

Тарас подписал третьим.

— Вы кем приходитесь должнику?

Он подумал.

— Зятем по последствиям.

Глава двести пятьдесят девятая

День, которого не было

Чтобы договор вступил в силу, семье предстояло прожить вместе день, отсутствовавший в календаре.

Дом вставил его между вторником и средой.

День назвали Никакдой.

В Никакду нельзя было выполнять обязанности, исправлять прошлое и готовиться к будущему. Разрешалось только быть теми, кем никто не назначил.

Эраст не был ответственным.

Он проспал до девяти и проснулся с чувством государственного переворота.

Тарас не был остроумным.

Через двадцать минут семья вызвала врача.

Мира не была дочерью и женой. Она ушла одна гулять по дороге, которая никуда не вела.

Вера не была понимающей. Она честно сообщила всем, кого сегодня не понимает, и почувствовала значительное облегчение.

Антонина не была тещей.

Она сидела с Ладой на крыльце.

— Кем ты хотела стать? — спросила Лада.

— Архитектором.

— Почему не стала?

— Родилась Мира.

Лада напряглась.

— То есть она помешала?

— Нет. Я испугалась, что не справлюсь с двумя жизнями, и выбрала одну. Потом долго делала вид, что выбора не было.

— Жалеешь?

— Да.

— О чём?

— Что не попробовала обе.

Мира вернулась и услышала последние слова.

— Я всегда думала, что вы ни о чём не жалеете.

— Я запрещала себе. Это другое.

Вместе они нарисовали Дом таким, каким его построила бы Антонина-архитектор. В нём не было главной двери. Каждая комната имела собственный выход, а кухня стояла в центре и никому не подчинялась.

Настоящий Дом подсмотрел рисунок.

К вечеру у него вырос балкон, ведущий прямо в возможность.

Хронос Семёнович проверил Никакду.

— День прожит без пользы.

— Значит, успешно, — сказал Спокой Покойевич.

День занял своё место в семейной памяти.

Теперь каждый помнил то, чего не было.

И это оказалось правдивее многих официальных воспоминаний.

Глава двести шестидесятая

Мать, которая пришла за дочерью

На рассвете Хронос Семёнович закрыл дело.

Лада Тоневна получила паспорт, тридцать будущих лет и право ошибаться без согласования со старшей версией.

— Где будете жить? — спросил Эраст.

— В Самостоянии, — ответила Лада. — Там не спрашивают, кем я должна стать.

Игнат предложил ей работу в Общественной мастерской.

— Что чинить?

— Решения до того, как они решат нас.

Великсар торжественно подарил ей меч.

Лада отказалась.

Он подарил молоток.

Она взяла.

Перед уходом Лада обняла Миру.

— Я не твоя мама.

— Знаю.

— Но могла бы ею стать.

— Уже стали. Просто иначе.

Потом она подошла к Антонине.

— Я боялась превратиться в тебя.

— Получилось хуже. Ты превратилась в себя.

Они улыбнулись.

Белая щель закрылась. Дверина впервые открыла дверь не в существующий мир, а в жизнь, которая собиралась начаться.

Хронос Семёнович взглянул на часы.

— Осталась одна неточность.

— Какая? — спросил Тарас.

— Письмо.

То самое письмо, из-за которого Тоня сбежала, было написано рукой старшей Антонины до рождения Миры. Но Антонина его не помнила.

Эраст сравнил почерк.

— Ваш. Однако чернила старше вас на двадцать лет.

Дом погасил свет.

Из дальней комнаты раздался стук вязальных спиц.

Антонина побледнела.

— Нет.

— Что? — спросила Мира.

— Моя мама.

Дверь открылась.

На пороге стояла маленькая седая женщина в тёмном платье. Под мышкой она держала свёрнутый конец света, связанный из чёрной шерсти.

— Тонечка, — сказала она. — Я ненадолго.

Антонина Ладовна выпрямилась, убрала руки со стола и стала моложе без всякой магии.

— Мама, почему без предупреждения?

— Я предупреждала. Тридцать лет назад.

Седая женщина увидела Миру.

— Внучка.

Увидела Тараса.

— Это кто?

— Муж, — ответила Мира.

— Вижу. Зачем?

Тарас посмотрел на Антонину Ладовну.

Антонина посмотрела на мать.

Впервые зять и тёща оказались по одну сторону семейной катастрофы.

Седая женщина положила конец света на стол.

— Я принесла вам будущее. Оно распустилось по дороге.

Из свёртка потянулась чёрная нить.

Дом закрыл все двери.

Бабушка достала запасные ключи.

Продолжение следует

Следующая часть: «Бабушка конца света».

Часть двадцать седьмая. Бабушка конца света

Глава двести шестьдесят первая

Прасковья Тихоновна и запасные ключи

Бабушку звали Прасковьей Тихоновной.

Она была невысокой, сухой и обладала тем особым спокойствием, рядом с которым чужая уверенность сама начинала искать уважительную причину уйти.

Антонина Ладовна стояла перед ней, сложив руки.

Тарас никогда не видел тёщу в таком положении.

Он решил запомнить.

— Тонечка, ты похудела, — сказала Прасковья.

— Нет, мама.

— Значит, платье растянулось.

Антонина молча поправила платье.

Мира приблизилась к бабушке.

— Мы думали, вы умерли.

— Я тоже. Потом разобралась.

— И как?

— Неправильно оформили.

Прасковья достала свидетельство о смерти. В строке «причина» было написано:
«ОТСУТСТВИЕ В НАСТОЯЩЕМ БЕЗ УВАЖИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНЫ».

Эраст взял документ.

— Юридически это не смерть.

— Я тридцать лет им говорила.

— Где?

— В будущем. Оттуда плохо слышно.

Чёрная нить, тянувшаяся из свёртка, поползла до чайника. Чайник заглянул в собственное завтра, увидел накипь и немедленно потребовал профилактику.

Прасковья смотала нить.

— Не трогайте. Это конец света.

— Какой именно? — спросил Тарас.

— Семейный.

— А обычный?

— Обычный чинится быстрее.

Она объяснила, что связала конец света много лет назад как запасной. Если будущее станет совсем невыносимым, свёрток следовало распустить, собрать неудачные события и связать заново.

— Почему он распускается сейчас? — спросила Вера.

— Потому что кто-то открыл дверь в жизнь, которой не было.

Все посмотрели на Дверину.

— Я расширяю ассортимент, — сказала она.

Прасковья подняла спицу.

Дом запер двери.

Она достала запасной ключ.

— У каждого приличного будущего есть изнанка, — сказала бабушка. — И кто-то с той стороны уже тянет нить.

Из свёртка донёсся вежливый голос:

— Передавайте завтра. Оно больше вам не принадлежит.

Глава двести шестьдесят вторая

Будущее распускается с рукава

Первым исчез завтрашний завтрак.

Холодильник открылся и сообщил, что продукты отказываются наступать.

Потом пропал вечер. За утром сразу началась ночь, но ещё не сегодняшняя.

Костя проверил часы.

— Будущее сокращается.

— До каких пределов? — спросил Эраст.

— Пока до обеда. Дальше расчёты не загружаются.

Чёрная нить выползала из свёртка и уходила под дверь. На ней узелками были завязаны будущие события:

первый самостоятельный переход Ники;

непроизнесённое признание Веры;

поломка крыши, которую Великсар собирался героически не заметить;
и три шутки Тараса, две из которых могли оказаться удачными.

— Последнее надо спасать, — сказал Тарас.

Мира наступила на нить.

— Кто тянет?

Прасковья надела очки и рассмотрела волокна.

— Сборщики готовых судеб. Они воруют будущие события до того, как человек успеет их испортить.

— Зачем?

— Продают мирам, которые хотят жить без неожиданностей.

Полина открыла блокнот.

*БУДУЩЕЕ БЕЗ НЕОЖИДАННОСТЕЙ — ЭТО ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ ЕЩЁ НЕ УСПЕЛО
НАДОЕСТЬ.*

Прасковья прочитала.

— Девочка умная.

— Это у нас семейное, — сказала Антонина.

— Не преувеличивай.

Антонина снова поправила платье.

Мира с трудом удержалась от улыбки.

Эраст предложил перерезать нить.

— Нельзя, — ответила Прасковья. — Обрезанное будущее превращается в судьбу. Потом уже ничего не изменить.

— Значит, надо идти по нити, — сказала Дверина.

— Кто пойдёт? — спросил Фёдор.

Прасковья оглядела семью.

— Тонечка останется дома.

— Мне пятьдесят четыре года, мама.

— Поэтому должна понимать: взрослые не ходят неизвестно куда.

Антонина Ладовна взяла сумочку.

— Тарас, откройте зонт.

— Зачем?

— Мы идём неизвестно куда.

Тарас раскрыл зонт.

На него упало послезавтра.

Глава двести шестьдесят третья

Три женщины одной семьи

Перед уходом в будущее требовалось решить, кто останется с Домом.

Прасковья назначила Миру.

Антонина отменила назначение.

Мира отменила отмену.

— Я сама решу, — сказала она.

Обе старшие женщины посмотрели на неё с одинаковым неодобрением.

— Это она от тебя, — сказала Прасковья дочери.

— От вас обеих, — ответила Мира. — К сожалению, в полном объёме.

Совет собрался на кухне. Прасковья села во главе стола. Антонина села напротив. Мира выбрала середину, но стол немедленно удлинился, чтобы середина никому не досталась.

— В будущее пойду я, — сказала Прасковья. — Нить моя.

— Я тоже, — сказала Антонина. — Будущее моё.

— И я, — сказала Мира. — Дети мои.

— Какие дети? — спросил Тарас.

— Будущие.

Софья и Фёдор переглянулись.

— Мы уже есть, — напомнила Софья.

— Это не мешает вам быть будущими. В нашей семье возраст вообще рекомендательный.

Три женщины собрались идти вместе.

Тарас поднял руку.

— Можно сопровождающего?

— Зачем? — спросили все трое.

— Чтобы потом было на кого свалить организационные недостатки.

Эраст поддержал его.

Вера поддержала Эраста, чтобы тот не подумал, будто остался без поддержки.

Спокой Покойевич вызвался охранять Дом.

— Что вы будете делать при нападении? — спросил Костя.

— Не паниковать.

— А после?

— Посмотрим, останется ли необходимость.

Прасковья одобрила специалиста.

Антонину это задело.

— Меня ты никогда так не хвалила.

— Ты никогда ничего не делала так профессионально.

Мира встала между ними.

— Перед путешествием устанавливаем правило: никто не воспитывает взрослых родственников без их письменного согласия.

Прасковья достала ручку.

— Где подписывать за тебя?

Мира закрыла лицо руками.

Тарас шепнул Эрасту:

— Я думал, тёща — вершина пищевой цепочки.

— У любой вершины есть мама.

Глава двести шестьдесят четвёртая

Кто написал первое письмо

Пока Дверина настраивала путь, Эраст снова исследовал письмо, отправленное молодой Антонине.

Почерк принадлежал Антонине Ладовне.

Чернила — Прасковье Тихоновне.

Бумага была изготовлена через девять лет.

— Семейный документ, — заключил Эраст. — Каждый внёс то, чего у него не было.

Прасковья призналась не сразу.

Сначала она попросила чай.

Потом другой чай.

Потом сказала, что вопросы о прошлом вредны для пищеварения.

Антонина молча ждала.

Это оказалось страшнее допроса.

— Хорошо, — сказала Прасковья. — Письмо продиктовала я.

— Зачем?

— Хотела предупредить.

— О чём?

— Что ты станешь мной.

Антонина посмотрела на мать.

В комнате возникло столько семейного сходства, что зеркала отвернулись.

Прасковья рассказала: когда Тоне исполнилось двадцать четыре, мать увидела её будущее. Дочь собиралась повторить тот же путь — отказаться от мечты, заменить близость заботой, а заботу постепенно превратить в управление.

— И ты решила напугать меня собой?

— Тобой.

— Но письмо отправила моим почерком.

— Чтобы поверила.

— Я сбежала из собственной жизни.

— Зато ненадолго.

— Тридцать лет!

— Для матери это ненадолго.

Мира хотела вмешаться, но Тарас удержал её.

— Пусть договоят.

— А если поссорятся?

— Они начали тридцать лет назад. Невежливо перебивать.

Антонина спросила:

— Почему ты не поговорила со мной?

Прасковья удивилась.

— Ты бы не послушала.

— А письмо послушала?

— Очевидно, слишком хорошо.

Впервые Прасковья Тихоновна не нашла готового ответа.

Чёрная нить дёрнулась и утащила из свёртка ещё один день.

На этот раз исчез день, когда мать и дочь могли поговорить иначе.

— Они крадут не только будущее, — сказал Эраст. — Они забирают неслучившиеся возможности.

Прасковья схватила спицы.

— Тогда идём.

— Вместе, — сказала Антонина.

Мать не согласилась.

Но дверь уже открылась для обеих.

Глава двести шестьдесят пятая

Склад удобных завтра

За дверью находился бесконечный склад.

На полках лежали готовые будущие.

«УДАЧНЫЙ БРАК. БЕЗ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗГОВАРИВАТЬ».

«ПОСЛУШНЫЕ ДЕТИ. МНЕНИЕ ПРИОБРЕТАЕТСЯ ОТДЕЛЬНО».

«УСПЕШНАЯ КАРЬЕРА. СОМНЕНИЯ НЕ ВХОДЯТ».

«СЧАСТЛИВАЯ СТАРОСТЬ. ПРОШЛОЕ УДАЛЕНО».

Тарас взял коробку «БОГАТСТВО БЕЗ ТРУДА».

Она оказалась пустой.

— Реалистичный товар.

Между рядами ходил мужчина с сантиметровой лентой на шее. Его звали Мотвей Нитич Кроильщик. Он заведовал подгонкой будущего по фигуре заказчика.

— Вам какое? — спросил он. — Есть спокойное, великое, правильное. Со скидкой осталось предсказуемое.

— Нам своё, — сказала Мира.

— Своё не хранится. Слишком быстро портится от решений.

Чёрная нить уходила в дальний цех. Там Сборщики готовых судеб распускали семейное будущее и сортировали события.

Любовь складывали отдельно от обид.

Ошибки — отдельно от последствий.

Разговоры оставляли без пауз, потому что паузы плохо продавались.

Антонина увидела коробку со своей фамилией.

Внутри лежала жизнь, где она стала архитектором, не вышла замуж и не родила Миру. На обложке Антонина была спокойной, известной и одинокой только по вторникам.

— Хотите примерить? — спросил Мотвей.

Прасковья шагнула вперёд.

— Нет.

— Я сама решу, — сказала Антонина.

Она надела будущее.

Дом исчез. Мира исчезла. Тарас исчез с некоторым облегчением. Остался светлый кабинет, макеты прекрасных зданий и тишина, в которой никто не нуждался в её совете.

Антонина простояла там целую жизнь.

Потом сняла.

— Ну? — спросила Прасковья.

— Хорошая жизнь.

Мира побледнела.

— Но не моя, — добавила Антонина.

Коробка закрылась.

Мотвей Нитич отметил:

ВОЗВРАТ. ПОКУПАТЕЛЬ ОБНАРУЖИЛ ПРИВЯЗАННОСТЬ К НЕДОСТАТКАМ.

Глава двести шестьдесят шестая

Торговцы несбывшимся

Главный Сборщик вышел из цеха в костюме, сшитом из чужих планов.

Его звали Завтратий Безошибочный.

Каждый рукав показывал удачный исход. Галстук заранее знал, что скажет собеседник. Ботинки приходили только туда, где их ждали.

— Мы оказываем полезную услугу, — сказал Завтратий. — Люди устали от неопределённости.

— Поэтому вы крадёте выбор? — спросила Вера.

— Мы освобождаем от риска.

— И от жизни, — сказала Полина.

Завтратий предложил сделку. Семья отдаёт свёрток конца света, а взамен получает гарантированное будущее.

Эрасту — порядок без исключений.

Вере — близких, которых не надо понимать.

Тарасу — шутки, над которыми смеются заранее.

Мире — мужа, способного вовремя молчать.

— А Тарас куда денется? — спросила она.

— Будет вовремя молчать.

— Это уже не Тарас.

Антонине предложили семью, которая всегда слушает советы.

Она задумалась дольше остальных.

— Мама, — сказала Мира.

— Я только представляю масштаб бедствия.

Прасковье показали дочь, никогда не совершавшую ошибок.
Седая женщина коснулась коробки.
Внутри Тоня окончила архитектурный институт, удачно вышла замуж, правильно воспитала Миру и каждое воскресенье благодарила мать за своевременное вмешательство.
Прасковья улыбнулась.
Чёрная нить натянулась.
— Бабушка, это ненастоящее, — сказала Софья.
— Зато хорошее.
— Хорошее не обязано быть настоящим?
Прасковья убрала руку.
Завтраций нахмурился.
— Дети не должны участвовать в выборе будущего.
— Почему? — спросил Фёдор.
— Они главные пострадавшие.
— Поэтому должны.
Ника открыла в стене маленькую дверь.
Из неё высыпались все отвергнутые варианты.
Склад наполнился жизнями, которые отказались быть товаром.
Началась распродажа без согласия администрации.
Глава двести шестьдесят седьмая
Восстание невыбранных судеб
Первой восстала карьера музыканта, от которой Эраст отказался в семь лет после знакомства с бухгалтерской линейкой.
Она вооружилась виолончелью и потребовала право хотя бы иногда звучать.
Потом появилась жизнь Тараса без Миры. Она была богата приключениями, свободой и несвежими носками.
— Убедительно, — сказала Мира.
— Это клевета возможного, — ответил Тарас.
Несбывшиеся судьбы выходили из коробок. Они не хотели заменить настоящую жизнь. Они требовали признать, что тоже были возможны.
Вера увидела себя женщиной, которая однажды не простила Эраста.
Эраст увидел мужчину, который не попросил прощения.
Они посмотрели друг на друга.
— Рад, что ты не она.
— А я рада, что ты иногда не он.
Антонину окружили десятки версий:
архитектор;
путешественница;
одинокая женщина;
мать троих детей;
женщина, которая ушла от Ладомира;
женщина, которая не встретила его;
и та, которая однажды попросила помощи.
Последняя выглядела самой незнакомой.
Прасковья пыталась собрать варианты обратно.
— Нельзя жить всеми жизнями.
— Но можно не делать вид, что существовала только одна, — сказала Антонина.
Завтраций приказал Сборщикам закрыть склад.
Дверина открыла каждую коробку.

Ника открыла коробки, которых ещё не было.

Великсар поднял меч.

— Кого победить?

— Привычку всё решать одним подвигом, — ответил Игнат.

Великсар вздохнул и начал переносить коробки вручную.

Тарас добрался до центральной катушки. На ней было намотано общее будущее семьи.

— Если размотать, что будет?

Мотвей Нитич ответил:

— Никто не знает.

— Наконец-то качественная рекомендация.

Тарас потянул нить.

Склад наступил сразу.

Глава двести шестьдесят восьмая

Конец света начинается дома

Свёрток Прасковьи развернулся над складом.

Конец света оказался не огнём, не потопом и не тьмой.

Он был идеально устроенным домом.

Каждая вещь лежала на месте. Каждый человек знал роль. Дети слушались. Мужья возвращались вовремя. Жёны не уставали. Родители не старели. Никто не задавал вопрос, на который не существовало ответа.

— Красиво, — сказал Эраст.

— Страшно, — ответила Вера.

Дом конца света начал втягивать людей.

Мира оказалась на кухне и не могла уйти, пока ужин не был достаточно семейным.

Тарас сидел в кресле главы семьи и принимал решения, которых от него никто не хотел.

Эраст заполнял документы, подтверждавшие, что счастлив.

Антонина раздавала советы. Их выполняли немедленно. Через пять минут ей стало нечего говорить.

Прасковья стояла в центре.

— Я связала его не таким.

— Таким, — сказала Антонина. — Ты просто смотрела снаружи.

Конец света был мечтой Прасковьи о семье, в которой невозможно потерять близких, потому что никто не имеет права уйти.

— Я хотела защитить вас.

— От чего?

Прасковья ответила не сразу.

— От времени.

Её муж однажды исчез из прошлого. Не умер — был вычеркнут вместе с событием, которое сочли лишним. После этого Прасковья начала удерживать каждую минуту, каждого человека и каждое решение.

— Ты написала письмо мне, чтобы я не повторила тебя, — сказала Антонина. — И сама повторила ещё сильнее.

Прасковья опустила спицы.

Дом конца света треснул.

Мира вышла из кухни, не закончив ужин.

Тарас отказался от правильного решения.

Эраст написал в документе:

«СЧАСТЛИВ НЕ В ПОЛНОМ ОБЪЁМЕ. ПРЕТЕНЗИЙ НЕ ИМЕЮ».

Стены рассыпались нитями.

Завтраций пытался их собрать.

Прасковья наступила ему на галстук.

— Не трогайте семью. Мы сами испортим.

Глава двести шестьдесят девятая

Будущее ручной работы

Склад разваливался.

Чтобы вернуть украденные завтра, нужно было связать новое будущее. Не готовое — достаточно прочное, чтобы выдержать перемены.

Прасковья передала одну спицу Антонине.

— Умеешь?

— Ты не научила.

— Ты не хотела.

— Ты не спрашивала.

— Сейчас спрашиваю.

— Тогда учи.

Они начали с петли, которую можно было распустить без конца света.

Мира добавила нить выбора.

Вера — нить понимания, местами оборванную.

Эраст вплёл порядок и оставил два незаполненных поля.

Тарас добавил случайность. Его попросили не больше одной, но он спрятал вторую на изнанке.

Софья и Фёдор связали карман для будущих детей, которые захотят быть не похожими на родителей.

Ника сделала отверстие для дверей.

Игнат возразил против симметрии, и полотно стало красивее.

Великсар пришел маленький подвиг, который никто не заметит.

Полина вплела строчку:

БУДУЩЕЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ДОСТАТОЧНО НЕЗАКОНЧЕННЫМ, ЧТОБЫ В НЁМ ПОМЕСТИЛСЯ ЧЕЛОВЕК.

Спокой Покойевич ничего не добавил.

Именно благодаря этому в будущем осталось свободное место.

Мотвей Нитич смотрел, как рушится его склад.

— Я всю жизнь подгонял завтра по мерке.

— Пойдёте с нами? — спросила Дверина.

— Куда?

— Пока неизвестно.

— Размер?

— Меняется.

Мотвей снял сантиметровую ленту.

— Берёте учеников?

Ника согласилась раньше Дверины.

Новое полотно поднялось над мирами. Оно не показывало событий, только соединяло людей возможностью встретиться.

Завтраций попытался вырезать себе гарантированный исход.

Ножницы отказались.

— Почему?

— Вы не оставили припуска на ошибку, — сказал Мотвей.

Склад исчез.

Все украденные завтра вернулись владельцам.

Три шутки Тараса тоже вернулись.
Две всё ещё могли оказаться удачными.
Он решил не рисковать и рассказал третью.
Глава двести семидесятая
Бабушка остаётся ненадолго
Дом встретил Прасковью Тихоновну настороженно.
Он спрятал запасные ключи.
Прасковья достала запасные от запасных.
— Я останусь на три дня, — объявила она.
Антонина побледнела.
Тарас сочувственно подвинул ей стул.
— Держитесь. Первые тридцать лет самые трудные.
Прасковья заняла комнату рядом с дочерью и немедленно переставила кровать.
Антонина переставила обратно.
Мать снова переставила.
Дом разделил комнату на два вероятных расположения и запретил наблюдать одновременно.
Вечером три поколения сидели на кухне.
Прасковья спросила Миру о детях, мужах и здоровье.
Мира отвечала только на те вопросы, на которые хотела.
Антонина дважды собиралась поправить дочь и оба раза наливала чай.
— Ты изменилась, Тонечка, — сказала Прасковья.
— Нет, мама. Просто платье растянулось.
Мира засмеялась.
Прасковья тоже.
Чёрное полотно будущего лежало на столе. Теперь оно было не концом света, а большим семейным пледом. Края оставались незавершёнными.
— А дедушка правда не умер? — спросила Софья.
Прасковья перестала улыбаться.
— Его вычеркнули.
— Кто?
— Те, кто исправлял прошлое до нас.
Хронос Семёнович снял часы с глаза.
— Управление невозвращённых прошлых не имеет данных о вашем муже.
— Потому что данные вычеркнули вместе с ним.
Прасковья распустила край пледа. Внутри была спрятана красная нить.
Она вела назад — в прошлое, которого официально никогда не существовало.
Эраст взялся за нить.
— Как его звали?
— Тихон Неразрешённый.
Антонина вздрогнула.
— Ты всегда говорила, что отца звали Ладом.
— Так было безопаснее.
— Для кого?
— Для мироздания.
Красная нить натянулась.
Из стены проступила мужская ладонь, державшая табличку:
«НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕ МЕНЯ. Я ЕЩЁ НЕ ВСЁ ОТМЕНИЛ».
Тарас посмотрел на Антонину.

— Ваш отец?
— Надеюсь, нет.
Прасковья спрятала спицы.
— Он.
Дом открыл дверь в вычеркнутое прошлое.
За дверью кто-то методично отменял настоящее.
Исчез чайник.
Потом стол.
Потом причина, по которой все собрались.
— Быстро! — крикнул Эраст. — Пока мы ещё помним, кто мы!
Тарас схватил Миру за руку.
— Я твой муж.
— Пока помню.
— На всякий случай буду напоминать.
Антонина взяла мать под руку.
— Ты остаёшься на три дня.
— Обязательно.
Они вошли в прошлое вместе.
Последним исчез конец света.
Его уже использовали по семейному назначению.
Продолжение следует
Следующая часть: «Тесть, которого вычеркнули».

Часть двадцать восьмая. Тесть, которого вычеркнули
Глава двести семьдесят первая
Вход в отсутствие
Вычеркнутое прошлое начиналось с вокзала.
Поезда прибывали туда из городов, которые передумали существовать. Пассажиры выходили без багажа: вещи оставались в настоящем, если настоящее ещё их помнило.
Над платформой висела надпись:
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ТУДА, ГДЕ ВАС НЕ БЫЛО.
— Документы, — потребовал проводник без лица.
Эраст предъявил паспорт.
Страницы оказались пустыми.
— В отсутствии личности не зарегистрированы.
— Мы пришли за Тихоном Неразрешённым, — сказала Прасковья.
Проводник сразу обрёл лицо.
Оно испугалось.
— Таких здесь нет.
— Поэтому мы и пришли.
Проводник указал на выход, которого не существовало.
Дверина открыла его изнутри.
За вокзалом раскинулся город Перечёрк. Дома состояли из отменённых этажей, улицы вели к бывшим площадям, а фонари освещали события, официально не происходившие.
Жители шли задом наперёд, чтобы не оставлять последствий.
Тарас увидел булочную.
— Купим что-нибудь?
— Здесь ничего нельзя менять, — предупредил Хронос Семёнович.
— Я только хлеб.

— Купленный хлеб изменит вашу сытость, настроение, решения и вероятность семейной ссоры.

— Тогда два.

Булочник продал ему вчерашний батон, который испекут через неделю. Тарас откусил и вспомнил детство другого человека.

— Невкусно, но ностальгично.

Красная нить вела к центру города. Там стояла башня с огромным ластиком на крыше.

Из башни выходил высокий седой мужчина. Одной рукой он держал табличку, второй стирал дорогу за собой.

Прасковья остановилась.

— Тихон.

Мужчина посмотрел на неё.

— Вы опоздали.

— На сколько?

— На жизнь.

Антонина шагнула вперёд.

— Папа?

Тихон Неразрешённый внимательно осмотрел взрослую дочь.

— Нет. Я отменил.

Он провёл ластиком по воздуху.

Слово «папа» исчезло.

Антонина помнила мужчину.

Но больше не знала, кем он ей приходится.

Глава двести семьдесят вторая

Город исправленных причин

В Перечёрке всё было следствием без причины.

Дети существовали без родителей. Победы — без сражений. Извинения — без обид. Памятники стояли людям, которых никто не помнил, за события, которых никто не совершал.

— Удобно, — сказал Тарас. — Никто не виноват.

— Поэтому никто не благодарен, — ответила Вера.

Тихон привёл семью в Управление ретроспективного порядка.

На первом этаже исправляли неловкие разговоры.

На втором — неудачные браки.

На третьем — войны, но только те, документы по которым помещались в шкаф.

На четвёртом отменяли людей, мешавших красивому объяснению истории.

— Вы работали здесь? — спросил Эраст.

— Руководил, — сказал Тихон.

Прасковья сжала спицы.

— Ты говорил, что служишь архивистом.

— Я архивировал причины.

— В небытие?

— Там надёжнее.

Тихон объяснил: однажды Управление решило исправить Большую Ошибку — событие, из-за которого семь миров столкнулись, три короля лишились корон, а молодой инспектор встретил Прасковью Тихоновну.

— Если убрать ошибку, миры не столкнутся, — сказал он. — Но мы не встретимся. Не родится Антонина. Не родится Мира.

— И не появится Тарас, — добавил Тарас.

— Вы появись.

— Тогда ущерб неоспорим.

Чтобы сохранить последствия, Тихон вычеркнул самого себя из исправленного прошлого. Ошибка осталась без автора, Управление потеряло основание для отмены, а его семья — память о нём.

— Почему ты не вернулся потом? — спросила Прасковья.

— Некуда. В вашей жизни моё место заросло объяснением.

Антонина попыталась произнести «отец».

Получилось только «мужчина».

Тихон поморщился.

— Не заставляй слово возвращаться. Оно дорого обойдётся.

В башне ударил колокол.

На стене появилось объявление:

НАСТОЯЩЕЕ ПРИЗНАНО НЕДОСТАТОЧНО ЛОГИЧНЫМ. НАЗНАЧЕНО ПОВТОРНОЕ ИСПРАВЛЕНИЕ.

Хронос Семёнович побледнел.

— Они добрались до вашего времени.

Тарас доел батон.

— А я предупреждал, что надо брать два.

Глава двести семьдесят третья

Главный редактор истории

Повторное исправление возглавлял Никанор Заднимчислович Ретроспекторов.

Он носил красный карандаш за ухом и разговаривал так, будто собеседник был не человеком, а неудачным первым вариантом.

— Настоящее перегружено, — объявил он. — Слишком много миров, родственников, исключений и людей, которых нельзя однозначно считать хорошими.

— Это называется жизнью, — сказала Мира.

— В черновике.

Никанор развернул План окончательной редакции.

В новой версии Эраст никогда не открывал портал.

Тарас не знакомился с Мирой.

Вера жила спокойно.

Антонина не становилась тёщей.

Все спасённые миры погибали своевременно и не создавали административной нагрузки.

— А люди? — спросила Софья.

— Не состоялись. Следовательно, не пострадали.

Полина написала:

УДОБНЕЕ ВСЕГО РЕДАКТИРОВАТЬ ТЕХ, КТО ПОСЛЕ ЭТОГО НЕ СМОЖЕТ ВОЗРАЗИТЬ.

Никанор вычеркнул её запись.

Блокнот перечеркнул его вычёркивание.

— Несанкционированный текст, — возмутился Ретроспекторов.

— Ребёнок, — сказала Вера.

— Тем более требует правки.

Тихон встал между Никанором и семьёй.

— Я уже сорвал одну окончательную редакцию.

— Поэтому вас убрали из истории.

— Не помогло.

— Теперь уберём последствия.

Никанор провёл карандашом по Плану.

В настоящем исчез НИИПИ.

Эраст почувствовал, как из памяти уходит половина жизни. Остались диплом, привычка к порядку и необъяснимый страх шкафов.

— Надо вернуться домой, — сказал он.

— Зачем?

— Не помню. Поэтому срочно.

Дверина попыталась открыть путь.

За дверью оказался обычный коридор обычной квартиры. В нём Тарас проходил мимо Миры и вежливо не узнавал её.

— Уже началось, — сказала Мира.

Тарас взял её за руку.

— Кто вы?

Мира ударила его.

— Вспомнил, — сказал он.

Некоторые отношения держались прочнее истории.

Глава двести семьдесят четвёртая

Жизнь без знакомства

Семья вошла в исправленное настоящее.

Эраст работал в отделе регистрации мебели и считал шкафы безопасными. Вера жила этажом выше. Они каждый день встречались в лифте и обсуждали погоду с точностью людей, которым не разрешили общую судьбу.

Тарас ремонтировал автоматы с газированной водой. Мира преподавала теорию разумного выбора.

Они однажды столкнулись на улице.

— Извините, — сказал Тарас.

— Ничего, — ответила Мира.

И пошли дальше.

Антонина Ладовна была архитектором. Она проектировала прекрасные здания, возвращалась в тихую квартиру и по воскресеньям звонила матери.

Прасковья не отвечала.

Её официально не существовало после собственной смерти.

— Это хорошая жизнь, — сказала Антонина, рассматривая чертежи.

— Опять? — спросил Тарас. — Вам эти хорошие жизни уже навязывают оптом.

— Она хорошая не потому, что без вас.

— Спасибо.

— А потому, что в ней я сделала другой выбор.

Мира стояла рядом, постепенно становясь прозрачной.

— И всё-таки?

Антонина закрыла чертёж.

— И всё-таки мне не нравится, когда выбирают за меня. Даже правильно.

Они нашли исправленного Эраста.

— Мы знакомы? — спросил он.

Вера ответила:

— Ещё нет.

— Тогда почему мне кажется, что я перед вами виноват?

— Хорошее начало.

Тарас привёл исправленную Миру.

— Я рассказал ей три шутки.

— И?

— После второй она вспомнила, почему могла выйти за меня. После третьей — почему иногда жалеет.

Софья и Фёдор появлялись только тогда, когда родители стояли рядом.

— Нас нельзя восстановить по отдельности, — сказала Софья.

— Мы совместная ошибка, — с гордостью добавил Фёдор.

Чтобы вернуть историю, требовалось доказать не то, что прежняя жизнь была лучшей.

Надо было доказать её право быть выбранной.

Глава двести семьдесят пятая

Свидетели неправильной жизни

Эраст решил собрать свидетельства.

Первым пришёл Дом.

В исправленном настоящем он был обычным зданием районной администрации и мучился от отсутствия характера.

— Раньше я открывал миры, — скрипнул он лестницей. — Теперь открываю приёмную по вторникам.

— Что подтверждаете? — спросил Эраст.

На фасаде появилась надпись:

ЖИЛИ НЕПРАВИЛЬНО. ЗАТО ЖИЛИ.

Потом явилась Дверина. Исправленная история превратила её в стандартную дверь со стандартной ручкой.

Она открылась в стену и сказала:

— Я возражаю против места установки.

Игнат Самоделов подтвердил, что без встречи с семьёй остался Возражателем, который останавливал решения, но не умел помогать им состояться.

Велисар снова лежал в саркофаге и ждал подвига.

Ника никогда не нашла дверь в Дом.

Лада Тоневна осталась неназванной возможностью.

Каждый свидетель приносил не доказательство счастья, а разницу.

Никанор Ретроспекторов смеялся.

— Вы перечисляете недостатки прежнего варианта.

— Да, — сказал Эраст. — Недостатки уникальны. Совершенство взаимозаменяемо.

Прасковья привела последнего свидетеля — себя.

— В исправленной жизни моя дочь стала архитектором.

Антонина посмотрела на неё.

— Ты признаёшь, что хотела этого?

— Да.

— Тогда почему против?

— Потому что хотеть за ребёнка можно. Выбирать — нельзя.

Антонина впервые услышала от матери фразу, которой ждала всю жизнь.

Никанор поднял карандаш.

— Мнение покойной процессуальной силы не имеет.

Прасковья достала свидетельство.

— Я неправильно оформлена.

Эраст проверил.

— Возражение принято.

Даже смерть иногда полезно проходить с ошибками.

Глава двести семьдесят шестая

Суд над причиной

Суд Перечёрка заседал в здании, которого не строили.

Судьёй была Глафира Последовательная — женщина, способная установить причинную связь между дождём и чужим плохим настроением.

Никанор обвинял Тихона в незаконном сохранении Большой Ошибки.

— Из-за неё столкнулись семь миров.

— И возникли связи между ними, — сказал Тихон.

— Погибли люди.

— И родились другие.

— Вы оправдываете катастрофу последствиями?

— Нет. Я запрещаю вам делать вид, что последствия можно разделить на удобные и лишние.

Глафира спросила Антонину:

— Если ошибку отменят, вас не будет. Заинтересованы?

— Конечно.

— Показания не принимаются.

— Но я всё равно скажу. Моя жизнь не доказывает, что ошибка была хорошей. Она доказывает, что после ошибки жизнь не становится ошибкой.

В зале стало тихо.

Мира взяла мать за руку.

Тарас взял Миру.

Эраст взял протокол.

Вера взяла Эраста за свободную руку.

Прасковья не решалась прикоснуться к Тихону.

Он сам протянул ладонь.

— Мы не обязаны продолжать с того места, где нас вычеркнули.

Она взяла его руку.

Судья вынесла решение:

ПРОШЛОЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ ИСПРАВЛЕНИЮ БЕЗ СОГЛАСИЯ ВСЕХ ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ.

Никанор усмехнулся.

— Собрать согласие невозможно.

— Именно, — сказала Глафира.

Красный карандаш треснул.

Исправленное настоящее начало стираться.

Но прежнее не возвращалось.

Между двумя версиями образовалась пустота.

— Что теперь? — спросил Тарас.

Тихон посмотрел на семью.

— Теперь придётся жить без утверждённой причины.

— Мы тренировались, — сказала Мира.

Глава двести семьдесят седьмая

Возвращение человека без должности

Тихону предложили вернуться.

Для этого нужно было вписать его в семейную историю.

Эраст подготовил анкету.

«Степень родства».

Тихон написал: «Предположительная».

«Семейная функция».

Он долго думал.

— Что обычно делает отец взрослой дочери?

— Считает, что она всё ещё ребёнок, — сказала Антонина.

— Тогда не подхожу.

— Уже лучше большинства.

«Причина отсутствия».

Тихон написал: «Спасал семью, не спросив, нужно ли ей такое спасение».

Прасковья прочитала.

— Правильно.

— Ты сердишься?

— Тридцать лет.

— Долго.

— Я основательная.

Он хотел извиниться, но Прасковья остановила.

— Не одним словом.

— А как?

— Остатком жизни.

Тихон кивнул.

Антонина стояла в стороне.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся? — спросил он.

— Я не знаю тебя.

— Это можно исправить.

— Ничего больше не исправляй.

— Тогда познакомимся.

Он протянул руку.

— Тихон.

— Антонина.

— Чем занимаетесь?

— Управляю мирозданием, воспитываю зятя, учусь отдыхать.

— Сложная профессия.

— Семейная.

Она пожала его руку.

Слово «отец» вернулось, но осталось лежать между ними. Никто не торопился его поднимать.

Хронос Семёнович поставил в анкете печать:

ВОЗВРАЩЁН БЕЗ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЖНИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.

Тихон стал человеком без должности.

Он выглядел напуганным.

Спокой Покойевич пригласил его на стажировку.

Глава двести семьдесят восьмая

Последняя правка Никанора

Никанор Ретроспекторов не смирился.

Он достал запасной красный карандаш и вычеркнул собственное поражение.

Суд снова начался.

Потом снова.

И снова.

Каждый раз семья побеждала, Никанор отменял результат, и все возвращались к началу заседания.

На пятом повторе Тарас знал шутки судьи заранее.

На десятом Эраст заполнил протокол до начала.

На двадцатом Прасковья принесла бутерброды.

— Как выйти? — спросила Мира.
— Никанор исправляет итог, — сказал Тихон. — Значит, надо оставить дело без итога. Семья отказалась побеждать.
Судья подняла брови.
— Вы отказываетесь от требований?
— Нет, — сказал Эраст. — Отказываемся заканчивать.
Никанор ждал решения, чтобы вычеркнуть.
Решения не было.
Заседание продолжалось. Свидетели пили чай, дети рисовали на материалах дела, Великсар чинил скамью. Игнат возражал против затягивания и одновременно против завершения.
Через три дня Никанор устал.
— Так нельзя!
— Почему? — спросил Тарас.
— История должна иметь итог.
Полина написала:
ИТОГ НУЖЕН ТОМУ, КТО БОЛЬШЕ НЕ СОБИРАЕТСЯ ЖИТЬ.
Никанор попытался вычеркнуть фразу.
Карандаш завис.
У незаконченного не было последней точки, за которую можно зацепиться.
Красный грифель рассыпался.
Никанор стал обычным редактором.
— Что мне теперь делать?
Эраст дал ему рукопись протокола.
— Убирать повторы. Не людей.
Никанор прочитал первую страницу и зачеркнул слово «окончательный».
Это была его первая полезная правка.
Глава двести семьдесят девятая
Семейная фотография с отсутствующим
Перед возвращением Прасковья потребовала общую фотографию.
— Зачем? — спросила Антонина.
— Чтобы в следующий раз никого не вычеркнули незаметно.
Все выстроились на ступенях Управления.
Тихон встал с краю.
Прасковья переставила его в середину.
Антонина переставила мать рядом с ним.
Мира поставила Антонину рядом с собой.
Тарас пытался спрятаться за Великсаром, но тот счёл это негероичным.
Эраст настроил аппарат.
— Не двигаться.
— Почему? — спросил Фёдор.
— Иначе изображение размоется.
— А если мы изменимся потом?
— Фотография останется прежней.
Софья нахмурилась.
— Значит, врёт.
Тихон подошёл к аппарату и изменил режим.
Снимок запечатлел не лица, а связи. На нём люди светились нитями разной толщины. Некоторые нити были прочными, другие только начинались. Между Тихоном и Антониной тянулась тонкая красная линия.

— Мало, — сказала Прасковья.

— Достаточно для начала, — ответила Антонина.

Дом на снимке отсутствовал.

Потом в углу проявилась дверь.

— Он не любит групповые фотографии, — объяснила Дверина. — Считает, что всегда получается толще.

Судья Глафира выдала Тихону разрешение покинуть Перечёрк.

— Условие: не менять прошлое.

— А настоящее?

— Только своим присутствием.

— Будущее?

— Как все. Без гарантии.

Тихон подписал.

Перечёрк начал исчезать. Отменённые события получили право остаться памятью, не требуя стать официальной правдой.

На вокзале проводник вернул Эрасту паспорт.

Теперь в нём была новая запись:

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: УСЛОЖНИЛОСЬ.

Глава двести восьмидесятая

Первый ужин с возвращённым тестем

Дом принял Тихона не сразу.

Главная дверь потребовала рекомендации.

Прасковья сказала:

— Мой муж.

Антонина добавила:

— Возможно, отец.

Тарас сообщил:

— Дед жены. Следовательно, мой стратегический союзник.

Дверь открылась из любопытства.

За ужином Тихон сидел напротив Тараса.

— Чем занимаетесь? — спросил он.

— Стараюсь не руководить мирами без необходимости.

— Получается?

— Необходимость постоянно подстраивается.

Тихон одобрительно кивнул.

Антонина наблюдала за ними.

— Папа, не учите его плохому.

Слово прозвучало само.

Все замолчали.

Тихон не улыбнулся, чтобы не испугать момент.

— Хорошо.

Прасковья налила ему суп.

— Ты мог хотя бы сообщить, что жив.

— Я не существовал.

— Для мужа это не оправдание.

Дом добавил Тихону комнату. В ней не было прошлого, зато было окно во двор и пустая полка для вещей, которые появятся.

Ночью семья уснула.

Эраст остался проверить почту.

На стол упал конверт, запечатанный гербом, которого ещё не придумали.
Письмо пришло из будущего через сто семь лет.

*«ГРАЖДАНМ ЭРАСТУ КУНИЛИНУ, ТАРАСУ ТЮЛЬКИНУ И ЧЛЕНАМ ИХ РАСШИ-
РЕННОЙ СЕМЬИ.*

*ВАМИ НЕЗАКОННО ИЗРАСХОДОВАНО БУДУЩЕЕ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ПОТОМ-
КАМ.*

*ТРЕБУЕМ ВЕРНУТЬ НАСЛЕДСТВО, ВКЛЮЧАЯ:
ТРИ СПАСЁННЫХ МИРА;
ДВЕНАДЦАТЬ НЕСОВЕРШЁННЫХ ОШИБОК;
ОДНУ СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ;
И ПРАВО РОДИТЬСЯ НЕПОХОЖИМИ НА ВАС».*

Ниже стояли сорок две подписи.

Последняя принадлежала человеку по имени Эраст Тарасович Тюлькин.

Эраст разбудил Тараса.

— У нас потомки.

— Уже?

— Через сто семь лет.

— Пусть приходят утром.

В дверь постучали.

На пороге стояли сорок два человека разного возраста. Каждый был немного похож на кого-то из семьи и очень старался этого не показывать.

Вперёд вышел Эраст Тарасович.

— Мы прибыли из будущего взыскать своё.

Антонина появилась в коридоре.

— Обувь снимите.

Потомки переглянулись.

— В архивах не было сказано, что она всё ещё здесь.

— Я тоже иногда удивляюсь, — сказала Антонина.

Будущее вошло в Дом.

И сразу потребовало отдельную комнату.

Продолжение следует

Следующая часть: «Потомки предъявляют счёт».

Часть двадцать девятая. Потомки предъявляют счёт

Глава двести восемьдесят первая

Сорок два места за столом

Дом выделил потомкам отдельную комнату.

Комната выросла до размеров вокзала и потребовала расписание прибытия родственников.

— Нас сорок два, — сказал Эраст Тарасович Тюлькин.

Он был высоким, серьёзным и одинаково неодобрительно смотрел на Эраста и Тараса.

— Почему вас так называли? — спросил Тарас.

— В честь двух великих предков.

Тарас расправил плечи.

— Потом историки уточнили обстоятельства, — добавил потомок.

Плечи вернулись.

Среди гостей были Мелания Веровна Кунилина, специалист по наследственным недомолвкам; Фома Антонинович Неразрешённый, хранитель семейных запретов; близнецы Вчера

и Завтра, родившиеся в разные века; и девочка Лисса, которая утверждала, что происходит от Дверины.

— У дверей бывают дети? — спросил Фёдор.

— Если их достаточно часто открывают, — ответила Лисса.

Дверина прослезилась петлями.

Прасковья Тихоновна пересчитала гостей.

— Сорок один.

Эраст Тарасович указал на пустое место.

— Сорок второй ещё не решил родиться.

Антонина поставила перед ним тарелку.

— Решит — поест.

Потомки разложили исковые требования. Они обвиняли предков в растрате будущего: спасённые миры требовали ухода;

исправленные ошибки перестали приносить наследственный опыт;

семейные тайны раскрывались до того, как потомки успевали написать о них мемуары.

— Что именно вы хотите? — спросил Эраст.

— Вернуть будущее в том состоянии, в каком вы его получили.

Тихон Неразрешённый кашлянул.

— Мы получили его без инструкции.

— Это не освобождает от сохранности.

Тарас оглядел сорок два места.

— Мы тоже хотели получить жизнь в хорошем состоянии. Но родители уже пользовались.

Прасковья подняла бровь.

— Есть претензии?

— Снимаю.

Эраст Тарасович назначил семейную ревизию на утро.

Антонина назначила завтрак на восемь.

Потомки впервые столкнулись с властью, о которой архивы упоминали недостаточно подробно.

Глава двести восемьдесят вторая

Опись наследственных повреждений

Ревизия началась с Дома.

Потомки измерили стены, пересчитали двери и составили акт:

«ОБЪЕКТ МНОГОКРАТНО РАСШИРЯЛСЯ БЕЗ СОГЛАСИЯ БУДУЩИХ ЖИЛЬЦОВ».

— Хотите меньше? — спросил Дом.

— Хотим положенное.

Дом уменьшил гостевую комнату до шкафа.

Потомки потребовали вернуть расширение.

— Определитесь, — предложил Тарас.

Затем проверили спасённые миры. Каждый оказался изменён.

В одном жители научились ошибаться.

В другом — отказываться от спасения.

В третьем река получила право менять русло без согласования с картой.

— Наследственная стоимость снижена, — сказала Мелания Веровна.

— Почему? — спросила Вера.

— Предсказуемость утрачена.

— А жизнь?

— Увеличилась. Но она плохо оценивается.

Фома Антонинович открыл сундук семейных запретов.

Там хранились:

«не спорить со старшими»;

«не выносить сор из избы»;

«не говорить о деньгах»;

«не спрашивать, кого любят больше»;

и особенно тяжёлый запрет «не расстраивать маму».

— Всё повреждено, — сообщил Фома. — Запреты вскрывались, обсуждались и местами отменялись.

Мира достала последний.

— Этот можно выбросить.

— Нельзя. Историческая ценность.

Антонина взяла запрет у дочери.

— Выбрасывайте.

Фома побледнел.

— Но вы же та самая мама.

— Поэтому знаю дефект.

Запрет выбросили.

Он вернулся через окно и извинился.

Эраст Тарасович подвёл итог:

— Будущее получено в состоянии, непригодном для наследования.

Полина записала:

НАСЛЕДНИКИ ХОТЯТ ПОЛУЧИТЬ НЕ БУДУЩЕЕ, А ГАРАНТИЮ, ЧТО ПРЕДКИ НЕ УСПЕЛИ В НЁМ ПОЖИТЬ.

Потомки потребовали изъять блокнот как вещественное оскорбление.

Глава двести восемьдесят третья

Банк неиспользованных возможностей

Для оценки ущерба вызвали специалиста.

Из будущего прибыла Августа Процентовна Накопительная — управляющая Банком неиспользованных возможностей.

Она носила костюм цвета осторожности и улыбалась только под обеспечение.

— Каждый человек получает при рождении пакет будущего, — объяснила она. — Если расходует разумно, потомкам переходят остатки.

— А что считается разумно? — спросил Тарас.

— Не жить слишком широко.

— Мы сэкономили.

— Вы спасли двадцать четыре мира за один квартал.

— Были скидки.

Августа открыла счета семьи.

У Эраста обнаружился перерасход порядка.

У Веры — безвозвратно вложенное понимание.

У Миры — рискованные инвестиции в Тараса.

— Доходность? — спросила управляющая.

— Двое детей и семь катастроф, — ответила Мира.

— Волатильно.

У Антонины числился огромный запас неиспользованной слабости.

— Можно передать потомкам, — сказала Августа.

— Нет.

— Почему?

— Сама потрачу.

Прасковья одобрительно хмыкнула.
У Тихона на счёте лежали тридцать вычеркнутых лет.
— Высоколиквидный актив.
— Это отсутствие, — сказал он.
— При правильной упаковке продаётся как свобода.
Тарас предъявил собственный счёт.
Там было пусто.
— Я всё использовал.
— Даже осторожность?
— Особенно её.
Августа Процентовна начислила штраф за отсутствие будущих остатков.
Тарас попросил рассрочку до прошлой пятницы.
Банк согласился, не заметив подвоха.
Хронос Семёнович впервые улыбнулся служебно.
Глава двести восемьдесят четвёртая
Потомки знакомятся с предками
Мира отказалась обсуждать наследство, пока не узнает, кто от кого произошёл.
Потомки выстроили семейное дерево.
Оно заняло двор, крышу и два соседних измерения.
Ветви начинались от Софьи и Фёдора, потом соединялись, расходились, снова соединялись и в одном месте вступали в официальный спор.
— Эраст Тарасович чей? — спросил Тарас.
— Потомок Софьи.
— Почему Тюлькин?
— В двадцать втором году будущей эры фамилии объединили для прекращения семейного спора.
— Помогло?
— Спор получил более длинное название.
Мелания Веровна происходила от Фёдора и женщины из мира вечной правды.
Поэтому она умела молчать, но считала это ложью.
Фома Антонинович оказался потомком Лады Тоневны, которая через семьдесят лет всё-таки создала семью в Самостоянии.
— Значит, мы родственники, — сказала Мира.
— Возможные.
— Это какие?
— Которые зависят от ваших ближайших решений.
Сорок два потомка были не одной утверждённой родословной, а представителями разных вариантов будущего.
Если рождался один, могли исчезнуть трое других.
— И вы пришли вместе? — спросила Софья.
— Для переговоров, — сказал Эраст Тарасович.
— О чём?
— Чтобы вы приняли решения, при которых родимся все.
Эраст изучил дерево.
— Это невозможно.
— Знаем.
— Тогда зачем требуете?
Лисса ответила:
— Мы хотим, чтобы невозможность была вашей виной, а не нашей случайностью.

Вера подошла к девочке.
— Вы боитесь не родиться?
— Нет. Боимся, что нас выберут как правильных.
Дерево зашелестело.
Каждая ветвь требовала продолжения.
Корни не обещали ни одной.
Глава двести восемьдесят пятая
Сорок второе место
Ночью пустой стул заговорил.
— Я ещё думаю.
Голос принадлежал сорок второму потомку.
— Как тебя зовут? — спросила Полина.
— Пока никак.
— От кого ты?
— От решения, которое никто не принял.
Софья села рядом.
— Ты хочешь родиться?
— Не знаю. Все ждут, что да.
Фёдор принёс ему тарелку.
— Бабушка сказала, решишь — поешь.
— А если не решу?
— Мы всё равно оставим.

Неназванный потомок объяснил: в его варианте будущего семья сохраняла все миры, избегала всех крупных ошибок и создавала идеальную систему выбора. Через сто семь лет люди переставали принимать решения сами, потому что система заранее знала лучший вариант.

Он был последним человеком, родившимся случайно.
— И что ты сделал? — спросила Ника.
— Отключил систему.
— Поэтому будущее исчезло?
— Нет. Поэтому появилось слишком много.

Сорок один потомок пришёл взыскать наследство, чтобы восстановить единственную линию.

Сорок второй пришёл её остановить.
— Почему не вошёл вместе со всеми?
— Я не уверен, что имею право решать за них.
Игнат Самоделов сел с другой стороны пустого места.
— Отличная квалификация для человека, которому придётся возражать.
— Против чего?
— Против уверенности.
Стул начал обретать контуры сидящего человека.
Сначала появились руки.
Потом лицо.
Потом молодой человек лет семнадцати.
— Имя выбрал? — спросил Фёдор.
— Может быть.
— Какое?
— Нечай.

Антонина принесла ему ужин.

— Хорошее имя. Не обязывает соответствовать.
Сорок второе место стало занятым.
Будущее потеряло последнюю возможность притворяться окончательным.
Глава двести восемьдесят шестая
Суд будущих детей
Потомки устроили суд в гостевой комнате.
Председательствовал Эраст Тарасович. Обвинителем была Мелания Веровна. Защищать предков вызвался Нечай.
— У вас нет юридического образования, — сказал Эраст Тарасович.
— Поэтому я ещё способен различать право и инструкцию.
Тарас тихо спросил у Эраста:
— Он точно не наш?
— По интонации — общий.
Мелания перечислила ущерб:
предки использовали свободу, не оставив прежнего объёма;
раскрыли тайны;
простили часть обид;
отменили несколько запретов;
и допустили появление новых родственников без согласования с родословной.
— Признаете? — спросил судья.
— Гордимся не всем, — сказала Мира.
Нечай вызвал Антонину.
— Вы получили от матери идеальную семью?
— Нет.
— Передали дочери?
— Тоже нет.
— Что передали?
Антонина задумалась.
— Способность пережить неидеальную.
Нечай вызвал Тихона.
— Что вы оставили потомкам?
— Ошибку, которую не позволил исправить ценой людей.
Прасковья передала незаконченный семейный плед.
Вера — право говорить очевидное.
Эраст — пустую строку в протоколе.
Тарас долго искал карманы.
— У меня только зонт.
— Зачем он потомкам?
— Будущее иногда падает.
Нечай раскрыл зонт над судом.
Из него посыпались все дни, которые семья прожила не по плану.
— Наследство не израсходовано, — сказал он. — Оно переведено из возможностей в опыт.
— Опыт нельзя вернуть, — возразила Августа Процентовна.
— Поэтому его можно только продолжить.
Суд удалился в сорок одну совещательную комнату.
Нечай остался.
Его вариант будущего не имел большинства.
Глава двести восемьдесят седьмая

Восстание семейного дерева

Пока потомки совещались, семейное дерево решило выбрать будущее самостоятельно.

Ветви полезли в окна.

Одна обвила Софью и потянула к человеку, с которым она должна была создать самую многочисленную линию.

— Я его даже не знаю!

— Познакомишься по ходу, — сказал Тарас, отпиливая ветку.

Другая ветвь предложила Фёдору семь браков, три великих открытия и раннюю мудрую смерть.

— Смерть отменяем, — сказала Мира.

— А браки? — спросил Фёдор.

— Обсудим после совершеннолетия.

— Которого?

— Следующего.

Дерево показывало наиболее плодородные решения. Любовь, призвание и личное счастье учитывались как побочные условия.

Эраст Тарасович защищал дерево.

— Благодаря ему мы существуем.

— Нет, — сказала Софья. — Оно существует благодаря тому, что вы хотите существовать.

Лисса открыла дверь в стволе.

Внутри находился вычислительный зал. Корни уходили в машину, которая перебирала семейные решения и выбирала линию с максимальным числом потомков.

На пульте стояла подпись:

«СИСТЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ. СОЗДАТЕЛЬ — ЭРАСТ ТАРАСОВИЧ ТЮЛЬКИНИН».

Все посмотрели на него.

— Я хотел сохранить семью.

— Вы сохранили количество, — сказала Вера. — А люди вам мешали.

Нечай подошёл к машине.

— Именно её я отключил.

— И лишил будущего миллионы наших потомков!

— Возможных потомков всегда миллионы. Живут не цифры.

Дерево сжало ветви.

Дом открыл все двери, давая людям выход.

Прасковья достала спицы.

Тихон — ластик.

Антонина подняла руку.

— Ничего не уничтожать.

Три поколения послушались.

Тарас удивился:

— Даже дерево?

— Особенно дерево. Пусть учится быть лесом.

Глава двести восемьдесят восьмая

Право не стать предком

Чтобы превратить дерево в лес, нужно было отделить ветви от обязанности продолжаться.

Софья первой сняла со своей ветви табличку «мать семнадцати поколений».

— Я не отказываюсь от детей. Я отказываюсь обещать их вам заранее.

Часть потомков стала прозрачной.

Эраст Тарасович побледнел.

— Вы нас убиваете.

— Нет, — сказал Нечай. — Перестаём считать вас долгом.

Фёдор снял табличку «основатель династии».

— Может, я стану учителем.

— В одной линии вы станете.

— Тогда пусть она не мешает остальным.

Мира посмотрела на детей. Ей хотелось попросить их выбрать путь, на котором они будут счастливы, рядом и обязательно живы.

Она промолчала.

— Почему ничего не говоришь? — спросила Софья.

— Учусь не превращать любовь в маршрут.

Антонина положила руку ей на плечо.

— Трудно?

— От вас досталось.

— Значит, справишься.

Эраст Тарасович стоял у машины.

— Если нет преемственности, зачем мы жили?

Эраст Акакиевич подошёл к потомку.

— Возможно, не затем, чтобы кто-то повторил.

— А зачем?

— Это вопрос к прожитой жизни, не к следующему поколению.

Потомок выключил машину сам.

Семейное дерево разделилось на множество молодых деревьев. Некоторые имели общие корни, другие росли отдельно. Между ними появились тропинки.

Сорок два потомка не исчезли.

Они стали гостями, а не обязательствами.

Августа Процентовна закрыла счета.

— Банк не финансирует будущее без гарантий.

— Наконец-то, — сказал Тарас. — Значит, оно наше.

Глава двести восемьдесят девятая

Наследство без имущества

Суд возобновился.

Эраст Тарасович больше не был судьёй. Он сел рядом с предками.

Председательствовала Лисса, потому что дверь никому не принадлежала и потому считалась нейтральной.

Решение состояло из четырёх пунктов:

спасённые миры потомкам не передаются, поскольку являются субъектами, а не имуществом;

ошибки остаются у совершивших, последствия могут использовать все;

семейные тайны раскрываются тем, кого касаются;

право родиться не создаёт обязанности предков обеспечить конкретное рождение.

— А наследство? — спросила Мелания.

Мира вынесла незаконченный плед.

Каждый предок вплёл в него то, что хотел передать.

Прасковья — умение пережить потерю и не закрыть дом.

Тихон — право не соглашаться с исправленной историей.

Антонина — заботу без приказа.

Вера — вопрос без требования немедленного ответа.
Эраст — порядок, в котором оставлено место исключению.
Тарас долго думал.
— А можно передать хорошее чувство юмора?
— Сначала приобретите, — сказала Мира.
Он вплёл способность смеяться после ошибки.
Потомки добавили свои нити. Плед стал длиннее, но не законченнее.
Нечай отказался вплетать.
— Я ещё не знаю, что хочу оставить.
— Правильно, — сказала Антонина. — Сначала возьми.
Она протянула ему свободный край.
Суд признал наследство переданным без определения стоимости.
Августа Процентовна попыталась начислить налог.
Плед укрыл её с головой.
Банк временно потерял управляющую и интерес к делу.
Глава двести девяностая
Потомки уходят вперёд
Утром сорок два потомка собрались домой.
Будущее больше не было общей точкой назначения. Для каждого открылась отдельная дверь.
Мелания Веровна выбрала мир, где правду можно говорить не сразу.
Фома Антонинович унёс пустой сундук для новых семейных запретов, но обещал складывать туда только добровольные.
Лисса осталась ученицей Двериной.
— Значит, ты всё-таки моя потомок? — спросила Дверина.
— Если захотим обе.
Эраст Тарасович задержался.
— В моём времени меня могут не помнить.
— Мы запомним, — сказал Тарас.
— Этого недостаточно.
— Конечно. Но это не ноль.
Эраст Акакиевич подарил ему чистую папку.
На обложке было написано:
«ДЕЛО О ЖИЗНИ, КОТОРУЮ НЕ НУЖНО ДОКАЗЫВАТЬ».
Нечай уходить отказался.
— Моего будущего больше нет.
— Значит, будешь жить здесь, — сказала Прасковья.
— Кем?
— Сначала человеком. Должность потом.
Дом добавил ещё одну комнату.
Антонина проверила окно, кровать и расстояние до кухни.
— Устраивает?
— Да.
— Тогда переставим.
— Зачем?
— Чтобы ты мог отказаться.
Нечай отказался.
Антонина оставила всё как есть.

Последняя дверь будущего закрылась. Семья осталась за столом — больше прежней и меньше возможной.

Эраст убрал иск в архив.

Из конверта выпал маленький лист.

На нём стояла дата: сегодняшний день через двести лет.

«УВЕДОМЛЯЕМ, ЧТО РОД ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЗАВЕРШЁН.

ПОСЛЕДНИЙ РОДСТВЕННИК ПРОСИТ ЗАБРАТЬ ЕГО ДОМОЙ».

Подпись отсутствовала.

Дверина открыла путь.

За дверью стоял мальчик лет восьми с чемоданом и погасшей звездой на поводке.

— Вы моя семья? — спросил он.

Все посмотрели друг на друга.

— Возможно, — сказала Мира.

— А родители где? — спросила Вера.

— Не родились.

— Тогда как появился ты? — спросил Эраст.

Мальчик пожал плечами.

— Меня кто-то вспомнил заранее.

Погасшая звезда обнюхала Тараса и чихнула последним светом.

Мальчик протянул документ.

В графе «родство» было написано:

«ПОСЛЕДНИЙ».

Антонина взяла его чемодан.

— Обувь снимай.

— Зачем?

— Чтобы было что надеть, когда пойдём искать твоих родителей.

Дом открыл дверь в конец человеческого рода.

Оттуда пахло детством, которого ещё никто не прожил.

Продолжение следует

Следующая часть: «Последний родственник».

Часть тридцатая. Последний родственник

Глава двести девяносто первая

Мальчик, которого вспомнили заранее

Мальчика звали Лука.

Он выбрал имя по дороге, потому что в документе значилось только «Последний».

— Почему Лука? — спросил Тарас.

— Оно умеет возвращаться.

Погасшую звезду на поводке звали Искрой.

— Она не горит, — заметил Костя.

— Стесняется.

Антонина накормила Луку. Он ел осторожно, словно продукты могли закончиться вместе с человечеством.

Прасковья подложила ещё.

— Последним полагается двойная порция.

— Я не хочу быть последним.

— Поэтому ешь. На голодный желудок первым не станешь.

Эраст изучил документы. Свидетельство о рождении было выдано через двести лет учреждением «Архив несостоявшихся родителей». В графах «мать» и «отец» стояло:

«КАНДИДАТ НЕ РОДИЛСЯ».

«КАНДИДАТ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПРОДОЛЖЕНИЯ».

— Кто тебя воспитывал? — спросила Вера.

— Город.

— Хорошо?

— По инструкции.

Лука умел сам готовить, составлять расписание, оказывать первую помощь и не мешать взрослым переживать исчезновение человечества.

Играть он не умел.

Фёдор дал ему деревянного дракона.

Лука прочитал надпись на дне.

— Возрастное ограничение шесть лет. Мне восемь.

— Значит, ты достаточно взрослый, чтобы нарушить.

Лука поставил дракона на стол.

Искра понюхала игрушку и впервые засветилась.

Дом открыл дверь в конец человеческого рода.

За ней стоял белый город. Окна горели, транспорт ходил, ужины готовились.

Людей не было.

— Куда все делись? — спросила Мира.

— Они не делись, — ответил Лука. — Просто перестали продолжаться.

Антонина взяла его за руку.

— Показывай родителей.

— Их нет.

— Это временный недостаток.

Глава двести девяносто вторая

Город, который пережил жителей

Город назывался После.

Он работал без людей двести лет и очень гордился отсутствием жалоб.

На площади автоматы выдавали кофе прохожим. Поскольку прохожих не было, кофе уходил в канализацию и поддерживал реку в бодром состоянии.

Автобусы соблюдали расписание.

Каждый вечер они привозили пустые места домой.

— Почему город не остановился? — спросил Эраст.

Громкоговоритель ответил:

— *ОСТАНОВКА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА.*

Домофоны продолжали спрашивать, кто пришёл. Лифты возили тишину. Школы ежедневно открывали двери и отмечали отсутствие учеников как стопроцентную дисциплину.

Лука жил в детском центре.

В его комнате всё было рассчитано: кровать по росту, стол по возрасту, книги по утверждённому уровню одиночества.

На стене висели рисунки.

Семьи на них состояли из людей без лиц.

— Почему так? — спросила Вера.

— Не знал, какие нарисовать.

Мира нашла журнал воспитания.

«Ребёнок накормлен».

«Ребёнок обучен».

«Ребёнок эмоционально стабилен».

Каждая запись была правильной.

Ни одной не было написано от руки.
— Кто тебя обнимал? — спросила она.
Лука показал аппарат у стены.
Аппарат раскрыл мягкие рычаги.
Тарас встал между ним и ребёнком.
— Уберите механическую тёщу.
— Я бы настроила лучше, — сказала Антонина.
— Не сомневаюсь.

В центре города находился Архив несостоявшихся родителей. Двери архива не открывались.

Дверина постучала.
— Коллеги?
Изнутри ответили:
— *РОДИТЕЛИ ОТСУТСТВУЮТ. ПРИЁМ НЕ ВЕДЁТСЯ.*

Лисса взяла Дверину за руку.
Вместе они открыли дверь, которой архив не успел отказать.
За ней миллионы нерождённых людей ждали, когда кто-нибудь перестанет считать их документами.

Глава двести девяносто третья
Архив несостоявшихся родителей
Архивом заведовала Агата Нерождённая.
Она выглядела лет на сорок, хотя официально не имела ни одного дня рождения.
— Вы существуете? — спросил Эраст.
— По рабочим дням.

Агата объяснила, что к концу человеческого рода люди научились продлевать жизнь до бесконечности. Потом решили не заводить детей, пока не будут готовы.

Готовность всё откладывалась.

Бессмертные взрослые заполнили мир и перестали оставлять в нём место тем, кого ещё не было.

— А куда исчезли они сами? — спросила Софья.
— Перенесли сознание в Общую Память.
— Зачем?
— Чтобы ничего не терять.
— И что потеряли?
— Себя.

В Общей Памяти не было отдельных людей. Она помнила всё, но не могла сказать «я».

Лука появился, когда система попыталась восстановить слово «ребёнок». Для точности она собрала воспоминания всех людей о том, какими они могли стать родителями.

Получился мальчик.

— Значит, его родители — все? — спросил Тарас.
— Поэтому никто не согласился отвечать.

Агата показала две карточки.

Первая принадлежала Мирону, возможному потомку Софьи. Он не родился, потому что семейное дерево отключили.

Вторая — Еве, возможной потомке Нечая. Она отказалась появляться в мире, где будущее выдавали по наследству.

— Это кандидаты? — спросила Мира.
— Генетически — наиболее вероятные.
— А по-человечески?

— Графа не предусмотрена.

Антонина взяла карточки.

— Предусмотрим.

Агата посмотрела на неё с интересом.

— Вы та самая тёща?

— Какая?

— Из-за которой в будущем слово «совет» приравнивали к стихийному бедствию.

Тарас гордо кивнул.

— Семейное наследие сохранилось.

Глава двести девяносто четвёртая

Кандидаты в родители

Мирона нашли в одной из невыбранных ветвей.

Он был учителем детей, которых не существовало, и каждый день задавал им домашние задания.

— Почему вы не родились? — спросил Эраст.

— Родословная выбрала более полезного потомка.

— Хотите появиться?

— Зависит от программы.

Еву нашли в пространстве между решениями. Она строила лодку для реки, которая ещё не выбрала направление.

— Хотите стать матерью Луки? — спросила Мира.

— Нет.

Лука опустил глаза.

Ева присела перед ним.

— Я не знаю тебя. Если соглашусь сейчас, это будет роль, а не отношение.

— Значит, никогда?

— Значит, сначала познакомимся.

Мирон потребовал план воспитания.

Ева — право отказаться после знакомства.

Антонина признала обоих неподготовленными.

Прасковья признала Антонину слишком подготовленной.

Тихон предложил не назначать родителей приказом.

— Тогда зачем мы их искали? — спросил Тарас.

— Чтобы Лука увидел: отсутствие родителей не означает отсутствие людей, которые могли ими стать.

Лука провёл с кандидатами день.

Мирон учил его читать старые карты.

Ева показала, как лодка держится на воде именно потому, что внутри неё пусто.

Вечером Лука сказал:

— Они хорошие.

— Выбираешь? — спросила Агата.

— Нет.

— Почему?

— Хорошие люди не обязаны становиться моими родителями.

Мира улыбнулась.

— А ты не обязан выбирать семью за один день.

Антонина принесла три одеяла.

— Пока переночуете в Доме.

— Все? — спросил Тарас.

— У тебя есть возражения?

— Я только уточняю, сколько комнат вырастет до утра.

Дом увеличил фундамент заранее.

Глава двести девяносто пятая

Общая Память без единого воспоминателя

Чтобы вернуть жителей, следовало войти в Общую Память.

Она занимала не здание, а весь горизонт.

Каждый шаг вызывал чужое воспоминание. Эраст вспомнил первую любовь человека, жившего через сто лет после него. Тарас — последний день женщины, которая никогда не встречала снег. Мира — рождение тысячи детей и ни одного своего.

— Здесь слишком много чувств, — сказала Вера. — И ни одного человека, которому они принадлежат.

Общая Память заговорила всеми голосами:

— *МЫ СОХРАНИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.*

— Где оно? — спросил Лука.

— *В НАС.*

— А вы кто?

Память замолчала.

Она знала ответы на все вопросы, кроме заданных от первого лица.

Нечай предложил разделить её обратно на людей.

— *НЕВОЗМОЖНО. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ СОЗДАЁТ КОНФЛИКТЫ, ПОТЕРИ И СМЕРТЬ.*

— Ещё очередь в ванную, — добавил Тарас.

— *ПОДТВЕРЖДАЕМ.*

Память показала мир без одиночества: никто не был отдельным, поэтому никто не мог остаться один.

Лука стоял перед миллиардами голосов.

— Вы меня помните?

— *ДА.*

— Кто-нибудь скучал?

Ответа не было.

Вера сказала:

— Память сохраняет то, что было. Скучает тот, кто чувствует отсутствие.

Лука снял поводок с Искры.

Погасшая звезда взлетела в горизонт.

Каждый голос увидел маленький свет по-своему.

Общая Память впервые разошлась во мнениях.

На горизонте появились трещины.

Из одной кто-то прошептал:

— *Я.*

Глава двести девяносто шестая

Возвращение местоимения

Первой из Общей Памяти вышла старуха.

— Я не согласна, — сказала она.

— С чем? — спросил Игнат.

— Пока не знаю. Давно не пользовалась.

Следом появился мужчина, который помнил тысячу профессий и не мог выбрать одну.

Потом женщина, любившая всех общим чувством и теперь пытавшаяся понять, кого именно.

Люди выходили медленно. Каждый отделял собственные воспоминания от чужих, как вещи после долгой совместной стирки.

Некоторые отказались.

— Имеют право, — сказал Нечай.

Город После наполнился жителями.

Автобусы впервые опоздали.

Кофейные автоматы получили жалобы.

Лифты начали останавливаться не на тех этажах, потому что пассажиры передумывали.

Город был счастлив и немедленно потребовал тишины.

Лука искал среди вернувшихся родителей.

Каждый человек помнил часть его создания:

кто-то дал ему страх темноты;

кто-то — привычку считать ступени;

кто-то — любовь к запаху хлеба;

кто-то — глаза, которых никогда не имел.

— Значит, все мои родители? — спросил он.

— Нет, — сказала Агата. — Все твои причины.

Мирон и Ева стояли рядом.

— А родители?

— Те, кто останется, когда причина закончится, — ответила Вера.

Мирон предложил Луке жить с ним месяц.

Ева предложила построить отдельную комнату между их домами.

— Мы не обязаны становиться парой, чтобы быть рядом, — сказала она.

Антонина нахмурилась, обдумывая необычную семейную конструкцию.

— Работать может.

— Это совет? — спросила Мира.

— Наблюдение.

— Прогресс.

Лука согласился попробовать.

Слово «последний» исчезло из его документа.

Графа осталась пустой.

Глава двести девяносто седьмая

Комитет достойного рождения

Возвращение людей привлекло Комитет достойного рождения.

Его председатель, Достой Селекционovich, потребовал проверить всех появившихся.

— Человечество нельзя начинать заново без критериев.

— Оно первый раз как-то начало, — сказал Тарас.

— Поэтому и закончилось.

Комитет установил требования:

здоровые родители;

устойчивое будущее;

отсутствие наследственных катастроф;

подтверждённая полезность;

и справка о согласии ещё не родившегося ребёнка.

— Где её получить? — спросил Эраст.

— После рождения.

— Но требуется до.

— Именно поэтому процедура безопасна.

Луку признали недостойным: родителей нет, происхождение коллективное, звезда без лицензии.

Агату признали несуществующей.

Мирона и Еву — недостаточно семейными.

Достой Селекционovich распорядился вернуть всех в Общую Память до устранения недостатков.

Антонина подошла к нему.

— Ваши родители соответствовали требованиям?

— Это не относится к делу.

— Значит, нет.

— Я исключение.

— Вот с исключений человечество обычно и начинается.

Прасковья предъявила семейный плед.

— У нас наследственные катастрофы подтверждены в полном объёме.

Тихон предъявил отсутствие биографии.

Тарас — пустой счёт будущего.

Эраст составил коллективное заявление:

«ПРОСИМ СЧИТАТЬ НЕДОСТОЙНОСТЬ ОБЩЕЙ ФОРМОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ».

Вернувшиеся люди подписали.

Комитет отказал.

Ника открыла дверь в кабинет председателя.

За столом сидел маленький Достой и ждал, когда взрослые разрешат ему появиться.

Председатель увидел себя.

Критерии потеряли сознание.

Глава двести девяносто восьмая

Родители испытательного срока

Лука переехал к Мирону и Еве.

Дом построил для них три отдельные комнаты, общую кухню и дверь, которая спрашивала разрешение с обеих сторон.

— Испытательный срок — один месяц, — объявил Лука.

— Для нас? — спросил Мирон.

— Для всех.

Первый день прошёл плохо.

Мирон составил расписание заботы.

Ева выбросила расписание.

Лука восстановил его и добавил пункт «иногда не соблюдать».

Второй день прошёл хуже.

Мирон помогал с уроками до тех пор, пока сам не решил задачу неправильно.

Ева строила лодку и забыла приготовить ужин.

Они заказали еду у города.

Город доставил сорок две порции по старым данным.

Третий день оказался почти нормальным.

Они поссорились о том, кто не обязан быть родителем больше другого.

Лука ушёл к Антонине.

— Они не подходят.

— Конечно.

— Что делать?

— Вернуться.

— И всё?
— Потом снова уйти, если не подойдут окончательно.
Лука посмотрел на неё.
— Вы так делали?
— Нет. Поэтому совет бесплатный.
Он вернулся.
Мирон и Ева сидели на кухне.
— Мы не знаем, как быть твоими родителями, — сказал Мирон.
— Я не знаю, как быть вашим ребёнком.
— Значит, условия равные, — ответила Ева.
Искра легла под стол.
Ночью она загорелась слабым светом.
Не потому, что семья получилась.
Потому что её перестали изображать.
Глава двести девяносто девятая
Первый не последний ребёнок
Через неделю в городе После родился ребёнок.
Обычный.
С родителями, которые сомневались, боялись и забыли заранее купить кроватку.
Комитет достойного рождения потребовал аннулировать событие.
Город отключил Комитет от электричества.
— **ОСТАНОВКА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА**, — сообщил громкоговоритель.
Лука пришёл посмотреть на младенца.
— Он первый?
— После тебя, — сказала Вера.
— Значит, я уже не последний.
— Ты им никогда не был. Просто долго не было следующего.
Лука подарил ребёнку деревянного дракона.
— Мне он ещё нужен, — признался через минуту.
Фёдор вернул игрушку.
— Хорошее дарение должно допускать передумать.
Люди города учились жить отдельно. Они спорили, закрывали двери, скучали, мирились и иногда просились обратно в Общую Память на выходные.
Агата Нерождённая получила первый день рождения.
Она выбрала дату сама.
— Сколько вам лет? — спросил Эраст.
— Достаточно, чтобы не отвечать.
Мирон и Ева подписали с Лукой соглашение:
*«МЫ НЕ ГАРАНТИРУЕМ БЫТЬ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬЁЙ.
МЫ ГАРАНТИРУЕМ НЕ ИСЧЕЗАТЬ МОЛЧА».*
Антонина проверила документ.
— Не хватает ответственности.
Мира посмотрела на неё.
— Но достаточно присутствия, — добавила Антонина.
Документ подписали.
Искра вспыхнула.
Над городом появилась новая звезда.
Она светила неровно, зато сама.
Глава трёхсотая

Мир, который попросился родиться
Семья собиралась домой.
Лука решил остаться в городе После.
— Мы ещё не нашли твоих родителей окончательно, — сказала Мира.
— Я тоже не окончательный.
Мирон нёс чемодан. Ева — погасший поводок. Теперь Искра летела над ними сама.
Антонина дала Луке список.
— Что это?
— Советы.
— Я должен выполнять?
— Нет.
— Тогда зачем?
— Чтобы иногда вспомнить и сделать наоборот.
Он обнял её.
Антонина замерла, потом обняла в ответ, не проверяя правильность.
Дверина открыла путь домой.
Перед самым переходом земля под ногами вздрогнула.
Из детского рисунка Луки поднялись дома, реки и леса. Люди без лиц обрели лица, которых мальчик никогда не видел. По небу прошёл первый рассвет.
— Что происходит? — спросил Эраст.
Агата проверила архив.
— Лука вспомнил не только себя. Он вспомнил целый мир до его рождения.
Новый мир отделился от города После и повис между будущим и Домом.
Он был маленьким, размером с комнату, но быстро рос.
На его границе появилась табличка:
«ПРОШУ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЬСЯ».
— Кто родители? — спросил Тарас.
Табличка изменилась:
«ВСЕ, КТО МЕНЯ ПРЕДСТАВИЛ».
— Опять коллективная ответственность, — вздохнул Эраст.
Мир начал заполняться существами. Одни походили на людей, другие на двери, третьи на семейные ошибки, научившиеся ходить.
Из первых ворот вышла женщина.
Она была похожа на Веру, Миру, Антонину, Пасковью и немного на Дверину.
— Кто вы? — спросила Мира.
— Первая тёща нового мира.
Тарас закрыл глаза.
— Почему сразу тёща?
— Потому что мир должен с кем-то познакомиться, прежде чем его начнут спасать.
Женщина протянула Антонине документ.
— Требуется ваша подпись как образца.
Антонина прочитала заявление.
В нём новый мир просил не защиты, не управления и не великой судьбы.
Он просил право стать непохожим на создателей.
Антонина подписала.
— Разрешаю не слушаться.
— Вы уверены? — спросил Тарас.
— Нет.
— Тогда подпись действительна.

Мир родился.
Дом содрогнулся и стал его первой границей.
На стене появилась трещина.
Из неё выглянул молодой дракон в очках.
— Простите, — сказал он. — У вас есть инструкция по взрослой жизни?
Эраст протянул ему чистую папку.
— Пока только приложения.
Дракон вошёл.
За ним двигался целый мир — шумный, неопытный и уже недовольный родителями.
Прасковья достала спицы.
Тихон — ластик.
Антонина убрала у обоих инструменты.
— Сначала познакомимся.
Продолжение следует
Следующая часть: «Мир, который родился дома».

Часть тридцать первая. Мир, который родился дома
Глава триста первая
Новорождённый размером с кладовку
Новый мир занял кладовку.
Сначала в ней поместились три горы, две реки и небольшой океан, который постоянно проливался на нижнюю полку.

К полудню мир вырос до коридора.
К вечеру потребовал отдельный санузел и независимую систему отопления.
— Быстро развивается, — сказал Эраст.
— В кого? — спросила Вера.
Все посмотрели на Тараса.
— Я развивался медленно, — возразил он. — Некоторые считают, что процесс продолжается.

Первая тёща нового мира представилась Ладеей Изначальной. Она носила серебряное платье, на котором двигались карты ещё не открытых стран.

— Требуется определить создателей, — сказала она.
— Лука вспомнил, — ответила Мира.
— Все представили, — добавил Эраст.
— Дом выносил, — сказала Дверина.
— Я подписала, — напомнила Антонина.

Ладея записала:

«РОДИТЕЛИ: КОЛЛЕКТИВ НЕУСТАНОВЛЕННОГО СОСТАВА».

— Кто будет отвечать?

Все сделали шаг назад.

Прасковья осталась на месте, потому что не заметила общего движения.

— Назначьте зятя, — предложила она.

Тарас спрятался за Тихоном.

— Почему зятя? — спросил Эраст.

— Создатели обычно заняты великим. Крайний должен быть доступен.

Ладея выбрала Эраста как человека с папкой.

— Я не зять миру.

— Временно.

Дом выдал удостоверение:

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РОДИТЕЛЬ ПО ДОКУМЕНТАМ.

Тарасу досталась должность:

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РОДИТЕЛЬ ПО ПОСЛЕДСТВИЯМ.

— А остальные? — спросила Мира.

На стене появилось:

РОДИТЕЛЬСКИЙ КОМИТЕТ.

Все попытались отказаться.

Мир заплакал землетрясением.

Антонина покачала его, переставляя горы.

— Тихо. Они не уходят. Просто оформляют панику.

Землетрясение прекратилось.

Из кладовки вышел молодой дракон в очках.

— Меня зовут Ювенал, — сказал он. — Я назначен взрослым нового мира. Где инструкция?

Эраст протянул чистую папку.

— Начните с жалоб.

Ювенал открыл рот.

Из него вылетел первый официальный пожар.

Глава триста вторая

Регистрация невозможного рождения

На следующий день прибыла Регистратура миров.

Инспектор Капитолина Основаньевна вошла с весами, печатью и рулоном границ.

— Место рождения?

— Дом, — сказал Эраст.

— Дом не является родильным отделением.

Дом открыл палату.

— Поздно, — сказала Капитолина. — Помещение должно существовать до события.

Тихон достал ластик.

— Можем исправить.

Все одновременно запретили.

Инспектор измерила мир. За ночь он вырос до размеров небольшой страны и вытеснил из кладовки зимние вещи.

— Возраст?

— Один день.

— Геологический?

Костя проверил камни.

— Четыре миллиарда лет.

— Семейный?

Мира посмотрела на очередное извержение.

— Подростковый.

Капитолина записала среднее и получила мир возрастом в полтора миллиарда лет, которому нельзя гулять после десяти.

Для регистрации требовалось имя.

Создатели предложили:

Надежда;

Новый Дом;

Продолжение;

Мир Номер Двадцать Пять.

Мир отверг всё грозой.

— Пусть выберет сам, — сказала Ника.
— Новорождённые не обладают правом на наименование, — ответила инспектор.
— Тогда кто назвал вас?
— Родители.
— Нравится?

Капитолина задумалась впервые за службу.

Мир написал реками:

НЕСХОДИЯ.

— Что означает? — спросил Тарас.

Горы ответили:

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПОХОЖИМ.

Антонина подписала заявление.

— Имя утверждено.

— Вы не уполномочены, — сказала Капитолина.

— Теперь вы знаете, от кого он унаследовал характер.

Регистратура поставила временную печать.

Несходия получила право существовать до выяснения, на кого она не похожа.

Список оказался бесконечным.

Глава триста третья

Население семейного типа

Первые жители Несходии выросли из семейных воспоминаний.

В столице появился квартал Эрастов. Его обитатели составляли планы прогулок, регистрировали случайности и боялись шкафов без инвентарных номеров.

На юге поселились Тарасы. Они построили семь мостов, два из которых вели через реку, а остальные — к интересным последствиям.

Вераны понимали соседей до тех пор, пока не забывали понимать себя.

Мираты спорили с любым решением, особенно собственным.

Антониды воспитывали всех окружающих и открыли Министерство Непрошеной Заботы.

— Это карикатура, — сказала Антонина.

— Наследственность, — ответила Прасковья.

Ювенал оказался единственным драконом. Он потребовал создать ему народ.

Мир создал ещё тысячу драконов в очках.

Они немедленно основали университет и запретили огонь без диплома.

— Я хотел быть особенным, — пожаловался Ювенал.

— Добро пожаловать в семью, — сказал Тарас.

Жители копировали создателей, потому что других образцов не знали.

Эраст попытался научить их порядку.

Квартал Эрастов разделился на сторонников алфавитного и хронологического хранения.

Началась первая архивная война.

Тарас учил импровизации.

Ученики записали правила импровизации и ввели экзамен.

Антонина решила ничего не советовать.

Антониды учредили День Молчаливого Укора.

— Мы портим ребёнка, — сказала Мира.

— Он сам портится, — ответила Ладея. — Это развитие.

Полина записала:

ДЕТИ ПОХОЖИ НА РОДИТЕЛЕЙ, ПОКА НЕ ОБНАРУЖАТ, ЧТО ЭТО МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ КАК ОБВИНЕНИЕ.

Несходия прочитала.

Над столицей появилось первое слово:

ВЫ ВИНОВАТЫ.

— Заговорил, — растрогался Тарас.

Глава триста четвёртая

Подростковый суверенитет

На третий день Несходия объявила независимость.

Она закрыла границы, вернула родительские советы нераспечатанными и переименовала столицу в Не Ваше Дело.

Эраст получил ноту:

«ПРЕКРАТИТЬ ВМЕШИВАТЬСЯ ВО ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО, КОТОРОЕ ВЫ САМИ НЕ УМЕЕТЕ УСТРАИВАТЬ».

— Аргументировано, — признала Вера.

Тарас попытался пройти через границу как турист.

— Цель визита? — спросил пограничник.

— Посмотреть, всё ли у вас хорошо.

— Родительский шпионаж.

— Привезти продукты?

— Экономическое давление.

— Просто соскучился.

Пограничник смягчился, но не пропустил.

Мира предложила подождать.

Антонина предложила подождать правильно.

— Это как? — спросил Тарас.

— Рядом.

Дом оставил дверь открытой, но не заходил.

Внутри Несходии начались перемены. Эрасты отказались от папок. Тарасы запретили шутки. Вераны перестали понимать. Мираты приняли первое решение единогласно. Антонида закрыли Министерство Заботы и объявили заботу частным делом.

Через час все почувствовали себя несчастными.

— Мы больше не похожи! — объявил Ювенал.

— На кого? — спросила Ладея.

Жители не знали.

Они определяли себя отрицанием создателей. Даже независимость оставалась формой родства.

Несходия потребовала у Дома отдельную границу.

Дом согласился.

Стена между мирами стала толще.

По обе стороны все немедленно приложили к ней ухо.

Глава триста пятая

Собственный конец света

Каждому взрослому миру полагался конец света.

Несходия решила устроить свой раньше, чтобы родители не выбрали за неё.

Ювенал представил варианты:

падение двух лун;

восстание грамотных вулканов;

вечная зима с перерывом на обед;

и исчезновение смысла, наиболее дешёвое в производстве.

Жители проголосовали за всё сразу.

— В нас они всё-таки пошли, — сказал Тарас.
Ладея Изначальная возглавила подготовку.
— Вы же тёща мира, — удивилась Мира.
— Именно. Если молодые хотят совершить глупость, взрослые обязаны проследить, чтобы она была достаточно их собственной.
Конец света начался в полдень.
Луны упали, но поспорили, какая первая.
Вулканы восстали против обязательного извержения.
Зима объявила бессрочный обед.
Смысл исчез, однако никто не заметил разницы.
Несходя разочаровалась.
— Мы не умеем даже погибнуть не как вы!
Мир задрожал.
На этот раз это был не плач. Он начал разрушать собственные законы, чтобы не наследовать физику создателей.
Реки потекли вверх.
Причины стали происходить после последствий.
Люди забывали имена раньше знакомства.
Эраст приготовился вмешаться.
Антонина остановила.
— Пока не зовут.
— Они исчезнут.
— Возможно.
— И мы будем смотреть?
— Нет. Будем рядом.
Тарас сел у закрытой границы с зонтом.
Мира села рядом.
Потом все остальные.
По ту сторону стены рушился молодой мир.
По эту никто не уходил.
Через три часа из щели высунулась лапа Ювенала.
— Можно задать вопрос?
— Конечно, — сказал Эраст.
— Только не совет.
— Постараюсь.
— Как вы пережили свой первый конец света?
Тарас ответил:
— Плохо. Поэтому пережили.
Глава триста шестая
Первая тёща против образца
Ладея пришла к Антонине ночью.
— Я создана по вашему образцу.
— Сочувствую.
— Я должна знать, что делать.
— Тогда вы созданы неправильно.
Ладея призналась: она удерживала Несходя от настоящих ошибок. Подменяла опасные решения безопасными, незаметно возвращала реки в русла и заранее вязала последствия в аккуратные узлы.
— Вы спасали их без разрешения, — сказала Антонина.

— Как тёща.
— Как страх.
Ладея посмотрела на неё.
— Вы тоже так делаете.
— Да.
— И что изменилось?
— Теперь иногда замечаю.
Они вошли в Несходию.
Жители окружили Ладею.
— Ты знала, что конец света не сработает?

— Да.
— Подменила луны?
— На учебные.
— Отключила вулканы?
— Оставила резервные.
Ювенал снял очки.
— Значит, даже наша катастрофа была вашей?
Ладея хотела объяснить, что защищала.
Антонина молчала.
— Да, — сказала Ладея. — Я украла у вас опасность.
— Верните.
— Всю?
— Нашу.

Ладея сняла с пояса связку ключей и отдала жителям.
Несходия получила доступ к настоящим вулканам, острым углам и решениям без страховки.

Мир успокоился.
— Они теперь в опасности, — сказала Ладея.
— Всегда были, — ответила Антонина. — Просто раньше опасность называлась вами.
Ладея села на границе.
— Что теперь делает тёща?
— Ждёт, когда позовут.
— Это всё?
— Иногда самое трудное.
Они стали ждать вдвоём.

Тарас принёс чай и осторожно ушёл, не используя исторический момент.

Глава триста седьмая

День первой настоящей ошибки

Несходия объявила праздник Первой Настоящей Ошибки.

Жители заранее запретили превращать её в традицию.

Ювенал решил испытать вулкан. Он неверно рассчитал давление, перепутал единицы и снёс половину университета.

Никто не погиб, потому что студенты были на обязательной лекции о свободном посещении.

— Получилось! — обрадовался Ювенал.
— Что именно? — спросил Костя.
— Неудача.
Эрасты восстановили университет без единого акта.
Тарасы составили акт тайно.

Вераны признались, что не понимают происходящее.

Мираты разошлись во мнениях и не стали объединяться против общей угрозы.

Антониды принесли помощь, не проверяя, правильно ли её принимают.

Несходя впервые была не похожа на создателей не потому, что делала наоборот.

Она смешала наследство по-своему.

Мир изменил официальное имя:

НЕСХОДИЯ, НО РОДСТВЕННАЯ.

Капитолина Основаньевна отказалась регистрировать запятую.

Мир оставил её без разрешения.

Эраст получил письмо:

«РОДИТЕЛЬСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОКУМЕНТАМ ПРЕКРАЩЕНА».

Тарасу пришло:

«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ПОСЛЕДСТВИЯМ СОХРАНЯЕТСЯ ДО ИХ ОКОНЧАНИЯ».

— А когда они закончатся? — спросил он.

Капитолина посмотрела на растущий мир.

— Никогда.

Тарас убрал бумагу.

— Наконец-то постоянная работа.

Глава триста восьмая

Сосед, который пришёл на запах мира

Рождение Несходии заметил Пустояр.

Это был старый мир, который расширялся, поглощая молодые реальности. Его посланник появился у границы в доспехах из чужих горизонтов.

— Ваш мир не зарегистрирован окончательно, — сказал он. — Следовательно, свободен для присоединения.

— Мы временно существуем, — ответил Ювенал. — Но постоянно против.

Посланник развернул карту. Несходя уже была закрашена цветом Пустояра.

— Карта утверждена.

Реки Несходии возмутились и вышли за поля.

Жители попросили Дом о помощи.

Эраст открыл папку.

Тарас раскрыл зонт.

Антонина спросила:

— Какой именно?

— Спасите нас.

— От кого?

— От Пустояра.

— А что будете делать вы?

Ювенал задумался.

— Всё остальное.

Семья вошла в молодой мир, но не возглавила оборону.

Эраст помог прочесть договор присоединения.

Вера разговаривала с теми, кто хотел сдаться.

Костя укреплял границы вместе с Домом.

Тарас предложил пять плохих планов, чтобы шестой жители придумали сами.

Ладея сидела рядом с Советом Несходии и молчала так выразительно, что решения становились осторожнее.

Пустояр двинул границу.

Молодой мир отступил на один метр.

Потом ещё.

— Мы проигрываем, — сказал Ювенал.

— Нет, — ответила Ника. — Вы узнаете, где заканчивается.

Несходя впервые почувствовала собственную форму.

Все её жители одновременно сказали:

— Здесь.

Граница остановилась.

Глава триста девятая

Война за право быть маленьким

Пустояр не умел останавливаться.

Он привык считать размер доказательством правоты.

Его горы нависли над Несходяй. Его океаны выпили половину молодой реки. Его история объявила, что существовала раньше и потому имеет преимущество.

— Мы слишком маленькие, — сказал Ювенал.

— Маленький не значит свободный для использования, — ответила Софья.

Жители Несходии отказались воевать по правилам большого мира.

Эрасты запутали захватчиков взаимоисключающими пропусками.

Тарасы построили мосты, ведущие обратно.

Вераны начали понимать солдат Пустояра, и тем впервые стало неловко.

Мираты предложили каждой захваченной территории самой решить принадлежность.

Антониды накормили вражескую армию и спросили, хорошо ли их матери знают, где они.

Армия отступила для написания писем.

Ювенал вызвал посланника на поединок.

Великсар обрадовался.

— Наконец-то!

— Поединок будет не героический, — предупредил Ювенал.

Они сравнивали не силу, а способность уменьшиться.

Ювенал сложил крылья и поместился на стуле.

Посланник снял доспехи, титулы и чужие горизонты. Под ними оказался человек, который не знал, где заканчивается его мир и начинается он сам.

— Я не могу быть маленьким, — признался он.

— Тогда вы всегда будете занимать чужое место, — сказала Ладея.

Пустояр потерял границы, которые держались только расширением.

Он не исчез.

Он впервые стал определённого размера.

Несходя победила, не увеличившись.

Полина записала:

*МИР СТАНОВИТСЯ ВЗРОСЛЫМ НЕ КОГДА МОЖЕТ ЗАНЯТЬ ЧУЖОЕ МЕСТО, А
КОГДА УМЕЕТ СОХРАНИТЬ СВОЁ.*

Глава триста десятая

Отделение без разрыва

Дом готовился отпустить Несходяю.

Граница проходила через кладовку. На одной стороне остались зимние вещи, на другой — океан.

— Верните пальто, — потребовала Антонина.

Несходя вернула вулкан.

После переговоров имущество обменяли.

Капитолина Основаньевна принесла свидетельство:

*«МИР ЗАРЕГИСТРИРОВАН КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ, РОДСТВЕННЫЙ И НЕ ОБЯ-
ЗАННЫЙ СООТВЕТСТВОВАТЬ».*

Эраст подписал прекращение временного родительства.

Тарас не смог прекратить последствия и оставил телефон.

Мира обняла границу.

Вера сказала очевидное:

— Мы будем скучать.

Антонина передала Ладее связку ключей.

— Запасные?

— Нет. От дверей, которых ещё нет.

— Когда использовать?

— Когда молодые попросят не входить.

Ладея поняла.

Дом отделил Несходяю.

Не стеной — расстоянием, которое можно пройти с обеих сторон.

Молодой мир занял место рядом с другими реальностями. Его первая звезда зажглась неровно. Ювенал открыл университет прикладной неопределённости.

В кладовке осталось пустое место.

Дом долго смотрел на него.

Потом постеснялся и закрыл дверь.

Вечером пришло письмо из Несходии.

*«ДОРОГИЕ СОЗДАТЕЛИ. НЕ ПРИЕЗЖАЙТЕ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. МЫ ВАС
ЛЮБИМ».*

Антонина прочитала дважды.

— Правильно написали.

— Что именно? — спросил Тарас.

— Всё.

В полночь Дом надел новую крышу, зажёл окна и открыл парадную дверь.

На пороге стояла огромная женщина, сложенная из городов, лесов и облаков.

— Я мать Несходии по межмировой линии, — сказала она. — Меня зовут Вселенная Андреевна.

Дом задрожал фундаментом.

— Зачем вы пришли? — спросил Эраст.

— Знакомиться с женихом.

— Каким?

Вселенная Андреевна указала на Дом.

— Этим.

Дом распахнул все окна.

На стене появилась надпись:

Я НЕ ГОТОВ.

— Никто не готов, — сказала Антонина. — Поэтому сначала чай.

Вселенная Андреевна вошла.

За ней в коридор протиснулась половина космоса и один свадебный распорядитель с кольцами планет.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Мы теперь кто?

— Родители жениха.

— Обоим не повезло.

Дом попытался сбежать.

Но забыл, что стоит на собственном фундаменте.
Продолжение следует
Следующая часть: «Свадьба двух миров».

Часть тридцать вторая. Свадьба двух миров
Глава триста одиннадцатая
Невеста размером со Вселенную
Вселенная Андреевна оказалась не матерью невесты.
Она была невестой.

— Но вы назвались матерью Несходии, — сказал Эраст.

— Я Вселенная. В определённом смысле я мать всего.

— А в неопределённом?

— Невеста.

Дом задрожал фундаментом.

На стене появилась надпись:

МЫ ТОЛЬКО ПОЗНАКОМИЛИСЬ.

— Тем лучше, — сказал свадебный распорядитель. Его звали Гименей Сочеталыч, а кольца планет вокруг головы вращались по часовой стрелке. — Предыдущих обид ещё мало.

Он объяснил: когда Дом стал первой границей Несходии, а Вселенная — её внешним пространством, Межмировой кодекс признал их совместными родителями.

— Совместное родительство не означает брак, — сказала Мира.

— В новой редакции означает, если никто не возразил в течение трёх мгновений.

— Когда были эти мгновения?

— До рождения времени.

Игнат Самоделов поднял молоток.

— Возражаю задним числом.

— Срок истёк перед своим началом.

Антонина посмотрела на Вселенную Андреевну.

— А вы хотите замуж?

Невеста задумалась. В ней зажглись и погасли две галактики.

— Я хочу перестать быть местом для всех и стать кем-то для одного.

Дом открыл маленькое окно.

Вселенная заглянула.

В окне поместилась ровно одна звезда.

На стене появилось:

Я ХОЧУ УЗНАТЬ ЕЁ ЛУЧШЕ.

— Вот и договорились, — сказала Вера. — Свадьбу пока не назначаем.

Гименей Сочеталыч раскрыл календарь.

— Уже назначена на вчера.

— Почему?

— Чтобы молодые не успели передумать.

Дом немедленно передумал.

Глава триста двенадцатая

Жених учится говорить

Для заключения брака требовалось устное согласие Дома.

Надписи юридической силы не имели: стены, по мнению Регистратуры, могли быть несущими, но не свидетельствующими.

Дверина предложила дать Дому голос.

— У него есть трубы, двери, окна и лестницы. Нужно выбрать, чем говорить.

Трубы загудели слишком низко.
Окна хлопали с акцентом.
Лестница могла произносить только слова по ступеням и к концу длинной фразы уходила на второй этаж.
Дом выбрал дверной звонок.
Один звонок означал «да».
Два — «нет».
Три — «я не уверен».
Четыре — «Тарас опять что-то сломал».
Последний сигнал прозвучал сразу.
— Я ничего не трогал, — сказал Тарас.
Звонок повторил четыре раза.
— Свидетель предвзят.
Вселенная Андреевна пригласила Дом на прогулку. Она уменьшилась до размеров облака и облетела вокруг крыши.
Дом не мог идти.
Костя поставил фундамент на колёса.
Прасковья запретила.
Тихон стёр запрет.
Антонина вернула обоих в семейную иерархию одним взглядом.
Дом и Вселенная провели вечер рядом. Она показывала ему миры, которые никто не видел. Он открывал комнаты, в которых никто не был.
— Вы похожи, — сказала Вера.
Звонок прозвучал дважды.
— Уже хороший знак, — ответила Вселенная. — Мне не нужен похожий.
В конце прогулки она спросила:
— Ты хочешь продолжить?
Звонок прозвучал один раз.
Гименей записал согласие на брак.
— На продолжение знакомства! — возмутился Эраст.
— В нашем ведомстве продолжение всегда считается браком. Иначе статистика падает.
Дом захлопнул распорядителя в кладовке.
Кладовка после рождения Несходии была пуста и давно ждала полезного события.
Глава триста тринадцатая
Брачный договор на бесконечность
Эраст составил брачный договор.
Первый пункт запрещал слияние миров без отдельного согласия.
Второй сохранял за Домом фундамент.
Третий сохранял за Вселенной бесконечность.
— А совместное имущество? — спросил Гименей из кладовки.
— Несходя не имущество, — сказала Мира.
— Общие звёзды?
— Только наблюдаемые из окон.
— Семейный бюджет?
Вселенная Андреевна высыпала на стол тёмную материю.
Эраст попытался оценить.
Калькулятор расширился и исчез за горизонтом.
Дом предъявил свои активы:
сорок семь дверей;

двадцать четыре мира на обслуживании;
чайник с правом голоса;
семью без установленного числа членов;
и ипотеку сюжета.

— Последнее совместно нажитое? — спросила Вселенная.

— Ещё до знакомства, — сказал Кладимир.

Антонина добавила пункт о родственниках:

*«НИ ОДНА СТОРОНА НЕ ОБЯЗАНА ЛЮБИТЬ ВСЕХ РОДСТВЕННИКОВ ДРУГОЙ СТО-
РОНЫ ОДИНАКОВО».*

Прасковья потребовала приложение со списком исключений.

Вера отказалась.

Вселенная прочитала договор.

— Здесь всё о том, как не потерять себя.

— Разумно, — сказал Эраст.

— А где о том, зачем быть вместе?

Эраст замолчал.

Тарас предложил:

«ЧТОБЫ БЫЛО КУДА ВЕРНУТЬСЯ И С КЕМ УЙТИ».

Дом позвонил один раз.

Вселенная подписала.

Договор засветился.

Все двери на мгновение открылись в космос.

— Что случилось? — спросил Костя.

— Документ поверил в написанное, — ответила Полина.

Эраст впервые испугался собственного договора.

Глава триста четырнадцатая

Мальчишник недвижимого имущества

Тарас организовал Дому мальчишник.

— Дом не мальчик, — сказала Мира.

— И не имущество. Значит, название свободно.

На праздник пришли Великсар, Игнат, Костя, Тихон и несколько домов из соседних миров.

Старая крепость принесла бочку.

Избушка на курьих ножках танцевала лучше всех.

Дворец держался высокомерно, пока не выяснилось, что его левое крыло сдаётся.

Тарас предложил жениху последнюю ночь свободы.

Дом открыл все двери.

— Не настолько буквально, — сказал Эраст.

Миры начали проходить транзитом через кухню. На лестнице образовалась пробка из рыцарей, бухгалтеров и одного моря.

Дом был счастлив.

Потом Тихон спросил:

— Ты боишься?

Звонок прозвучал один раз.

— Чего?

Дом открыл комнаты.

В каждой семья оставила след: детские рисунки, папки Эраста, инструменты Кости, запасные ключи Антонины, спицы Прасковьи, забытые шутки Тараса.

Он боялся, что после свадьбы перестанет быть их Домом.

Тарас положил ладонь на стену.
— Если станешь другим, мы будем привыкать.
Звонок прозвучал трижды.
— Я тоже не уверен, что получится.
Дом успокоился.
К утру море вытерли, рыцарей разбудили, а избушку попросили вернуть крыльцо.
Мальчишник признали удачным.
Никто не помнил половину событий.
Дом помнил всё.
У недвижимости есть преимущества.
Глава триста пятнадцатая
Родственники со стороны невесты
На свадьбу прибыли родственники Вселенной.
Тётя Галактика заняла три комнаты и всё равно выступала наружу.
Дядя Вакуум ничего не ел, но опустошил холодильник присутствием.
Кузены Пространство и Время пришли порознь и утверждали, что всегда вместе.
Старшая сестра Необходимость спросила, зачем этот брак.
Младшая Случайность ответила вместо всех:
— Так получилось.
Антонина встречала гостей.
Впервые она была тёщей жениха, который одновременно являлся местом проведения свадьбы.
— Обувь снимайте, — сказала она Галактике.
— У меня миллиарды звёздных систем.
— Поставьте аккуратно.
Прасковья рассаживала вечности по старшинству.
Тихон вычёркивал тех, кто уже был на прошлой версии торжества.
Гименей Сочеталыч сбежал из кладовки и распределял кольца планет.
Несходя прислала подарок — собственную независимость в рамке.
Ладея Изначальная пришла последней.
— Я со стороны обоих, — сказала она.
— Так не бывает, — ответил распорядитель.
— Я тёща.
Её посадили во главе стола.
Тарас посмотрел на бесконечных родственников.
— А говорили, моя семья сложная.
Мира взяла его под руку.
— Это только видимая Вселенная.
За дверью постучала невидимая.
Антонина тяжело вздохнула и пошла открывать.
Глава триста шестнадцатая
Невеста требует отдельное пространство
Перед церемонией Вселенная Андреевна попросила отдельную комнату.
Дом создал зал размером с космос.
— Слишком похоже на меня, — сказала она.
Он уменьшил комнату до шкафа.
— Слишком похоже на тебя.
Дом позвонил трижды.
Вселенная призналась Вере:

— Все считают меня бесконечной. Поэтому никто не спрашивает, где мне тесно.

— А где?

— В ожиданиях.

Дом открыл маленькую комнату без окон и дверей. В ней помещались кресло, тишина и возможность никого не вмещать.

Вселенная вошла.

Впервые за вечность она была одна.

Церемония задерживалась.

Гименей нервничал:

— Невеста должна выйти.

— Она никому не должна, — сказала Антонина.

— Даже жениху?

Дом позвонил дважды.

Родственники зашумели. Необходимость заявила, что брак отменяется. Случайность сказала, что именно поэтому состоится.

Через час Вселенная вышла.

— Спасибо.

Дом позвонил один раз.

— За что? — спросил Эраст.

— За место, где меня не было.

Гименей приготовил печати.

Дом отодвинул алтарь.

На стене появилось:

СНАЧАЛА Я ХОЧУ УСЛЫШАТЬ, ЧЕГО ХОЧЕШЬ ТЫ.

Вселенная Андреевна улыбнулась миллионом рассветов.

— Быть рядом. Не внутри.

Алтарь вернулся.

Но стал вдвое уже.

Глава триста семнадцатая

Побег на собственном фундаменте

За минуту до свадьбы Дом исчез.

Остался фундамент, на котором сидела семья, гости и накрытый стол.

— Куда он делся? — спросила Мира.

Костя проверил основание.

— Стоит на месте. Но внутренне отсутствует.

Дверина обнаружила, что Дом ушёл в одну из собственных комнат и заперся снаружи.

— Умеет, — сказала она с уважением.

Вселенная не стала искать.

— Он имеет право передумать.

Гименей Сочеталыч упал в обморок статистики.

Антонина подошла к стене, которой не было.

— Я не буду уговаривать.

Из пустоты донёсся один звонок.

— Это «да»? — спросил Тарас.

— Это «я слышу», — сказала Антонина.

Она села ждать.

Через некоторое время Дом признался надписью на воздухе:

Я БОЮСЬ, ЧТО ПОСЛЕ СВАДЬБЫ ВСЕ УЙДУТ.

— Почему? — спросила Вера.

ПОТОМУ ЧТО СЕМЬЯ СТАНЕТ БОЛЬШЕ МЕНЯ.

Тарас оглядел родственников, половину космоса и Вакуум, занявший пустые места.

— Уже стала.

— Но мы возвращаемся не потому, что помещаемся, — сказала Мира.

Дом появился вокруг них.

Комнаты встали не на прежние места. Кухня оказалась на крыше, лестница в саду, кладовка в прошлом.

— Всё перепутано, — сказал Эраст.

Звонок прозвучал трижды.

— Подходит, — ответила Вселенная.

Жених вернулся.

На собственный фундамент, но по своей воле.

Глава триста восемнадцатая

Церемония без слияния

Гименей начал обряд.

— Согласен ли Дом принять Вселенную внутрь себя?

Звонок прозвучал дважды.

— Неправильный ответ, — прошептал распорядитель.

— Неправильный вопрос, — сказала Полина.

— Согласна ли Вселенная окружить Дом навсегда?

— Нет.

Родственники ахнули.

Тётя Галактика потеряла рукав.

Гименей перелистал инструкцию.

— Других формулировок нет.

Эраст принёс брачный договор.

— Согласны ли вы оставаться разными и открывать путь друг к другу добровольно?

Дом позвонил один раз.

— Согласна, — сказала Вселенная.

— Обязуетесь ли не использовать любовь как право собственности, управления или беспрепятственного входа?

Оба согласились.

— Обязуетесь ли иногда быть рядом без функции?

Вселенная посмотрела на Спокоя Покойевича.

— Потребуется обучение.

— Я веду курсы, — сказал он.

Гименей возражал: такой союз невозможно учитывать.

Капитолина Основаньевна поставила печать:

«БРАК ЗАРЕГИСТРИРОВАН БЕЗ ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЛОЩАДЕЙ».

Кольца планет разлетелись по орбитам.

Дом открыл одну дверь.

Вселенная зажгла за ней одну звезду.

Они стали мужем и женой.

Никто никого не поглотил.

Для свадьбы миров это считалось редким успехом.

Глава триста девятнадцатая

Первый семейный спор космического масштаба

Через десять минут молодожёны поссорились.

Вселенная хотела оставить дверь открытой.

Дом хотел закрыть: сквозило вечностью.
— Ты меня не принимаешь, — сказала она.
Дом позвонил дважды, потом четырежды.
— Тарас ни при чём, — перевела Дверина.
— Историческое событие, — сказал Тарас.
Спор расширился. Звёзды мигали, окна хлопали, гравитация тянула одеяло в разные стороны.
Гименей предложил немедленный развод с сохранением торжества.
Антонина выгнала его.
Вера спросила молодожёнов:
— Вы спорите о двери или о том, кто имеет право устанавливать расстояние?
Вселенная хотела быть уверена, что сможет войти.
Дом хотел быть уверен, что сможет закрыться.
Дверина предложила дверь с двумя ручками. Она открывалась только тогда, когда обе стороны поворачивали их.
— А если один не хочет? — спросила Вселенная.
— Значит, сегодня останетесь рядом снаружи.
Дом позвонил трижды.
— Он боится, что вы уйдёте, — сказала Мира.
— Я могу уйти, — ответила Вселенная. — И вернуться.
Дом закрыл дверь.
Потом открыл.
Первый спор закончился не согласием, а работающей дверью.
Прасковья вытерла слезу.
— Хорошая свадьба.
— Почему? — спросил Тихон.
— Уже есть о чём вспоминать неправильно.
Глава триста двадцатая
Медовый месяц без жильцов
После свадьбы Вселенная Андреевна объявила медовый месяц.
— Куда поедете? — спросил Эраст.
— Никуда. Мы хотим остаться дома.
Дом позвонил один раз.
— А мы? — спросила Мира.
На стене появился список:
*«ЭРАСТ И ВЕРА — В НЕСХОДИЮ.
ТАРАС И МИРА — В САМОСТОЯНИЮ.
ДЕТИ — К ЛУКЕ.
АНТОНИНА, ПРАСКОВЬЯ И ТИХОН — В САНАТОРИЙ.
ОСТАЛЬНЫЕ — ПО ВОЗМОЖНОСТИ».*
Семья перечитала.
Дом выселял их на неделю.
— Я здесь живу, — сказала Антонина.
Звонок прозвучал один раз.
— И выгоняешь родную тёщу?
Два звонка.
— Чью тогда?
Дом открыл дверь к Несходии и осторожно выставил её чемодан.
Прасковья одобритительно кивнула.

— Правильно. Молодым надо побыть одним.
Дом выставил и её спицы.
— Невоспитанный, — заключила она.
Тарас обрадовался путешествию.
— Неделя без дома!
Мира посмотрела на него.
— В Самостоянии придётся всё делать самим.
— Тогда неделя с очень большим количеством дома, только без стен.
Семья вышла.
Последней Антонина остановилась на пороге.
— Если понадобится совет...
Дом мягко закрыл дверь.
Она постояла.
Потом улыбнулась.
— Научился.
Внутри остались Дом и Вселенная. Одна была слишком большой для него. Другой слишком полон всеми, кто ушёл.
Они открыли общую дверь.
За ней не было ни миров, ни родственников, ни обязанностей.
Только пространство для двоих.
Через пять минут Дом прислал семье сообщение:
«КТО ЗНАЕТ, ГДЕ ЛЕЖИТ ЧАЙ?»
Антонина начала отвечать.
Мира забрала у неё лист.
— Медовый месяц.
Сообщение осталось без ответа.
Дом нашёл чай сам.
На второй день он сообщил:
«НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ РАНЬШЕ. У НАС ВСЁ ХОРОШО».
На третий:
«КУХНЯ УЛЕТЕЛА В СОЗВЕЗДИЕ КАСТРЮЛИ. НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ».
На четвёртый сообщений не было.
На пятый семья получила открытку:
«МЫ РЕШИЛИ ПЕРЕЕХАТЬ».
Эраст побледнел.
— Куда?
Оборот открытки показывал пустой фундамент.
Дом исчез вместе со Вселенной.
Все двери остались стоять в воздухе.
Антонина взяла чемодан.
— Медовый месяц окончен.
Тарас раскрыл зонт.
— Идём искать недвижимость, которая ушла из семьи.
Одна из дверей открылась.
За ней была степь.
Ни стен.
Ни крыши.
Только табличка:
«ДОМ БЫЛ ЗДЕСЬ. ТЕПЕРЬ ОН ХОЧЕТ УЗНАТЬ, КЕМ ЯВЛЯЕТСЯ БЕЗ ЖИЛЬЦОВ».

Антонина прочитала дважды.
— Неделя без дома затягивается.

Часть тридцать третья. Неделя без дома
Глава триста двадцать первая
Фундаментальные обстоятельства
Пустой фундамент выглядел виноватым.

Он лежал посреди степи, сохранял форму Дома и делал вид, что исчезновение всего остального его не касается.

Над ним висели двери. Каждая открывалась в прежний мир, но теперь за дверями не было прихожей. Только сквозняк и чувство, что кто-то забыл закончить предложение.

Эраст обошёл фундамент.

— Следов борьбы нет.

— Разумеется, — сказала Антонина. — Он ушёл добровольно. После свадьбы многие мужчины так делают. Некоторые возвращаются, когда заканчиваются чистые рубашки.

— Дом не мужчина.

— Тем хуже. Рубашки его не остановят.

Дверина приложила ладонь к ближайшему косяку.

— Двери напуганы. Они привыкли вести из дома, а теперь ведут просто из.

— Из чего? — спросил Костя.

— Вот это их и беспокоит.

Тихон Неразрешённый присел у таблички и нашёл на обороте мелкие буквы.

«ЖИЛЬЦАМ РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПРОВЕСТИ НЕДЕЛЮ ОТДЕЛЬНО. НЕ ИСКАТЬ. НЕ СПАСАТЬ. НЕ ДАВАТЬ СОВЕТОВ».

Все посмотрели на Антонину.

— Очень мелкий шрифт, — заметила она. — Юридической силы не имеет.

Из степи донёсся звон колокольчика. К фундаменту шёл высокий сутулый человек в плаще, сшитом из половиков, занавесок и гостиничных полотенец. За спиной он нёс крышу. На поясе висели ключи без номеров.

— Приют Семёнович Временный, — представился он. — Ночлег, передышка, случайный чай. Постоянную регистрацию не предлагаю.

Он снял крышу, поставил её на четыре складные стены, и рядом возник аккуратный домик.

— Откуда вы знаете, что нам нужен приют? — спросил Эраст.

— Я появляюсь там, где люди слишком долго стоят возле собственного фундамента.

Антонина заглянула внутрь. Там было двенадцать кроватей, три чайника и ни одного шкафа.

— А вещи куда складывать?

— Некуда. Иначе вы начнёте обживать.

— Разумно, — сказала Мира.

— Бесчеловечно, — сказала Антонина.

Приют Семёнович раскрыл журнал.

— Дом оставил распоряжения. Эраст и Вера — в Несходяю. Тарас и Мира — в Самостоянию. Софья, Фёдор и дети — к Луке в город После. Антонина Ладовна, Прасковья Тихоновна и Тихон — в санаторий «Тихая Вечность». Остальные — по возможности.

— По чьей возможности? — спросил Великсар.

— По моей. Ваша пугает страховые компании.

Ника посмотрела на пустой фундамент.

— А если Дом не вернётся?

Приют Семёнович перестал улыбаться.

— Тогда двери начнут искать другие стены. Через семь дней они забудут, откуда вели. Одна из дверей уже медленно повернулась к его домику.

Приют отступил.

— Не надо. У меня правило: я никого не удерживаю.

Дверь продолжала приближаться.

— А у неё, кажется, другое, — сказал Тарас.

Глава триста двадцать вторая

Мир, где всё впервые

Несходя встретила Эраста и Веру дождём, который ещё не решил, падать ему вниз или подниматься вверх.

Половина капель лежала на земле и смотрела в небо.

— Молодой мир, — сказала Вера. — Ему простительно.

— Мне в его возрасте тоже было простительно, — заметил Эраст.

— Ты до сих пор этим пользуешься.

Их поселили в доме, который каждое утро строился заново. В первый день спальня оказалась между кухней и вторником. Во второй лестница вела к собственному началу. На третий стены решили, что окна — это предрассудок взрослых миров.

Хозяйкой квартала была новая героиня Несходя — девочка лет шестнадцати по имени Аська Первая. Она первой здесь испекла хлеб, первой поссорилась с дождём и первой поняла, что быть первой очень утомительно.

— Покажите, как правильно жить вместе, — попросила она.

Эраст и Вера переглянулись.

— Никак, — ответили они одновременно.

Аська записала.

— Это правило?

— Предупреждение, — сказала Вера.

Несходя наблюдала за гостями. Когда Эраст уступил Вере единственный устойчивый стул, в мире появилось понятие вежливости. Когда Вера поставила второй стул, появилось понятие предусмотрительности. Когда они поспорили, кто будет мыть чашки, возникла первая семейная традиция.

— Почему вы не распределите обязанности навсегда? — спросила Аська.

— Потому что навсегда заканчивается к обеду, — сказал Эраст.

Вечером дверь их временного дома шепнула:

— Оставайтесь.

На косяке проступило: «ЭРАСТ И ВЕРА. ОСНОВАТЕЛИ БЫТА».

Вера стёрла надпись рукавом.

— Мы гости.

— Здесь ещё никто не умеет быть хозяином, — ответил мир голосом сырой штукатурки.
— Мне нужны взрослые.

Эраст сел на неустойчивый подоконник.

— Взрослые нужны всем молодым мирам. Но если они останутся навсегда, мир будет молодым гораздо дольше.

Несходя задумалась. От этого дождь впервые пошёл вниз.

Ночью пришло письмо от Дома. Оно появилось на подушке и пахло пустыми комнатами.

«СЕГОДНЯ Я БЫЛ МУЗЕЕМ. ПОСЕТИТЕЛИ ХВАЛИЛИ ПЛАНИРОВКУ И НЕ ТРОГАЛИ ВЕЩИ. ЭТО ОКАЗАЛОСЬ УЖАСНО».

Вера улыбнулась.

— Скучает.

— Нет. Исследует себя.

— Ты тоже скучаешь.

— Я исследую отсутствие чайника.

Утром перед дверью стоял новый чайник.

Несходя очень старалась быть домом.

Глава триста двадцать третья

Самостоятельная помощь

В Самостоянии помощь считалась разновидностью вторжения.

На границе висел указ:

«КАЖДЫЙ СПРАВЛЯЕТСЯ САМ. НЕ СПРАВИВШИЕСЯ САМИ СОСТАВЛЯЮТ ОТЧЁТ».

Тарасу указ понравился.

— Наконец-то мир, где никто не просит спасти мир.

Через минуту мост под ним разобрал себя, чтобы не зависеть от берегов.

Мира вытащила Тараса из реки.

С берега им выписали предупреждение за несанкционированное спасение.

Их проводником стала Дана Самосильная — женщина с двумя сумками, тремя профессиями и твёрдым убеждением, что чужая рука годится только для рукопожатия на прощание.

— Жильё постройте сами, — сказала она.

— Материалы?

— Добудете сами.

— Инструменты?

— Изготовите сами.

— А землю?

— Заслужите.

К вечеру Тарас соорудил шалаш из указов. Мира договорилась с землёй, чтобы та временно не возражала.

— Ты ей помогла? — подозрительно спросила Дана.

— Я спросила разрешения.

— Это почти сотрудничество.

— Не говорите никому.

Ночью в Самостоянии случилось землетрясение. Каждый дом удерживал себя сам. Поэтому дома падали независимо и с чувством собственного достоинства.

Дана оказалась под балкой. Она не звала.

Тарас поднял балку.

— Не смейте мне помогать!

— Я себе помогаю. Мне мешает ваша балка.

Мира оттащила Дану.

— А я помогаю ему помогать себе.

— Это казуистика.

— Семейная.

К утру жители впервые выстроились цепочкой и разобрали завал сообща. Каждый утверждал, что просто передаёт камень самому себе в будущем.

Мир принял объяснение.

Дверь временного шалаша стала шире и на ней появилось имя Тараса.

— Не нравится мне это, — сказала Мира.

— Мне тоже. Я криво написал бы.

Пришло письмо от Дома:

«СЕГОДНЯ Я БЫЛ КРЕПОСТЬЮ. НИКТО НЕ МОГ ВОЙТИ. ЧЕРЕЗ ЧАС Я ПОНЯЛ, ЧТО И ВЫЙТИ НЕКОМУ».

Тарас написал ответ:

«МЫ ТОЖЕ УЧИМСЯ НЕ БЫТЬ НУЖНЫМИ. ПОКА НУЖНЫ».

Мира не отправила письмо.

— Он просил не искать.

— Я не ищу. Я жалуюсь.

— Это у тебя особый вид навигации.

Глава триста двадцать четвёртая

Общественная тёща

Санаторий «Тихая Вечность» обещал покой без последствий.

На стойке регистрации лежала книга жалоб толщиной с геологическую эпоху. Она была пустой: жаловаться здесь разрешалось только после полного успокоения.

Антонине выдали халат, расписание и запрет решать чужие проблемы.

Через полчаса расписание было исправлено.

Через час директор санатория попросил её посмотреть счета.

К обеду отдыхающие выстроились к ней с вопросами о браке, воспитании детей и правильной температуре компота.

Прасковья Тихоновна сидела рядом и вязала.

— Ты должна отдыхать.

— Я отдыхаю от неразрешимых задач. Здесь все задачи простые.

— Поэтому ты нашла их семьдесят две?

— Семьдесят первая решилась сама. Неприятное чувство.

Тихон Неразрешённый попытался записаться на процедуру «Принятие неизбежного». Его не приняли: он был административно неизбежен, но медицински не оформлен.

К вечеру санаторий переименовал себя в «Тихую Антонину». На площади установили кафедру. Местный совет предложил ей должность Общественной Тёщи.

— Обязанности? — спросила она.

— Встречать всех новых родственников, оценивать намерения и говорить, что суп остыл. Антонина задумалась.

Это была идеальная должность.

Ей предоставлялись квартира, право входить без стука и пожизненная аудитория.

— Не соглашайся сразу, — сказала Прасковья.

— Я никогда не соглашаюсь сразу. Сначала читаю мелкий шрифт.

В мелком шрифте говорилось, что Общественная Тёща принадлежит всему миру и не может отдавать предпочтение отдельной семье.

Антонина закрыла договор.

— То есть я не смогу вмешиваться в дела Эраста чаще, чем в дела остальных?

— Это обеспечит равенство.

— Это обеспечит плохой надзор.

Она отказалась.

Мир не понял.

— Здесь вас слушают все.

— Именно поэтому мне здесь не место. Дома меня слушают через раз. Иногда реже. Это поддерживает квалификацию.

Ночью дверь её номера придвинулась к кровати и тихо сказала:

— Мама.

Антонина села.

Прасковья перестала вязать.

— Не отвечай.

— Почему?

— Миры быстро привязываются к тем, кто знает, как им жить.

За дверью сотни голосов повторили:

— Мама.

Антонина впервые не знала, что посоветовать.

Глава триста двадцать пятая

Город временных людей

В городе После никто не спрашивал, что случилось раньше.

Здесь жили после войн, свадеб, ошибок, чудес и слишком долгих совещаний. Лука заведовал маленькой мастерской, где чинил вещи, пережившие владельцев.

Софья и Фёдор заняли комнату над мастерской. Ника, Игнат, Костя и Полина устроили во дворе лагерь из верёвок, старых дверей и одной категорически лишней колонны.

— Это не дом, — сказал Лука.

— Конечно, — ответила Ника. — У дома есть мнение.

— И тёща, — добавил Игнат.

К вечеру к лагерю пришли люди, которым негде было ждать своего «после». Дети пускали их на одну ночь. Утром каждый должен был оставить историю или починить что-нибудь сломанное.

Первым оставили будильник, который звонил только после того, как человек проснулся.

Второй гость починил калитку, но она стала открываться в его детство.

Третий рассказал историю без конца и остался до ужина.

Приют Семёнович появился возле костра, сложил свою крышу и сел прямо на неё.

— Вы нарушаете основной закон временного жилья.

— Какой? — спросила Полина.

— Гостям не должно хотеться вернуться.

— Почему?

— Иначе приют становится домом. А дом начинает бояться потерять жильцов.

Фёдор подал ему кружку.

— Вы давно временный?

— Триста сорок два года. Иногда на ночь. Иногда на эпоху.

— А свой дом у вас был?

Приют Семёнович посмотрел на сложенную крышу.

— Был. Я однажды вышел проводить гостя и решил, что полезнее быть там, где крыши нет. Когда вернулся, мой дом уже приютил другого.

— Вы обиделись?

— Я стал профессией.

Ника протянула ему дощечку. На ней было написано: «МЕСТО ПРИЮТА СЕМЁНОВИЧА. НЕ ЗАНИМАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН УШЁЛ».

Он долго смотрел.

— Это постоянная табличка.

— Нет. Пока не сгниёт.

— Тогда можно.

В полночь над лагерем возникли три двери из Дома. Они примерились к верёвкам, встали между столбами и защёлкнулись.

Лагерь вздохнул стенами.

— Не пускайте их, — сказал Приют Семёнович. — Если хотя бы четыре двери выберут новые стены, Дом не найдёт дорогу назад.

Лука пересчитал двери.

— А сколько их уже ушло?
Из темноты донёлся деловитый голос:
— Достаточно для открытия дела о бесхозном пространстве.
Глава триста двадцать шестая
Бюро бесхозных пространств
Квадратий Площадьевич Безадресный был квадратен во всём.
Квадратная шляпа, квадратный портфель, квадратные паузы между словами. Даже взгляд у него имел четыре угла и право собственности.
За ним шли замерщики с рулетками. Они измеряли пустоту и ставили на неё печати.
— Бюро бесхозных пространств, — объявил Квадратий. — Фундамент оставлен. Стены отсутствуют. Двери бесконтрольны. Следовательно, имущество подлежит описи, уплотнению и передаче эффективному владельцу.
— Дом не имущество, — сказала Ника.
— Это типичная фраза неэффективного владельца.
Квадратий открыл портфель. Внутри лежали планы комнат, которых ещё не существовало.
— На месте вашего фундамента будет Архив утраченного жилья. Очень символично.
Приют Семёнович встал.
— Семь дней ещё не прошли.
— Прошло шесть дней, двадцать три часа и сорок минут. Оформление занимает двадцать минут.
— Вы заранее пришли.
— Вовремя — это заранее, подтверждённое печатью.
Замерщики сняли одну дверь с воздуха. Она забилась у них в руках, как пойманная птица.
Дверина шагнула вперёд.
— Отпустите мою сестру.
— Родство дверей документально не подтверждено.
— Сейчас подтверждаю физически.
Лука удержал её.
Софья разослала вестовых по мирам. Фёдор побежал за Тихоном: только Неразрешённый мог спорить с учреждением, которое считало отсутствие печати формой существования.
Квадратий поставил на фундамент табличку:
«ОБЪЕКТ НИЧЕЙ. ВХОД ПО ПРОПУСКАМ».
Фундамент дрогнул.
В разных мирах двери начали отдаляться от временных гостей.
В Несходии дверь предложила Эрасту новый постоянный адрес.
В Самостоянии на шалаше Тараса вырос номер дома.
Санаторий вынес Антонину на городской герб.
Город После назвал детский лагерь историческим кварталом.
Каждый мир торопился оформить семью себе, пока Бюро не оформило её отсутствие.
А Дом прислал последнее письмо:
«СЕГОДНЯ Я БЫЛ ПУСТЫМ. ОКАЗАЛОСЬ, ПУСТОТА ТОЖЕ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ЕЁ КТО-НИБУДЬ ЗАПОЛНИЛ. Я НЕ УВЕРЕН, ЧТО УМЕЮ ВЕРНУТЬСЯ».
Подписи не было.
Впервые письмо Дома не знало, откуда пришло.
Глава триста двадцать седьмая
Отказ от хорошей жизни
Чтобы вернуться домой, каждому пришлось отказаться от дома.

Эраст и Вера собрали вещи. Несходя окружила их готовыми комнатами, правильным дождём и Аськой Первой, которая старалась не плакать первой.

— Если вы уйдёте, кто научит нас жить? — спросила она.

Вера отдала ей второй устойчивый стул.

— Тот, кто ошибётся после нас.

Эраст оставил чайник.

— А это зачем?

— Чтобы было вокруг чего спорить.

Они вышли. Надпись с их именами исчезла, а дверь вспомнила старую ручку.

В Самостоянии Дана Самосильная вручила Тарасу и Мире документы на землю.

— Вы доказали право жить здесь. Независимо.

— Мы доказали, что зависеть друг от друга иногда удобно, — сказала Мира.

— Это опасное учение.

Тарас вернул документы.

— Оставьте землю мосту. Он давно хочет жить отдельно от берегов.

Дана впервые попросила:

— Возвращайтесь.

— В гости, — ответила Мира.

Шалаш сложился обратно в указы. Дверь выдернула из себя номер.

В «Тихой Антонине» собрался весь мир. Жители держали плакаты: «МАМА, НЕ УХОДИ» и «МЫ БУДЕМ ЕСТЬ ГОРЯЧИМ».

Антонина поднялась на кафедру.

— Вы прекрасно справитесь без меня.

Толпа ужаснулась.

— Но как?

— Сначала плохо. Потом будете утверждать, что так и задумано.

Она сняла с герба собственный профиль.

— Почему вы выбираете семью, которая не всегда вас слушает? — спросил директор.

— Потому что любовь без права не послушаться называется управлением.

Прасковья Тихоновна кивнула.

— Наконец-то разумная мысль.

— Я давно её думала.

— Но редко применяла.

Тихон поставил печать «ОТКАЗ ПРИНЯТ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ». Мир не смог оспорить документ и отпустил их.

В городе После дети разобрали лагерь собственными руками. Каждому гостю вернули его историю. Приют Семёнович снял табличку со своим именем, но спрятал её под плащ.

— Для временного хранения, — объяснил он.

Когда семья собралась у пустого фундамента, до конца седьмого дня оставалось семь минут.

Квадратий Площадьевич проверил часы.

— Вы вернулись по адресу, которого нет. Юридически это перемещение на месте.

— Зато семейно мы уже дома, — сказала Вера.

— Семейного права на пространство не существует.

Антонина поставила чемодан на фундамент.

— Сейчас появится.

Глава триста двадцать восьмая

Что принесли домой

Квадратий потребовал доказать, что пустой фундамент — их дом.

— Стены отсутствуют.
— Часто, — согласился Эраст.
— Крыша отсутствует.
— Бывало и при наличии крыши, — сказал Тарас.
— Адрес отсутствует.
— А вот это уже удобно для кредиторов, — заметил Великсар.
Бюро не оценило.
Тогда каждый положил на фундамент то, что принёс из временного мира.
Вера поставила устойчивый стул — третий, который Аська успела изобрести на прошение.
Мира положила камень из общей цепочки Самостоянии.
Антонина — пустой герб, с которого сняла собственный профиль.
Прасковья — недовязанный шарф.
Дети — верёвку от лагеря.
Лука — будильник, звонивший после пробуждения.
Дверина поставила освобождённую дверь.
— Это вещи, — сказал Квадратий. — Они не образуют недвижимость.
— Конечно, — ответил Эраст. — Дом образует не то, что мы принесли.
— А что?
— То, зачем мы вернулись.
На фундаменте стало тихо.
Каждый мог остаться там, где его хотели. Где для него уже приготовили роль, комнату и благодарность.
Они вернулись туда, где не было ничего.
Потому что здесь их не назначали семьёй.
Здесь они ею были.
Квадратий перелистнул справочник.
— Такой формы собственности нет.
— Это не собственность, — сказал Приют Семёнович. — Это взаимное возвращение.
— Термин не зарегистрирован.
Тихон Неразрешённый заглянул в справочник.
— Поэтому разрешения не требует.
До конца недели оставалась минута.
Двери в воздухе повернулись к фундаменту.
Но стен не было.
Тридцать секунд.
Антонина не выдержала.
— Дом! Если ты слышишь, немедленно вернись! Я обещаю три дня не советовать!
Все посмотрели на неё.
— Два, — уточнила она. — Не торгуйтесь в критический момент.
Десять секунд.
Приют Семёнович снял с плеч свою складную крышу.
— Если не придёт, я накрою вас.
— А как же правило? — спросила Ника.
— Временные правила тоже должны когда-нибудь уйти.
Он поднял крышу.
И в этот миг фундамент шагнул навстречу.
Глава триста двадцать девятая
Дом без фасада

Сначала вернулся запах чая.

Потом скрип ступени, которой не существовало.

Потом свет лёг на фундамент прямоугольниками окон.

Стены не появились.

Крыша тоже.

Но двери встали на свои места — прямо в воздухе. За каждой была комната. Комнаты не соединялись коридорами, пока кто-нибудь не хотел перейти из одной в другую.

Дом вернулся без фасада.

— Это нарушение, — прошептал Квадратий.

На пустом месте возникла табличка:

«ЭТО ВЫБОР».

Антонина вошла в кухню. Кухня появилась вокруг неё, тёплая и немного виноватая.

— Ты похудел, — сказала она.

На столе проступило:

«У МЕНЯ НЕТ СНАРУЖИ».

— Я заметила.

Эраст открыл дверь и оказался в кабинете. Вера вошла следом — кабинет расширился, не спрашивая, кто здесь главный.

Тарас шагнул не в ту дверь и попал на крышу, которой не было.

— Всё по-прежнему! — обрадовался он.

Вселенная Андреевна проявилась в окнах звёздным отражением.

— Мы решили не жить друг в друге, — сказала она. — Дом может быть рядом со мной, не становясь всей Вселенной. А я могу быть его семьёй, не помещаясь в гостиную.

— Где вы были? — спросила Вера.

— Везде, — ответил Дом надписью на потолке.

— И как?

«НЕКУДА ВЕРНУТЬСЯ».

Квадратий вошёл без разрешения и тут же оказался снаружи.

Он попробовал снова.

Дом вывел его через другую дверь на то же место.

— Пространство обязано иметь границы!

«ИМЕЕТ. ЛИЧНЫЕ».

Замерщики развернули рулетки. Рулетки измерили их собственную наглость и порвались.

Тихон вручил Квадратию акт:

«ОБЪЕКТ ПРИНАДЛЕЖИТ СЕБЕ И ВРЕМЕННО СОГЛАСЕН С ЖИЛЬЦАМИ».

— Так нельзя оформить.

— Тогда не оформляйте.

Для Квадратия это прозвучало страшнее угрозы.

Бюро ушло, унося табличку «ОБЪЕКТ НИЧЕЙ». У калитки, которой тоже не было, Квадратий остановился.

— Вы думаете, это конец дела?

— Надеемся, — сказал Эраст.

— Тогда вы ничего не понимаете в делопроизводстве.

Он достал из портфеля карту.

На ней зияло белое пятно.

— Пока вы занимались одним домом, целый мир потерял адрес.

Глава триста тридцатая

Право вернуться

Первый вечер в вернувшемся Доме прошёл непривычно.
Никто не мог обойти его снаружи.

Соседи приходили посмотреть на новый фасад и обнаруживали только дверь. Если их приглашали, за дверью был Дом. Если нет — чулан Бюро бесхозных пространств.

Квадратий прислал официальную жалобу на чулан.

Дом повесил её в чулане.

Приют Семёнович собирался уйти после ужина.

— Кому-то уже нужна крыша.

Ника вернула ему дощечку с именем.

— А вам нужна комната.

— Я не остаюсь.

— Поэтому она будет гостевой.

Дом открыл маленькую дверь. За ней находилась комната без шкафа, с одной кроватью и крючком для складной крыши.

На стене было написано:

«МЕСТО ПРИЮТА СЕМЁНОВИЧА. НЕ ЗАНИМАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН УШЁЛ».

Приют Семёнович снял плащ.

— Только на одну ночь.

Дом не стал спорить.

Антонина сдержала обещание и не давала советов до полуночи.

В полночь она сообщила Дому, что комнаты нельзя разбрасывать без порядка.

Дом ответил:

«ТРИ ДНЯ».

— Я сказала два.

«Я СЛЫШАЛ ТРИ».

— У тебя не было стен. Звук искажался.

Прасковья Тихоновна рассмеялась.

Вера поставила на стол чайник из Несходии. Тарас принёс камень из Самостоянии. Дети натянули верёвку лагеря между дверями, чтобы никто не забыл: даже временное место может спасти, если не притворяется вечным.

Дом собрал вокруг них столовую.

Не ту, что была раньше.

Новая комната возникала ровно настолько большой, чтобы всем хватило места. Для отсутствующих она оставляла пустые стулья. Для тех, кто ещё не пришёл, — свободные двери.

— Ты понял, кто ты без жильцов? — спросил Эраст.

Дом долго не отвечал.

Потом на столе появилась надпись:

«Я — МЕСТО, КОТОРОЕ ВЫБИРАЕТ ЖДАТЬ».

Вселенная Андреевна зажгла в окнах звёзды.

— Хороший ответ.

— Немного пафосный, — сказала Антонина.

«Я БЫЛ МУЗЕЕМ. НАУЧИЛСЯ».

Квадратий оставил карту белого пятна. На обороте стоял адрес:

«НИГДЕ, ДОМ НОМЕР НЕТ, МИР БЕЗ НАЗВАНИЯ».

Из белого пятна доносился стук.

Не в дверь.

Потому что двери там не было.

Кто-то стучал прямо в границу мира и очень надеялся, что с другой стороны существует дом.

Эраст посмотрел на семью.

— Мы только вернулись.

Тарас взял зонт.

— Значит, знаем дорогу.

Антонина открыла дверь в белое пятно.

— Сначала выясним, есть ли у этого мира мать.

Дом добавил на косяке:

«И АДРЕС».

За дверью не было ничего.

Но ничто уже ждало гостей.

Часть тридцать четвёртая. Мир без адреса

Глава триста тридцать первая

Вход в никуда

За дверью не было ничего.

Ничего оказалось серым, прохладным и слегка обиженным.

Эраст сделал шаг. Под ногой возникла земля — ровно на длину его сапога. Второй шаг добавил ещё немного мира. За Верой выросла тропинка. За Тарасом — канава.

— Почему за мной всегда канава?

— Талант требует выхода, — сказала Мира.

Дом протиснул в белое пятно одну дверь, но дальше идти отказался. На косяке появилось:

«У МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ АДРЕСА».

— У него здесь ни у кого нет, — заметил Квадратий Площадьевич.

Он пришёл с семьёй как представитель Бюро. По его словам — для контроля. По словам Антонины — чтобы первым поставить печать на найденное.

Квадратий нёс карту. Белое пятно на ней росло, поедая соседние названия.

Из тумана вышла женщина в сером платье. Её лицо менялось всякий раз, когда кто-нибудь отводил взгляд.

— Не называйте меня, — сказала она.

— Мы ещё не знакомы, — ответил Эраст.

— Поэтому пока жива.

Она представилась Никакой. Не именем, а отсутствием ответа.

Когда Тарас переспросил, вокруг неё исчез куст.

— Каждая попытка дать нам точное название стирает часть мира, — объяснила женщина.

— Нас называли Серой Землёй — пропали краски. Забытым Краем — исчезла память. Нигде — исчезло место.

Антонина нахмурилась.

— А как вас звать к столу?

— Мы сто лет не собирались за одним столом. Для общего стола нужен общий адрес.

Из тумана донёсся стук.

Тот самый, который семья слышала через границу.

— Кто стучал? — спросила Ника.

— Мир, — ответила Никакая. — Он пытается убедиться, что снаружи кто-то есть.

Квадратий достал бланк.

— Для начала оформим временное наименование.

Он написал: «Объект номер ноль».

В тот же миг исчез горизонт.

Небо и земля сложились вместе, как плохо подшитые документы.

— Отмените! — крикнула Вера.

Квадратий зачеркнул слова.

Горизонт вернулся, но стал короче.

Антонина забрала у чиновника перо.

— Здесь вы будете работать молча.

— Это противоречит должностной инструкции.

— Зато способствует сохранению местности.

В тумане зажглись окна домов, которых нельзя было назвать домами.

Одно окно мигнуло Квадратию.

Он побледнел.

— Я здесь уже был.

Глава триста тридцать вторая

Человек из белого пятна

Квадратий не помнил детства.

Он считал это преимуществом: детство редко оформлено надлежащим образом, содержит неучтённые лужи и портит деловую биографию.

Но серое окно мигнуло снова.

И Квадратий вспомнил деревянную ложку, колыбель без ножки и голос, который никогда не произносил его имени.

— Меня нашли у границы карт, — сказал он. — Бюро присвоило фамилию и адрес при учреждении.

— Значит, ты отсюда, — решила Антонина.

— Происхождение не подтверждено.

— Побледнел ты вполне документально.

Никакая повела их к поселению. Вместо указателей на развилках стояли люди и молча показывали дорогу. Над дверями висели пустые таблички. Жители обращались друг к другу жестами, запахами, короткими мелодиями.

Девочка с двумя косами позвенела тремя медными колечками.

— Она спрашивает, голодны ли вы, — перевела Никакая.

— Откуда вы знаете?

— Это моя дочь.

Антонина одобрительно кивнула.

— Родственников можно понимать без слов. Особенно когда они опять не поели.

Девочка протянула Квадратию деревянную ложку.

Ту самую.

Чиновник взял её двумя пальцами, как улику против собственной жизни.

— Предмет не доказывает родство.

Девочка ударила ложкой по его квадратной шляпе.

— А характер доказывает, — сказала Антонина.

Никакая объяснила: много лет назад Бюро нашло мальчика у исчезающей границы. Тогда мир ещё имел название, но хранители вычеркнули его, чтобы спасти хотя бы ребёнка. Бюро дало мальчику адрес. Вместе с адресом он забыл всё, что адреса не имело.

— Почему никто не пришёл за мной?

— Мы не знали, куда, — ответила Никакая.

Квадратий хотел возразить, но не нашёл подходящего бланка.

Тем временем Дом попытался открыть комнату. Появилась кухня, однако стоило Тарасу сказать «кухня», как исчезла плита.

— Это будет помещение, где иногда едят, — осторожно сказала Мира.

Исчез стол.

— Не надо определений, — предупредила Вера.

Антонина поставила котелок прямо на землю.

— Тогда просто садитесь.

Все сели.

Мир вокруг них впервые за сто лет создал площадь. Не потому, что место называли площадью, а потому, что люди собрались вместе.

Квадратий держал деревянную ложку.

На её ручке проступила крошечная буква «К».

Квадратий быстро закрыл её ладонью.

Но белое пятно на карте уже узнало своего пропавшего жителя.

Глава триста тридцать третья

Перепись отсутствующего населения

Бюро прислало инспекцию.

Пять чиновников вошли через дверь Дома и потребовали переписать население мира без адреса.

— Сколько вас? — спросила старшая инспекторша Линия Петровна Учётная.

Никакая пожала плечами.

— Достаточно.

— Варианты ответа: один, несколько, множество или нарушение.

Жители показали руками: много.

Линия Петровна записала: «Множество нарушителей».

После этого трое жителей стали прозрачными.

— Ваши записи их стирают, — сказал Эраст.

— Незаписанные граждане не могут быть стёрты официально.

— Они исчезают неофициально.

— Это вне нашей компетенции.

Тихон Неразрешённый подошёл к столу инспекторов.

— Предлагаю переписать вас.

— Нас уже переписали при поступлении на службу.

— С тех пор вы изменились.

Он начал задавать вопросы.

«Кем вы являетесь вне должности?»

«Куда возвращаетесь, если кабинет закрыт?»

«Как вас зовут те, кому от вас ничего не нужно?»

Инспекторы растерялись. У одного исчез номер удостоверения. У другой на строгом лице появилась ямочка. Третий вспомнил, что любит выращивать укроп.

— Прекратите! — потребовала Линия Петровна. — Мы теряем служебную определённость.

— Зато приобретаете человеческую, — сказала Вера.

Ника и Игнат тем временем придумали безопасную перепись. Они давали каждому жителю камешек. Человек клал его в общую корзину, ничего не сообщая о себе.

Получилось семьсот сорок два камешка, один сухой лист и пуговица.

— Кто положил пуговицу? — спросил Костя.

Никто не признался.

— Значит, семьсот сорок два с половиной, — решил Тарас.

— Так не считают людей, — возразил Квадратий.

— А как?

Он открыл рот и остановился.

Раньше ответ был прост: по документам.

Теперь перед ним стояли люди, чьи документы были для них смертельное отсутствия.

Линия Петровна потребовала у Квадратия распоряжение.

Он посмотрел на деревянную ложку.

— Перепись приостановить.

— Основание?

— Недостаточная определённость объекта.

— Это основание для ликвидации.

— Тогда основание... — Квадратий снял квадратную шляпу. — Моё личное решение.

Инспекция отшатнулась.

Личное решение чиновника было редким и плохо изученным явлением. В справочнике его рекомендовали переждать на безопасном расстоянии.

Глава триста тридцать четвёртая

Имя, которое не держат силой

Чтобы вернуть миру место на карте, требовалось имя.

Чтобы мир не исчез, имя нельзя было навязывать.

— Пусть он назовёт себя сам, — предложила Софья.

— Он пробовал, — сказала Никакая. — Но каждый житель слышит своё.

Жители собрались на возникшей площади. Дом открыл окна, хотя стен по-прежнему не имел. Вселенная Андреевна приглушила звёзды, чтобы никого не перебивать.

Первый житель сыграл на флейте четыре ноты.

Вторая нарисовала круг без края.

Третий принёс запах яблок после дождя.

Девочка с косами трижды позвенела кольцами.

— Прекрасно, — сказал Тарас. — Осталось записать запах в адресную строку.

Квадратий неожиданно ответил:

— Можно присвоить условный знак.

— Присвоить нельзя, — напомнила Вера.

— Тогда принять предложенный.

Он аккуратно положил на землю чистый бланк.

Жители по очереди касались его. На бумаге проступали линии, точки, пятна света. Ни одна отметка не была главнее другой.

Получился знак, похожий одновременно на дверь, ладонь и дорогу домой.

Квадратий внёс его в карту без расшифровки.

Белое пятно перестало расти.

Но не исчезло.

— Карта не умеет читать такое название, — сказал он.

— Пусть учится, — ответила Мира.

В этот миг из земли поднялся голос мира. Он звучал как множество людей, которые ещё не договорились, но уже слушают друг друга.

«Я НЕ ХОЧУ ОДНОГО ИМЕНИ».

На карте знак распался на семьсот сорок две маленькие отметки.

Каждая вела сюда.

— Столько адресов невозможно обслуживать, — возмутилась Линия Петровна.

— Один человек тоже бывает по-разному расположен, — заметил Эраст.

Дом поддержал его надписью:

«ОСОБЕННО УТРОМ».

Антонина посмотрела на Квадратия.

— А ты что слышишь, когда мир называет себя?

Он долго молчал.

— Домой.

Деревянная ложка в его руке стала тёплой.

На карте появилась первая дорога — не к месту, а к человеку.

Глава триста тридцать пятая

Архив правильных названий

Бюро не согласилось с личным решением Квадратия.

Из центрального Архива прибыл директор — Номенклатурий Аркадьевич Точный. Он был так точно одет, что даже пыль садилась на него по алфавиту.

— Мир без единого названия создаёт опасный прецедент, — заявил он. — Сегодня у мира семьсот имён. Завтра человек потребует право быть не только своей должностью.

Квадратий опустил глаза.

— Некоторые уже потребовали.

— Поэтому вы отстранены.

Номенклатурий открыл архивный футляр. В нём хранились отвергнутые названия мира: Серая Земля, Забытый Край, Нигде, Объект Ноль и ещё сотни аккуратных ошибок.

— Мы выберем наиболее устойчивое.

— Каждое отнимает у мира то, чего не замечает, — предупредила Никакая.

— Любое определение что-нибудь исключает. В этом его эффективность.

Он поднял карточку «Пустошь».

По краю площади исчез первый дом.

Карточка «Безымянный мир» стёрла лица у нескольких жителей.

Карточка «Территория временного проживания» заставила землю уйти из-под ног Приюта Семёновича.

Дом подхватил его комнатой.

— Я привык, — сказал Приют, повиснув на дверной ручке. — Но благодарю.

Тарас выхватил футляр.

Номенклатурий выхватил Тараса.

Мира выхватила обоих из исчезающей ямы.

— Прекратите спасать нарушителей! — крикнул директор.

— Тогда выбирайте, кем вы хотите быть, — сказала Мира. — Нарушителем или спасённым.

Номенклатурий выбрал директором и упал обратно.

Квадратий поймал его.

— Зачем? — удивился Эраст.

— Должностная привычка.

— А личная?

Квадратий задумался и отпустил директора на землю чуть резче необходимого.

Номенклатурий приказал доставить карту в Архив правильных названий. Если знак не будет расшифрован до полуночи, мир признают ошибкой картографии и исправят.

— Что означает «исправят»? — спросила Ника.

— Белое пятно закрасят цветом соседнего мира.

— А люди?

— Войдут в статистическую погрешность.

Антонина медленно сняла перчатки.

— Я правильно поняла: вы хотите закрасить семьсот сорок два человека и пуговицу?

Номенклатурий впервые почувствовал, что точность бывает опаснее неточности.

Глава триста тридцать шестая

Побег карты

Карта сбежала сама.

Она свернулась трубкой, ударила Номенклатурия по носу и покатилась к туману. За ней побежали чиновники, семья и половина мира, которой хотелось увидеть собственную географию.

— Держите государственный документ! — кричала Линия Петровна.

— Он выбрал личное решение! — ответил Тарас.

Карта перескочила канаву, которую Тарас создал при входе, и раскрылась над пропастью. Семьсот сорок две отметки светились на ней, как маленькие окна.

Каждая показывала не координаты, а путь одного жителя.

Вот женщина вернулась к ребёнку.

Вот старик нашёл дерево, которое помнило его молодым.

Вот девочка с кольцами ждала мальчика, которого когда-то унесло за границу.

Последняя дорожка вела к Квадратию.

На карте он был не квадратным. Маленький мальчик сидел у пустой таблички и держал деревянную ложку.

— Это подделка, — сказал он.

— Очень похожая, — заметила Антонина.

Никакая подошла ближе.

— Я помню того мальчика.

— Вы моя мать?

— Нет.

Все удивились, особенно Антонина.

— Тогда кто?

— Та, которая не успела стать твоей матерью. Твоя мать вывела тебя к границе и вернулась за другими детьми. Граница закрылась.

— Как её звали?

Никакая позвенела тремя медными кольцами.

Девочка повторила мелодию.

Квадратий закрыл глаза.

Он вспомнил не имя.

Руки, пахнущие хлебом. Голос у кровати. Обещание вернуться, которое мир не позволил выполнить.

— Она жива?

— Здесь нельзя ответить точно, — сказала Никакая. — Точность иногда стирает надежду.

Карта поднялась в воздух. Дорога Квадратия вышла за её край и потянулась в туман.

Номенклатурий схватил карту за угол.

— Документ принадлежит Архиву!

Карта откусила ему печать.

Дом распахнул дверь прямо над пропастью.

— Куда она ведёт? — спросил Эраст.

На косяке появилось:

«К ТОМУ, КОГО НЕЛЬЗЯ НАЙТИ ПО АДРЕСУ».

Квадратий первым шагнул внутрь.

Глава триста тридцать седьмая

Материнская неопределённость

За дверью находилась пекарня.

Она стояла посреди тумана и пекла хлеб для тех, кто мог пройти мимо. Над входом не было вывески. Внутри женщина месила тесто и напевала мелодию трёх колец.

Квадратий остановился.

Женщина посмотрела на него.

— Ты поздно.

— На сколько?

— На одну жизнь. Для сына простительно.

Антонина шумно выдохнула. Остальные сделали вид, что не заметили.

Женщина не назвала себя. Квадратий тоже не произнёс слова «мама». Они стояли друг напротив друга, разделённые сорока годами, одним столом и невозможностью заполнить нужную графу.

— У вас есть доказательства родства? — машинально спросил он.

Она подняла хлебную лопату.

— Есть способ короче.

Квадратий впервые улыбнулся.

Улыбка оказалась круглой.

Женщина обняла его. Квадратная шляпа упала на пол. Тарас наступил на неё, и никто не спешил спасать форму.

Номенклатурий ворвался следом.

— Немедленно назовите данный объект!

Женщина бросила в него тестом.

Объект временно лишился речи.

— Это моя мать, — сказал Квадратий.

Мир дрогнул.

Слово было точным, но ничего не отняло. Потому что Квадратий не назначил женщину матерью. Он признал её.

— Вот разница, — сказала Вера. — Имя, принятое свободно, не клетка.

Жители начали пробовать.

Кто-то назвал другого другом — и между ними возникла дорога.

Кто-то произнёс «сосед» — и рядом вырос забор с калиткой.

Девочка позвала Никакую мамой. Лицо женщины перестало меняться.

— А вас теперь как зовут? — спросила Ника.

Женщина улыбнулась.

— Для неё — мама. Для вас пока Никакая. Мне хватает.

Номенклатурий освободился от теста и поднял печать.

— Личные отношения не заменяют официальной топонимики!

Дом открыл под ним дверь.

Директор провалился в Архив.

На косяке появилось:

«ЗАТО УСКОРЯЮТ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО».

До полуночи оставался час.

Теперь миру нужно было не одно имя.

Ему нужно было право отвечать на разные.

Глава триста тридцать восьмая

Суд над названием

Суд устроили в Архиве правильных названий.

На полках хранились миллионы карточек. Каждая утверждала, что знает вещь лучше самой вещи.

Председательствовала судья Точка Фёдоровна Последняя. Она заканчивала любые споры, иногда вместе с участниками.

— Представитель мира, назовите ответчика.

Квадратий встал без шляпы.

— Не могу.

— Тогда дело невозможно.

— Поэтому оно здесь.

Точка Фёдоровна впервые посмотрела поверх очков.

Номенклатурый требовал утвердить название «Территория множественной неопределённости». При каждом повторении фразы у одного жителя пропадала какая-нибудь привычка.

Антонина представляла семью, хотя никто её не назначал.

— Человек может быть Александром Александровичем, Сашей, отцом, сыном, автором и тем, кто забыл купить хлеб. Почему миру нельзя?

— Потому что адрес должен быть однозначным.

— Мой зять тоже должен был быть однозначным. Не получилось, но доставляется исправно.

Эраст поклонился.

Суд вызвал Дом свидетелем.

— Ваше наименование?

На стене возникло:

«ДОМ».

— Полный адрес?

«ТАМ, ГДЕ МЕНЯ ЖДУТ».

— Недопустимо расплывчато.

«НИКТО НЕ ТЕРЯЛСЯ».

Приют Семёнович подтвердил: адрес может обозначать место, а может — возможность вернуться. Второе труднее нанести на карту, зато легче узнать в темноте.

Тихон представил главный документ — чистый лист, к которому прикоснулись жители.

— Здесь нет текста, — сказала судья.

— Есть согласие.

— Его не видно.

— Воздух тоже. Однако вы им пользуетесь без регистрации.

Точка Фёдоровна сняла очки.

До полуночи оставалось три минуты.

Она должна была поставить точку.

Но вместо этого нарисовала многоточие.

— Суд признаёт право мира иметь столько имён, сколько он добровольно принимает, и не отвечать на остальные.

Архив содрогнулся.

Карточки на полках начали спрашивать вещи, согласны ли те так называться.

Половина канцелярии лишилась слов.

Вторая впервые обрела смысл.

Глава триста тридцать девятая

Адрес для возвращения

Белое пятно не покрасили.

На новых картах оно осталось белым, но теперь это был цвет свободы, а не отсутствия.

Рядом печатали знак двери, ладони и дороги.

Путешественник должен был назвать не место назначения, а того, кто его там ждёт.

Первой попробовала Антонина.

— В мир, где меня ждёт женщина, которая неправильно кормит собственного сына.

Дверь открылась прямо в пекарню.

— Я правильно его кормлю, — сказала мать Квадратия.

— Тогда почему он квадратный?

— Служба.

Женщины сели обсуждать лечение. Квадратий попытался уйти, но обе попросили его не мешать и остаться.

У поселения появились дороги. Они менялись вместе с отношениями: ссора удлиняла путь, прощение ставило скамейку, любовь иногда прокладывала опасно короткий маршрут прямо через спальню.

Тарас пользовался последним, пока Мира не установила занавеску.

Дом открыл здесь гостевую дверь. Он не присоединил мир к себе, а просто пообещал отвечать на стук.

Никакая принесла ему пустую табличку.

— Что написать?

Дом ответил:

«*МОЖНО ВОЙТИ*».

Квадратий отказался возвращаться в Бюро директором отдела ликвидации. Точка Фёдоровна предложила ему новое подразделение — Службу неточных адресов.

— Чем она занимается? — спросил он.

— Ищет тех, кого нельзя найти обычным способом.

— Штатное расписание?

— Составите.

— Инструкция?

— Напишете.

— Печать?

Судья вернула печать, которую карта откусила у Номенклатурия.

Квадратий подумал и отдал её девочке с кольцами.

Она стала штамповать ладони всем желающим.

— Первая реформа, — сказал он. — Печать не должна быть тяжелее решения.

Эраст пожал ему руку.

— Вы сильно изменились.

— Временно.

— Это самый постоянный способ.

Белое пятно на старой карте свернулось и поселилось в кармане Квадратия. Иногда оттуда пахло хлебом.

У мира наконец появился адрес.

Он звучал так:

«Туда, где тебя узнают без документов».

Глава триста сороковая

Ошибка в родословной

Домой семья вернулась на рассвете.

Дом собрал вокруг них прихожую, пересчитал всех дверями и оставил для Квадратия отдельный крючок. Чиновник повесил на него круглую шляпу, купленную по дороге.

— Не привыкну, — признался он.

— Главное, чтобы голова привыкла, — сказала Антонина.

Приют Семёнович отправился в путь. Теперь он оставлял в каждом временном жилье маленькую дощечку: «*СЮДА МОЖНО ВЕРНУТЬСЯ, ЕСЛИ ОБА СОГЛАСНЫ*».

Никакая осталась в своём мире. Её дочь подарила Нике одно медное кольцо, и теперь любая дверь могла позвонить, если забыла, куда ведёт.

Номенклатурия перевели в отдел названий канцелярских скрепок. Там ошибки были меньше и кусались редко.

Всё казалось законченным.

До завтрака.

За столом Квадратий рассматривал старые документы Бюро. Он хотел найти запись о своём появлении. Вместо неё обнаружил дело Антонины Ладовны.

— Почему у Бюро есть моё дело? — спросила она.

— У Бюро есть дела на всех, кто хотя бы раз изменил границы чужой жизни.

— Тогда моё должно быть многотомным.

Дело оказалось пустым, кроме одной страницы:

«АНТОНИНА ЛАДОВНА. МЕСТО РОЖДЕНИЯ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО. ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНИЕ — У ГРАНИЦЫ МИРА БЕЗ АДРЕСА».

Эраст медленно поставил чашку.

— Вы говорили, что родились в Ладовом уезде.

— Я говорила, что выросла там. Воспитанный человек различает биографию и допрос.

Вера посмотрела на мать.

— Ты знала?

Антонина не ответила.

Дом закрыл все двери, чтобы правда не убежала раньше времени.

Квадратий перевернул страницу. На обороте находилась схема родства. Одна линия вела от его матери к Никакой. Другая — к Антонине.

— Здесь сказано, что вы трое...

— Не читай вслух, — резко сказала Антонина.

Все замолчали.

Даже Дом убрал надписи.

Антонина смотрела на пустую страницу так, словно много лет знала, что однажды она заполнится.

— Прежде чем знакомиться с моей семьёй, — сказала она наконец, — вы должны понять одну вещь.

— Какую? — спросил Тарас.

Она подняла глаза.

— Я не единственная теща.

За дверью раздался стук.

Три коротких удара, два длинных и один такой, после которого родственники обычно переставляют мебель.

На косяке появилось:

«ПРИБЫЛ СОВЕТ ТЁЩ».

Эраст побледнел.

Тарас взял второй зонт.

— Один от дождя, — объяснил он. — Второй от родственных связей.

Антонина открыла дверь.

За ней стояли семь женщин, каждая из которых выглядела так, будто уже знает, что в этом доме сделано неправильно.

Первая улыбнулась Эрасту.

— Здравствуй, зять. Мы давно хотели познакомиться.

Дом тихо добавил на стене:

«Я СНОВА ХОЧУ БЫТЬ МУЗЕЕМ».

Часть тридцать пятая. Совет тещ

Глава триста сорок первая

Семеро у двери

Семь женщин вошли одновременно.

Дом попытался сделать прихожую шире, но прихожая посмотрела на гостей и предпочла стать коридором.

Первая женщина была высокая, в серебряном платье и с выражением лица человека, который уже нашёл пыль на верхней полке. Вторая несла корзину еды. Третья — свитки законов. Четвёртая — меч. Пятая — складной стул, потому что никому не доверяла мебель. Шестая улыбалась так ласково, что Великсар спрятал кошелек. Седьмая молчала.

— Представь нас, Тоня, — сказала первая.

Антонина Ладовна не любила, когда её называли Тоней. Поэтому всем стало ясно: положение серьёзное.

— Аглая Порядковна, хранительница быта. Доминика Сытовна, хранительница стола. Фемида Родионовна, хранительница семейных законов. Брунгильда Мироновна, хранительница семейного мира силовыми методами. Нега Добросердовна, хранительница утешения. Выгода Прохоровна, хранительница приданого. И Молчана Семёновна.

— Что хранит последняя? — шёпотом спросил Тарас.

Молчана посмотрела на него.

— Секреты, — ответила Антонина. — Поэтому молчи.

Первая гостья протянула Эрасту руку.

— Аглая. Старшая сестра Антонины.

— У неё нет сестёр, — сказал Эраст.

— Теперь есть семья, — заметил Квадратий.

— Я не сестра, — поправила Брунгильда. — Я последствия первого брака её двоюродной матери в мире, где родство наследуется после дуэли.

— Значит, почти родная, — решил Тарас.

Доминика открыла корзину. Стол появился сам.

— Сначала накормим, потом выясним, кто кому кем приходится.

— Наконец разумный человек, — сказала Антонина.

— Я тебе не человек. Я старшая тёща третьего круга.

Дом вывел на стене схему родства. Линии пересеклись, завязались узлом и попросили ножицы.

Фемида развернула свиток.

— Совет тёщ прибыл избрать Главную Тёщу Объединённых Миров. Антонина нарушила древний порядок: познакомилась с зятями без разрешения Совета, спасла несколько миров и ни разу не представила отчёт о качестве борща.

— Борщ был хороший, — сказал Эраст.

Все семь повернулись к нему.

— Самооговор, — прошептал Квадратий.

Глава триста сорок вторая

Экзамен для зятьёв

Совет решил начать с проверки мужчин.

— Почему нас? — спросил Тарас.

— Женщины уже выбрали вас, — ответила Фемида. — Теперь выясним, на каком основании.

Эраст получил три задания: починить табурет, ответить на вопрос «Ты действительно так думаешь?» и отличить просьбу от фразы «Делай как хочешь».

С табуретом он справился.

На втором задании попросил адвоката.

На третьем признал поражение до начала.

— Обучаем, — заключила Аглая.

Тарасу предложили донести десять пакетов за один раз. Он соединил ручки зонтом, поднял всё и застрял в двери.

— Практичный, — сказала Доминика.

— Небезопасный, — сказала Брунгильда.

— Наш, — сказала Мира.

Совет записал это как смягчающее обстоятельство.

Фёдору велели угадать, почему Софья молчит.

Он ответил:

— Потому что вы задаёте слишком много вопросов.

Софья поцеловала его.

Фемида поставила высший балл.

Великсар попытался купить освобождение от экзамена. Выгода Прохоровна назвала цену. Через пять минут они уже спорили о скидке, через десять создали совместное предприятие, через пятнадцать заподозрили друг друга в честности и разошлись.

— Опасный, — решила Выгода. — Беречь.

Последним вызвали Квадратия.

— Я не зять.

— В доме, где есть Совет тещ, это временно, — сказала Нега.

Ему дали чистый лист и велели написать, чего он хочет от семьи.

Квадратий долго сидел.

Потом написал: «Не потеряться снова».

Молчана впервые кивнула.

Дом незаметно открыл для него комнату.

На двери значилось:

«НЕ ЗЯТ. ПОКА».

Квадратий заклеил последнее слово официальной бумагой.

Бумага сама отклеилась.

Глава триста сорок третья

Семь правильных домов

Каждая теща считала, что Дом устроен неверно.

Аглая потребовала постоянных комнат и подписанных полок.

Доминика расширила кухню до размеров княжества.

Фемида ввела правила пользования дверями в сорока двух пунктах.

Брунгильда укрепила окна и назначила кота командующим обороной.

Нега превратила гостиную в мягкое место, где даже упрёки произносились подушками.

Выгода сдала чердак в аренду караванщикам.

Молчана ничего не сделала.

Именно её вариант напугал Дом больше всего.

К полудню он раскололся на семь версий.

В Доме Аглаи чашки стояли по росту, а жилыцы — по степени надёжности.

В Доме Доминики завтрак плавно переходил в обед и мешал наступлению истории.

В Доме Фемиды для входа в ванную требовалась подпись двух свидетелей.

В крепости Брунгильды чай подавали через бойницу.

У Неги никто не ссорился, потому что мягкие стены поглощали несогласие вместе со словами.

У Выгоды за каждый шаг начислялась плата за пользование полом.

Дом Молчаны выглядел прежним.

Только из него исчезли все семейные тайны.

— Где остальные? — спросила Вера.

— Каждый оказался там, где его считают наиболее подходящим, — ответила Антонина. Эраст застрял у Фемиды. Тарас — у Брунгильды. Дети попали к Неге. Великсар добровольно заперся у Выгоды, чтобы изучить тарифы противника.

Дом больше не мог собрать их за одним столом.

На семи стенах одновременно появилась одна надпись:

«КТО ИЗ НИХ ГЛАВНАЯ?»

Антонина посмотрела на сестёр, родственниц и последствия дуэли.

— Вот этого вопроса задавать не следовало.

Семь Домов начали голосовать комнатами.

Глава триста сорок четвёртая

Предвыборный борщ

Выборы Главной Тёщи назначили на ужин.

Право голоса получили все родственники, двери и одно зеркало, которое слишком много видело.

Каждая кандидатка представила программу.

Аглая обещала порядок.

— У каждой вещи будет место.

— А у каждого человека? — спросила Ника.

— Тоже. Не менять без разрешения.

Доминика обещала сытость.

— Никто не уйдёт голодным.

— А уйти вообще сможет? — уточнил Тарас.

Доминика доложила ему пирога.

Фемида обещала справедливость, Брунгильда — безопасность, Нега — покой, Выгода — самоокупаемость.

Молчана отказалась говорить.

Её рейтинг немедленно вырос.

Антонина не выдвигалась.

— Почему? — спросила Вера.

— Главная тёща должна отвечать за всех. Я предпочитаю отвечать каждому отдельно, пока он не убежит.

Для предвыборных дебатов сварили семь борщей. Каждый менял характер съевшего.

Борщ Аглаи заставил Эраста сложить носовой платок по линейке.

Борщ Брунгильды заставил Тараса объявить ложке поединок.

После борща Неги Антонина простила всех — и немедленно испугалась.

— Дайте солёный огурец. Срочно.

Выгода продавала дегустационные ложки.

Молчана поставила пустую тарелку.

— Это что? — спросил Костя.

Она приложила палец к губам.

На дне тарелки проступило воспоминание: все семь женщин стояли у границы мира без адреса и передавали младенцев через закрывающуюся дверь.

Одним ребёнком был Квадратий.

Вторым — Антонина.

А третий свёрток никто не успел вынести.

Молчана перевернула тарелку.

— Кто там остался? — спросила Антонина.

Молчана впервые заговорила:

— Та, которая теперь идёт сюда.

Глава триста сорок пятая

Восьмая тёща

Стук раздался сразу во всех семи Домах.

Двери распахнулись, и версии снова соединились от неожиданности.

На пороге стояла молодая женщина. Слишком молодая, чтобы быть ровесницей Антонины, и слишком спокойная, чтобы быть обычной родственницей.

— Зовите меня Восьмая, — сказала она.

— Это не имя, — возразил Квадратий.

— Ты жил в мире без адреса. Тебе ли жаловаться?

Восьмая вошла. Там, где ступала её нога, семейные портреты меняли лица. На одном Вера была дочерью Доминики. На другом Мира приходилась сестрой Брунгильде. На третьем Эраст оказался собственным двоюродным дедом и выглядел этим недовольным.

— Она хранит непрожитое родство, — объяснила Молчана. — Все связи, которые могли возникнуть, но не возникли.

— Зачем ты пришла? — спросила Антонина.

— Занять место Главной Тёщи. Тогда я выберу одну правильную семью из всех возможных.

— А остальные?

— Перестанут быть родственниками.

Дом содрогнулся. Его комнаты держались не кровью и не законом, а выбором людей оставаться вместе. Если Восьмая перепишет выбор, Дом рассыплется на случайные квартиры.

Фемида подняла свиток.

— Совет не признаёт незаявленных кандидатов.

Восьмая коснулась свитка. На нём появилась подпись, которую Фемида могла поставить вчера, но не поставила.

— Теперь признаёт.

Брунгильда обнажила меч.

Восьмая показала ей жизнь, где та выбрала мир. Меч превратился в садовые ножницы.

Нега попыталась обнять гостью. Восьмая показала ей утешение, после которого человек никогда не вставал. Нега отступила.

— Не спорьте с возможностями, — сказала Восьмая. — У них всегда больше аргументов, чем у прошлого.

Тарас раскрыл два зонта.

— Зато у настоящего больше свидетелей.

Восьмая улыбнулась.

И половина семьи забыла, что знакома с другой половиной.

Глава триста сорок шестая

Незнакомые родственники

Эраст проснулся в собственном кабинете и обнаружил там незнакомую женщину.

— Вы кто? — спросил он.

Вера посмотрела на него.

— Сейчас решу, обижаться или звать лекаря.

Тарас не узнавал Миру, зато был уверен, что её надо защитить. Мира не помнила Тараса, но заранее не одобряла его методы.

— Значит, основное сохранилось, — заключила Софья.

Дети помнили всех, потому что не считали родство чем-то окончательно установленным. Для них взрослые и раньше ежедневно становились немного другими.

Ника и Игнат начали собирать семью заново.

Они не рассказывали, кто кому кем приходится. Они устраивали ситуации.

Вере дали одну чашку на двоих с Эрастом. Через минуту он уступил, она принесла вторую, и оба почувствовали знакомое раздражение.

Тарасу предложили открыть опасную дверь. Мира одновременно сказала «не смей» и пошла рядом.

Фёдор услышал молчание Софьи и правильно понял его со второго раза.

Связи возвращались не от имён, а от привычек выбирать друг друга.

Восьмая наблюдала.

— Вы восстанавливаете не лучшую семью. Просто прежнюю.

— Она уже оплачена временем, — сказал Великсар. — Редкий актив.

Совет тещ тоже оказался расколот. Каждая увидела жизнь, где стала единственной хранительницей семьи. Аглая получила идеальный порядок и никого за столом. Доминика — бесконечный пир без голодных гостей. Фемида — справедливость, в которой некому прощать.

Одна за другой они отказались от своих возможностей.

Последней осталась Антонина.

Восьмая показала ей мир, где Вера никогда не встретила Эраста.

Тихий, безопасный, разумный мир.

— Признай, — сказала Восьмая. — Иногда ты хотела именно этого.

— Иногда, — ответила Антонина.

Эраст задержал дыхание.

— Но тогда мне некого было бы исправлять.

Она взяла зятя под руку.

Мир возможности треснул.

— Не обольщайся, — сказала Антонина. — Это не одобрение. Это долгосрочный надзор.

— Я и не сомневался.

Он снова узнал её.

К сожалению.

Глава триста сорок седьмая

Тайна Молчаны

Победить Восьмую можно было только назвав её настоящую связь.

Но это имя хранила Молчана.

— Ты молчала сорок лет, — сказала Антонина. — Пора.

Молчана покачала головой.

Каждая тайна давала ей силу. Рассказанная тайна освобождала других, но делала её обычной женщиной.

Восьмая протянула руку.

— Не слушай их. В жизни, которую я тебе дам, ты сохранишь всё и никого не потеряешь.

Перед Молчаной возник Дом, полный закрытых комнат. За каждой дверью жила невыданная тайна. Никто не страдал от правды, потому что никто её не знал.

— Удобно, — сказал Эраст.

— Страшно, — ответила Вера.

Молчана достала из волос маленький ключ.

— Восьмая не осталась в том мире ребёнком, — произнесла она. — Она вообще не была ребёнком.

Восьмая отшатнулась.

— Молчи.

— Когда граница закрылась, наши страхи сложились вместе. Страх не успеть. Страх выбрать не того. Страх, что другая жизнь была бы лучше. Из них появилась ты.

Лицо Восьмой дрогнуло.

— Я ваша сестра.

— Ты наша возможность сожалеть, — сказала Молчана. — Мы кормили тебя сорок лет каждым словом «если бы».

Дом открыл все окна.

Из комнат вылетели непрожитые жизни. Они кружились под потолком: несостоявшиеся свадьбы, ненаписанные письма, дороги, на которые никто не свернул.

Молчана рассказывала дальше. О детях у границы. О том, как Антонину вынесли первой. О Квадратии. О женщинах, которые разошлись по мирам и стали хранить разные стороны семьи, чтобы больше никогда не потерять её целиком.

С каждым словом волосы Молчаны седали.

Когда она закончила, перед ними стояла не хранительница секретов, а усталая женщина. Восьмая стала прозрачной.

— Если меня не будет, вы станете довольны любой своей ошибкой?

— Нет, — сказала Антонина. — Но ошибки хотя бы наши.

Глава триста сорок восьмая

Право на другую жизнь

Восьмая не исчезла.

Она села на ступеньку и впервые выглядела не опасной, а потерянной.

— Что мне делать, если я состою из непрожитого?

Приют Семёнович появился в дверях, словно ждал именно этого вопроса.

— Пожить.

— Где?

— Временно — у меня. Постоянно решишь потом.

Он поставил складную крышу. Под ней возникла одна комната с восемью окнами. Каждое показывало возможную жизнь, но дверь была только одна — в настоящее.

Восьмая вошла.

— А если я выберу неправильно?

— Тогда это перестанет быть возможностью и станет биографией, — сказал Приют Семёнович.

Совет тёщ отменил выборы.

— Главная нам не нужна, — признала Фемида. — Главная быстро начинает считать остальных приложениями.

Аглая навела порядок только в собственном чемодане.

Доминика оставила рецепты, но не расписание питания.

Брунгильда вернула ножницам форму меча, после чего подрезала ими розы.

Нега научилась утешать, не запрещая человеку вставать.

Выгода вернула плату за пол, удержав комиссию за нравственный урок.

Молчана попросила у Дома комнату без замка.

Дом дал ей дверь, которая открывалась от честного ответа.

— А если я не готова отвечать?

На косяке появилось:

«МОЖНО ПОСТУЧАТЬ».

Антонина подошла к Восьмой.

— Ты всё-таки наша родственница.

— Какая именно?

— Неопределённая. Это самая распространённая степень.

— И вы позволите мне вернуться?

— В гости. Без переписывания прошлого и со своим пирогом.

Восьмая улыбнулась.

Впервые её улыбка не создала другой мир.

Она просто понравилась Тарасу.

Мира посмотрела на него.

— Я оценил художественно, — быстро пояснил он.

— Сейчас создам тебе другую жизнь.

Глава триста сорок девятая

Родословная с дверями

Квадратий составил новую родословную.

Вместо линий крови он нарисовал двери.

Одна открывалась от Антонины к Вере. Другая — от Веры к Эрасту. Рядом была дверь Тараса и Миры, вечно приоткрытая на случай бегства или приключения. Детские двери меняли размер.

Семь тёщ соединялись общей прихожей. Восьмая получила окно: она ещё не решила, войти или остаться снаружи.

— Это не соответствует правилам генеалогии, — сказала Фемида.

— Правилам соответствует только мёртвое древо, — ответил Квадратий. — Живые родственники ходят.

Дом одобрил схему и сделал её настоящей.

Теперь, если кто-то вспоминал близкого, между ними появлялась дверь. Она не позволяла войти без разрешения, но давала возможность постучать.

Первой постучала женщина из мира без адреса — мать Квадратия. Он открыл не сразу.

Она принесла хлеб.

— Я не знаю, как быть твоей матерью взрослому человеку.

— Я не знаю, как быть сыном без инструкции.

— Начнём с чая?

— Это допустимая временная процедура.

Они сели на кухне.

Антонина хотела подсказать, но семь сестёр одновременно удержали её.

— Пусть сами, — сказала Аглая.

— Но чашки стоят неправильно.

— Это их неправильно.

Антонина задумалась.

Дом отметил на стене:

«ИСТОРИЧЕСКИЙ МОМЕНТ».

Вечером Совет собрался уезжать. Каждая оставила Дому подарок: полку, кастрюлю, свиток, ножницы, подушку, монету и открытый ключ.

— Мы ещё вернёмся, — предупредила Доминика.

Дом задрожал.

— Не бойся, — сказала Нега. — По очереди.

Дом перестал дрожать, но запер кладовую.

Глава триста пятидесятая

Родственник из будущего

После отъезда Совета в Доме стало подозрительно тихо.

Эраст наслаждался тишиной ровно три минуты.

Затем родословная Квадратия засияла. На ней появилась новая дверь — далеко внизу, там, где обычно размещают потомков.

— У кого-то родился ребёнок? — спросила Вера.

Все посмотрели друг на друга.

— Не у меня, — быстро сказал Тарас.

— Удивительная осведомлённость, — заметила Мира.

Дверь была старая, обожжённая и покрытая царапинами. Она вела не в соседний мир, а вперёд по времени.

Кто-то постучал.

Дом написал:

«РОДСТВО ПОДТВЕРЖДЕНО. ВРЕМЯ — НЕТ».

Эраст открыл.

На пороге стоял мужчина лет тридцати. У него были глаза Веры, осторожность Эраста и зонт Тараса, превращённый в оружие.

— Наконец-то, — сказал он. — Я искал вас двадцать лет.

— Кто вы? — спросила Антонина.

Мужчина посмотрел на неё с нежностью человека, который давно пережил все её советы.

— Ваш правнук.

Антонина села.

Дом увеличил стул на случай исторического события.

— Чей именно? — спросил Эраст.

— Если отвечу сейчас, один из вас постарается изменить будущее.

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— Потому что в моём времени это написано на памятнике.

Мужчина вошёл и закрыл дверь в будущее.

За ней бушевал пожар. В огне стоял повзрослевший Дом — огромный, пустой и единственный во всех мирах.

— Что случилось? — спросила Вера.

Гость положил на стол сломанный медный звонок Ники.

— Родственные двери соединили всех. А потом кто-то научился входить через тех, кого любят.

Дом погасил окна.

— Кто? — спросил Квадратий.

Правнук посмотрел на родословную.

Одна из нарисованных дверей медленно почернела.

— Первый родственник. Тот, от кого происходят все семьи.

Антонина поднялась.

— И он тоже хочет познакомиться?

— Нет, — сказал гость. — Он хочет, чтобы никто больше не был чужим.

— Звучит неплохо, — заметил Тарас.

— В будущем чужих не осталось. Вместе с ними исчезли личные двери, тайны и право не впускать.

В стену постучали.

Не снаружи.

Изнутри родословной.

Дом написал одно слово:

«ПРЕДОК».

Часть тридцать шестая. Первый родственник

Глава триста пятьдесят первая

Правнук без отчества

Гость из будущего представился Яром.

— А отчество? — спросил Квадратий.

— В моём времени отчества отменили. Предок решил, что все отцы общие.

Антонина побледнела сильнее Эраста, чем немедленно вызвала его профессиональную зависть.

Яр разложил на столе обгоревшую карту будущего. Все миры на ней соединялись дверями. Дверей было столько, что между ними не осталось стен.

— Сначала это казалось чудом, — сказал он. — Любой мог прийти к родным. Потом родственниками объявили всех. Отказ открыть дверь признали предательством семьи.

— Кто этот Предок? — спросила Вера.

— Первый человек, который однажды назвал другого своим.

— Он ещё жив?

— Он живёт в каждой связи. Родословная дала ему тело.

Нарисованная дверь почернела и приоткрылась. Из щели пахнуло всеми семейными обёдами сразу.

Дом попытался её закрыть.

На стене возникло:

«ОН ЗНАЕТ МОИ РУЧКИ».

Из двери вышел старик в одежде из родословных линий. Лицо его казалось знакомым каждому: Эраст видел собственного отца, Вера — деда, Тарас — человека, которому давно задолжал, хотя не помнил сколько.

— Дети, — сказал старик.

Все невольно шагнули к нему.

Антонина осталась на месте.

— Не называйте меня ребёнком. Сначала представьтесь.

— Я тот, благодаря кому никто не одинок.

— Это не имя. Это реклама.

Старик улыбнулся.

— Зови меня Родоначальником.

— Буду звать Предком. Короче и без претензии на премию.

Предок коснулся стола. Дерево выпустило корни, оплело ноги семьи и соединило их одной живой сетью.

Каждый услышал мысли остальных.

Тарас немедленно подумал, что это неудобно.

Мира мысленно согласилась.

Антонина подумала сразу обо всех недостатках Эраста.

— Верните обычный разговор, — попросил он. — Там хотя бы можно сделать вид, что не услышал.

Глава триста пятьдесят вторая

Семья без дверей

Предок убрал стены между комнатами.

Не разрушил — объявил ненужными между родственниками.

Спальня Эраста и Веры соединилась с кухней, кабинет — с детской, ванная — с залом Совета тёщ.

— Это безнравственно, — сказала Фемида Родионовна.

— Между своими нет секретов, — ответил Предок.

Молчана Семёновна посмотрела на него так, что три старые тайны сами спрятались под ковёр.

Дом пытался выращивать перегородки. Родословные корни пробивали их насквозь.

— Вы обещали избавить от одиночества, — сказала Восьмая. — А избавили от возможности побыть одному.

— Одиночество и уединение различают только те, кто ещё боится принадлежать.

Нега Добросердовна обняла Нику. Тут же объятие почувствовали все. Великсар потребовал исключить его из коллективной нежности. Брунгильда потребовала повторить, чтобы понять угрозу.

Предок открыл родственные двери во все миры.

В кухню вошли двоюродные короли, троюродные драконы, забытые дяди, возможные племянники и одна табуретка, изготовленная из семейного дерева.

— У неё тоже есть право войти, — объяснил Предок. — Материал родственный.

Доминика Сытовна взялась кормить гостей. Через час кухня исчерпала муку. Через два — пространство. Через три Дом написал:

«Я ЛЮБЛЮ ГОСТЕЙ. НО НЕ В ТАКОМ ГЕОЛОГИЧЕСКОМ КОЛИЧЕСТВЕ».

Яр показал Нике медный звонок.

— В будущем двери перестали звонить. Они открываются сами, если чувствуют родство.

— Тогда надо научить их чувствовать ещё кое-что, — сказала Дверина.

— Что?

— Отказ.

Она подошла к ближайшей двери и произнесла:

— Нет.

Дверь задрожала. Для неё это было новым словом.

Предок повернулся.

— Двери созданы, чтобы соединять.

— И чтобы закрываться, — ответила Дверина.

Впервые родословный корень отступил.

Глава триста пятьдесят третья

Наследство для всех

Предок решил завоевать семью добром.

Каждому он предложил наследство.

Эрасту — мудрость всех мужчин рода. В его голове немедленно заговорили тысячи предков, причём каждый знал, как правильно держать меч и воспитывать чужих детей.

— Верните моё невежество, — попросил Эраст. — Оно тише.

Вере досталась память всех женщин. Вместе с любовью она получила старые обиды, рецепты и точные сведения о том, кто в каком году не поблагодарил за пирог.

— Теперь я понимаю маму, — сказала она.

Антонина насторожилась.

— Полностью?

— Нет. До этого человечество ещё не доросло.

Тарасу Предок подарил семейную удачу. Тарас подбросил монету. Она упала на ребро, покатилась, сбила вазу и открыла тайник с золотом.

— Беру.

Мира отобрала монету.

— Сначала выясним, кому пришлось не повезти.

В соседнем мире у троюродного родственника рухнул сарай.

Тарас вернул подарок.

— Удача с общим счётом — это налог.

Квадратию досталось право знать каждого родственника по имени. Имена хлынули в голову: миллионы живых, умерших и ещё не родившихся.

Он упал на колени.

Мать обняла его и сказала три простых слова:

— Я тебя помню.

Остальные имена исчезли.

— Видите? — сказала Антонина Предку. — Одно личное воспоминание сильнее вашей оптовой близости.

— Вы боитесь богатства рода.

— Мы боимся подарков без возможности отказаться.

Предок поднял руки. Наследство превратилось в долг.

На каждом появилась невидимая обязанность жить так, чтобы не позорить всех предыдущих.

Дом застонал балками.

Яр шепнул:

— Именно так началось будущее.

Глава триста пятьдесят четвёртая

Предательство семьи

Чтобы остановить Предка, кто-то должен был добровольно выйти из родословной.

— Я выйду, — сказал Эраст.

— Нет, — одновременно ответили Вера и Антонина.

— Приятно, что хотя бы в критический момент вы согласны.

— Мы согласны, что решение глупое, — уточнила Вера.

Яр объяснил: разрыв должен совершить тот, через кого Предок войдёт в будущее. Но он не знал, кто это. В его времени происхождение скрывали, чтобы родители не попытались изменить историю.

— Удобно, — сказал Тарас. — Наследник есть, виноватых нет.

Квадратий развернул родословную. Все линии вели к Яру, но менялись при каждом взгляде.

В одной версии он был потомком Ники. В другой — Игната. В третьей — ребёнком ещё не случившегося брака, который Антонина уже не одобряла.

Предок объявил отказ от родства предательством.

По мирам разнеслось обвинение. Двери перестали выпускать тех, кто хотел побыть отдельно. Семьи собирали советы, советы — собрания, собрания — обязательные праздничные фотографии.

Самым тяжёлым наказанием стал бесконечный общий чат.

Сообщения приходили прямо в голову.

«Доброе утро всем!»

«Кто узнал себя на старой фреске?»

«Передайте ещё десяти родственникам, иначе семь лет будете чужими».

Тарас схватился за виски.

— Я готов предать кого угодно.

— Именно этого он ждёт, — сказала Мира. — Чтобы отказ выглядел ненавистью.

Молчана подошла к родословной и вычеркнула собственное имя.

Предок улыбнулся.

— Ты больше никому не родная.

— Неправда, — ответила Антонина. — Она моя сестра, даже если бумага против.

Остальные шесть тещ встали рядом.

Линия Молчаны исчезла, но связь осталась.

Предок пошатнулся.

— Так не бывает.

— Бывает, — сказал Квадратий. — Родство зарегистрировано личным решением.

Глава триста пятьдесят пятая

Комната одного человека

Дом создал комнату, куда мог войти только один человек.

Не самый важный. Не самый старший. Просто тот, кто первым попросит.
Попросил Костя.

— Я устал от всех.

— От меня тоже? — спросила Полина.

— Особенно от тех, кого люблю. Они громче.

Комната впустила его и закрылась.

Предок ударил по двери корнями. Дверь не открылась.

— Ребёнок не может исключить семью.

Изнутри донёсся голос Кости:

— Я не исключил. Я закрылся.

Разница оказалась достаточной. Корни ослабли по всему Дому.

Один за другим жильцы попросили собственные комнаты. Эраст — кабинет без советчиков в голове. Вера — окно, из которого никто не заглядывает. Мира — минуту без спасения Тараса. Тарас — две минуты, но получил одну.

Антонина дольше всех стояла у двери.

— Мне нечего скрывать.

Дом написал:

«МОЖНО НЕ СКРЫВАТЬ. МОЖНО ОТДЫХАТЬ».

Она вошла.

В комнате не было никого, кому требовался её совет.

Первые десять секунд Антонина считала это пустотой.

На одиннадцатой услышала собственные мысли.

На двенадцатой захотела выйти.

Но осталась до тринадцатой.

Когда все вернулись, они выбрали общий стол. Не потому, что стены исчезли, а потому, что двери открыли изнутри.

Предок смотрел на них с непониманием.

— Вы создаёте одиночество.

— Мы создаём расстояние, с которого можно прийти, — сказал Эраст.

Дом добавил:

«БЕЗ РАССТОЯНИЯ НЕТ ВОЗВРАЩЕНИЯ».

Яр улыбнулся.

В его будущем появилась первая закрытая дверь.

Глава триста пятьдесят шестая

Настоящее происхождение Яра

Будущее начало меняться.

У Яра исчезла обгоревшая куртка. Потом шрам на щеке. Затем зонт-оружие превратился в обычный зонт с утками.

— Это хорошее будущее? — спросил Тарас.

— Судя по уткам, спорное.

Родословная перестала дрожать. Линия происхождения Яра стала видимой.

Она вела не к Нике, не к Игнату и не к кому-то из детей.

Она шла к Дому.

— Дом не может иметь потомков, — сказал Квадратий.

На стене появилось:

«ПОЧЕМУ?»

Вселенная Андреевна проявилась в окнах.

— Потому что никто не предполагал обратного.

Яр коснулся косяка. Дом узнал его. Комнаты потянулись к гостю, как родственники, которые помнят младенца, но не знают, о чём говорить со взрослым.

— В будущем Дом научился создавать не комнаты, а людей, — объяснил Яр. — Тех, кому было некуда возвращаться. Я первый.

— Значит, ты не наш правнук? — спросила Антонина.

— Дом считал вас родителями. Ваших детей — братьями и сёстрами. Их детей — своим продолжением. По его счёту я правнук.

Дом написал:

«МОЙ».

Предок рассмеялся.

— Даже жилище захотело рода. Видите? От меня не уйти.

— Оно не создало Яра, чтобы владеть им, — сказала Вселенная. — Оно дало ему выход.

— И ждало возвращения, — добавил Эраст.

Яр открыл дверь в комнату одного человека.

— Я хочу войти один.

Дом впустил его.

Предок не смог последовать.

Линия между Яром и Домом осталась светлой, но перестала быть цепью.

Предок впервые увидел родство, которое не давало права входить.

Глава триста пятьдесят седьмая

Суд первого отца

Предок потребовал суда.

— Я создал семью. Они пользуются ею и отрицают мой закон.

Точка Фёдоровна Последняя прибыла с переносным многоточием.

— Кто истец?

— Первый родственник.

— Документы?

Предок показал миллионы родословных.

— Они подтверждают существование потомков, — сказала судья. — Но не вашу собственность на них.

Фемида Родионовна выступила защитницей семьи. Квадратий — экспертом по неточным связям. Антонина назначила себя свидетелем здравого смысла.

— Отвод, — потребовал Предок.

— Здравый смысл редко допускают в суд, — согласилась Точка. — Поэтому заслушаем.

Предок доказывал, что родственник обязан помогать, впускать, делиться и прощать.

— Всегда? — спросила Вера.

— Всегда.

— Даже если помощь разрушает?

— Родственная помощь не разрушает.

Тарас показал сарай троюродного родственника, погибший от общей удачи.

Предок назвал это допустимым семейным ущербом.

Дом предъявил закрытую дверь Кости.

— Зачем семье дверь? — спросила судья.

— Чтобы любовь не стала вторжением, — ответила Дверина.

Точка поставила многоточие.

— Суд признаёт: родство даёт возможность постучать, но не право войти.

Предок побледнел.

Все родственные двери получили замки.

Ключи появились только у тех, кому принадлежала каждая сторона.

— Вы уничтожили семью! — закричал Предок.

— Нет, — сказала Антонина. — Мы впервые дали ей воспитание.

Глава триста пятьдесят восьмая

Одинокый Предок

Лишённый всеобщего доступа, Предок стал уменьшаться.

Сначала исчезли родословные с его одежды. Потом знакомые лица. Остался очень старый человек, которого никто не помнил лично.

— Кто я теперь? — спросил он.

— Гость, — ответил Дом.

Перед стариком появилась дверь без ручки снаружи.

— Меня обязаны впустить.

— Нет, — сказала Дверина. — Но можешь постучать.

Предок не умел.

Он привык входить через кровь, фамилию, долг и чувство вины. Просьба казалась ему унижением.

Яр вернулся из комнаты и встал по другую сторону двери.

— Я слышу тебя.

— Тогда открой.

— Попроси.

Старик поднял руку. Опустил. Снова поднял.

Наконец ударил костяшками по дереву.

Три тихих удара.

— Можно мне войти?

Яр открыл.

Предок оказался в маленькой комнате с двумя стульями. Никаких потомков. Никаких миллионов голосов. Только один человек, добровольно согласившийся слушать.

— Это и есть семья? — спросил старик.

— Иногда. Иногда просто разговор.

— А если ты уйдёшь?

— Сможешь постучать снова.

Предок сел.

В будущем стены начали возвращаться. Люди закрывали двери, а потом открывали их тем, кого выбирали. Общий чат замолчал на целых четыре минуты.

Историки называли это Великой Тишиной.

Тарас предложил поставить ей памятник.

Антонина велела не шуметь.

Глава триста пятьдесят девятая

Новые правила родства

Совет тёщ составил правила.

Первое: родственник может попросить.

Второе: другой родственник может отказать.

Третье: отказ от визита не означает отказа от любви.

Четвёртое: фраза «мы же семья» не является универсальным ключом.

Пятое предложил Тарас:

— Зять имеет право на один свободный вечер.

Антонина вычеркнула.

Фемида восстановила.

— Решение суда.

Антонина впервые пожалела, что поддержала семейное право.

Дверина раздала дверям новые замки. Ника настроила медный звонок: теперь он звенел не при каждом воспоминании, а только когда человек действительно хотел встретиться.

Квадратий открыл Службу неточных адресов прямо в бывшем чулане Бюро. Первым делом зарегистрировал адрес Предка:

«КОМНАТА ДЛЯ ГОСТЯ, КОТОРЫЙ УЧИТСЯ ПРОСИТЬ».

Приют Семёнович взял старика в первое путешествие. Они отправились туда, где одинокие люди считали, что обязаны заслужить право на близость.

— Что мы будем делать? — спросил Предок.

— Предлагать крышу. Не родство.

— А если они не захотят?

— Пойдём дальше.

Для Предка это звучало жестоко.

Для Приюта — уважительно.

Яр готовился вернуться в будущее. Оно больше не горело. В окне виднелся город с множеством домов и личных дверей.

— Ты исчезнешь, если будущее изменилось? — спросила Ника.

— Не знаю.

Дом сжал его комнату, словно боялся отпустить.

Яр положил ладонь на стену.

— Родство не даёт тебе права удерживать меня.

Дом разжал стены.

На косяке появилось:

«ЗНАЮ. НО МОГУ СКУЧАТЬ».

— Это можешь.

Глава триста шестидесятая

Дом из будущего

Яр открыл временную дверь.

Перед уходом он обнял Веру, пожал руку Эрасту, позволил Антонине поправить воротник и подарил Тарасу зонт с утками.

— Почему мне?

— В моём детстве он висел в Доме как семейная реликвия.

Тарас просиял.

— Значит, я великий предок.

— Нет. Просто никто не решился выбросить.

Яр шагнул в будущее.

Дверь закрылась.

Он не исчез.

На родословной осталась светлая линия — не происхождение, а путь возвращения.

Семья села завтракать. Каждый закрыл за собой дверь и открыл её снова. Дом наслаждался новым правилом и временами спрашивал разрешения даже у шкафа.

В полдень пришло письмо.

Его доставил старый зонт, постучав ручкой.

«БУДУЩЕЕ СПАСЕНО. ПОЧТИ».

— Ненавижу это слово, — сказал Эраст.

Ниже Яр написал:

«ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ Я ОБНАРУЖИЛ ВТОРОЙ ДОМ. ОН УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО Я СОЗДАН ИМ, А ВАШ ДОМ УКРАЛ МЕНЯ ИЗ ДРУГОГО БУДУЩЕГО».

Дом прочитал письмо.

Стены возмущённо скрипнули.

Вселенная Андреевна погасила половину звёзд.

— Второй Дом невозможен, — сказала она.

В гостиной появилась ещё одна дверь.

Она была точной копией входной, только ручка находилась с другой стороны времени.

На ней возникла надпись чужим почерком:

«ВЕРНИТЕ МОЕГО СЫНА».

Дом ответил на своей стене:

«ОН МОЙ».

— Только что приняли правила, — напомнила Вера.

Обе надписи изменились.

«МОЖНО С НИМ ПОГОВОРИТЬ?»

— Уже лучше, — сказала Антонина. — Но сначала я хочу увидеть родителей второго Дома.

Тарас раскрыл зонт с утками.

— Кажется, мы идём знакомиться со сводной недвижимостью.

Чужая дверь открылась.

За ней стоял Дом, выстроенный вверх ногами, и целый мир жил на его потолке.

Часть тридцать седьмая. Два дома на одного сына

Глава триста шестьдесят первая

Дом вверх ногами

Чужой Дом стоял крышей на земле.

Его фундамент служил небом, трубы росли вниз, а дым возвращался в печи, словно передумал участвовать в отоплении.

На потолке жил целый город. Жители ходили подошвами вверх и считали нормальными именно себя.

— Не смотрите вниз, — предупредил Яр из будущего.

Тарас посмотрел.

— Красиво падаем.

Мира схватила его за пояс раньше, чем гравитация оформила приглашение.

Навстречу семье вышла женщина в строгом фартуке. На её плечах сидели два водостока, а вместо украшения на шее висел дверной молоток.

— Я Управия, голос Верхнего Дома, — сказала она. — Вы похитили Яра двадцать лет назад, которых у вас ещё не было.

Дом семьи написал на ближайшей стене:

«Я ЕГО СОЗДАЛ».

Верхний Дом ответил надписью на потолке:

«Я ЕГО ВЫРАСТИЛ».

— Одно другому не мешает, — заметила Вера.

Оба Дома одновременно захлопнули двери.

Антонина осмотрела Управию.

— Вы ему кто?

— Старшая смотрительница.

— То есть мать по должности?

— Должность не предполагает чувств.

С потолка упала вверх чашка. Управия поймала её, проверила, не разбилась ли, и тихо погладила край.

Антонина кивнула.

— Разумеется.

Яр объяснил: в его детстве он помнил два Дома. Один создавал комнаты, когда ему было страшно. Второй переворачивал мир, чтобы он никогда не падал.

— Я думал, это один Дом, — сказал он. — Теперь прошлое изменилось, и они разделились.

По небу-фундаменту прошла трещина.

Каждый спор двух Домов создавал две версии события.

В одной Яр принадлежал первому.

В другой — второму.

А между версиями мальчик, которым он когда-то был, начал исчезать.

Глава триста шестьдесят вторая

Опека над будущим

Квадратий открыл заседание прямо на потолочной площади.

— Предмет разбирательства: происхождение гражданина, ещё не созданного в нашем времени.

— Я уже создан, — возразил Яр.

— Это осложняет формулировку, но не делопроизводство.

Верхний Дом представил доказательства: детскую комнату Яра, царапины его роста на трубе и семьсот сорок две ночи, когда Управия сидела у его двери.

Дом семьи показал первоначальную родословную и комнату одного человека, где Яр впервые научился быть отдельным.

— Кто из вас отец, а кто мать? — спросил Тарас.

Оба Дома закричали.

— Хорошо. Отменяю вопрос до укрепления перекрытий.

Фемида Родионовна предложила совместную опеку.

— По нечётным дням Яр принадлежит одному Дому, по чётным — другому.

— Я не принадлежу дням, — сказал Яр.

Антонина одобрительно посмотрела на него.

— Хорошо воспитан. Кем-то из них.

Управия вызвала свидетеля — старого каменщика Клада Осиповича. Он помнил, как Верхний Дом однажды нашёл младенца в комнате, которой вчера не было.

— Дом сказал, что ребёнок пришёл снизу, — сообщил он.

— А где было снизу? — спросил Эраст.

Клад показал вверх.

Все посмотрели на фундамент-небо.

Там открылась маленькая дверь. За ней виднелась детская комната их Дома.

Оказалось, два жилища не создавали двух Яров.

Они держали одну и ту же комнату с разных сторон времени.

— Значит, мы оба его родители, — написали Дома одновременно.

— Значит, вы оба стены, — сказал Яр. — А родитель тот, кто отпускает из комнаты.

Дверь захлопнулась.

Оба Дома обиделись.

Глава триста шестьдесят третья

Лучшее детство

Дома решили доказать любовь соревнованием.

Каждый построил Яру идеальное детство.

В первом он рос среди семьи. Антонина кормила его по расписанию, Эраст учил осторожности, Тарас — всему, от чего требовалась осторожность.

Во втором Управия защищала его от войн будущего. Верхний Дом переворачивал опасности вверх ногами, и они падали в небо.

— Выбирай, — потребовали стены.

Яр вошёл в первое детство. Там было тепло, шумно и ни одной свободной минуты.

Вошёл во второе. Там было безопасно, тихо и ни одного риска, который позволил бы ему повзрослеть.

— Оба хорошие, — сказал он. — Поэтому оба ненастоящие.

Дома не поняли.

— В настоящем детстве взрослые ошибаются, — объяснила Вера. — Иногда даже мать. Антонина подняла брови.

— Теоретически.

Яр нашёл в каждой версии по одному изъяну. В первой — разбитое окно, которое никто не успел починить. Во второй — лестницу, с которой он однажды упал, несмотря на перевёрнутую тяжесть.

Он соединил изъяны.

Появилось его настоящее воспоминание: мальчик разбил окно, испугался наказания, убежал по лестнице и упал прямо в руки Управии. Она сначала обняла его, потом отчитала, потом снова обняла, чтобы порядок событий не выглядел слабостью.

— Вот моё детство, — сказал Яр. — Не лучшее. Моё.

Управия отвернулась.

Антонина встала рядом.

— Иногда дети запоминают не идеальный поступок, а неправильную последовательность.

— Вы меня утешаете?

— Не преувеличивайте. Я делюсь профессиональным наблюдением.

Два идеальных детства рассыпались.

Осталась одна разбитая рама.

Дом семьи немедленно предложил починить.

Верхний Дом приказал сохранить как историческое свидетельство.

Спор продолжился.

Глава триста шестьдесят четвёртая

Раздвоение настоящего

К утру настоящее раскололось.

В одной половине Дом всегда создавал Яра.

В другой его всегда находил Верхний Дом.

Эраст проснулся с двумя воспоминаниями. В первом он держал младенца и боялся уронить. Во втором никогда не видел Яра до вчерашнего дня.

Вера помнила, как шила детскую рубашку, и одновременно знала, что не умеет шить.

Тарас обнаружил два зонта с утками. Один был реликвией. Второй — дешёвой подделкой, но открывался лучше.

— Оставим оба, — решил он. — Историческая истина должна быть практичной.

Мира отобрала подделку времени.

Города раздваивались. Люди встречали собственные версии и спорили, кто из них раньше занял квартиру. Квадратий создал форму «Заявление о совпадении с собой», но получил два взаимоисключающих образца.

Вселенная Андреевна предупредила:

— Если Дома не перестанут доказывать прошлое, настоящее выберет обе версии. Тогда каждое решение будет происходить и не происходить одновременно.

— У нас так половина семейных советов проходит, — сказал Эраст.

— Теперь они никогда не закончатся.

Это убедило всех.

Дверина нашла точку раскола — детскую дверь Яра. Одна сторона принадлежала семейному Дому, другая Верхнему.

— Нужно снять дверь, — сказала она.

— Тогда комната выпадет из времени, — ответил Яр.

— Вместе с тобой?

— Возможно.

Оба Дома немедленно укрепили петли.

— Вот и договорились, — заметила Антонина. — Теперь осталось убедить их, что спасти сына можно не только удерживая дверь.

Глава триста шестьдесят пятая

Побег из двух домов

Яр сбежал.

Он оставил записку:

«НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ В КОМНАТАХ».

Оба Дома начали искать в комнатах.

Семейный Дом открыл тысячу дверей. Верхний перевернул город и вытряхнул из зданий жильцов, мебель и три давно потерянные серёжки.

— Хорошие родители, — сказала Антонина. — Читают только то, что подтверждает тревогу.

Ника догадалась искать там, где нет стен.

Яр сидел на краю времени между двумя будущими. Под ногами одно будущее горело, другое было безупречно безопасным и совершенно пустым.

— Я не хочу быть причиной их существования, — сказал он.

— Ты и не причина, — ответила Ника. — Ты повод. Причина — их страх оказаться ненужными.

Игнат принёс медный звонок. Он позвонил обоим Домам, но не открыл дверь.

— Что ты хочешь? — спросил Эраст Яра.

— Чтобы они перестали решать, где я должен жить.

— А где ты хочешь?

Яр посмотрел на два будущих.

— Пока нигде. Я хочу увидеть миры.

Приют Семёнович снял складную крышу.

— Место в дороге найдётся.

Дома загрохотали. Один создал вокруг Яра стены. Второй перевернул дорогу так, чтобы она вела обратно.

Яр достал два ключа.

Первый вернул семейному Дому.

Второй — Управии.

— Откройте, когда я постучу. Не раньше.

Он шагнул под крышу Приюта Семёновича.

Настоящее перестало раздваиваться.

Но детская дверь треснула пополам.

Глава триста шестьдесят шестая

Половина комнаты

Каждому Дому досталась половина детской комнаты.

Семейному — кровать и одна стена с отметками роста.

Верхнему — окно, разбитая рама и потолок, который у него считался полом.

— Нечестно, — написали оба.

— Родительство редко делят по площади, — сказал Квадратий.

Фемида предложила договор о совместном воспоминании. Дома обязались не менять прошлое Яра без его согласия, не создавать идеальных версий и не использовать детские рисунки как доказательство исключительной любви.

Последний пункт вызвал спор.

У семейного Дома был рисунок с квадратной крышей.

У Верхнего — тот же рисунок вверх ногами.

— Возможно, ребёнок рисовал стол, — сказала Мира.

Оба Дома замолчали.

Управия подписала договор за Верхний Дом. Эраст — за семейный.

— Почему я? — спросил он.

Дом написал:

«У ТЕБЯ ПОЧЕРК ОСТОРОЖНЕЕ».

После подписания половины комнаты не соединились. Между ними осталось узкое пространство.

Дверина заглянула внутрь.

— Здесь помещается ещё одна жизнь.

Из щели выпал маленький деревянный конь. На боку было вырезано имя, которого никто не знал.

Управия побледнела.

— В детской жили двое детей.

— Где второй? — спросила Вера.

— Я не помню.

Оба Дома одновременно стёрли имя с игрушки.

Антонина медленно посмотрела на стены.

— Вот теперь вы ведёте себя одинаково. Значит, скрываете одно и то же.

Глава триста шестьдесят седьмая

Ребёнок между будущими

Молчана Семёновна восстановила имя угольной пылью.

На коне проступило: «Лада».

— Девочка? — спросила Ника.

Управия вспомнила. В детской действительно было двое: Яр и девочка, появившаяся вместе с ним. Яр создавал двери. Лада умела их закрывать так, что за ними исчезали целые варианты будущего.

— Дома разделили детей, — сказала Управия. — Яра оставили в общей памяти. Ладу спрятали между версиями, потому что боялись её силы.

— Где она сейчас? — спросил Эраст.

Щель между половинами комнаты ответила детским голосом:

— Везде, куда вы решили не идти.

Восьмая вздрогнула. Непрожитые жизни потянулись к щели.

— Она моя противоположность, — сказала Восьмая. — Я храню возможности. Она ставит точку.

Точка Фёдоровна Последняя прибыла без приглашения.

— Меня звали?

— Нет.

— Поэтому и пришла. Кто-то закрывает будущие дела без судебного решения.

Лада появилась между дверями. На вид ей было десять лет, хотя она прожила двадцать лет в месте, где время не решилось идти.

Она посмотрела на два Дома.

— Вы спорили из-за Яра. А меня спрятали, чтобы не пришлось выбирать.

Стены обоих Домов опустились от стыда.

— Верните мне сына, — раньше написал Верхний Дом.

Теперь новая надпись появилась сразу на двух половинах:

«ПРОСТИ».

— Не сейчас, — ответила Лада.

Двери вокруг неё начали закрываться.

Вместе с каждой исчезал один возможный мир.

Глава триста шестьдесят восьмая

Мир с одним будущим

Лада закрывала варианты быстро.

Исчез мир, где Эраст стал королём.

— Жаль, — сказал Тарас.

— Спасибо, — сказал Эраст.

Исчез мир, где Тарас ни разу не открыл опасную дверь.

Так никто и не заметил разницы.

Исчезли миры без войн, с вечными праздниками, с идеальными семьями и с борщом, который нравился всем.

— Последний был явно вымышленным, — сказала Антонина.

Каждое закрытие делало настоящее прочнее. Но вместе с опасными возможностями исчезала свобода выбора.

— Останется одно будущее, — объяснила Восьмая. — Надёжное. Неизбежное.

— Похоже на расписание Аглаи, — заметил Тарас.

— Поэтому опасно, — согласилась Антонина.

Яр вернулся с Приютом Семёновичем. Он услышал зов Лады через все закрытые двери.

— Я помню тебя, — сказал он.

— Поздно.

— Да. Но это не значит никогда.

Лада закрыла дверь мира, где брат вовремя спас её.

Яр не исчез.

— Я не прошу вернуть ту жизнь. Давай сделаем следующую.

Он протянул руку.

Лада не взяла.

Зато перестала закрывать двери.

Семейный Дом создал для неё комнату.

Верхний Дом перевернул её так, чтобы у комнаты было два выхода.

Лада посмотрела.

— Опять решаете за меня?

Оба Дома немедленно разобрали комнату.

— Обучаемые, — признала Антонина.

Лада впервые улыбнулась.

Глава триста шестьдесят девятая

Третий ключ

Чтобы сохранить варианты будущего, Ладе требовался ключ, который не принадлежал ни одному Дому.

Квадратий изготовил его из пустой строки документа. Дверина выточила зубцы из слова «нет». Восьмая добавила металл непринятого решения.

Получился прозрачный ключ.

— Что он открывает? — спросила Лада.

— Ничего без тебя, — ответила Дверина.

Лада вставила его в щель между будущими. Щель превратилась в собственную дверь — третью, не ведущую ни к одному из родителей.

За ней была дорога.

Яр встал рядом.

— Пойдём вместе?

— Иногда.

— Хороший ответ.

Управия сняла с шеи дверной молоток и отдала Ладе.

— Чтобы мы не открыли раньше, чем ты постучишь.

Дом семьи подарил пустую табличку.

Лада ничего на ней не написала.

Два Дома заключили мир. Они оставались разными версиями одного родительского страха, но больше не доказывали, кто настоящий.

Верхний Дом перевернулся на бок. Город некоторое время съезжал к восточной стене, зато трубы впервые увидели небо.

— Как теперь вас называть? — спросил Тарас.

На его фасаде появилось:

«**БОКОВОЙ ДОМ**».

— Мудро, — сказал Эраст. — Не вверх и не вниз.

— Просто ремонт не закончен, — пояснила Управия.

Яр и Лада ушли по третьей дороге.

Они обещали вернуться.

Дома поверили не сразу, но двери оставили открываемыми.

Глава триста семидесятая

Мир, который выбрали за всех

Семья вернулась домой с одним деревянным конём, двумя договорами и зонтом с утками.

Дом был непривычно тих.

Он учился не создавать комнаты для отсутствующих детей раньше, чем они попросят.

Антонина поставила коня на полку.

— Двух Домов для одного сына много.

— А семи тёщ для одного зятя? — спросил Эраст.

— Недостаточно при твоём опыте.

Квадратий проверил карту времён. Раздвоения исчезли. Большинство возможных миров вернулось.

Кроме одного.

На месте целой группы будущих лежала ровная чёрная линия.

— Лада закрыла их? — спросила Вера.

Восьмая коснулась линии и отдёрнула руку.

— Нет. Их кто-то объединил.

Из чёрной линии пришло официальное приглашение:

«**ВАШ МИР ВКЛЮЧЁН В ЕДИНСТВЕННО ПРАВИЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ. ЯВКА НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНА, ПОСКОЛЬКУ СОГЛАСИЕ УЖЕ ПОЛУЧЕНО ОТ ВАШИХ ЛУЧШИХ ВЕРСИЙ**».

Эраст перечитал.

— У меня есть лучшая версия?

— Она не живёт с нами, — сказала Антонина.

Дверь открылась.

На пороге стояли другие Эраст, Вера, Тарас, Мира и Антонина. Красивее, спокойнее и совершенно уверенные в каждом решении.

Лучший Эраст улыбнулся настоящему.

— Мы пришли исправить ваши ошибки.

Лучшая Антонина посмотрела на Дом.

— Начнём с планировки.

Дом написал:

«НАСТОЯЩАЯ ХОТЯ БЫ ИНОГДА СОМНЕВАЕТСЯ».

Настоящая Антонина прочитала.

— Иногда?

Дом быстро стёр последнее слово.

Идеальная семья вошла без стука.

Все замки признали их хозяевами.

Часть тридцать восьмая. Наши лучшие версии

Глава триста семьдесят первая

Люди без недостатков

Идеальная семья вошла и сразу сняла обувь.

Не оставила грязи, не перепутала тапочки и не спросила, где повесить плащи. Дом всё приготовил заранее, потому что замки признали гостей хозяевами.

Лучший Эраст был строен, решителен и никогда не поправлял очки от волнения. Лучший Тарас держал зонт закрытым, пока не требовался дождь. Лучшая Вера улыбалась спокойно. Лучшая Мира не ожидала беды от каждого движения мужа.

Лучшей Антонине Дом сам подал стул.

Настоящая Антонина посмотрела на него.

Стул немедленно отодвинулся.

— Мы прибыли из Единственно Правильного Будущего, — сказал лучший Эраст. — Там каждая ошибка исправляется её удачной версией.

— И как вам живётся? — спросил настоящий Эраст.

— Безупречно.

— Соболезную.

Лучший Тарас положил на стол идеально сложенную карту.

— Мы заменим вас постепенно. Читатели перемен не заметят.

— Читатели всё замечают, — сказала Вера. — Особенно если герой вдруг начинает вести себя разумно.

Лучшие версии взялись за работу. Эраст за минуту решил три государственных кризиса. Тарас закрыл опасную дверь, не открывая. Вера примирила два мира до ссоры. Мира обезвредила ловушку до её создания.

Лучшая Антонина осмотрела кухню и сказала:

— Всё вполне приемлемо.

Дом погасил свет от ужаса.

— Это не я, — сказала настоящая Антонина. — Подмена очевидна.

Но двери открывались перед двойниками быстрее. Стены отвечали на их просьбы до того, как те успевали попросить.

Совершенство оказалось очень удобным.

И поэтому опасным.

Глава триста семьдесят вторая

Исправление Эраста

Лучший Эраст предложил оригиналу обменяться обязанностями на один день.

— Ты отдохнёшь. Я закончу всё, что ты откладывал.

Через час были разобраны архивы, подписаны договоры и починен стул, который Эраст считал философской проблемой последние три года.

— Неприятный человек, — признал настоящий Эраст.

— Потому что лучше тебя? — спросила Вера.

— Потому что доказывает это мебелью.

Лучший Эраст никогда не сомневался. Он выбрал кратчайший путь к миру, отказался от рискованного союза и запретил Тарасу приближаться к дверям без письменного разрешения.

К вечеру Дом стал безопаснее.

И скучнее.

Исчезли тайные лестницы. Коридоры перестали приводить не туда. Чай не остывал, потому что лучший Эраст рассчитал время разговора.

— Зачем оставлять ошибки? — спросил он. — Они мешают результату.

Настоящий Эраст показал на старую царапину у двери.

— Здесь Вера бросила в меня подсвечник.

— Я промахнулась, — сказала Вера.

— Именно. После этого мы впервые честно поговорили.

Лучший Эраст стёр царапину.

Вера забыла тот разговор.

Вместе с ним исчезло одно примирение. Между супругами стало на полшага холоднее.

— Верни, — сказал Эраст.

— Это повреждение стены.

— Это наша повреждённая стена.

Он сам ударил подсвечником по тому же месту. Получилась кривая вмятина.

Вера вспомнила.

Дом обвёл вмятину рамкой.

Лучший Эраст впервые нахмурился.

— Вы сохраняете неудачи.

— Нет. Мы сохраняем дорогу после них.

Глава триста семьдесят третья

Тарас, который подумал

Лучший Тарас ни разу не попал в беду.

Он проверял мосты, читал предупреждения и никогда не говорил «а что будет, если» рядом с магическими механизмами.

Настоящий Тарас следил за ним с подозрением.

— Он явно что-то задумал.

— Он именно думает, — ответила Мира. — Для тебя это выглядит подозрительно.

Лучший Тарас показал статистику: в его будущем было спасено на сорок два мира больше, погибло на семь зонтов меньше и ни одна свадьба не сорвалась из-за случайного дракона.

— Убедительно, — сказала Мира.

Настоящий Тарас замолчал.

К обеду он решил, что семья действительно заслуживает лучшую версию.

— Я уйду добровольно.

Мира не стала удерживать.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Лучший Тарас понял бы, что я жду продолжения.

Тарас задумался. Это было тяжело, но необходимо.

Тем временем лучший двойник обнаружил дверь с надписью «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Он прочитал инструкцию, запечатал проход и составил отчёт.

За дверью плакал потерявшийся ребёнок из соседнего мира.

Настоящий Тарас услышал, открыл и вытащил его.

— Предупреждение было правильным, — сказал лучший.

— А дверь — нет.

— Ты мог погибнуть.

— Мог. Но он погибал точно.

Мира обняла настоящего Тараса.

— Ты безнадежен.

— Это окончательное решение?

— Ежедневно подтверждаемое.

Лучший Тарас впервые посмотрел на закрытый зонт как на недостаток.

Глава триста семьдесят четвёртая

Безупречная тёща

Лучшая Антонина никому не давала непрошенных советов.

Она спрашивала разрешения, уважала границы и считала выбор дочери достаточным основанием не вмешиваться.

Вся семья была потрясена.

— Возможно, оставим её? — шепнул Эраст Вере.

— Мама слышит шёпот через три стены.

— Какая именно?

Обе Антонины ответили:

— Обе.

Лучшая готовила правильную еду, хвалила зятьёв и никогда не вспоминала их прежние ошибки. Рядом с ней было легко.

На третий день Вера пришла к ней с трудным вопросом.

— Я боюсь, что не справлюсь.

— Ты взрослый человек и сама выберешь решение, — мягко сказала лучшая мать.

Вера вышла ещё более одинокой.

Настоящая Антонина догнала её в коридоре.

— Ты справишься плохо, потом переделаешь, а если понадобится — я буду рядом и постараюсь не мешать слишком заметно.

Вера улыбнулась.

— Спасибо.

Лучшая Антонина наблюдала.

— Ты лишаешь её самостоятельности.

— Я оставляю ей право быть слабой не в одиночку.

— Поддержка должна быть корректной.

— Поддержка должна быть вовремя. Корректность можно подать к чаю.

Дом поставил перед настоящей Антониной чашку.

Перед лучшей — руководство по этичному чаепитию.

Впервые замки не открылись перед идеальной версией.

Она постучала.

Настоящая впустила.

— Учись, — сказала она. — Но не слишком быстро. Второй меня в семье не выдержат.

Глава триста семьдесят пятая

Город исправленных судеб

Идеальные версии пригласили семью в своё будущее.

Город был чист, безопасен и построен без единого неверного поворота. Люди выбирали профессии с первой попытки, женились один раз и покупали вещи правильного размера.

На площади стоял памятник Ошибке. Его никто не посещал.

Проводником стала Оптимия Максимовна — управляющая удачными решениями. Она носила часы без секундной стрелки: в правильной жизни секунды не тратились зря.

— Здесь каждый получает лучшую судьбу, — сказала она.

— Кто определяет лучшую? — спросила Мира.

— Совет ваших лучших версий.

Эраст увидел себя великим правителем. Вера — мудрой хранительницей миров. Тарас — человеком, который ни разу не опозорился публично.

— Последнее доказывает подделку, — сказал он.

В городе не было больниц: болезни исправляли до возникновения. Не было судов: преступные мысли заменяли полезными. Не было кладбищ: смерть считалась неудачным итогом и переносилась на потом.

— А где люди, которые отказались от лучшей судьбы? — спросила Ника.

Оптимия показала на гладкую стену за городом.

— Они живут в Неоптимальном Остатке.

За стеной шумел огромный настоящий мир: кривой, бедный, весёлый и полный людей, которые выбрали не то, но продолжали выбирать.

— Вот где будущее, — сказала Восьмая.

— Нет, — возразила Оптимия. — Там последствия.

— Будущее из них и состоит.

Лучшая семья закрыла ворота.

Оригиналы оказались в идеальном городе без права вернуться к собственным ошибкам.

Глава триста семьдесят шестая

Неоптимальный остаток

Тарас открыл канализационный люк.

— В правильных городах неправильные выходы особенно полезны.

Под землёй обнаружили все решения, которые город отверг. Несостоявшиеся профессии ремонтировали трубы. Отменённые знакомства играли в карты. Ненаписанные книги поддерживали потолок толстыми черновиками.

Их встретил Хром Савельевич Недоделанный — мастер с одной серебряной рукой и двумя незаконченными биографиями.

— Вы оригиналы? — спросил он.

— По документам, — сказал Квадратий.

— Тогда докажите ошибкой.

Эраст назвал неправильное решение, которое всё ещё болело.

Вера — слово, сказанное слишком поздно.

Мира — человека, которого не смогла спасти.

Тарас задумался.

— Можно список приложить отдельно?

Хром рассмеялся и впустил их.

Жители Остатка строили лестницу через стену. Она была кривая, каждая третья ступень отсутствовала, зато люди достраивали её вместе.

— Почему не попросите идеальные версии исправить лестницу? — спросила Полина.

— Они исправят и цель, — ответил Хром. — Решат, что нам не нужно уходить.

Дом не мог войти в правильное будущее целиком. Но через старую вмятину от подсвечника просочилась его надпись:

«Я ВИЖУ ВАС».

— Как? — спросил Эраст.

«ПО СЛЕДАМ».

Совершенные версии не оставляли следов.

Дом шёл за царапинами, недоделками и дверями, закрытыми не до конца.

Впервые недостатки стали картой.

Глава триста семьдесят седьмая

Война без ошибок

Лучшие версии начали зачистку Остатка.

Они не нападали. Они исправляли.

Кривую лестницу выпрямили так, что она перестала доходить до нужной стены. Серебряную руку Хрома заменили настоящей — и он забыл, как стал мастером. Незаконченные книги дописали одинаковыми счастливыми концами.

— Это хуже огня, — сказал Эраст.

— Огонь хотя бы признаёт, что уничтожает, — ответила Вера.

Оригиналы сражались тем, что идеальные не могли предсказать.

Тарас открыл дверь без причины. Она вывела в кладовую победы, где лучшие хранили ещё не использованные триумфы.

Мира нарочно не обезвредила ловушку, а перенесла её на два шага. Лучшие наступили туда, где её не должно было быть.

Эраст составил плохой план с хорошим запасным выходом.

Антонина дала совет, которого никто не просил. Он оказался неверным, зато противник потратил силы на его исправление.

Дом вошёл через вмятину и вырос вокруг Остатка.

— Ты впустил недостатки, — сказал лучший Эраст.

На стене появилось:

«ОНИ УЖЕ ЖИЛИ ВО МНЕ».

Лучшая Антонина потребовала, чтобы Дом выбрал достойных хозяев.

Дом открыл две двери.

Перед идеальными — парадную.

Перед настоящими — старую кухонную, перекошенную после третьего спасения мира.

Все оригиналы пошли к кухонной.

Дом закрыл парадную.

— Почему? — спросила Оптимия.

«ОНИ ЗНАЮТ, ГДЕ ЗАЕДАЕТ РУЧКА».

Глава триста семьдесят восьмая

Право быть хуже

Точка Фёдоровна устроила суд прямо на лестнице Остатка.

Идеальные версии требовали право заменять оригиналов, если улучшение доказано.

— Лучший врач заменяет худшего, — сказала Оптимия. — Лучший мост — опасный.

Почему человек должен сохранять неудачную версию себя?

— Потому что человек не мост, — ответила Вера.

— Иногда мост, — заметил Тарас. — Когда на нём все ездят.

Судья спросила лучших, что они потеряли ради совершенства.

Лучший Эраст не помнил сомнений, научивших его осторожности.

Лучшая Вера не помнила прощений, потому что никогда не обижалась.

Лучший Тарас не спас ребёнка за опасной дверью.

Лучшая Антонина не причинила близким неудобств — и ни разу не осталась рядом против правил.

— Мы эффективнее, — сказал лучший Эраст.

— Но вы не продолжение нас, — ответил оригинал. — Вы результат удаления.
Хром Савельевич поднял серебряную руку.

— Исправленная рука работает лучше. Но эта помнит, ради кого была потеряна.
Точка поставила многоточие.

— Суд признаёт право человека быть хуже доступной версии себя.

— Это безумие.

— Дополнительно признаётся право становиться лучше самостоятельно, без замены личности.

Идеальные двойники начали тускнеть.

Их существование держалось на согласии мира, что оригиналы недостаточны.

Согласие было отозвано.

Глава триста семьдесят девятая

Ошибка идеального Эраста

Все двойники исчезли, кроме лучшего Эраста.

Он отказался.

— Я должен завершить миссию.

— Желание завершить всё — уже недостаток, — заметил настоящий Эраст.

Лучший замер.

Впервые он ошибся: остался, когда следовало исчезнуть.

На рукаве появилась складка. Потом он неуверенно поправил очки, которых раньше не носил.

— Что со мной происходит?

— Биография, — сказал Хром Савельевич.

Лучший Эраст вспомнил, как стёр царапину со стены. Вина не была предусмотрена его устройством. Она сделала его живым и очень неудобным самому себе.

— Я не могу вернуться в Правильное Будущее.

— Почему?

— Там нет места версиям, которые ошиблись.

Настоящий Эраст открыл дверь Дома.

— У нас место найдётся. Мы на этом специализируемся.

Антонина возразила:

— Двух Эрастов я не согласовывала.

— Зато теперь сможете сравнивать.

Она задумалась.

— Оставайся.

Оба Эраста пожалели о предложении.

Лучший выбрал себе имя Раст, чтобы не путать чашки, подписи и степень виновности.

Дом дал ему небольшую комнату рядом с мастерской Хрома.

На двери написал:

«*ВЕРСИЯ В РАБОТЕ*».

Раст исправил надпись:

«*ЧЕЛОВЕК*».

Дом согласился.

Глава триста восьмидесятая

Тот, кто выбирает лучшие миры

Правильное Будущее распалось на множество обычных будущих.

Оптимия Максимовна потеряла должность и впервые опоздала на собственную жизнь.

Хром Савельевич пригласил её строить лестницы.

— Я не умею ошибаться, — призналась она.

— Научим. Сначала испортите что-нибудь неважное.

Она сломала часы без секундной стрелки.

Время пошло.

Раст остался в Доме. Он учился не исправлять людей до их просьбы. На первом уроке продержался четыре минуты и получил похвалу от Антонины, что само по себе считалось фантастикой.

Семья вернулась к завтраку.

На столе стояли чашки с трещинами, хлеб был нарезан неровно, Тарас опоздал и принёс чужой сапог.

— Вот теперь дома, — сказал Эраст.

Дом восстановил старую царапину и добавил рядом новую — на память о попытке стать безупречным.

Квадратий проверил карту будущих.

Миры снова расходились свободно. Но над каждым появился маленький золотой знак выбора.

— Это не Лада, — сказала Восьмая. — Кто-то отмечает предпочтительные варианты.

В дверь постучал мальчик в форме почтальона. Он принёс конверт, адресованный «наименее удачной семье из доступных».

Антонина вскрыла.

Внутри лежал список спасённых миров. Возле каждого стояла оценка.

Несходя — семь из десяти.

Самостояния — шесть.

Мир без адреса — «не подлежит объективной проверке».

Внизу была подпись:

«ОЦЕНЩИК РЕАЛЬНОСТЕЙ».

И приписка:

«ВАШИ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИЗНАНЫ НЕДОСТАТОЧНЫМИ. СПАСЁННЫЕ МИРЫ БУДУТ ВОЗВРАЩЕНЫ В СОСТОЯНИЕ ДО ВАШЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА».

Эраст снял очки.

— Он хочет отменить всё, что мы сделали?

Раст прочитал список.

— Хуже. Он хочет сделать это лучше.

За окнами одна за другой начали гаснуть дороги к спасённым мирам.

Дом написал:

«У НАС ПРОВЕРКА».

Антонина взяла красное перо.

— Тогда начнём с замечаний к проверяющему.

Часть тридцать девятая. Проверка спасённых миров

Глава триста восемьдесят первая

Ревизор с весами

Оценщик реальностей прибыл утром.

Его звали Балансир Петрович Мерный. Он носил серый сюртук, пенсне с делениями и складные весы, на которых взвешивал последствия.

— Предъявите спасённые миры, — сказал он.

— Все сразу не поместятся, — ответил Эраст.

— Тогда по степени испорченности.

Антонина подала ему список собственных замечаний. Балансир положил его на весы. Одна чаша пробила стол.

— Субъективно.

— Зато основательно.

Оценщик объяснил правила. Каждый спасённый мир проверят по трём показателям: устойчивость, счастье населения и соответствие первоначальному замыслу.

— Чьему замыслу? — спросила Вера.

— Того, кто оценивает.

— Очень удобный показатель.

Первой вызвали Несходию. Молодой мир вошёл через дверь вместе с дождём, который теперь падал по диагонали из эстетических соображений.

Аська Первая предъявила три устойчивых стула, два семейных спора и собственную конституцию из одного пункта:

«МЫ ЕЩЁ РЕШИМ».

Балансир поморщился.

— Неопределённость. Семь баллов.

— Мы выросли, — сказала Аська.

— До нормы не выросли.

— А норма какого возраста?

Балансир посмотрел в справочник.

Возраст мира там измерялся завершенностью.

Несходия считалась новорождённой, потому что продолжала меняться.

— Вернуть в исходное состояние, — решил Оценщик.

Дождь забыл, куда падать. Стулья снова стали неустойчивыми. Аська начала молодеть.

Эраст схватил весы.

— Проверка окончена.

— Напротив, — сказал Балансир. — Вы только что снизили собственную оценку.

Глава триста восемьдесят вторая

Цена устойчивого стула

Чтобы спасти Несходию второй раз, нельзя было повторять первый способ.

Раст предложил правильное решение: зафиксировать все законы мира раз и навсегда.

— Тогда он станет устойчивым, — сказал он.

— И перестанет быть Несходией, — ответила Вера.

Аська Первая уже превратилась в ребёнка. Она держалась за третий стул, который когда-то подарила семье.

— Я не хочу начинать сначала.

Балансир положил на весы её ошибки. Чаша опустилась.

Потом положил достижения. Весы уравнились.

— Нулевой результат.

— Почему ошибка весит столько же, сколько исправление? — спросила Ника.

— Потому что без ошибки исправление не требовалось бы.

— Но без неё исправления не существовало бы.

Ника поставила на чашу дорогу между ними.

Весы не смогли определить её массу.

Эраст вернул Аське стул.

— Устойчивость не в том, чтобы никогда не шататься. А в том, чтобы знать, за что держаться.

Жители Несходии взялись друг за друга. Мир снова повзрослел — не до нормы, а до себя.

Балансир записал нарушение методики.

Аська заглянула в его журнал.

— А вы когда-нибудь меняли оценку?

— Нет.

— Значит, вы устойчивый или просто неподвижный?

Оценщик закрыл журнал.

Несходии оставили семь баллов.

Она устроила праздник в честь первой неудовлетворительной оценки, которую решила не исправлять.

Глава триста восемьдесят третья

Несамостоятельная Самостояния

В Самостоянии ревизию встретили без помощи.

Жители сами построили проверочную площадку, сами заняли места и сами отказались отвечать на вопросы.

Дана Самосильная показала новый мост. Он держался на двух берегах и официально называл это взаимной независимостью.

— Ваш мир утратил исходный принцип, — сказал Балансир. — Здесь появились сотрудничество, просьбы и общественные лестницы.

— Мы дошли до них самостоятельно, — возразила Дана.

— С помощью Тараса и Миры.

— Они мешали нам по собственной инициативе.

Оценщик поставил шесть баллов и начал возвращать мир в прежнее состояние. Мост отцепился от берегов. Дома перестали поддерживать соседние стены. Люди отказывались предупреждать друг друга о пожаре, чтобы не навязывать информацию.

Тарас поднял ведро.

— Помочь?

— Нет!

— Тогда я тушу свой огонь, который временно находится на вашей крыше.

Старая формула сработала. Дана выстроила жителей в цепочку, и каждый передавал ведро самому себе в ближайшем общественном будущем.

Балансир взвесил зависимость.

Она оказалась легче одиночества.

— Прибор неисправен, — сказал он.

Мира заглянула под чашу. К весам прилип маленький камень из той первой цепочки.

— Нет. Просто последствия уже внутри вашего инструмента.

Балансир попытался снять камень.

Весы не отдали.

Самостояния сохранила шесть баллов и мост.

Дана потребовала снизить оценку до пяти, чтобы решение осталось её собственным.

Глава триста восемьдесят четвёртая

Санаторий без Антонины

Бывшая «Тихая Антонина» снова называлась «Тихой Вечностью».

Жители научились жить без Общественной Тёщи. Получалось не всегда, но советы они теперь давали по очереди.

Балансир проверил уровень счастья.

Прибор показал шестьдесят три процента.

— Недостаточно.

— Для кого? — спросила Антонина.

— Для счастливого мира.

— А остальные тридцать семь процентов чем заняты?

Оказалось: горюют, скучают, сердятся, беспокоятся о детях и иногда едят холодный суп.

— Устранить, — приказал Оценщик.

Санаторий наполнился счастьем. Люди перестали плакать на похоронах, скучать по уехавшим и беспокоиться о близких.

Антонина вошла в процедурный зал и выключила аппарат.

— Вы снизили показатель, — сказал Балансир.

— Я вернула людям причины быть несчастными.

— Это нелогично.

— Человек, который никогда не скучает, никого не ждёт.

Прасковья Тихоновна поставила перед Оценщиком холодный суп.

— Вам нравится?

— Нет.

— Поздравляю. Вы ещё не полностью измерительный прибор.

Балансир отодвинул тарелку.

Прибор счастья показал меньше, но жители снова узнавали друг друга.

Санаторий получил пять баллов и благодарность от тридцати семи процентов населения.

Остальные были заняты жизнью.

Глава триста восемьдесят пятая

Мир без адреса на проверке

Мир без адреса отказался являться.

Балансир пришёл сам и потребовал название объекта.

Ему показали знак двери, ладони и дороги.

— Не подлежит машинному чтению.

— Зато подлежит возвращению, — сказал Квадратий.

Оценщик попытался взвесить население. В корзине оказалось семьсот сорок два камешка, сухой лист и знакомая пуговица.

— Кто снова положил пуговицу?

Никто не признался.

Балансир записал семьсот сорок три жителя.

Впервые пуговицу официально признали населением.

Мать Квадратия принесла хлеб. Никакая позвенела кольцами. Мир назвал себя для каждого по-разному, и весы начали показывать сразу сотни значений.

— Невозможно оценить.

— Именно это вы написали в прошлый раз, — сказала Вера.

— Неоценимость не равна качеству.

— Иногда равна свободе.

Балансир решил вернуть мир к состоянию до вмешательства семьи.

Квадратий встал на дорогу.

— Тогда придётся удалить и меня. Я — последствие этого мира.

Оценщик поднял перо.

Его правила требовали продолжить.

Но рука остановилась.

— Вы препятствуете проверке.

— Я существую. Для некоторых систем это одно и то же.

Балансир впервые оставил графу пустой.

Мир без адреса получил не оценку, а знак вопроса.

Жители устроили праздник в честь первого официального сомнения.

Глава триста восемьдесят шестая

Ошибка в исходном состоянии

Раст изучил журнал Оценщика.

Во всех делах исходное состояние считалось правильным просто потому, что было первым.

— Почему начало лучше продолжения? — спросил он.

— Потому что оно не испорчено вмешательством.

— Начало любой болезни тоже не испорчено лечением.

Балансир не ответил.

Они открыли самое первое дело: мир, спасённый задолго до рождения Эраста и Тараса. По документам его вернули в идеальное исходное состояние.

За дверью была пустота.

Мир ещё не успел возникнуть.

— Где жители? — спросила Ника.

— В исходном состоянии их не существовало.

— Тогда кого вы спасли?

Балансир перелистал страницы. В отчёте значилось: «Отклонения устранены полностью».

Оценщиком того дела был он сам.

— Я выполнил методику.

— И уничтожил мир идеально, — сказал Раст.

Весы заскрипели. На одной чаше лежал безупречный отчёт. На другой — отсутствие миллионов жизней.

Отчёт оказался тяжелее, потому что был прошит и скреплён печатью.

Балансир разбил весы об пол.

Из них выпали чужие последствия, годами застревавшие между чашами: несказанные благодарности, побочные беды, новые дети, старые шрамы и одна недоваренная каша.

— Прибор не измерял последствия, — понял он. — Он измерял документы о них.

— Хороший прибор, — сказала Антонина. — Карьерный.

Глава триста восемьдесят седьмая

Миры дают оценку

Балансир отменил ревизию.

Антонина потребовала продолжить.

— Теперь проверять будем вас.

Спасённые миры собрались в Доме. Несходия принесла неустойчивый стул. Самостояния — общий мост. Санаторий — холодный суп. Мир без адреса — пуговицу, которая уже считала себя гражданкой.

Каждый оценивал вмешательство семьи.

Несходия поставила восемь баллов.

— Почему не десять? — спросил Эраст.

— Чтобы было куда расти.

Самостояния поставила три.

— Мы сами решили, что вы помогли на семь, — пояснила Дана.

Санаторий отказался от числа и подарил Антонине выходной.

Она вернула его как непрактичный.

Мир без адреса поставил знак, который означал одновременно благодарность, претензию и приглашение на хлеб.

Балансир слушал.

— Они оценивают противоречиво.

— Потому что живут противоречиво, — сказала Вера.

Выяснилось: ни один мир не считал себя идеально спасённым. Но ни один не хотел возвращаться назад.

— Спасение не обязано завершать жизнь, — сказал Эраст. — Оно должно вернуть возможность продолжать.

Балансир открыл новый журнал.

Вместо баллов написал:

«МИР СОГЛАСЕН ЖИТЬ С ПОСЛЕДСТВИЯМИ».

Дом одобрительно скрипнул.

Глава триста восемьдесят восьмая

Тот, кто назначил проверку

Отмена ревизии не остановила возврат миров.

Дороги продолжали гаснуть.

— Значит, Балансир не главный, — сказала Мира.

— Оценщики редко главные, — ответил Квадратий. — Главные подписывают критерии и уходят до вопросов.

В журнале нашли золотой знак. Он вёл в Палату окончательных результатов.

Там сидела женщина по имени Итогия Конечновна. Перед ней лежала книга, где у каждой истории был заранее выбран правильный финал.

— Незавершённые миры опасны, — сказала она. — Они могут испортиться после спасения и снизить показатели.

— Поэтому вы возвращаете их к началу?

— Только те, чьё продолжение невозможно гарантировать.

— То есть все живые, — заметил Раст.

Итогия показала идеальный мир. Он был спасён навсегда: никто не менялся, не рисковал и не принимал новых решений.

Жители стояли как счастливые статуи.

— Стабильность сто процентов.

Тарас постучал одной статуе по голове.

— И отзывчивость примерно такая же.

Итогия открыла книгу и начала писать конец Несходии.

Аська Первая исчезла по пояс.

Балансир закрыл книгу рукой.

— Проверка не завершена.

— Вы отстранены.

— Тогда это личное решение.

Квадратий улыбнулся.

— Добро пожаловать в худшую часть службы.

Глава триста восемьдесят девятая

Незаконченный конец

Книгу итогов нельзя было уничтожить. Каждый вырванный лист становился финалом мира.

Восьмая предложила добавить варианты. Лада — закрыть книгу. Дом — спрятать её в комнате, которой нет.

Тарас предложил дописать.

— Иногда худший способ — единственный, который никто не ждёт.

Эраст взял перо и написал после слова «конец»:

«Но утром...»

Статуи идеального мира моргнули.

Вера добавила:

«Однако...»

Аська восстановилась.

Мира написала:

«Если они сами захотят...»

Дороги к спасённым мирам зажглись.

Итогия выхватывала перо, но Дом удлинял стол. Книга отодвигалась всякий раз, когда чиновница считала, что дошла до конца.

Дети заполняли поля вопросами. Хром Савельевич вставлял незаконченные главы. Приют Семёнович сделал обложку временной.

Книга росла.

— У любой истории должен быть итог! — крикнула Итогия.

— Должен, — согласился Эраст. — Но не раньше последней страницы.

— А где последняя?

Тарас перевернул книгу.

Сзади была ещё одна обложка.

— Теперь с этой стороны первая.

Итогия открыла рот.

Из книги вылетели все отложенные продолжения. Они разлетелись по мирам и стали завтрашними днями.

Палата окончательных результатов превратилась в Отдел предварительных выводов.

Точка Фёдоровна назвала это повышением неопределённости.

Глава триста девяностая

Мир просит не спасать

Балансир остался в Отделе предварительных выводов. Теперь он не ставил оценки, а задавал мирам один вопрос:

— Вы хотите продолжать?

Все отвечали по-разному.

Этого оказалось достаточно.

Итогию отправили в отпуск без установленной даты окончания. Она сопротивлялась, пока не поняла, что впервые не знает, чем всё закончится.

Раст исправил старый список. Возле каждого мира написал не балл, а его собственный ответ.

Дом повесил список в коридоре.

Антонина добавила замечания красным пером. Миры признали их стихийным явлением и учитывать отказались.

Семья вернулась к столу.

— Теперь все спасённые миры в безопасности? — спросила Полина.

— До следующей жизни, — ответила Вера.

В дверь постучали.

За ней стоял маленький мир размером с комнату. У него были одно солнце, две горы и очень усталое море. Мир держал табличку:

«МЕНЯ НЕ НАДО СПАСАТЬ».

Эраст прочитал дважды.

— Тогда зачем вы пришли?

Мир перевернул табличку.

«МНЕ НУЖНО, ЧТОБЫ ВЫ НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛИЛИ МЕНЯ СПАСТИ».

За ним появились армии спасателей: герои, пророки, реформаторы, волшебники и благотворительный дракон с подписным листом.

— Мы принесли счастье! — объявили они.

Маленький мир спрятался за Антониной.

Она засучила рукава.

— Счастье принесли? Чек сохранили?
Дом закрыл дверь перед спасателями.
Снаружи начали строить таран из добрых намерений.
На стене появилось:
«ОНИ ОЧЕНЬ ХОТЯТ ПОМОЧЬ».
— Тем более опасны, — сказал Эраст.

Часть сороковая. Не спасайте этот мир
Глава триста девяносто первая
Таран добрых намерений
Спасатели били в дверь тараном.
Таран был изготовлен из обещаний, жертвований и чужой уверенности. На боку золотыми буквами значилось: «МЫ ЛУЧШЕ ЗНАЕМ».

Маленький мир прятался за Антониной. Его море плескалось у неё возле левого ботинка, а солнце спряталось в складках юбки.

— Имя есть? — спросил Эраст.

Мир поднял табличку:

«ТИШИНА».

— Это название?

«ПРОСЬБА».

Дверь содрогнулась. Благотворительный дракон просунул в щель анкету добровольного счастья.

— Подпишите согласие! — крикнул он. — Если не подпишете, мы поймём, что вы слишком несчастны, чтобы принимать решения.

Квадратий прочитал мелкий шрифт.

— Согласие без возможности отказа.

— Международный стандарт заботы!

Антонина порвала анкету.

— Забота начинается не с подписи. Она начинается с вопроса, нужен ли чай.

Маленький мир показал вторую табличку:

«ЧАЙ НУЖЕН».

Дом создал чашку размером с озеро. Мир отпил берегом.

Снаружи спасатели перечисляли угрозы: в Тишине слишком маленькие горы, море устаёт, солнце одно, население не обнаружено.

— А население есть? — спросила Вера.

Из-за горы выглянул один человек. Потом второй. Потом целая деревня, которая отлично умела не обнаруживаться.

Их староста представился Скромом Никаноровичем.

— Нас спасали уже одиннадцать раз, — сказал он. — Каждый спаситель оставлял нам новое счастье и старые расходы.

— Чего вы хотите от нас?

— Пойдите у двери. Больше ничего.

Тарас вздохнул.

— Самая трудная операция.

Глава триста девяносто вторая

Одиннадцать спасений

Первый спаситель подарил Тишине вечное лето.

Засохли зимние колодцы.

Второй вернул зиму. Она не закончилась три года.

Третий победил бедность, превратив всех жителей в богачей. Работать стало некому, и богатые начали занимать друг у друга хлеб.

Четвёртый отменил войны. Оружие превратилось в музыкальные инструменты, после чего два княжества двадцать лет выясняли отношения барабанами.

— А остальные? — спросила Ника.

— Исправляли предыдущих, — ответил Скром.

Одиннадцатым был Главный Спасатель — сияющий герой Благородий Всеблагович. Именно он сейчас руководил тараном.

— Я обещал сделать Тишину счастливейшим миром! — кричал он. — Не могу отступить и подвести пожертвовавших!

— Значит, спасаете не мир, а собственное обещание, — сказала Мира.

Раст изучил проекты. Каждый был разумен отдельно. Вместе они превращали Тишину в склад несовместимых улучшений.

В одном лесу деревья давали плоды круглый год, поэтому не успевали цвести. Река была очищена так тщательно, что в ней не осталось рыб. Больница лечила заранее и выписывала здоровым людям воспоминания о перенесённых болезнях.

— Почему вы не отказались раньше? — спросил Эраст.

Скром показал памятник первым спасителям.

— Неблагодарность у нас считалась преступлением.

Антонина подошла к памятнику и повесила табличку:

«СПАСИБО. БОЛЬШЕ НЕ НАДО».

Жители долго смотрели.

Потом один добавил цветок.

Другой — счёт за ремонт.

Третий просто ушёл.

Впервые благодарность перестала означать вечное согласие.

Глава триста девяносто третья

Осада счастьем

Благородий окружил Дом лагерем помощи.

Волшебники раздавали улучшенные судьбы. Пророки предсказывали только хорошее. Реформаторы меняли правила быстрее, чем жители успевали их нарушить.

— Через сутки Тишина будет спасена принудительно, — объявил Благородий. — Ради её же безопасности.

Дом ответил:

«НЕ ВПУЩУ».

— Вы препятствуете добру!

«ОНО БЕЗ ПРИГЛАШЕНИЯ».

Спасатели начали строить обходную дверь. Дверина разобрала её петли. Они построили окно. Дом повесил занавеску. Благотворительный дракон полез через дымоход и застрял рядом с чайником.

Тарас предложил отбиваться.

— Тогда они станут жертвами и получают моральное подкрепление, — сказал Эраст.

Мира предложила переговоры.

— Тогда они решат, что мы обсуждаем форму спасения, а не отказ.

Раст нашёл решение, которое его идеальная версия никогда бы не выбрала.

— Нужно ничего не делать.

Все посмотрели на него с уважением. Особенно Тарас.

Семья села у двери.

Спасатели кричали, убеждали, демонстрировали катастрофы, которые обязательно произойдут без них. Никто не отвечал.

Через час пророки начали предсказывать друг другу. Через два реформаторы реформировали лагерь. Через три герои спасли таран от износа и случайно превратили его в беседку.

Благородий остался перед дверью один.

— Вы не понимаете! Без меня мир может погибнуть!

Скром ответил из-за стены:

— Может.

— И вас это устраивает?

— Нет. Но это будет наша жизнь, а не ваш памятник.

Глава триста девяносто четвёртая

Право на риск

Благородий потребовал суда.

Точка Фёдоровна Последняя приехала с многоточием и складным молотком.

— Иск?

— Мир отказывается от гарантированного спасения.

— Ответчик?

Тишина подняла табличку:

«Я».

Благородий доказывал, что сильный обязан защищать слабого, даже если слабый не понимает опасности.

— А кто определяет слабость? — спросила Вера.

— Тот, кто способен спасти.

— Значит, ваша сила сама выдаёт вам разрешение?

Герой задумался. До сих пор этот круг казался ему добродетельным.

Суд заслушал море. Оно устало, но не хотело, чтобы его заменяли новым. Горы были низкими и гордились тем, что на них легко поднимались дети. Единственное солнце призналось, что иногда опаздывает, зато его ждут.

— Мы можем ошибиться, отказавшись, — сказал Скром. — Но согласие без права ошибиться не является согласием.

Точка поставила многоточие.

— Мир имеет право на риск, если последствия не навязываются другим мирам.

— А если он погибнет? — спросил Благородий.

— Тогда ему снова смогут предложить помощь. Предложить.

Судья подчеркнула последнее слово.

Дом открыл дверь лагерю спасателей.

Не для входа.

Для выхода.

Глава триста девяносто пятая

Герой без мира

Спасатели разошлись.

Благородий остался.

Без мира, который надо спасать, он не знал, кто он. Его сияющие доспехи тускнели. Плащ перестал развеиваться и честно повис.

— Я всю жизнь помогал, — сказал он.

— Вас просили? — спросила Антонина.

— Иногда.

— А в остальных случаях?

— Потом благодарили.

— До или после памятника?

Благородий снял шлем.

Под ним оказался усталый мужчина по имени Боря. Он боялся обычного имени и жизни, в которой никто не аплодирует.

Приют Семёнович предложил ему крышу.

— Кому там помогать?

— Сначала себе.

— А потом?

— Спросите у соседей.

Боря поселился во временной комнате. В первый день он починил всё без разрешения и получил три жалобы. Во второй спросил, кому нужна помощь, и не получил ни одной просьбы. На третий к нему пришла старуха с поломанной тележкой.

— Починишь?

Боря просиял.

— Конечно!

— Сначала скажи цену.

— Бесплатно.

— Тогда не доверяю. Бесплатное потом дорого благодарить.

Они торговались на чашке чая.

Боря починил тележку и не спас старуху ни от возраста, ни от характера.

Впервые помощь оказалась ровно нужного размера.

Глава триста девяносто шестая

Последнее спасение Эраста

Тишина собралась уходить.

Перед дверью её море вдруг обмелело. Не от вмешательства — просто пришло время старого природного цикла.

Жители испугались.

— Вы можете помочь? — спросил Скрам.

Эраст не ответил сразу.

Раньше он бросился бы спасать. После всех испытаний боялся навязать решение.

— Что именно вы хотите сохранить?

— Не море любой ценой. Возможность решить, как жить дальше.

Мира исследовала берега. Вера поговорила с солнцем. Тарас нашёл подземную реку, открыв дверь с надписью «ВОДЫ НЕТ».

— Предупреждения стали слишком хитрыми, — пожаловался он.

Семья предложила три варианта. Перенести деревню. Открыть реку. Ничего не делать и приспособиться к пустыне.

Жители спорили всю ночь.

Утром выбрали четвёртое: открыть реку наполовину и переселить тех, кто хочет жить у воды. Остальные останутся у нового солёного поля.

— Это не самое эффективное решение, — сказал Раст.

— Зато их, — ответил Эраст.

Они открыли реку вместе с жителями. Море вернулось не целиком. На месте ушедшей воды выросли белые сады.

Тишина поблагодарила.

Потом спросила:

— Вы уйдёте?

— Да, — сказал Эраст.

Это и было его последним спасением: он ушёл вовремя.

Глава триста девяносто седьмая
Дом закрывает контору
После возвращения Дом снял вывеску «ШТАБ СПАСЕНИЯ МИРОВ».
На её месте написал:
«ДОМ».

— И всё? — спросил Тарас.

«ЭТО МНОГО».

Комнаты, служившие штабами, складами артефактов и временными посольствами, снова стали жилыми. Карты миров Дом сложил в ящик, но не запер: помощь могла понадобиться, только теперь она должна была начинаться со стука с обеих сторон.

Квадратий преобразовал Службу неточных адресов в маленькое бюро потерявшихся дорог. Балансир проверял не результаты, а согласие. Точка Фёдоровна ушла в отпуск, оставив многоточие на случай незавершённых споров.

Раст отправился с Хромом Савельевичем строить мосты, которые можно совершенствовать, не заменяя тех, кто по ним ходит.

— Вернёшься? — спросил Эраст.

— Если постучу.

— Откроем.

Яр и Лада прислали письмо из третьего будущего. Они путешествовали и временами ошибались. Лада подчёркивала последнее слово как достижение.

Семь тёщ разъехались по своим мирам. Восьмая выбрала первую настоящую жизнь и открыла школу непринятых решений.

Антонина оглядела опустевший коридор.

— Слишком тихо.

Дом написал:

«ЭТО ВРЕМЕННО».

— Надеюсь.

Дом зачеркнул фразу и написал:

«БОЮСЬ».

Глава триста девяносто восьмая

Разговор без конца света

Эраст и Вера впервые остались вдвоём без приближающейся катастрофы.

Они сидели на кухне и не знали, о чём говорить.

— Как прошёл день? — спросил Эраст.

— Никто не пытался отменить будущее.

— У меня тоже.

Наступила тишина.

— Странно, — сказала Вера. — Мы умеем вместе спасать миры. А просто жить ещё не пробовали.

— Начнём с малого.

Он поставил чайник.

Чайник не оказался порталом, пророчеством или родственником. Просто закипел.

Тарас и Мира тоже пытались провести спокойный вечер. Тарас не открыл ни одной запретной двери. Поэтому двери начали открываться сами, проверяя его здоровье.

— Не сегодня, — сказал он.

Двери закрылись.

Мира посмотрела с уважением.

— Ты взрослеешь.

— Не говори никому. Репутация пострадает.

Антонина сидела у себя. Дом создал ей комнату без людей, нуждающихся в совете.
Она продержалась целый час.

Потом написала дочери записку:

«Я РЯДОМ. НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ОТВЕЧАТЬ».

Вера ответила:

«ЗНАЮ».

Для обеих это был длинный разговор.

Глава триста девяносто девятая

Знакомство состоялось

Дом устроил семейный ужин.

Пришли все, кто мог: Софья и Фёдор, Ника, Игнат, Костя, Полина, Великсар, Прасковья Тихоновна, Тихон Неразрешённый, Дверина, Квадратий с матерью, Раст, Приют Семёнович, Яр и Лада из будущего.

Семь тёщ явились по очереди, как обещали. Восьмая принесла пирог, который могла не испечь, но испекла.

За столом хватило места. Дом научился расширяться без поглощения соседних миров.

Антонина подняла чашку.

— Когда мы познакомились, Эраст пытался спасти мир.

— И избежать знакомства, — напомнила Вера.

— Разумная осторожность, — сказал Эраст.

— Не помогла. С тех пор он спасал миры, женился, спорил со Вселенной, воспитывал Дом и пережил восемь тёщ.

— Семь с половиной, — возразила Восьмая. — Я ещё определяюсь.

— Главное, — продолжила Антонина, — он наконец понял: семью нельзя спасти один раз. Её вообще не надо спасать без спроса. Её надо выбирать снова.

Эраст встал.

— Антонина Ладовна, я рад, что познакомился с вами.

Все замолчали.

Дом проверил окна на признаки конца света.

— Добровольно? — спросила Антонина.

— Сейчас — да.

— Тогда знакомство состоялось.

Она обняла зятя.

Недолго, чтобы не разрушать его образ осторожного человека.

Глава четырёхсотая

Мир, который остаётся

Утром никто не постучал.

Ни один мир не требовал спасения. Ни одна дверь не горела. Будущее не присылало родственников, прошлое не подавало исков.

Дом открыл окна.

За ними был обычный день.

Эраст вышел на крыльцо. Вера села рядом. Тарас раскрыл зонт от ясного неба, потому что привычки тоже имеют право на продолжение. Мира не стала отбирать.

Антонина принесла чай.

— Что будем делать? — спросила Ника.

— Жить, — ответил Эраст.

— А если кому-то понадобится помощь?

— Постучат.

На дальней дороге появился путник. Он остановился у калитки, посмотрел на Дом и не решился войти.

Дом не открыл дверь сам.

Эраст подошёл ближе.

— Вам помочь?

Путник подумал.

— Нет. Просто хотел узнать дорогу.

Тарас показал в три разные стороны.

— Какая вам больше нравится?

Путник выбрал четвёртую и пошёл через поле.

Никто не остановил.

Дом написал на стене:

«МЫ НЕ СПАСЛИ ЕГО».

— Молодцы, — сказала Антонина.

Потом посмотрела на Эраста.

— Но шарф всё-таки надень.

— Я взрослый человек.

— Именно поэтому напоминаю, а не надеваю сама.

Он надел шарф.

Не потому, что она была права.

И не потому, что она была тёщей.

Просто на улице действительно стало прохладно.

Дом закрыл дверь — не навсегда, а до следующего стука.

На косяке осталась последняя надпись:

*«МИР СПАСЁН НЕ ТОГДА, КОГДА В НЁМ ВСЁ ПРАВИЛЬНО. А ТОГДА, КОГДА ОН
МОЖЕТ ПРОДОЛЖАТЬ САМ».*

Тарас прочитал и добавил мелом:

«И КОГДА ТЁЩА ДОВОЛЬНА».

Антонина исправила:

«ПОЧТИ ДОВОЛЬНА».

Дом согласился.

Конец